Национальная академия наук Беларуси
Институт философии НАН Беларуси

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития

Материалы
Пятой международной научной конференции
(19–20 ноября 2020 года, г. Минск)

В трех томах
Том 3

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2020

УДК [1+008](476)(082)
ББК 87.3(4Беи)я43
И73

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии НАН Беларуси
(протокол № 11 от 29.10.2020 г.)

Редакционная коллегия:
А. А. Лазаревич (председатель), А. Ю. Дудчик (зам. председателя),
Т. И. Адуло, С. Г. Доронина, В. Б. Еворовский, С. И. Санько,
М. Б. Завадский (секретарь), А. О. Карасевич, Е. А. Круподеря,
Н. Н. Куксачёв, И. М. Новик, Е. П. Саковский

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор *Ч. С. Кирвель*
доктор социологических наук, кандидат юридических наук,
профессор *Н. А. Барановский*

И73 **Интеллектуальная** культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития : материалы Пятой междунар. науч. конф. (19–20 ноября 2020 г., г. Минск). В 3 т. Т. 3 / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2020. – 353 с.

ISBN 978-985-581-433-8 (т. 3).

Сборник в трех томах содержит тексты докладов и выступлений, включенных в программу работы Пятой международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития» (Республика Беларусь, г. Минск, 19–20 ноября 2020 года). Материалы раскрывают роль духовно-нравственных традиций в обеспечении устойчивого инновационного развития Республики Беларусь, выявляют главные направления исследований и факторы, позволяющие более эффективно использовать их результаты для выработки практических решений по гармонизации общественных процессов.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, специалистов органов государственной власти и управления, представителей общественных структур, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех интересующихся проблемами современной философии и гуманитарных наук.

УДК [1+008](476)(082)
ББК 87.3(4Беи)я43

ISBN 978-985-581-433-8 (т. 3)
ISBN 978-985-581-430-7

© ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», 2020
© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 10

Раздел 3 Взаимосвязь традиций и инноваций в контексте гуманитарной безопасности 11

А. А. Адамов Визуальная грамотность в контексте медиатизации культуры 11

З. А. Аксютина Методологическая культура и плагиат 13

М. В. Анцыповіч Узаемасувязь традыцый і навацый у культуры 17

С. А. Афанасьева Права человека в условиях цифрового общества 19

M. Bălan, S. M. Stănescu Current challenges in providing humanitarian security for vulnerable youth 23

В. В. Балановский Этические и технические границы применения систем искусственного интеллекта в судопроизводстве 25

Ю. Л. Баньковская Сетевое управление как основа национальной безопасности 28

М. В. Бейлин Экспертиза как сфера оценочной деятельности в социокультурной реальности 31

И. А. Бирич Противоречия инновационного развития с точки зрения глобальных проблем современности 35

Л. М. Богатова Цифровизация интеллектуальной культуры: иллюзия прогресса? 38

M. Bulearcă Gas market reforms amid the COVID–19 pandemic 42

О. В. Бурак Формирование смысложизненных ориентаций личности в условиях информационного общества 45

П. М. Бурак Дислокация коэволюционной экспансии и безопасность в генерировании ресурсов социокультурного бытия человека и общества .. 48

С. А. Бурьянов Международно признанное право на свободу совести в условиях цифровой глобализации 51

М. К. Буслова Концепции глобализации и устойчивого развития в описании социальных трансформаций 55

Г. В. Ваныкина, Т. О. Сундукова Философия будущего информационного общества: от цифровизации бытия к оцифровке сознания 58

В. Н. Ватыль Информационное противоборство в контексте гуманитарной безопасности страны: концепт "цветная революция" 61

О. А. Вашко, Х. Висмет, И. М. Вашко Формирование и развитие экоситсемы инноваций 64

С. В. Венидиктов Кризис информационного пространства и противодействие манипуляции 67

L-I. Georgescu Waste generation and recycling – an issue of education and civilization 70

Н. Ф. Гребень Родной язык и этнические особенности белорусов..... 72

А. В. Даниленко Новые вызовы жизнедеятельности человека в условиях пандемии: возможности поэзиотерапии и творчества в виртуальной реальности 76

А. И. Демина Категория воображения в семиотической теории творчества..... 79

Г. Ж. Джуманова Ценностный фактор национальной безопасности 83

Н. А. Елсукова Беларусь: движение от информатизации к цифровизации 86

А. В. Жабров Особенности гуманитарного образования в условиях пандемии..... 89

Т. В. Жмакина Роль аргументации в политическом контексте 92

М. Б. Завадский Интеллектуальный капитал: позиции и подходы 95

Е. В. Згировская Духовно-нравственные и мировоззренческие ценности коучинга как новой социально-гуманитарной технологии 99

Л. М. Злотникова Интеллектуальный "идиотизм" как форма поведения человека толпы..... 102

А. Г. Иваницкая Идея свободы и принцип автономии личности: точки соприкосновения 105

Э. М. Иззетова Наука и инновационно-цифровые технологии: факторы трасформации бытия человека и общества 108

В. А. Иноземцев, М. Л. Ивлева Вызовы цифрового общества: тенденции формирования новой социальной реальности..... 111

С. Т. Кавецкий, П. П. Крусь Некоторые особенности аномических проявлений в трансформационный период 114

Б. Кадиров Значение человеческого капитала в развитии Узбекистана..... 117

Э. Ю. Калинин Норма, девиантность, экстремальность: философско-методологичекий подход 120

С. В. Кирпич Духовно-нравственные ценности как фактор безопасности жизнедеятельности человека и общества 123

Г. К. Киселевская Об определении в законодательстве Республики Беларусь понятия "культура" 126

А. И. Климович, Т. Л. Доморацкая Этические основания деятельности судебно-медицинского эксперта 129

Н. М. Кожич Задачи православной духовной школы в современной Беларуси..... 132

С. А. Колдыбаев COVID и социальное дистанцирование людей..... 135

К. К. Колин Интеллектуальная культура и когнитивная безопасность.. 138

А. Г. Косиченко Духовная безопасность Республики Казахстан: сущность и преодоление возникающих угроз..... 142

О. Ю. Кравцов Прогнозирование рисков и угроз для Беларуси и России с позиции мир-системного анализа 145

Т. В. Купчинова Мобильные технологии в контексте цифровой трансформации общества 147

Н. А. Кутузова, М. Л. Рыбаков Эффективность проектов белорусской диаспоры: методология экспертизы..... 150

Р. С. Лаво Противоречия социально-гуманитарного развития в условиях цифровизации современного общества 154

М. Я. Мацевич, В. В. Валейтенок Обратная сторона "креативной индустрии"..... 156

Л. Ф. Мирзазаде Человеческий фактор в нефтегазовой сфере Азербайджана..... 160

В. С. Морару Медиатизация политики: необходимость комплексного подхода 164

Б. А. Ночвина Историческая память как фактор обеспечения гуманитарной безопасности в условиях формирования "нового мирового порядка" 169

C. Neagu, S. Ciumac Approaches of sustainable development in the coal mining industry 171

Л. В. Павлова Перспективы совершенствования охранительного законодательства с учетом современных биомедицинских технологий .. 174

В. В. Подкопаев, Е. Е. Орлова Актуальные направления развития договорно-правовой базы Национальной академии наук Беларуси в целях расширения экспортно-ориентированного сотрудничества с зарубежными партнерами 177

А. Д. Полежаева, И. Ю. Кархова О принципах оптимизации таможенной логистики и особенностях их реализации на практике: культурно-экономическое осмысление 182

А. А. Ражкоў Тэатральная антрапалогія А. Г. Дугіна і віртуальная рэчаіснасць 185

Э. И. Рудковский, Е. Э. Рудковская Феномен границы в глобализирующемся мире: социокультурный контекст 189

I. Rusandu, V. Sterpu Democracy in the conditions of the COVID-19 pandemic in the Republic of Moldova: analysis and synthesis 191

И. В. Сабирзянова Аксиологические основания гуманитарной безопасности в ситуации цифровых вызовов цивилизации 194

А. Я. Сарна Граффити как публичная арена письма 198

C. Sima Environment and quality of life – past and present debates..... 200

А. И. Смолик Культурологическая экспертиза: сущность и содержание 202

Т. М. Смоликова Технологии в политических коммуникациях: социальные сети, чат-боты, блокчейн-технологии 205

Д. А. Смоляков Интернационализация высшего образования в геополитической перспективе 208

В. У. Старасценка Рэлігіязнаўчыя аспекты гуманітарнай галіны нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь 211

В. К. Степанюк Культура как механизм стабилизации социума..... 214

А. И. Субетто Выход на арену истории ноосферной диалектики..... 217

Т. О. Сундукова, Г. В. Ваныкина Общество 5.0: выход за пределы концепции Индустрия 4.0 219

А. С. Тимощук Новациозм, развитие и перспективы человека в философии В. А. Кутырева 222

А. Д. Урсул, Т. А. Урсул Устойчивое развитие и цифровизация: проблема их взаимосвязи в образовании..... 225

О. И. Уткевич Традиционные ценности как основа гносеологического единства народа..... 228

С. В. Хамутовская Социальные цели Республики Беларусь в "зеркале" общественного мнения 231

Ф. И. Храмцова, А. И. Терехова Защитные механизмы социально-экономического развития Республики Беларусь в условиях фактора COVID-19 235

И. А. Червинская Политика защиты белорусских экспортеров: теоретические основы и концептуальные предпосылки 239

В. М. Чернышова К вопросу о понятии киберпространства как фактора эволюции государственного суверенитета 242

В. И. Чуешов, Т. В. Жмакина Некоторые аспекты аргументологической модели национально-государственной идентичности 245

В. Н. Шаповал Нравственные аспекты дигитализации 249

Н. О. Щупленков Российский государственный патриотизм: кризисное восприятие в системе сциентизма и техницизма 252

О. В. Щупленков Архитектоника кризиса психологии западной цивилизации 255

Е. В. Юшкевич Информационные технологии в системе дополнительного образования детей дошкольного и младшего школьного возраста..... 259

С. Л. Яблочников, И. О. Яблочникова К вопросу о противоречиях и приоритетах социально-гуманитарного развития в условиях цифрового общества 262

Ю. А. Яроцкая Киберпространство и его угрозы для детей 266

Круглый стол «Сознательное творение истории: К 200-летию со дня рождения Фридриха Энгельса» 270

Т. И. Адуло От критической рефлексии сущего к выяснению истоков социального зла: эволюция мировидения Фридриха Энгельса 270

Л. А. Зеленов, А. А. Владимиров Фридрих Энгельс – последовательный диалектик (уроки истории) 275

Л. Е. Криштапович Марксизм о "гражданском" обществе (К 200-летию со дня рождения Фридриха Энгельса) 276

В. Т. Новиков, О. В. Новикова Интерпретация феномена социальной революции Ф. Энгельсом и современные реалии 281

В. П. Пашков Понятие "сила" в работе Фридриха Энгельса "Диалектика природы" 284

Е. А. Толкачев 4-й Рим: естествознание в мире духов и / или постнеклассическая наука 287

Круглый стол «Общество в эпоху биокапитализма: антропологические, этические, гендерные вызовы»..... 291

А. В. Антипов Дениализм и границы автономии в условиях пандемии 291

В. П. Веряскина Биокапитализм: тенденции трансформации человеческой жизни 292

О. И. Давыдик Сообщество во время пандемии и трансформации политического в условиях биокапитализма 296

Н. С. Ильюшенко Темпоральная организация повседневной жизни женщин в ситуации пандемии 298

Т. В. Мишаткина Биоэтическая конфигурация актуальных направлений современной биомедицины 301

С. Ю. Шевченко Это странное слово "безопасность": биокапитализм, пандемия и дениализм 304

Круглый стол «Этика войны и религиозная культура: история взаимовлияния»..... 307

Н. А. Балаклеец Постгероизм и войны современности 307

Petar Bojanić Russian ethics of war: violence and “counter-violence” 310

Г. А. Ведерников Моральный опыт операторов беспилотных летательных аппаратов 313

А. М. Давлетшина Первая мировая война в опыте русской военной эмиграции: этический аспект 315

А. Ю. Дудчик Эскиз "этики войны" в белорусской советской интеллектуальной культуре..... 317

Д. М. Латышев Образ полкового священника на страницах газеты "Уральский рабочий" 1924 года..... 320

А. С. Луньков Этика возмездия в дискурсе русской военной журналистики в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов 323

А. С. Меньшиков Тотальное насилие: этика войны в контексте теории модерности 326

А. Д. Назаров Некоторые замечания о восстаниях готских переселенцев в Восточной Римской империи в конце IV–V веков..... 330

И. Н. Сидоренко Постнеклассическая рациональность войны..... 333

Д. М. Султанов Исследование военной повседневности рядовых солдат Первой мировой войны: методологический ресурс подхода А. Людтке.. 336

Е. С. Черепанова Переживание смерти на войне: экзистенциальная трактовка связи нравственных ценностей и религиозной культуры 339

Сведения об авторах 343

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Международная научная конференция «Интеллектуальная культура Беларуси – V: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития» продолжает традицию ежегодных научно-практических форумов в стенах Института философии НАН Беларуси, приуроченных к Всемирному дню философии ЮНЕСКО и посвященных раскрытию и популяризации для мирового сообщества интеллектуальной культуры Беларуси, ее философской и общественно-политической мысли, науки и образования.

Проблематика конференции 2020 года связана с раскрытием роли духовно-нравственных традиций в обеспечении устойчивого инновационного развития Республики Беларусь. Актуальность названной темы обусловлена тем, что современное белорусское общество вступило в фазу кардинальных социально-экономических трансформаций, сопряженных с внедрением новых технологий, невиданным распространением электронных средств коммуникаций, расширением взаимодействия культур. Все эти процессы требуют глубокого философско-теоретического анализа, осмысления их онтологических и гносеологических оснований, выявления их этико-аксиологических и социально-психологических аспектов, определения перспектив социокультурного развития.

С этой целью был организован предметный диалог представителей научного сообщества, работников сферы культуры, образования, органов государственной власти и управления. Он проходил в виде пленарного заседания, работы трех секций: «Современная наука как синтез гуманистически ориентированного знания и технологических инноваций», «Духовно-нравственные ценности в системе культуры», «Взаимосвязь традиций и инноваций в контексте гуманитарной безопасности» и пяти круглых столов: «Гегель и гегельянство: история, рецепции, критика», посвящённый 250-летию со дня рождения Г. В.Ф. Гегеля и 200-летию публикации «Философии права» («Grundlinien der Philosophie des Rechts»), «Сознательное творение истории: К 200-летию со дня рождения Фридриха Энгельса», «Владимир Короткевич и новая белорусская идентичность конца XX – начала XXI ст.», «Общество в эпоху биокапитализма: антропологические, этические, гендерные вызовы», «Этика войны и религиозная культура: история взаимовлияния».

Полагаем, что публикуемые материалы станут определенным вкладом гуманитариев в теоретическое осмысление современных общественных процессов и разработку конкретных предложений по их гуманизации.

Раздел 3 ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ВИЗУАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕДИАТИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

А. А. Адамов

С помощью видео – и фотокамер человек фиксирует образы из окружающего мира, технические средства выступают пособниками видения. Силами технических средств аудиовизуальная информация наделяется гибкими динамическими свойствами: передается, трансформируется, сжимается и репрезентируется. Владение специфической, важной или особенной информацией становится приоритетным в разных областях, а угроза перенасыщения ею является по-настоящему ощутимой и даже опасной. Эти факты свидетельствуют о том, что взаимодействие с информацией является ключевым фактором современной жизни человека.

Тенденции трансформации визуальной культуры распространяются и на формирование нового субъекта (пользователя), его идентичности. Одной из острейших проблем расширяющейся медиареальности становится поиск моделей поведения пользователя, которые бы позволили справляться с лавинообразным предложением визуальной информации, критически ее осмысливать, с учетом сенсационных заявлений и вирусного контента. В поисках данных моделей опасным выглядит приближение к точке перенасыщения или, иначе говоря, кипения, когда восприятие становится безразличным к любой информационной повестке или восприимчивым к острому воздействию. Пользователь включен непосредственным образов в эту повестку и, более того, сам на нее влияет.

Визуальная грамотность, как направление исследований, получила свое становление в русле медиаобразования в середине XX века в США. Образовательные учреждения, по мнению разработчиков данной концепции, должны обучать невербальным способам коммуникации, умению анализировать и интерпретировать визуальные тексты. Само же понятие впервые сформулировано Дж. Дебсом на первой национальной конференции по вопросам визуальной грамотности (Рочестер, США) в 1969 года [1], который обозначал с его помощью ряд компетенций

человека, развиваемых через зрение и другие органы чувств и необходимых для становления грамотной личности.

Такая трактовка понятия «визуальная грамотность» интересна по причине включения в процесс образования не только зрительного канала, но и аудиального, и тактильного. Р. Баден и Дж. Хортин [2] с помощью визуальной грамотности описывали способность понимать и использовать изображения, способность познавать мир во всей широте образов. С такой позиции актуализируется мировоззренческий подход в процессе становления визуально грамотного субъекта. Н. Симбирцева определяет визуальную грамотность посредствам сочетания трех элементов: процесса коммуникации между объектом и субъектом восприятия; особенностей взаимодействия зрительных образов с субъектом восприятия; умения субъекта адекватно воспринимать и продуцировать зрительные образы в культуротворческой деятельности [3].

Визуальная грамотность актуализируется с учетом тех вызовов времени, которые обусловлены трансформацией медиасреды. К их числу можно отнести: информационное загрязнение и визуальный шум; эстетизацию повседневности как запрос на самопрезентацию; медиазависимость как потребность в экспоненциальном потреблении образов; доминирование сенсационной повестки; информационный разрыв (как социально неравномерный доступ к информации) и манипуляция сознанием; риски, возникающие в результате появления инновационных моделей трансляции контента и выражающиеся в слабой проработанности механизмов контроля / самообразования (обновление техники и программ, информационная безопасность и защита персональных данных).

Визуальную грамотность на микроуровне, т. е. персонализированном или индивидуальном, можно проанализировать в нескольких перспективах. Первая предполагает разговор о способах качественного видения, условно говоря, как видеть лучше. Здесь актуализируются стратегии формирования внимательности, заинтересованности в освоении мира образов. О второй можно говорить посредством реализации способов интерпретации, осмысления, анализа визуальных образов и других операций познавательной активности. Данный вектор возвещает о формировании критической позиции наблюдателя, вовлеченности в процессы преобразования окружающей среды на индивидуальном уровне. Третья перспектива раскрывается в реализации индивидуального креативного потенциала, в освоении грамотной работы с визуальным образом. Новые медиа предоставляют широкий доступ к работе с визуальной информацией, механизмы обработки и трансляции контента, что наделяет каждого пользователя способностью быть увиденным. Это значит, что на каждом участнике лежит определенная ответственность.

Следует подчеркнуть, что становление визуально грамотной личности в процессе медиаобразования могут быть выражены в

реализации следующих стратегий:

– развитие способностей субъекта проявлять гибкость, открытость в процессе восприятия визуального образа;

– прокладывание путей к качественному восприятию, осмыслению, интерпретации, рефлексии применительно к образу и самому процессу восприятия;

– формирование умения ориентироваться в пространстве медиа в поиске информации (фильтрация, отбор, структурирование и др.);

– обеспечение информационной безопасности, критического позиционирования и защиты от нежелательного контента;

– стимулирование творческого потенциала как способности к самопрезентации в медиапространстве, соучастию.

Итак, отметим, что медиа различной природы борются за внимание зрителя. Внимание становится важнейшим ресурсом в современности, а менеджмент внимания – отдельной дисциплиной и вектором организации личного поведения. Во всей своей устремленности на освоение мира образов ряд вышеизложенных компетенций нацелен на субъекта, которому небезразлична природа медиа и его место в медиасреде. И речь даже не о работниках сфер визуального производства (дизайн, реклама, архитектура), а о пользователе как соучастнике преобразования медиаландшафта. Чтобы действовать осмысленно, быть включенным в эту деятельность необходимо качественно новое поведение, исключающее осознанную пассивность и незаинтересованность. Определением для ряда компетенций, в которых реализуется данная стратегия восприятия и анализа медиатекстов, может стать визуальная грамотность.

Литература и источники

1. Debes, J. The loom of visual literacy: an overview / J. Debes // Audiovisual Instruction. –1969. – P. 25–27.

2. Braden, R. A. Identifying the heoretical Foundations of Visual Literacy / R. A. Braden, J. A. Hortin // Journal of Visual Verbal Languaging. – 1982. – No 2. – P. 37–42.

3. Симбирцева, Н. А. Визуальное в современной культуре: к вопросу о визуальной грамотности / Н. А. Симбирцева // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4 (46). – С. 230–233.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПЛАГИАТ

З. А. Аксютина

В последние годы наблюдается стремительное изменение мира, ускорение и прозрачность информационных потоков, что связывается с наличием Интернета. Более жестко задаются задачи научной деятельности

в нормативных документах федерального уровня. Так, в «Стратегии инновационного развития Российской Федерации» на период до 2020 г. предусмотрено увеличение доли публикаций в мировых научных журналах, количества цитирований и количества вузов, входящих в мировой рейтинг университетов [1]. Формируются требования, предъявляемые к профессорско-преподавательскому составу вузов, связанные с необходимостью публикационной активности, породившие и негативные явления. Недобросовестность в научных исследованиях, плагиат, дублирование собственных публикаций вызывает тревогу научного сообщества как в нашей стране, так и за ее пределами.

Российская научная действительность дает обширный материал для анализа процесса формирования методологической культуры ученых. Можно обнаружить целый арсенал «серых» технологий, связанных с трансформацией процесса формирования и развития методологической культуры. Начало «серых» технологий прослеживается в предложениях заказных курсовых работ, которые являются начальной единицей в формировании навыков научной деятельности, и заканчивается повышением индекса цитирований за определенное денежное вознаграждение. При этом государственной стратегии искоренения этого явления не наблюдается. В данной работе предпримем попытку анализа взаимосвязи методологической культуры и плагиата.

Опираясь на исследование Л. Ю. Боликовой и Е. Н. Васякиной, отметим, что понятие «методологическая культура» по отношению к преподавателю-ученому рассматриваются в трех аспектах:

– как обобщенная характеристика личности;

– как проявление определенной культуры мышления;

– как совокупность компетенций, реализуемых в научной деятельности [2].

Опираясь на формально-логический метод, дадим определение рассматриваемому понятию.

Методологическая культура – это система специальных способов осуществления научной деятельности в соответствии с положениями науки с целью познания и преобразования действительности.

В словарной литературе плагиат трактуется как «незаконное опубликование чужого произведения или его части под своим именем; выдача чужого труда (художественного, научного) за собственное произведение» [3].

По мнению В. А. Кузьменкова, история борьбы с плагиатом берет начало в Античности. Так, в плагиате обвиняли Аристотеля, Геродота, Пифагора, Платона, Плутарха, Эмпедокла и др [4]. Книгопечатание, появившееся в XV в., позволило тиражировать научные труды, что стало пусковым механизмом роста плагиата. Значимый скачок плагиата связывают с началом издания научных журналов в XVII в. В наше время

«громкие» разоблачения по причине наличия плагиата продолжаются. Они проходили в отношении министра образования и научных исследований А. Шаван (Германия, 2012), заместителя председателя Европарламента С. Кох-Мерин (2011), премьер-министра В. Понта (Румыния, 2015), президента П. Шмитта (Венгрия, 2012) и др. В России обвинения выдвигались в отношении министра культуры В. Р. Мединского (2017) и главы Калмыкии Б. С. Хасикова (2016) и др. Если за рубежом обнаружение наличия плагиата в исследовании приводит к краху карьеры, общественному резонансу, то в России – это малозначимый проступок.

С 2012 года вольное сетевое сообщество «Диссернет» осуществляет экспертизу диссертаций на предмет наличия плагиата, проверяется «чистота» научных изданий и российских вузов. Процесс экспертиз в сообществе носит добровольный характер. Эта деятельность согласуется с п. 20 «Положения о присуждении ученых степеней» о заимствованиях в диссертациях без ссылок на авторство являющихся одной из причин для отказа в приеме диссертации к защите [5].

Вместе с тем, проблема плагиата стоит достаточно остро. В. А. Бажанов и О. А. Козина видят причину наличия плагиата в научных работах в легкодоступности современных информационных технологий, которая соблазнительна для исследователей [6]. С. И. Захарцев и В. П. Сальников причинами плагиата считают: доступность текстов в Интернете; несформированность практик реагирования на плагиат; субъективизм авторитетов, особенно в гуманитарных науках; снижение в научной среде морали и нравственности [7]. Они же полагают, что противостоять плагиату может обязательный институт ссылок, обеспечивающих селекцию научных результатов и генерацию роста научных знаний.

В. И. Плещенко указывает на то, что есть скрытая причина плагиата, кроющаяся в огромном количестве студенческих работ (курсовых, дипломных и магистерских диссертаций), которые не подвержены эффективному контролю [8]. Это способствует тому, что в студенческой среде не происходит формирования методологической культуры, которая выступает основой для осуществления научного исследования. В противовес мнению В. И. Плещенко, М. В. Салтыкова и Т. Г. Сулима считают, что в настоящее время в нашей стране и мире произошла смена парадигмы с традиционной, где лидировала академическая свобода, на бизнес-модель, где первичны тотальный контроль и подотчетность [9]. Эти примеры иллюстрируют противоречивость имеющейся ситуации.

Необходимостью становится и исследование теоретических аспектов плагиата. Так, например, В. И. Левин изучил основания для классификации различных видов плагиата. Он классифицирует плагиат:

– по характеру нарушений авторского права (заимствование отдельных слов, фраз, фрагментов, идей и т. п.);

– по объему заимствований (весьма малое – менее 10%, малое – от 10% до 50%, большое – от 50% до 75%, очень большое – более 75%),

– по технологиям исполнения (чистый, обновленный, отредактированный, закодированный, переосмысленный) [10].

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что плагиат скорее всего можно рассматривать как критерий оценки методологической культуры преподавателя-ученого. Для этого необходимо изменить отношение к наличию плагиата. Стало необходимым рассматривать плагиат как грубейшее нарушение научной этики и научной деонтологии, отсутствие методологической культуры. Наличие работ, содержащих плагиат, должно быть поводом для осуждения подобных актов в научном сообществе.

В перспективе становится необходимым провести исследование специфики взаимосвязи методологической культуры и плагиата, определить границы их взаимосвязи.

Литература и источники

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/ products/ ipo/ prime/ doc/ 70006124//. – Дата доступа: 20.07.2020.

2. Боликова, Л. Ю. Методологическая культура как объект и предмет исследований в педагогике / Л. Ю. Боликова, Е. Н. Васякина // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 698–704.

3. Большой словарь иностранных слов. – М.: ИДДК, 2007. – 816 с.

4. Кузьменков, В. А. Норма плагиата в российских диссертациях / В. А. Кузьменкова // Вопросы философии, политологии и социальной антропологии. – № 2 (8). – 2019. – С. 21–26.

5. Положение о присуждении ученых степеней: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ cons/ cgi/ online.cgi ?req=doc &base=LAW &n=308350 &fld=134 &dst=100023,0 &rnd=0.1270245 0390717135 #06937 7800601 80259. – Дата доступа: 20.07.2020.

6. Бажанов, В. А. Монологи, диалоги, дискуссии / В. А. Бажанов, О. А. Козина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 48. – С. 225–235.

7. Захарцев, С. И. Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 8. – С. 188–192.

8. Плещенко, В. И. О плагиате в научных публикациях и выпускных работах / В. И. Плещенко // Высшее образование в России. – 2018. – Т. 27, № 8–9. – С. 62–70.

9. Салтыкова, М. В. Публикационная этика в издательском процессе: проблемы плагиата и оформления научных материалов / М. В. Салтыкова, Т. Г. Сулима // Вестник НЦ БЖД. – 2019. – № 3 (41). – С. 61–70.

10. Левин, В. И. Плагиат, его сущность и борьба с ним / В. И. Левин // Высшее образование в России. – 2018. – № 1 (219). – С. 143–150.

УЗАЕМАСУВЯЗЬ ТРАДЫЦЫЙ І НАВАЦЫЙ У КУЛЬТУРЫ

М. В. Анцыповіч

Зацікаўленасць да пытанняў аналіза суадносін традыцый і навацый, іх карыснасці і згубнасці для грамадскага развіцця абвастрылася на мяжы XIX – XX стст. Гэты перыяд характарызуецца кардынальнымі сацыяльнымі і палітычнымі змяненнямі, бурным развіццём навукі і тэхнікі, укараненнем вынаходніцтваў, пошукамі новых форм у мастацтве. У сацыялогіі першай паловы XX ст. (пад уплывам М. Вэбэра) тэрмін «традыцыя» зрабіўся асновай для тыпалагізацыі грамадства. У сучасных умовах патрэбы ва ўсвядамленні фундаментальных сацыякультурных асноў абумоўлены высокай дынамікай жыцця, пераглядам і нават дэвальвацыяй асобных арыенціраў і каштоўнасцей, прызвычайваннем чалавека да новаўвядзенняў як неаддымнай часткі ягонага камфортнага жыцця. Традыцыя (лац. *traditio* – перадача) – спосаб быцця і ўзнаўлення элементаў сацыяльнага і культурнай спадчыны, нормаў паводзін, светапоглядных установак, форм свядомасці і чалавечага кантактавання. На традыцыях у значнай ступені засноўваецца працэс сацыялізацыі і інкультурацыі. Менавіта праз традыцыі індывіды падключаюцца да калектыўнай памяці, засвойваючы вопыт мінуўшага. Але кожнае новае пакаленне людзей не механічна засвойвае традыцыі, на кожным новым этапе эвалюцыі людзі здзяйсняюць уласную інтэрпрэтацыю традыцый, іх выбар, надзяляючы іх дакладным сэнсам.

Этымалогія слова «інавацыя» не дае вычарпальную характарыстыку дадзенага паняцця. Яно хутчэй можа быць апісана з дапамогай тэрмінаў навізны, наватарства, іншымі словамі, таго, што не мела месца раней ці кардынальна зменена, удасканалена. Інавацыя ставіць пад сумненне ўстойлівасць і паспяховасць традыцыйных канцэпцый і падыходаў, дазваляе спасцігаць супярэчнасці і творча іх развязваць, заўважаць і выкарыстоўваць новыя тэндэнцыі ў развіцці культуры. Структураўтваральная роль культурных традыцый актуалізуецца ў пераходныя перыяды развіцця сацыяльнай сістэмы. Гэта абумоўлена перад усім тым, што дынаміка традыцыі здзяйсняецца пад непасрэдным ціскам самой крытычнай сітуацыі і дэтэрмінавана рэінтэрпрэтацыяй і замацаваннем новых, сітуацыйных значэнняў і сэнсаў універсальнай культуры. Важным складнікам крызісных этапаў з’яўляецца працэс утварэння новага баланса каштоўнасцей. Найбольш тыповы перыяд для інавацый – стан няўстойлівасці цывілізацыйнай сістэмы, калі цывілізацыйныя інавацыі ўяўляюць сабой толькі звяно ў ланцугу прычына

– выніковых сувязяў. Дэтрадыцыяналізацыя адкрывае магчымасць для большай свабоды дзеянняў, чым было раней, гутарка тут ідзе аб вызваленні чалавека ад абмежаванняў мінулага. Нельга пагаджацца з ідэямі асветнікаў аб тым, што свет павінен пазбавіцца ад традыцый. Традыцыі неабходны, так як яны прыдаюць жыццю ягоную пераймальнасць і форму.

Канфлікт паміж традыцыямі і навацыямі суправаджае чалавецтва на ўсім шляху ягонай гісторыі, выконваючы функцыю свайго рода «рухавіка» чалавечага грамадства, прадухіляючы наступленне стану раўнавагі, пры якім ўсе сацыяльныя працэсы перапынілі б сваё існаванне, гэтаксама як і само жыццё. Як адзначае В. Лефевр праяўнасць канфлікта паміж традыцыяй і навацыяй выяўляецца толькі праз знешнія параметры: «Мы бачым супрацьлегласці ці, несумяшчальнасць мэтаў, адрозны (супрацьлеглы) характар выкарыстання рэсурсаў, "сустрэчныя ўдары", мы бачым (і гэта часцей за ўсё) вынікі ўзаемадзеяння. Гэта толькі знешняя абалонка канфлікта. Але пад гэтай абалонкай хаваюцца вельмі сур'ёзныя рэчы: планы, праекты дзеянняў, якія выпрацоўваюцца канфліктуючымі бакамі» [1, с. 7]. Людзі ў сілу шэрагу аб'ектыўных прычын змушаны ўзаемадзейнічаць адзін з другім і, здавалася б, у гэтых адносінах павінны перабольшваць ідэі супрацоўніцтва і ўзаемадапамогі, на самай справе мы з'яўляемся сведкамі жорсткай канкурэнцыі і, як вынік, – антаганізмаў, барацьбы, міжкультурнага супрацьстаяння, эскалацыя якога канчаткова і прыводзіць да рознага рода канфліктаў.

У межах філасофіі культуры разгляд традыцый і навацый адхіляецца ад строгай рацыянальнасці і паняційнай паслядоўнасці ў іх, і робіцца спроба зразумець гэтыя ідэі праз сістэму каштоўнасцей, пачуццяў і вобразаў. Такое адхіленне ў літаратуры называецца клінаменам. Клінамен – паняцце, якое ўпершыню выкарыстаў Эпікур – спантаннае свабоднае ўхіленне ад нарматываў. Філасофскае разуменне традыцый і навацый адрозніваецца ад рэлігійнага тым, што: па-першае, філасофскае разуменне дэмістыфікавана ў сваіх даследваннях, г. зн. яно выкарыстоўвае ў сваіх тэкстах філасофскія канцэпты, катэгорыі і крытычны падыход; па-другое, філасофскае бачанне не ставіць прапаведніцкіх ці апалагетычных мэтаў. Ягонай задачай з'яўляецца інтэрпрэтацыя ці аналіз розных сацыяльных, навуковых, палітычных і рэлігійных аспектаў. Напрыклад, структура нуклеарнай мадэлі культуры сцвярджае, што культура складаецца з ядра (дзе ўтрымліваюцца сапраўдныя культурныя асновы) і абарончага пояса. Для абароны і зберажэння каштоўнасцей культурнага ядра кожная культура фарміруе г. зв. абарончы пояс, які выконвае свайго рода фільтра, які не прапускае іншародныя культурныя элементы. Змяненне культурнага ядра (няхай і нязначнае) адбываецца менавіта знутры – носьбітамі дадзенай культуры. Вось пагэтаму праблема сусветнай канфліктнасці, развязвання якой ў гісторыі чалавецтва так і не было знойдзена, выходзіць

на першы план ў спісу найболей актуальных праблем сучаснасці. Асабліва, ў кантэксце працэсаў глабалізацыі «сціскаючых» і без таго невялікі свет, пры зберажэнні культурных адрозненняў, якія існуюць паміж рознымі сацыяльнымі групамі.

Беларускі даследчык нацыянальнай філасофіі В. Евароўскі выкарыстоўвае складаную дыялектычную сувязь традыцый і навацый дапасавальна да ілюстрацыі гістарычных момантаў у развіцці Вялікага Княства Літоўскага, у прыватнасці пры разглядзе пераемнасці палітычных гісторый Кіеўскай Русі і ВКЛ. Ён адзначае, што Вітаўт паказваючы сябе апякуном Рускай зямлі, выкарыстоўвае ў абгрунтаванні сваёй пазіцыі наступныя сярэдневечныя прававыя імператывы – справядлівасць, агульная зацікаўленасць, старажытнасць, вяршэнства права. «Прымаючы ўдзел ў рашэнні нібыта цалкам кананічнай праблемы аб аддзяленні Кіеўскай метраполіі ад маскоўскай, Вітаўт (асоба адзначаючы, што ён "есмо не ў вашай вере") дзейнічае тут менавіта як свецкі кіраўнік, з аднаго боку, адкідваючы абвінавачванні ў тым, што калі "оспадарь не въ той вере, того для церковь оскудела", а з іншага – падаючы справу аб Кіеўскай метраполіі як чыста дзяржаўны інтарэс. Як праўдзівы князь, паводзіны якога цалкам адпавядаюць ідэальнаму канону што дзейнічае» [2, с. 202]. У гістарычнай постаці князя Вітаўта спалучаецца як традыцыяналізм, так і наватарства ў дзяржаўных, палітычных і рэлігійных пытаннях Вялікага Княства Літоўскага.

Традыцыя і сучаснасць – гэта дзве асноўныя формы ўладкавання сацыяльнай множнасці. Традыцыя – выражэнне той сілы, якая не дазваляе мноству распадацца на неакрэслены набор элементаў. Сучаснасць такая фігурацыя, якая ўключае ў прадмет афармлення больш чым адно мноства, г. зн. яна тычыцца мноства, якое складаецца з некалькіх падмноставаў. Акрэсленасць знешней формы пры гэтым знікае, і верагоднасць таго, што ўнутры мноства будуць утварацца новыя падмножнасці, узрастае.

Літаратура і крыніцы

1. Лефевр, В. А. Алгебра конфликта / В. А. Лефевр, Г. Л. Смолян // Изд. 6-е – М: Ленанд, 2018.

2. Евароўскі, В. Б. Нацыянальная філасофія Беларусі: тэорыя, археалогія, гісторыя, генеалогія, школа / В. Б. Евароўскі – Мінск: Беларуская навука, 2014.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

С. А. Афанасьева

Современный период ознаменовался воздействием технологических факторов на общественные отношения, под влиянием цифровых технологий устоявшиеся государственные и общественные институты

претерпевают изменения. Современные цифровые технологии, интернет стали предпосылками цифровой революции, трансформации различных видов общественных отношений. Цифровые технологии применяются практически во всех сферах деятельности человека, на их базе формируются принципиально новые институты – цифровое общество, институты цифрового права, цифровая экономика и другое. Цифровизация общественной жизни способствует цифровизации права в целом и его отдельных институтов. Не исключением являются и права человека.

В XXI веке стало очевидным, что назрела потребность конкретизировать права человека, учитывая цифровую трансформацию общественных отношений, непосредственно влияющую на реализацию универсальных прав и свобод человека и гражданина. С одной стороны, цифровое общество способствует эффективной реализации прав и свобод, появлению новых гарантий, механизмов их защиты, с другой стороны – повышает риск их нарушений.

Основная задача любого демократического правового государства – признавать и защищать права человека от любых незаконных посягательств, в связи с чем в настоящее время каждое государство мира должно обеспечить оптимальный уровень конкретизации прав человека в своем законодательстве. Цифровая модель развития современного общества способствовала появлению новых прав человека, состав и содержание прав человека значительно расширились. Человек, являясь участником всемирного цифрового пространства, становится носителем ранее неизвестных прав, «цифровых прав», таких, например, как право на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, право на неприкосновенность частной информационной сферы и др.

Цифровые права – это, прежде всего, все права человека, связанные с использованием новейших цифровых технологий и функционированием в цифровой среде, сформировавшиеся как результат индустриальной революции. Базовым правом в системе цифровых прав, на наш взгляд, выступает право на доступ к сети Интернет, так как все остальные цифровые права производны от использования интернета. Кроме того, интернет выступает как средство реализации других прав и свобод человека, таких, например, как права на информацию, свободы выражения мнения. Интернет расширяет возможности осуществления прав человека, с каждым днем вовлекая все большее количество людей. Примечателен и тот факт, что в большинстве современных конституционных актов доступ к сети Интернет рассматривается как условие реализации других прав человека. В качестве самостоятельного права доступ к интернету закрепляется лишь в Конституции Португалии (ч. 6 ст. 35). Так, проблема определения и гарантий реализации данного права носит дискуссионный характер и требует решения как на международном, так и национальном уровнях.

Электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети «Интернет», стали частью повседневной жизни практически каждого человека. Большинство стран мира создают благоприятные условия для применения информационных и коммуникационных технологий, тем самым обеспечивая совершенствование гарантий реализации не только цифровых прав и свобод, но и иных фундаментальных прав личности. Совершенствуются законодательство о фундаментальных правах человека, административные процедуры, в том числе в электронной форме. Кроме того, в связи с глобальной цифровой революцией наибольшую актуальность приобретает не только осуществление непосредственно «цифровых» прав, но и тех, которые способствуют их обеспечению и защите. Особую значимость приобрели права на защиту цифровых интеллектуальных прав и использование различных электронно-вычислительных устройств и средств связи, на неприкосновенность частной информационной среды, авторские и др. права на создание и публикацию цифровой информации, доступа к ней, нарушения которых в современном мире приобретают массовый характер [1].

Новые цифровые возможности существенно упростили реализацию отдельных видов прав человека, вместе с тем, и обуславливают риск их нарушений, в том числе и со стороны государства. Так, власть значительно усилила контроль за цифровыми технологиями, активно блокирует неугодные контенты в сети Интернет. Цифровизация общественных отношений значительно затрудняет защиту частной жизни, защиту персональных данных.

Важной и актуальной проблемой в современном мире становится проблема обеспечения прав человека в сети Интернет. Очевидно для каждого, что выход в глобальные сети, использование веб-технологий может повлечь нарушение прав человека. В сложившихся условиях необходим баланс в отношениях, возникающих при реализации прав человека и возникающих при использовании сети Интернет. Безусловно интернет способствует эффективной реализации права на свободу выражения мнения и свободу слова, вместе с тем интернет ограничивает свободы человека. Зачастую эти ограничения связаны с социально-значимыми целями или политическими мотивами.

Международные организации ведут активную работу над созданием интернета, основанного на правах человека, демократии и верховенстве права. Международное сообщество ставит целью сделать интернет безопасным и открытым, где каждый человек мог бы реализовывать свои свободы. На сегодняшний день существует ряд типовых международных актов в таких областях, как защита персональных данных, киберпреступность, предусматривающих основные принципы и стандарты

прав человека в новых реалиях информационно-коммуникативного пространства. Значимые постановления в области онлайн-среды и защиты прав на свободу выражения мнений, доступа к информации было вынесено Европейским судом по правам человека. Резолюция Совета ООН по правам человека «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» (2012 г.) подтвердила, что те же права, которые человек имеет в офлайновой среде, должны также защищаться и в онлайновой среде. Генеральная Ассамблея ООН также признает права человека онлайн (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» (2013 г.)).

Поскольку цифровые технологии предоставляют не только новые возможности человечеству, но и создают угрозы нарушения фундаментальных прав и свобод человека, то в настоящее время назрела проблема правового регулирования поведения в сети Интернет как на национальном, так и международном уровнях. Кроме того, учитывая, что глобальные сети не имеют национальных границ, большую актуальность, на наш взгляд, имеет международное правовое регулирование. Международные организации, безусловно, уделяют огромное внимание этому вопросу, вместе с тем, представляется целесообразным дальнейшее совершенствование уже существующих и действующих международных актов, а также разработка и принятие единого международного акта, регулирующего поведение в сети Интернет, где ключевым должен стать принцип свободы и надлежащий баланс между правами в процессе их реализации. В этой связи особого внимания заслуживает идея французского общественного деятеля и депутата Андрэ Сантини по принятию Всемирной декларацi цифровых прав человека (Декларацию прав человека в цифровом мире, Декларацию прав цифрового человека), которая бы определила гарантии свободы человека в современный век новых цифровых технологий и защитила бы его фундаментальные права. В условиях современного цифрового общества актуальным стало, во-первых, определить новые права человека, во-вторых, определить перспективы развития традиционных базовых прав и свобод.

Таким образом, применение стандартов в области прав человека онлайн становится нормой. Права человека онлайн универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны, а выработка эффективных механизмов их защиты становится важной задачей мирового сообщества. Современное цифровое общество нуждается в разработке новой совершенной концепции по развитию законодательства в этой сфере.

Литература и источники

1. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире / В. Д. Зорькин // Российская газета – Столичный выпуск, 2018. № 115 (7578) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://rg.ru/ 2018/ 05/ 29/ zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html. – Дата доступа: 15.08.2020.

2. Организация и деятельность органов власти в городе Москве / Анпилогова Д. С. [и др.]. – М.: РУСАЙНС, 2019. – 158 с.

3. Права человека в условиях глобализации и их защита в международном частном праве (междисциплинарное исследование) // Под общ. ред. А. И. Кривенького. – М.: МГПУ, 2016. – Т. 1. – 212 с.

CURRENT CHALLENGES IN PROVIDING HUMANITARIAN SECURITY FOR VULNERABLE YOUTH

M. Bălan, S. M. Stănescu

Humanitarian disasters can appear all over the world and have an impact on poeple's life generally conducting to population's movement from life threat places considered to more secure living areas. In 2017 a total 135.7 million people were in need of humanitarian assistance. Among the 2018 total of 131.7 million people in need, only 93.6 million received aid. This increased in 2019 to 167.6 million among which only 108.8 million were targeted. Humanitarian assistance is provided within the general framework set up by the international framework in respect with the four main principles: humanity, neutrality, impartiality and independence [6, p.66]. Main causes of humanitarian crises are conflicts and extreme climate events while areas of intervention include health (vaccine against Cholera, Measles, and Ebola), nutrition. Food, shelter and safe water; protection (resettlement, legal status and child protection) and other achievement (e.g. livestock, and education).

Humanitarian actions implies a variety of actors whose coordination is the successful key in changing lives and promptly answer increased need for aid. Among them we mention: "international and national NGOs, United Nations agencies, offices, funds and programmes; the International Red Cross and Red Crescent Movement; government authorities; donors; and the private sector" [8, p.6]. Among these organisations, profile of local landscape may impact on "operational security of humanitarian NGOs in fragile contexts" [4, p. 13]. Consequently, security personnel measures are to be design and adopt as key factor in providing humanitarian aid for those in urgent need.

Humanitarian innovation ecosystem envisage: "resources, information and capacity gaps, most notably in financing (…) innovation information (…) concerted investment in innovation management skills and capacities" [7, p. 3]. In this respect, aid for young people should include their access to education as well as necesary tools to gain these above mentioned features so needed in this chalenging context. On the other hand, challenges in providing humanitarian aid include bottom-up threats such us "persistent nationalism, localism and often popular hostility towards foreign organizations" [4, p. 32], which can also affted

the supported beneficiaries which can choose to settle in a new and safer living place.

Humanitarian innovation should address: focusing on the user, expanding the market, encouraging responsible risks, fostering collaboration towards building a supporting environment for innovation [2, p. 21–22]. Searching for the most suitable humanitarian model, the proposal for an Humanitarian Innovation Knowledge Bases Model is based of the comprative analysis of Research Navigator, Solution Mobilizer and Experience-Driven Validator [5, P. 42–46]. Besides, when addressing recommendations for building up a humanitarian innovation ecosystems, priorities address: resource gaps and approaches; lack of innovation, information and evidence; strengthen skills, capacities and enablers of innovation; strengthen and facilitate cross-ecosystem interactions and relationship; strengthen innovation management processes; build a global alliance [7, P. 42–44].

Among vulnerable groups affected by such population movement, youth play a special part. One first aspect in this respect is their accompaniment by parents or relatives as this can directly impact on their personal security and direct provision of main ordinary goods necessary to survive. But besides the accompaniment issues, their fresh life experience expose them to risks directly linked with human traffic (e.g. begging and prostitution), substance abuse (e.g. drugs and alcohol), delinquency or even crime. Taking all these into consideration, an effective innovatory humanitarian response in terms of assistance and protection can not only secure and maybe even save their lives but also shape a health ecosystem around their destinies.

Their full professional potential is to be explored through education channels as well as apprenticeship working stages. Entrepreneurship related skills are also to be explored especially but not exclusively related to social economy potential to offer a sustainable employment solution for the ones excluded from the labor market [9, p. 19]. As an example of innovation, the ordinary use of an old megaphone for spreading message in a Congolese community became a youth radio program with future possibility to become the main object of an income generating activity [3, p. 33]. Humanitarian support for young people can reduce their risk to long term employment risks such us becoming a so well known NEET (not in employment, education or training). Such belonging cand have short-term as well as long-term consequences on both individual and commuities [1, p. 72]. NEET (15–29 years) rate in Romania was 12.3% in 2019 comparative with 7.8% UE 27 rate (idem). Despite public and private supportive measures towards their insertion on the labour martket (including paid qualification courses), the fragmentation of responability and lack of strategic long term vision waekness the expected results.

References

1. Bălan, M. Youth labour market vulnerabilities: characteristics, dimensions and costs / M. Bălan // Procedia Economics and Finance. – 2014. – № 8. – P. 66–72.

2. Betts A., Bloom L. Humanitarian Innovation: The State of the Art, United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA), Occasional Policy [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.unocha.org/ publication/ policy-briefs-studies/ humanitarian-innovation-state-art. – Date of access: 24.06.2020.

3. Bloom L., Betts A. The two world of humanitarian innovation, working papers no [Electronic resource]. – Mode of access: https:// https://www.unhcr.org/ innovation/ wp-content/ uploads/ 2017/ 10/ wp94-two-worlds-humanitarian-innovation. – Date of access: 24.06.2020.

4. The Future of Humanitarian Security in Fragile Contexts – an analysis of transformational factors affecting humanitarian action in the coming decade / J. Burke [et al.] // Humanitarian Futures Programme research paper, European Interagency Security Forum, 2013 [Electronic resource]. – Mode of access: https:// www.eisf.eu. – Date of access: 24.06.2020.

5. Deloitte Promoting Humanitarian Innovation Exchanges – Developing Models for Humanitarian Innovation Knowledge Bases / World Humanitarian Summit, 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: https:// ttps://www2.deloitte.com/ content/ dam/ Deloitte/ global/ Documents/ AboutDeloitte/ dttl_cr _promoting _humanitarian _exhanges, 2015. – Date of access: 24.06.2020.

6. European Parliament Technological innovation for humanitarian aid and assistance. Panel for the Future of Science and Technology, European Parliamentary Research Service, Scientific Foreseight Unit, 2019.

7. Strengthening the Humanitarian Innovation Ecosystem, final report, 2015 / B. Ramalingam (et. al.) [Electronic resource]. – Mode of access: https://assets. publishing. service. gov. uk/. – Date of access: 24.06.2020.

8. Saavedra I., Know-Clarke P. Working together in the field for effective humanitarian response / Active Learning Network for Accountability and Performance in Humanitarian Action (ALNAP). Working Paper, 30th ALNAP Annual meeting 3–4 March in Berlin, 2015.

9. Stanescu, S. M. Innovatory employment in social economy: busting social entrepreneurship versus regulating social insertion enterprises / S. M. Stanescu // Revista de Cercetare și Intervenție Socială. – 2013. – Vol. 43. – P. 142–154.

ЭТИЧЕСКИЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В. В. Балановский

Тенденция к автоматизации затрагивает все сферы жизни. На первый взгляд, замена человека бесстрастным и безошибочным автоматом кажется хорошей. В случае с рутинным промышленным производством это практически всегда так. Однако в некоторых областях применение систем

искусственного интеллекта (ИИ) противоречит фундаментальным принципам функционирования общества. В частности, большой вопрос вызывают попытки внедрения ИИ в судопроизводство.

Можно выделить две ключевые сферы применения машинных алгоритмов в судебной системе. К первой относятся различные базы данных с системой поиска, которые позволяют специалистам обобщать массивы информации с целью облегчения их работы [1]. Например, с помощью таких программ можно попробовать предсказать исход того или иного дела, в идеале – продемонстрировать уровень затрат времени и денег, которые понесет сторона разбирательства, чтобы сторона могла решить, стоит ли ей идти в суд, или лучше попытаться решить вопрос менее затратным путем. Также видится большая перспектива таких баз данных в системах прецедентного права, поскольку удобный поиск по ключевым параметрам дела позволит повысить эффективность работы. Кроме того, подобные системы неплохо показали себя при выполнении рутинной работы обычных юристов, которые занимаются составлением и анализом договоров [2]. То есть, к этому классу программных продуктов относятся те, которые в большей степени позволяют обобщить статистические данные, не подменяя функции человека по принятию решения, например, советника с правом совещательного, а не решающего голоса, тех, у кого мало опыта участия в судебных процессах. Ничего невозможного в таких системах нет ни с этической, ни с технической точек зрения. В техническом плане это обычные инструменты работы с *big data* и машинное обучение. В этическом плане в этой области также есть хороший задел. В частности, Европейская комиссия по эффективности правосудия подготовила прекрасный свод требований под названием «Европейская хартия использования искусственного интеллекта в судебных системах и их среде функционирования» (2018) [3]. Чтобы избежать значительной части этических проблем с внедрением систем ИИ в судопроизводство достаточно, чтобы разработчики соответствующего программного обеспечения пользовались Хартией как настольной книгой.

Ко второй сфере можно отнести различные программные продукты, цель которых заключается в полной или частичной подмене способности суждения (термин Канта) лиц, уполномоченных вершить суд. К таким системам можно отнести хорошо известный продукт «Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions» (COMPAS) [4, p. 12–13]. И здесь возникает масса не только этических, но даже технических сложностей. Этические сложности заключаются, в частности, в нарушении принципа индивидуальности судопроизводства, недискриминации, открытости [4]. С этим перечнем можно ознакомиться в указанной выше Хартии [3, p. 52–53]. Еще одна проблема возникает из-за расщепления ответственности при использовании автоматических алгоритмов. Так, если судья обязан использовать COMPAS, то должен ли он нести всю меру

ответственности за конечное решение или нет? Есть также и иные проблемы этического характера.

Что касается технических сложностей, то, в первую очередь, здесь неизбежны проблемы похожие на предсказание поведения финансового рынка. В частности, как только появляется эффективный автоматический алгоритм принятия решения на фондовой бирже и его начинают использовать многие трейдеры, то правила игры меняются. Да и в целом, если бы была какая-то универсальная формула бизнес-успеха, то не осталось бы банкротов. С судебными решениями ситуация похожая. Алгоритм опирается на прошлое, а человеку и социальным группам свойственно меняться, причем, довольно быстро. Еще одна техническая сложность заключается в том, что для широкого внедрения систем ИИ в судопроизводство нужно, чтобы нормы права были похожи на программный код, то есть не допускали неоднозначной интерпретации. До этого еще далеко.

В заключении отмечу еще одну фундаментальную проблему этически-технического характера. Любой алгоритм построен на правилах, на непрерывности и повторяемости. В свою очередь сущность судопроизводства в том, что суд возникает, когда нарушаются правила, разрывается непрерывность и исчезает повторяемость. То есть ИИ – это «Матрица», преступление – сбой в «Матрице», судопроизводство – устранения сбоя и отладка алгоритма. Суд вырастает из противоречия всеобщности закона и уникальности каждого преступления, отсюда и возникает фундаментальный принцип индивидуальности судопроизводства. Обойти этот момент не представляется возможным без полной перестройки представления о справедливости и суде как таковом.

Таким образом, можно заключить, что судопроизводство до наступления серьезного прорыва в машинных технологиях, гуманитарных науках и способах построения социальных отношений должно оставаться заповедной зоной, где носители естественного интеллекта имеют суверенное право выносить суждение. Это означает, что основной акцент в данной области должен делаться не на обеспечение судей «костылями», позволяющими облегчить их работу по принятию решений, и тем самым, избавить их от части ответственности за неправосудное решение, а на эффективные способы развития естественной способности суждения у судей и массовой подготовки судейских кадров [5]. Только так можно сохранить базовые принципы системы правосудия, многие из которых теснейшим образом переплетены с фундаментальными правами человека и гражданина.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00067.

Литература и источники

1. Goodman B., Harder J. Four Areas of Legal Ripe for Disruption by Smart Startups // Law Technology Today. 16.12.2014 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.lawtechnologytoday.org/ 2014/ 12/ smart-startups/. – Date of access: 10.09.2020.

2. Thompson, A. AI Beats Human Lawyers at Lawyering / A. Thompson // Popular Mechanics. 27.02.2018 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.popularmechanics.com/ technology/ robots/ a18839164/ ai-beats-human-lawyers-at-lawyering/. – Date of access: 10.09.2020.

3. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment. – Strasbourg: Council of Europe, 2019.

4. Monahan, J. Assessment in Criminal Sentencing / J. Monahan, L. Skeem, J. Risk // Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. – 2015. – No 53.

5. Балановский, В. В. Некоторые аспекты функционирования трансцендентальной рефлексии у судей / В. В. Балановский // Трансцендентальный поворот в современной философии: трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания. – М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2019. – С. 302–305.

СЕТЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ю. Л. Баньковская

Научно-технический прогресс оказал двойственное влияние на события, происходящие в экономической, политической и духовной сферах жизнедеятельности общества. Процессы сетевизации нередко становятся фактором социального риска, негативно воздействующим на функционирование социальной системы. Они затрагивают сущностные качества жизнедеятельности людей, проявляясь во всех сферах общества. Кроме того, одной из основных тенденций, характеризующих его существование и динамику, является распространение сетевых структур, их внедрение во все сферы социальной жизнедеятельности.

Нестабильность, неопределенность развития, открытость будущего являются основными чертами современного общества. Стабильность и нестабильность фиксируют развитие социальной реальности, характеризующуюся изменениями и имеющими нелинейную природу. Нестабильность выражает процесс модификации системы, возможность возникновения неравновесных ситуаций. Конфликты создают новые условия и возможности для преобразования и развития социальной системы, для ее трансформации и обретения ранее не существовавших свойств и качеств. В процессе взаимодействия конфликтующих сторон вырабатываются новые механизмы стабилизации и модернизации системы. При этом одни противоречия исчезают при стабилизации

социальной системы, что приводит к ее преобразованию, однако измененная социальная система изначально содержит в себе возможность дальнейшего деструктивного развития.

Нестабильность, по мнению Н. А. Косолапова, необходимо рассматривать в качестве универсальной формы функционирования и преобразования социальной системы, ее трансформации, характеризуемой плохо контролируемыми процессами, чреватыми конфликтами и опасностями. «Нарушением стабильности (дестабилизацией) оказывается появление и / или проявление любой угрозы стабильности и устойчивости системы в целом и / или важнейших процессов ее жизнеобеспечения, откуда бы такая угроза не исходила и в чем бы не выражалась; а субъективно – как такое нарушение привычного течения событий, явлений и процессов, которое вызывает у субъекта ощущение потрясения, ставит его в ситуацию объективного и / или субъективного дефицита времени и / или практических возможностей для исправления положения в желаемом направлении, приводит к резкому сужению поля видимых ему и / или реально доступных альтернатив, результатом чего может стать выход процессов или событий из под контроля данного субъекта» [1, с. 184].

Необходимость осуществления процесса сетевого управления возникает при образовании сложных проблемных ситуаций, дестабилизирующих социальную систему. Их решение должно быть основано на анализе целого комплекса отдельно взятых аспектов. Многоуровневое управление базируется на расширении публичной сферы, децентрализации механизмов принятия решений, распределении властных ресурсов, ибо сеть способствует установлению гибких и изменяемых взаимоотношений между ее участниками, что повышает эффективность их коммуникации. По мнению Ф. Уэбстер можно рассматривать сетевую структуру как «свободную гибкую коалицию, управляемую из единого центра, которая берет на себя выполнение таких важных функций, как образование альянсов и управление ими, координацию финансовых ресурсов и технологий, определение сфер компетенций и стратегии, а также решает соответствующие вопросы управления, связывающие сеть воедино информационными ресурсами» [2, с. 32].

Для предотвращения разрушения социальной системы вырабатываются возможные механизмы ее стабилизации. В социальной системе самоорганизация связана с целенаправленной деятельностью людей, со способностью человека к рефлексии, посредством которой возможно практическое изменение сложившейся ситуации, стабилизация социальной системы. Рефлексия, как момент мышления, внутренне связана со способностью человека к принятию решений по урегулированию конфликта.

Рефлексия представляет собой ключевой аспект человеческого бытия, в рамках которого осуществляется теоретическая деятельность

субъекта, направленная на осмысление сущности как индивидуального процесса мышления и действий, так и изучение мышления и действий других людей, их культуры и науки. Это деятельность, обращенная к самопознанию, содействующему раскрытию специфики духовного мира человека. Посредством нее выявляются и описываются уже существующие способы функционирования социальной системы или формируются новые возможности ее преобразования, раскрываются новые типы взаимодействия социальных структур, позволяющие модифицировать систему. По мнению В. Е. Лепского, рефлексия представляет собой одно из фундаментальных свойств человека, позволяющее ему не только понимать процессы, происходящие в окружающем мире, но и выстраивать новые образы внешней действительности, организовывая в соответствие с ними не только собственные действия, но и деятельность других людей. «Поскольку человек является базовым рефлексивным элементом любой социальной системы, то рефлексивность проявляется, в частности, в том, что и вся система, и входящий в нее человек могут быть отображены в его сознании, причем характер этого отображения влияет на его функционирование в системе» [3, с. 181].

С целью снижения уровня остроты противоречий в рамках стратегии национальной безопасности необходимо принятие положений, регулирующих деятельность людей в информационно-коммуникационном пространстве. Его подвижные границы не дают возможности осуществления централизованного контроля над информацией, проведения монопольного государственного регулирования всех возникающих противоречий. Тем самым, актуализируется необходимость в разработке эффективных ценностно-нормативных стандартов взаимодействия. Более того, одной из основных угроз национальной безопасности является применение посредством предоставления недостоверной информации манипулятивно-психологического давления с целью дестабилизации ситуации. Необходимость противодействия данной угрозе подтверждается стратегией национальной безопасности.

Задачей сетевого управления является сохранение стабильности в функционировании социальной системы и обеспечение национальной безопасности в ситуации возникновения противоречий. Оно направлено на снижение уровня воздействия дестабилизирующих факторов на систему посредством систематического изменения форм взаимодействий между ее структурными элементами. Если противоречия разрешаются, то ее адаптация к окружающей среде не требует изменения качества. Кризис системы наступает, когда с воздействием внешней среды не справляется какой-либо из механизмов функционирования. Достигнув максимума, конфликт может привести к переструктурированию системы, ее внутренних связей, отношений и элементов.

Исходя из сказанного можно сделать следующие выводы:

– Сетевое управление направлено на обсуждение и разрешение существующих проблем. Возможность вовлечения в процесс рассмотрения противоречий представителей различных социальных групп содействует всестороннему анализу возникающих вопросов, выработке наиболее оптимальных способов преобразования сложившейся ситуации и ее модификация с целью дальнейшего стабильного функционирования системы. Необходимым составляющим процесса разрешения любых проблем становится рефлексивный механизм подготовки и принятия решений.

– Приоритетной стратегией развития сетевого общества должна стать разработка аксиологического модуса существования человека, ибо он предопределяет онтологию современной культуры. Необходимость создания единого ценностного пространства осознается самими участниками сетевого взаимодействия. Однако реализация данного проекта возможна лишь при условии осуществления ими совместных коммуникативных действий, направленных на обеспечение стабильности общественного развития. В рамках аксиологического модуса осуществляется регенерация материальных и духовных ценностей. Оптимизация механизма нравственного регулирования сетевого взаимодействия должна базироваться на личной ответственности людей за осуществляемый ими коммуникативный процесс.

Литература и источники

1. Косолапов, Н. А. Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях / Н. А. Косолапов. // Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М.: НОФМО, 2002. – С. 172–189.

2. Webser, J. Networks of Collaboration or Conflict? Electronic Data Interchange and Power in the Supply Chain / J. Webser // The Journal of Strategic Information Systems. – 1995. – Vol. 4, № 1. – P. 31–42.

3. Лепский, В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития / В. Е. Лепский. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 255 с.

ЭКСПЕРТИЗА КАК СФЕРА ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

М. В. Бейлин

В современной науке и социальной практике широко распространены различные формы и виды экспертных оценок, рекомендаций, проектов. Во многих ситуациях считается обязательным обращение к «эксперту». Его мнение оценивается высоко, и при принятии решения ему часто отдается предпочтение. И это не случайно, поскольку многие действия в современном мире могут иметь чрезвычайно важные

последствия, и поэтому крайне желательно попытаться представить их заранее. Как метод познания экспертиза востребована для изучения социокультурных объектов и событий, которые содержат объективную неопределенность, являющуюся существенным фактором самодетерминованной человеческой деятельности, личной свободы. Характеристики подобных объектов или сценарии протекания процессов в значительной мере определяются личным выбором. Составной частью социокультурной экспертизы является профессиональная экспертиза. Именно на социокультурную экспертизу должна опираться разработка программ долгосрочных социальных реформ, стратегии коэволюционного развития в целом [1]. Давая оценку, эксперт использует свой опыт и знания, однако это знание особое, опирающееся на опыт и имеющее деятельностный характер. Можно сказать, что эксперт должен обладать определенным уровнем особого инструментального знания, без которого экспертиза была бы просто невозможной. Специфика инструментального знания эксперта определяется особенностями сферы его деятельности. В экспертном знании происходит сочетание инструментального знания, характерного для традиционного общества (знание-навык), и инструментального знания индустриального общества (стиль научного мышления). Для традиционного общества характерно знание «на кончиках пальцев», «на острие взгляда», которое как составная часть входит в один из самых востребованных методов социального познания постиндустриального (информационного) общества – социально-культурную экспертизу [1].

Хотя экспертная деятельность широко распространилась в настоящее время, она имеет длительную историю. В определенном смысле можно считать, что с древних времен люди, которые высказывали свою точку зрения по тем или иным вопросам, выполняли экспертную функцию. Обычно прислушивались к мнению тех, кто имел авторитет. Когда-то это были жрецы, маги, служители культа, государственные деятели. Врачам и учителям во все времена выпадает заниматься экспертизой по роду своих занятий, потому что первым приходится «оценивать» состояние здоровья своих пациентов, а вторым – уровень знаний учащихся. Ученые и писатели на протяжении всей истории писали рецензии на труды своих коллег, и, хотя это не основная их работа и они выполняли ее эпизодически, но она также является экспертной.

Особенность современного периода экспертных практик заключается не столько в том, что они становятся более значимыми, сколько в том, что к услугам экспертов обращаются во многих видах человеческой деятельности, в том числе в сфере управления, политики и науки. Экспертиза превратилась в вид научного исследования и практической реализации проектов, а экспертная работа и экспертные услуги стали важной формой функционирования знаний в современных

условиях. Экспертная деятельность дифференцируется, количество ее форм растет. Так, из научно-технической экспертизы выделилась в самостоятельную форму сначала экологическая, позже – социальная экспертиза. Экспертиза превращается в многоуровневую методологию научного исследования [2]. Предметом мышления эксперта выступают факторы и события, которые могут восприниматься социумом под разным углом зрения. При этом задача эксперта состоит не только в описании исследуемой предметной области, но и в том, чтобы эта дескрипция была выражена в аксиологических понятиях, то есть в терминах ценностных высказываний. Аксиологические понятия не исключают дескриптивных понятий, но раскрывают в последних смысл и значение. Этот логический аспект мышления эксперта выделяет его из круга ученых как специалиста, пользующегося преимущественно дескриптивными понятиями, но не отличает его от культуролога. В то же время культуролог замыкается, как правило, на аксиологических дескрипциях, а эксперт на этом не останавливается. Хотя он, как и культуролог, осуществляет процедуры интерпретации и герменевтические процедуры (выявляет смысл, углубляясь в содержание понятия культуры), вместе с тем он сопоставляет значения и смыслы. Эксперт мыслит еще и как прогнозист (иногда и как футуролог), формулируя высказывания в терминах модальности.

Эти свойства мышления эксперта соответствуют тем общим критериям, которые являются характерными для мышления гуманитарного типа [3]. Одновременно эксперт рассматривает свой объект и с точки зрения его особенностей как природного или социального феномена. Это то, что роднит его мышление с мышлением любого другого специалиста: в зависимости от предметной области (природной или социальной) эксперт анализирует ее в терминах дисциплин, которыми ее описывает ученый, специалист данной дисциплины. Всякое мышление – это не только логическая процедура, но и социокультурный процесс, который включает в себя соответствующую организацию деятельности субъекта мышления, его поведение, интересы, убеждения, верования, идеалы и даже психическую предрасположенность оптимистично или пессимистично относиться к жизни. В своей деятельности эксперт никогда не может быть абсолютно нейтральным в отношении к объекту экспертизы. Экспертиза того, что выступает ее объектом, получается уже потому, что результат и действия должны не совпадать по предварительному заключению. Эксперт должен быть членом какой-либо группы экспертов и при этом учитывать, что последняя составлена таким образом, чтобы позволить озвучить все возможные позиции.

В социальном плане мышление экспертов предполагает наличие демократических структур общества, являющихся гарантами возможности экспертов иметь разные позиции и исключающих принуждение к конформизму. Мышление эксперта является антитоталитарным и в то же

время целостным. Каждый эксперт решает свою конкретную задачу, стремясь ответить на поставленный перед ним вопрос, но вместе с тем его мышление ориентировано на достижение целостности, всеобъемлющего охвата (описания, исследования, оценки) объекта экспертизы. Это связано с тем, что любая оценка предполагает не только констатацию некоторого состояния, но приведение его к ценностям более высокого порядка [4]. В каждом случае последний порядок шкалы ценностей по отношению к предыдущему выступает не только общим, но и целым. Поэтому мышление эксперта движется в структуре категорий не феноменов и явлений, но категорий сущности. Таким образом, эксперт всегда должен быть специалистом высокого уровня, профессионалом, имеющим значительный опыт работы и хорошо развитую интуицию. Мышление эксперта имеет сложный и комплексный характер. Его комплексность заключается не только в том, что проведение экспертизы связано с участием группы специалистов, способных делать выводы по своей специальности, но и в том, что мышление эксперта содержит аспекты как гуманитарного, так и естественного и технического характера. Причем гуманитарное мышление функционирует не только тогда, когда эксперт делает выводы относительно объектов социальной природы, но и тогда, когда это касается объектов естествознания и техники, так как экспертиза в любом случае предполагает выражение отношения человека к анализируемому объекту.

Литература и источники

1. Смирнова, Н. М. Когнитивные практики в цивилизационном измерении / Н. М. Смирнова // Знание в связях социальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://filosof.historic.ru/ books/ item/ f00/ s00/ z0000912/ st000.shtml. – Дата доступа: 01.10.2020.

2. Бейлин, М. В. Подотчетность в механизме управления безопасностью / М. В. Бейлин // Международная научно-практическая конференция «Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления», Белгород, 19–20 ноября 2015 г. – Научно-исследовательский университет «БелГУ», 2015. – С. 13–18.

3. Оноприенко, В. И. Экспертная деятельность как феномен культуры / В. И. Оноприенко, Л. В. Рыжко // Наука и науковедение. – 1994. – № 1–2. – С. 150–156.

4. Скирбекк, Г. Есть ли у экспертизы этические основы? / Г. Скирбекк // Человек. – 1991. – № 1. – С. 86–93.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

И. А. Бирич

Еще в 1968 г. только что образованный Римский клуб начал свои ежегодные встречи с констатации появления в мире глобальных проблем, то есть таких проблем, которые нельзя решить в одной взятой стране, а только при взаимодействии всех сразу. Начали с состояния природы, с истощения ресурсов, то есть с экологической проблемы.

Остановим наше внимание на исследовательских работах по «глобальной проблематике». Чтобы ответить на поставленные клубом вопросы, ряд международных ученых подготовил доклады под общим названием «Трудности человечества». Прогнозы перспектив развития мира составлялись по компьютерным моделям, а полученные результаты были опубликованы и обсуждались во всем мире.

В 1969 году Аурелиио Печчеи, являющийся основателем Римского клуба, вместе со своим коллегой Александром Кингом заказали разработать математическую компьютерную модель развития мира, проверить получившуюся модель было поручено американскому инженеру и системологу, разработчику теории системной динамики Джею Форрестеру. Результаты исследования были опубликованы в книге «Мировая динамика». В ней говорилось, что дальнейшее развитие человечества на физически ограниченной планете Земля приведет к экологической катастрофе уже в 1-й пол. XX1 в (назывался 2050 год), если человечество будет нагружать природу в таком же объеме.

Это в свою очередь повлекло за собой создание доклада «Пределы роста». Доклад был создан рядом ученых, среди которых был американский ученый, заслуженный профессор системного управления, директор Института политических и социальных исследований при Университете Нью-Гэмпшира Деннис Медоуз. В докладе рассказывается о результатах моделирования роста человеческой популяции и исчерпания природных ресурсов. Другими словами, была поднята проблема перенаселения планеты, в смысле количества производства в отношении количества потребления. Была выдвинута концепция «золотого миллиарда» и идея созыва конференции ООН на тему экологии, которая состоялась в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, где была принята декларация «Об устойчивом развитии» и соответствующие документы, обязывающие страны мира вступить в процесс охраны окружающей природы.

На тему связи экологии и экономики рассуждал ведущий сотрудник факультета социологии Йельского университета США И. Валлерстайн в 2006 г., предлагая рассматривать ее в тройном контексте: интеллектуальном, нравственном и политическом. Возможно ли

устойчивое развитие в рамках капиталистической социальной системы? Он полагал, что есть возможность изменить направление мирового развития, разработать альтернативные пути социальной эволюции, при которых общество не будет уничтожать само себя в процессе глобальных климатических изменений. Однако результат такого перехода по сути своей является неопределенным и непредсказуемым.

Удручает то обстоятельство, рассуждает Валлерстайн, что проблема несбалансированного потребления почти не обсуждается в мировом сообществе. Рассуждая о том, почему так происходит, мы приписываем западной культуре, одержимой «безрассудным оптимизмом», неспособность постичь «различие между плодами труда и награбленным добром». Однако это проблема не столько западной, сколько капиталистической культуры, считает ученый социолог: мы обязаны обсуждать подобные проблемы, причем делать это часто, публично и на высоком политическом уровне. Для этого потребуется не только приверженность принципам нравственности, но и острота интеллекта.

В нашей стране в этот же период проблемами глобалистики тоже занимались: Иван Тимофеевич Фролов (1929–1999), Никита Николаевич Моисеев (1917–2000), Сергей Петрович Капица (1928–2012), Эдуард Владимирович Гирусов (1932–2019), Вячеслав Семенович Степин (1934–2018).

Иван Тимофеевич Фролов сыграл исключительно важную роль в становлении и развитии в нашей стране глобалистики и привлечении внимания общественности к этой теме. Он поставил и поднял на высокий уровень теоретического обсуждения этико-гуманистические аспекты науки и техники. В этой связи им была выдвинута стратегия гуманитарной экспертизы любых социально-экономических и научно-технических проектов, затрагивающих жизнь и здоровье людей. Он выдвинул методологию комплексного междисциплинарного подхода к их изучению и идеологию научного гуманизма.

Все выше названные ученые в своих последних работах также активно развивали идеи нового гуманизма, адекватного научно-техническим достижениям. Ими объективно оценивалась диалектика научно-технического прогресса. С одной стороны, НТР и ее современные формы (биотехнология, микроэлектроника, информатика и др.) открывали новые возможности перед наукой и социальной практикой, а с другой стороны, выявлялись негативные последствия, в том числе социально-экологического характера. Позднее это нашло отражение в тезисе о необходимости выхода цивилизации на уровень «высокого соприкосновения» между человеком, социумом и биосферой. Ими отстаивался тезис, утверждающий единство науки и гуманизма как императив неизбежного позитивного будущего современной цивилизации.

И тем не менее на сегодняшний день выявлены восемь проблемных

точек развития жизни на Земле, имеющих кризисный характер, включая экологический, социальный, системный кризис культуры, а также нравственный, информационный и антропный, когда высокие технологии, искусственный интеллект и гаджеты формируют новую расу.

Известный специалист в области информатики, сотрудник Аналитического центра стратегических исследований РАН, доктор технических наук К. К. Колин регулярно озвучивает на многих конференциях результаты поиска способов обеспечения глобальной безопасности. Осознание глобальных проблем ставит перед человечеством четыре задачи:

– отодвинуть угрозу ядерной войны;

– отодвинуть угрозу экологической катастрофы;

– преодолеть духовный и ценностный кризис;

– сохранить человеческий облик, остаться людьми, а не киборгами.

Как можно объяснить такой трагический финал развития науки и техники в XX1 веке? Усложнение и ускорение технического прогресса неуклонно ведут нас, по данным науки, или к экологическому коллапсу 2050 г., или к новой точке равновесия при условии изменения своего мировоззрения, направленного на устремленность к устойчивому развитию мира. Пройдем ли мы зону бифуркации?

Можно сослаться на очередной доклад Римского клуба 2018 г., посвященный его 50-летию, в котором дается Жесткая критика капитализма, неприятие финансовых спекуляций, отказ от материализма и редукционизма, призыв к альтернативной экономике, «новому Просвещению», холистическому мировоззрению, планетарной цивилизации – такова повестка, предлагаемая Римским клубом. Для выполнения этих требований необходимы достижение международной информационной безопасности, решительный отказ от использования «фэйков» ради политических амбиций и желание сменить свое мировоззрение в пользу спасения живой планеты.

Литература и источники

1. Валлерстайн, И. Экология и экономика в глобальном контексте / И. Валлерстайн // Вопросы экономики. – 2006. – № 11. – С. 95–103.

2. Фролов, И. Т. Век грядущий и перспективы человека: Пленарный доклад на 2-м Российском философском конгрессе «XXI век: будущее России в философском измерении» (Екатеринбург, 7–11 июня 1999) / И. Т. Фролов // Вестник РФО. – 1999. – № 2. – С. 35–38.

3. Моисеев, Н. Н. Еще раз о проблеме коэволюции / Н. Н. Моисеев // Экология и жизнь. – 1998. – № 2. – С. 24–27.

4. Колин, К. К. Современные проблемы глобальной безопасности и научное наследие академика Н. Н. Моисеева / К. К. Колин // II Моисеевские чтения. Культура как фактор национальной безопасности России. Общероссийская

(национальная) научная конференция: доклады и материалы. – М., 2019. – С. 35–50.

5. Вайцзеккер, Э. «Come On!» Римский клуб, юбилейный доклад. Вердикт: «Старый Мир обречен. Новый Мир неизбежен!» / Э. Вайцзеккер, А. Вийкман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://clubofrome.org/. – Дата доступа: 29.09.2020.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ИЛЛЮЗИЯ ПРОГРЕССА?

Л. М. Богатова

В современной культуре цифровизация всех сфер социальной жизни происходит так быстро и стремительно, а инициированные ею изменения так глубоки и радикальны, что возникает необходимость дать оценку происходящих перемен. Для более внятного понимания логики рассмотрения поставленных проблем необходимо представить некоторые предварительные соображения.

Во-первых, было бы весьма недальновидно занимать позицию ретрограда в отношении процессов, которые обозначены как технологическая, информационная, цифровая или IT революции. Конечно же, технологический прогресс колоссальными темпами, неумолимо кардинально меняет, буквально искореняет привычный, устоявшийся уклад жизни, и прежде всего это касается каналов социальной коммуникации. Но было бы просто неумно отрицать очевидных преимуществ новых информационных технологий. Радикально изменились способы получения, использования и хранения информации, что во многом облегчило ее поиск и позволило сэкономить время и привнесло в жизнь массу другого комфорта. Цифра позволяет решать многие проблемы, не выходя из дома, буквально «сидя на диване».

Во-вторых, было бы нелепо отрицать и те колоссальные социальные возможности, которые открывают новые информационные технологии, уже приведшие к ощутимым социальным последствиям. Достаточно отметить, что политологи и социологи сейчас активно обсуждают появление новых социальных групп и категорий, социальный статус которых еще строго не определен и которые пока фигурируют как фриланстеры или самозанятые. либо как преакриат или протокласс. Речь идет о той категории лиц, профессиональная, трудовая деятельность которых и, ответственно, получение доходов в основном связаны исключительно с Интернет пространством. К примеру, по оценке ряда экспертов в России на данный момент численность этой категории уже достигает до 30% от общей численности трудоспособного населения.

В-третьих, к анализу многообразных форм поступательного

движения вперед необходимо подходить с позиций диалектики и не игнорировать то существенное обстоятельство, что все прогрессы – общественный, экономический, исторический, социальный, нравственный, научный, технологический и т. д. – внутренне конфликтны и противоречивы, о чем в свое время одним из первых рассуждал Ж. Ж. Руссо в своем сочинении «Размышления о науках и искусствах» (1755). Любое кардинальное изменение несет в себе противоречие и помимо явных приобретений имеют место порой скрытые, но невосполнимые, значительные потери. Исторический опыт свидетельствует, что и в прежние времена технический прогресс проходил отнюдь не без ущерба, порой, многое круша и ломая. К примеру, изобретение телефона резко изменило стили и способы живого общения. Ушел из обихода обмен визитами, резко поблек эпистолярный жанр – один из распространенных в прошлом способов общения. Изобретение кино, а затем и телевидения сильно сотрясли театральные подмостки и т. д.

В-четвертых, в истории общества технические перевороты и научные революции до наступления эпохи «общество 5.0» случались уже не раз. Однако предыдущие научно-технические революции, что называется, не поражали мишень в самую десятку, а именно – самого человека. Прежние технические модернизации коренным образом меняли технологии, энергоносители, синтетические материалы, бросая все свои грандиозные достижения к ногам человека.

Сейчас сложилась принципиально иная ситуация. Информационная революция XXI века по сути дела *впервые* поставила с полной серьезностью вопрос о сохранении самого человека в его бытийном статусе в качестве «перспективного центра всего мироздания» (Н. А. Бердяев). Человек долго стойко выдерживал многие новшества различных развернутых им прогрессов. Но нынешняя информационная революция, тотальная цифровизация социального пространства резко изменила некоторые диспозиции. Из удобного, сберегающего массу времени инструмента, информационные технологии постепенно превращаются в доминанты в системе «техника – человек». Человек уже низводится до приложения к информационной среде, превращается в ее вспомогательный элемент, по сути, становится «инструментом инструмента».

В силу значимости, последнее замечание требует развернутых комментариев, которые можно расценивать как своего рода предостережение тем, кто пребывает в некой IT эйфории и акцентирует внимание исключительно на позитивных сторонах информационных технологий, явно гипертрофируя их преимущества, допуская тем самым некоторую недальновидность и легкомыслие. Следует обратить внимание, что в настоящее время в научном сообществе, особенно среди специалистов в области психологии, акмеологии, философской

антропологии, культурологи, этики, эстетики и ряда других гуманитарных областей превалирует тревожная тональность относительно перспектив присутствия человека в цифровом интерьере, обустроенного в пространстве современной культуры. Для подобных в разной степени скепсиса умозаключений имеются весомые причины, которые можно представить по следующим основным направлениям.

Во-первых, одно из самых негативных следствий информационных технологий на человека заключается в их колоссальном воздействии на изменение самой *природы человека.* Как-то сами собой возникают сомнения о сохранении человека в его «традиционном» качестве – основного субъекта социальности. Признаки трансформации классической антропологической парадигмы, сформированной всем историческим массивом предыдущих этапов развития культуры, настолько контрастны и рельефны, что возникает необходимость философского осмысления происходящих перемен образа человека и прогнозирования дальнейших антропологических метаморфоз. В условиях информационной революции как никогда актуализируется рассмотрение антропологической проблематики в футурологическом контексте. Отнюдь не праздным становится интерес к проблеме, к какому финалу может привести человека в качестве особой бытийной инстанции цифровизация, которая оказывает сильнейшее влияние на деформацию атрибутивных антропологических характеристик, таких как мышление, память и речь. Представители когнитивной психологии устали писать о набирающей динамику трансформации базовых когнитивных структур под влиянием процессов информатизации, по крайней мере, уже у двух поколей, получивших обозначение «Y» и «Z», становление которых проходило в уже новых социокультурных обстоятельствах. В научный обиход прочно вошло понятие «клиповое мышление», или разодранное, фрагментированное, которое несет в себе далеко не позитивные характеристики, а, напротив, отличается снижением способности к воображению, абстрактному моделированию, оперированию абстрактно-логическими конструктами. Как отмечают психологи, серьезные проблемы возникают и с буферной памятью, ее «байты» так же не высоки по сравнению с другими поколениями. Осадок от мощных потоков информации, которая к тому же легко доступна, к сожалению, невелик. Идущие под массированным воздействием цифровизации изменения, которые затрагивают самые глубинные, сугубо субъектные структуры и характеристики, присущие исключительно человеку, выражающие его исключительность и уникальность, настолько радикальны, что могут иметь как для самого человека, так и для культуры в целом по истине печальные последствия.

Во-вторых, цифровизация социального пространства коренным образом изменила механизм социализации и инкультурации. Добавились новые, мощные по воздействию на личность каналы социализации, что

сделало этот процесс более многофакторным, полифоничным, плюральным, более действенным и доступным и, соответственно, трудно управляемым и контролируемым. В современных условиях явно нарастает хаотичность процесса социализации, ее неконтролируемость, о чем прямо заявляют политологи, социологи, культурологи и педагоги. Трансформации структуры и содержания процесса социализации настолько глубоки, что привели к появлению нового феномена, уже обозначенного специалистами как «разрыв социальности», который выражает атрофию непосредственных, самых близких, традиционных связей и отношений между людьми – семейных, родственных, дружественных, личных и т. д. Бесспорно, изменение характера и способов социализации напрямую отражается на функционировании многих фундаментальных, базовых общественных структур и институтов, в первую очередь, таких как брак и семья.

В-третьих, одно из самых сильных воздействий со стороны информационных технологий испытало живое человеческое общение, которое представляет собой своеобразное цементирующее начало, скрепляющее социум в качестве системы отношений и связей между людьми. В сфере общения процесс цифровизации инициировал в определенном смысле парадоксальную ситуацию. С одной стороны, резко, лавинообразно разрастается «массив» общения появляются новые формы общения, к примеру, многочисленные сайты знакомств, Интернет-клубы по интересам, «Одноклассники», Инстаграм, бесконечное собирание лайков и многое другое – все это явные иллюстрации потребностей в общении. Но, с другой стороны, наметился дефицит живого межличностного общения. Живое, контактное, непосредственное общение отодвигается на периферию. Общение между людьми становится все более дистантным, анонимным и по ряду признаков формальным. Цифровизация социальной среды породила новый вид коммуникации – общение без общения. Человеческое общение не сводится к обмену информацией, это, прежде всего, обмен эмоциями, переживаниями. В цифровом пространстве постепенно атрофируется эмоционально-психологическая потребность в живой форме общения, обнаруживается тенденция к его сворачиванию, оно сжимается как шагреневая кожа. Причин этому явлению множество, о чем компетентно рассуждают представители психологии. Но само по себе появление этого явления не может не волновать, поскольку раздробление, «атомизация» общества, вызванная разрывом традиционных связей и отношений между людьми, в недалеком будущем с необходимостью может привести к появлению к принципиально новой модели социума, контуры которой проявляют себя уже сегодня.

В-четвертых, широко развернувшийся процесс цифровизации существенным образом оказывает негативное воздействие на духовно-нравственное состояние общества. Нельзя не заметить деформирующее

воздействие многообразных цифровых технологий на общественное нравственное сознание, которое в настоящее время претерпевает глубинные изменения, будучи втянутым в цифровую среду. Анонимность присутствия в интернет-пространстве, широко практикуемое в различных вариациях от общения в чатах, интернет-клубах, социальных сетях и т. д. спровоцировало появление новых феноменов, которые вызывают явную настороженность. Отработанные практики морально-психологического давления на личность, разнообразные формы третирования от троллинга до сайтов суицидальной направленности, эротические тренинги в режиме online, агрессивное применение технологий психологических манипуляций, разнообразные квесты с необычной тематикой, сомнительные реалити шоу, внедрение в интернет среду криминальных практик, фэйки и т. д. – все эти явления свидетельствуют о некоторой нравственной неготовности массовой аудитории к бесконтрольному использованию такого, как оказалось, действенного и широко доступного инструмента получения самой разнообразной информации. Массовое применение интернет технологий стало реальностью наших дней и это актуализирует проблемы, связанные с морально-этическим состоянием общества, буквально его нравственным здоровьем и благополучием. С сожалением можно констатировать, что. цифровые технологии стали своеобразными провокаторами деморализации общественного сознания. В этом отношении новый смысл обретают предостережения интеллектуалов XVIII века о неравномерности развития общественного прогресса, об отставании нравственного прогресса в отношении стремительного развития науки и техники, что объективно ставит общество перед трудноразрешимыми противоречиями, разрешение которых на практике трагическим образом идет в разрез с пониманием смысловой исторической стратегии развития как человека, так и общества, точно и по сути обозначенной строками А. Вознесенского: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек».

По всей вероятности, обозначенные процессы в недалеком будущем будут только нарастать, детерминируя все новые трансформации, как человека, так и общества. Хочется думать, что в отдаленной перспективе жизнеспособные тенденции в очередной раз возобладают, и человек стойко выдержит еще ни один этап развернутой им же цифровизации.

GAS MARKET REFORMS AMID THE COVID–19 PANDEMIC

M. Bulearcă

Well before the Covid–19 pandemic brought about a global health and economic crisis, governments in a number of emerging markets around the world announced significant new gas market reforms. These include Brazil’s

Novo Mercado de Gás programme, the establishment of an independent pipeline company in China, and India's recently launched Gas Exchange that reinforces the government's vision for a gas-based economy.

While the attention of many policy makers today is naturally focused on economic recovery and the design of stimulus packages, the substantial benefits that gas market reforms can bring to economies should not be overlooked.

In essence, the establishment of liquid wholesale gas markets fosters competition among suppliers, improves the efficiency of resource allocation, and ensures transparent price discovery. This can serve as an anchor both for domestic and import prices, providing an alternative to other pricing mechanisms, such as oil-indexation.

The current crisis and emerging loose global gas market, with ample uncontracted supply of liquefied natural gas (LNG), should be used as an opportunity to fast-track gas market reforms, as they can hugely benefit consumers, reduce import bills and support economic recovery.

Anyhow, the current crisis is likely to have repercussions for the medium-term growth potential of natural gas, including demand for LNG. As a consequence, the growth of global liquefaction capacity is expected to outpace incremental LNG demand, resulting in overcapacity.

Historical experience suggests that loose market conditions can serve as a catalyst for gas market reforms, especially when underpinned by an increasingly diverse and competitive source of supply. Benefits become more immediate both for mid-streamers and governments.

In the United States, the implementation of regulatory reforms liberalising the gas market coincided with the oil and gas glut in the aftermath of the 1979 oil shock and the 1981–82 recession. In practice, surplus volumes facilitated the development of inter-state trade and led to greater price convergence.

Similarly, the gas liberalisation and development of trading in *the United Kingdom* were facilitated by ample supply from the North Sea in the late 1980s and 1990s.

In continental Europe, the loose market conditions in the aftermath of the 2008–2009 financial crisis, coupled with the political will to implement the Third Energy Package, led to the development of liquid wholesale gas markets and trading hubs, enabling regional price discovery.

This in turn allowed a gradual shift away from oil-indexation in import contracts towards hybrid-indexed and hub-indexed formulae. These are more reflective of the actual supply-and-demand fundamentals of the importing market.

The implications in terms of the overall import bill can be substantial especially in a context of expiring long-term contracts. As mentioned above, one can estimate that the European Union's spending on gas imports would have been almost one-third higher in 2019 under pre-liberalization market conditions in which oil-indexation prevailed in most import contracts. Moreover,

competitive gas pricing can trigger significant environmental benefits by contributing to a more cost-efficient implementation of clean air policies and coal-to-gas-switching in the power sector, and hence reduce the carbon-intensity of economies.

Gas market reform is a lengthy and complex process, as both the European and North American experiences show that it takes at least 10 years to establish well-functioning, competitive wholesale gas markets.

Given that, every energy and gas system is different (in terms of resource endowment, interconnectivity, security of supply and other aspects); there is no single path to the establishment of a more competitive gas market. However, there are a number of factors that should be considered by policy makers and other relevant stakeholders during the market-design phase and the implementation of regulatory measures.

A gas supply system and infrastructure able to meet the average, seasonal and peak demand requirements of consumers is considered an essential element for the creation of a liquid wholesale market.

The regulatory framework should enable market participants to access the gas infrastructure and the midstream flexibility products (such as entry-exit capacity at pipeline interconnections, storage, LNG regasification) on a non-discriminatory, objective and transparent basis. This necessitates the unbundling of the midstream infrastructure from the (typically) vertically integrated incumbent and also the non-discriminatory application of capacity allocation rules, congestion management and balancing procedures.

Network development plans and investment decisions shall reflect on the evolving supply-and-demand patterns of a given gas market. In this respect, the right tariff design –providing the appropriate incentives for investments and for network access – is of foremost importance.

Operational transparency of the gas system is crucial to mitigate any information asymmetries that might exist between market participants.

Market participants need to embrace the challenges and opportunities offered by a liberalised gas market. In the traditional model of vertical integration, wholesale companies act as ‘intermediaries’ between producers and end-users. The wholesalers can simply pass on gas to customers on a cost-plus basis because of their monopolistic or oligopolistic market position. But in a liberalised gas market, utilities, midstream suppliers and trading companies all need to compete with each other both for customers and for supply sources. The elimination of any clauses in gas sales contracts that hinder the resale of gas and / or prevent customers from switching suppliers is crucial to further enhance competition.

Therefore, a key cornerstone of competitive gas markets is the establishment of a *liquid hub*. This guarantees that gas is exchanged among market participants in a time-efficient and cost-efficient manner and provides a price benchmark reflective of the underlying market fundamentals.

ФОРМИРОВАНИЕ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

О. В. Бурак

Доминирующей чертой развития общественного сознания и общественных отношений в конце XX в. – первых десятилетиях XXI в. является процесс широкомасштабной информатизации. Наблюдается невероятный рост объемов производимой информации и ее потребления; стремительными темпами развивается информационно-коммуникационная инфраструктура; возможности сети Интернет обеспечивают оперативный обмен информацией между неограниченным количеством участников коммуникации; появляются новые формы сбора и хранения данных; идет процесс виртуализации культурного бытия. Эти и другие процессы информационного общества выдвигают требования к человеку XXI века.

Социокультурные реалии информационного общества предъявляют к личности требования по наличию активной жизненной позиции, творческого отношения к решению возникающих проблем, социальной зрелости в постановке своих личных целей, что определяет значение самостоятельного мышления и готовности к различным жизненным ситуациям.

Чтобы встроиться в социум и добиться персональной успешности человеку нужно обладать устойчивостью характера (стрессоустойчивостью), широтой взглядов, критичностью и непредвзятостью в оценках и суждениях. Необходимыми личностными качествами также становятся мобильность и гибкость мышления, быстрота реакции на изменения, происходящие в мире и в личной жизни, а также способность принимать решения и осуществлять самостоятельный выбор.

Сложность и многовекторность информационного общества негативно сказывается на формировании мировоззренческих установок развивающейся личности, что в недалекой перспективе может стать причиной депрессий и экзистенциального кризиса у молодых людей. Можно констатировать, что современная информационная социальная реальность характеризуется тяготением к прагматическим целям и ценностям. Психолого-педагогические исследования свидетельствуют о достаточно узкой направленности интересов современных учащихся [1, с. 61]. На первом месте у них находится удовлетворение витальных потребностей.

В поиске возможных способов решения проблем развития личности в условиях информационного общества исследователи подчеркивают актуальность разработок по обоснованию новых мировоззренческих идей и перспектив развития человека и общества, а также отмечают значение мировоззренческой функции философии. Формирование

смысложизненных ориентаций как атрибут мировоззренческой функции философии предлагается в качестве способа обеспечения продуктивного развития личности в условиях информационного общества.

Философский концепт «смысложизненные ориентации» обладает серьезным потенциалом в вопросах становления и развития личности. Будучи рефлексивными механизмами сознания, смысложизненные ориентации инициируют активный поиск призвания и места в мире, а также определяют способность личности справляться с решением трудных мировоззренческих вопросов [2, с. 55].

Процесс личностного, профессионального и в целом жизненного самоопределения обусловлен наличием и степенью развитости смысложизненных ориентаций. При этом категория «смысл» рассматривается в данном случае в широком мировоззренческом ракурсе понимания значимости той или иной деятельности для развития личности во всех возможных направлениях.

Одновременно с этим вопросы жизненного планирования тесно связаны с формированием образа будущего, под которым понимается «особая ментальная реальность, регулирующая перспективу жизненного пути личности, опосредованная ее прошлым опытом, уровнем индивидуального, социального и профессионального развития, а также сложной системой когнитивных, эмоциональных, мотивационных, поведенческих компонентов отношения личности к себе, к другим, к миру в целом» [3, с. 211].

Таким образом, под смысложизненными ориентациями понимаются особого рода образования в структуре социально-личностных компетенций, которые определяют отношение личности к прошлому, настоящему и будущему в социальном и личностном планах, а также характер взаимодействия в системах «Я – Другие», «Я – Я». При этом в формировании смысложизненных ориентаций важен акцент на «субъектности как качестве личности, обеспечивающем саму возможность целеполагания, планирования, актуализацию личностной активности, ее направленность на самодетерминацию, самореализацию, самопроектирование и, соответственно, на создание конструктивных предпосылок профессионального развития, выбора спутника жизни, в том числе и на профилактику различных форм девиации» [3, с. 213].

Процесс формирования смысложизненных ориентаций предполагает присутствие в ценностно-смысловом поле личности некоторого эталонного образа. Он определяет мировоззренческую позицию и субъективный взгляд личности на все качества объектов и субъектов окружающего мира. Эталонный образ обретает во внутреннем мире личности содержательные и смысловые контуры. В последующем они более четко оформляются при тщательном изучении в процессе регулярной познавательной деятельности. Это реализуется благодаря

более внимательному рассмотрению параметров, признаков и свойств изучаемого окружения. Одновременно с этим через многократный контакт личности с проявлениями окружающей реальности ее внутренний мир обогащается. В результате этого у личности происходит более глубокое понимание многогранности проявлений как внутреннего, так и внешнего мира.

Изучение тонкостей и нюансов эталонного образа, наполняют содержанием сферу внутреннего мира личности. Развивается системность взгляда и объективность в оценивании значения образа с точки зрения его функций и эффектов, оказывающих влияние на окружающую действительность. В то же время через усвоение эталонного содержания образа происходит погружение в особенности его существования в системе окружающего внешнего мира.

Углубление личности в содержание и смыслы эталонного образа приводит ее к генезису сути этого образа. В свою очередь оперирование образом на уровне сути позволяет личности фиксировать его связи с другими проявлениями окружающей действительности. Системность взгляда на реальность позволяет концентрировать внимание на множестве элементов системы. Все это может обеспечивать личности уверенность в способности реализовать свой потенциал и применять его максимально продуктивно и эффективно.

При постоянном практиковании по выделению образов из окружающей реальности, выявлению их эталонного содержания, а также благодаря целенаправленным усилиям, направленным на понимание и погружение в суть образа и его системные связи, возможно добиться созидания продуктов творческой деятельности. Такие результаты творческой деятельности могут служить на пользу окружающему миру и применяться в нем рационально, являя способ реализации творческого потенциала личности.

Таким образом, формирование ценностно-смысловых структур сознания личности происходит в определенной смысловой реальности, в которой смыслы влияют в целом на мировосприятие и образуют матрицу жизненных ориентаций личности.

В условиях информационного общества еще больше обостряются основные проблемы развития личности. Особенную роль играют такие качества личности как критичность к информации, поступающей из множества разных источников и устойчивость мировоззренческой позиции.

В этой связи формирование смысложизненных ориентаций определяется как организованный процесс трансляции смыслов и выстраивания смысловых систем в сознании личности. Данный подход предлагается рассматривать для организации познавательной деятельности, направленной на устойчивое и продуктивное развитие

личности в условиях информационного общества.

Литература и источники

1. Самсоненко, Л. С. Изучение жизненных планов у современных старшеклассников / Л. С. Самсоненко // Балканско научно обозрение. – 2019. – № 3 (5).

2. Асанова, Н. В. Роль смысложизненных ориентаций в развитии личностной идентичности студента в образовательном процессе / Н. В. Асанова // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 8.

3. Белогай, К. Н. Формирование образа будущего в период юности как проблема профессионального образования / К. Н. Белогай, Н. А. Бугрова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 43.

ДИСЛОКАЦИЯ КОЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭКСПАНСИИ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЕНЕРИРОВАНИИ РЕСУРСОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

П. М. Бурак

На основании ряда исследований автор пришел к выводу о необходимости разработки проблемы социокультурной потребности в коэволюции, как одного из важнейших механизмов направленного развития внутрисоциальных и социоприродных отношений, что связано с организацией деятельности по достижению социальной и социоприродной безопасности. Состояние нестабильности в различных странах современного мира подтверждает актуальность и необходимость решения отмеченной проблемы во взаимосвязи с осуществлением стратегической цели достижения гармоничных отношений в обществе и социоприродном взаимодействии. Почему мы полагаем, что существует социокультурная потребность в коэволюции в социоприродном и внутрисоциальном отношениях на уровне индивида, социальной группы, общества, человечества в целом и насколько это важно для раскрытия заявленной темы, осмысления актуальности, теоретико-практической новизны, а также полезности полученного знания?

Во-первых, в условиях проявлений экологического, антропологического, экономического, духовного кризисов в жизни современной потребительской цивилизации, развертывающейся тенденции ее глобального нашествия, захватывающего все сферы жизни и все социальные группы общества и обусловливающего формирование основного вектора их жизненных притязаний, особенно заметной становится необходимость значительной активизации направленной филиации данной потребности во все структурные элементы и компоненты

мировоззрения, в систему нормативов социальных отношений, в проекты социального созидания и самосозидания, в развитие традиций гуманизма.

Во-вторых, потребность в коэволюции относится к фундаментальным потребностям и поэтому ее разностороннее исследование нацеливает на рефлексивное осмысление реальных возможностей ее присутствия в структуре пирамиды всех основных потребностей современного человека в качестве главного систематизирующего звена. Это звено необходимо для формирования новой, адекватной вызову времени целостности личности, уходящей от нормирования своей жизни преимущественно культурой потребительства, заключающегося в предпочтительности антропоцентрической полезности преобразующих действий. Социокультурный стержень новой целостности личности выявляется в социальном сотворчестве, активно утверждающим культуру созидательного потребления посредством продуктивного расширения воспроизводства способностей на основе стратегии взаимосообразного сохранения вновь образуемого единства человека и природы.

В-третьих, для того чтобы приблизиться к выявлению сущности и значения потребности в коэволюции для решения вопросов достижения безопасности в развитии внутрисоциальных и социоприродных отношений необходимо предварительно и желательно поглубже раскрыть ее анатомию. В ряде своих работ мы установили, что к коэволюции некорректно относиться как к средству однозначно исцеляющему общество от односторонности антропоцентрической идеологии жизнеустройства, ведущей человечество по пути потребительства и опасного для него самого разрушения природных основ сохранения человека разумного.

Антропоцентризм имеет глубокие природно-биологические корни, которые заключаются, в особенности, в формировании и развитии на протяжении исторического процесса эволюции энергетической, биохимической, генетической, системоорганизующей, анатомо-физиологической, поведенческой и прочей неравновесности и асимметричности по отношению к неживой природе, направленной на противодействие энтропии. Это обеспечивало определенный «контроль» живого за изменениями окружающей среды и означало появление возможностей опосредования и своеобразного смягчения действия стихийной природной коэволюции, включающей опасные для жизни стихийные процессы, что повышало шансы самосохранения.

Коэволюция живой и неживой природы таким образом «превращалась» живым в асимметричную как важнейшее его адаптивное приспособление, способствующее самосохранению, ибо в определенной степени устранялись опасные для жизни проявления стихии природного взаимозависимого развития. Найденное «решение» в специфических

формах эволюционно распространилось на внутри – и межвидовые взаимосвязи в мире самого живого. Возникли самые разнообразные сохраняющие, адаптивные укрытия – норы, гнезда, плотины, муравейники и т. п., что В. И. Вернадский называл «техникой жизни». Человек, как живое существо, как органическая часть биосферы прошел длительный исторический путь качественного совершенствования технологий создания укрытий сохраняющих его жизнь от воздействия неблагоприятных проявлений стихийной природной коэволюции вплоть до техносферы глобальных масштабов. Тем самым он в таких же масштабах фактически стихийно осуществил проект формирования асимметричной коэволюции для собственного сохранения, но при этом перешел допустимый предел разрушения естественной природы и это означает что он собственноручно запустил никем не контролируемый механизм искусственно созданной стихийной коэволюции, которая запустила новые процессы неблагоприятных, опасных для самого человека природных изменений.

В-четвертых, биологическая жизнь «растеклась» по нашей планете, изменяя ее, превращаясь в мощную геологическую силу (В. И. Вернадский) и одновременно изменяясь сама (коэволюция), а следом за ней человек «освоил» и «присвоил» весь земной шар с «успехом» лишая жизни множество биологических видов из общего дома – биосферы. Такая экспансия в обоих случаях осуществляется по типу асимметричной коэволюции состоящей в генерировании ресурсов как биологических (внутренних), так и неживой природы, при одновременном совершенствовании соответствующих форм жизни. Существенная разница в том, что человек проводит стратегию асимметричного подчинения в развертывании им коэволюции живой и неживой природы поскольку он не в состоянии отменить закон их взаимозависимого существования, взаимообусловленных изменений. В. И. Вернадский писал, что «живое вещество» создает стихийно среду своего существования.

В-пятых, из сказанного выше вытекает, что природную и социоприродную коэволюцию некорректно рассматривать в качестве однозначного блага как в сохранении биологической жизни, так и в формировании гармоничных отношений общества и природы. Явление коэволюции фактически выражает экспансию по генерированию ресурсов сохранения ее «участников», представляющих формы биологического и биосоциального бытия. Это означает, что коэволюция протекает как процесс взаимосвязанных тенденций упорядочения и разупорядочения, созидания и разрушения. Поэтому главный вопрос достижения гармоничных отношений в обществе и в социоприродном взаимодействии заключается в компетентной регуляции соотношения противоположных, различных ее тенденций.

В-шестых, данное методологическое требование весьма актуально для развития стратегии коэволюционного регулирования отношений

между различными субъектами современной истории, поскольку во многом социальная нестабильность коренится в асимметричной экспансии генерирования ресурсов иных субъектов, обусловленной интенциями новой антропоцентрической стратегии, с применением разнообразных современных технологий разупорядочения ресурсов, их целостности и самосохранения. Коэволюционные механизмы могут конструироваться и использоваться в целях достижения односторонней выгоды и, таким образом, коэволюция может быть превращена в средство нестабильности.

В этой связи есть два вопроса: изучение онтологической сущности коэволюции и предотвращение разрушительного направления дислокации коэволюционной экспансии в процессах одностороннего генерирования ресурсов стабильного социокультурного бытия человека и общества и переход к гармоничной системе социальных отношений на основе взаимовыгодной, созидательной направленности коэволюции. В этом и состоит суть решения проблемы формирования потребности в коэволюции как социокультурном феномене.

МЕЖДУНАРОДНО ПРИЗНАННОЕ ПРАВО НА СВОБОДУ СОВЕСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С. А. Бурьянов

Международно признанное право на свободу совести, как возможность свободного мировоззренческого выбора, является юридическим измерением духовно-нравственной сферы современного глобализирующегося общества [6]. В условиях неравномерного развития глобальных процессов и беспрецедентного развития глобальных цифровых технологий крайне остро проявляют себя риски их использования для нарушений прав человека, включая право на свободу совести.

Эволюция концепции международно признанной свободы совести прошла путь от защиты прав религиозных меньшинств на основе межгосударственных соглашений в XVI в. к становлению международной защиты религиозной свободы в XVIII в. – первой половине XX вв (в рамках Лиги Наций) и закреплению и развитию свободы мысли, совести и религии, как составляющей международной системы защиты прав человека в средине XX в. – концеXX в (в рамках Организации Объединенных Наций, региональных и субрегиональных организаций). Международно признанное право на свободу совести, концепция мировоззренческого нейтралитета государств тесно взаимосвязаны с толерантностью и противодействием ксенофобии, нетерпимости и дискриминации, закрепленных в принципах и нормах международного права, а также во внутригосударственном праве России и других государств [4, с. 25–28].

Современные глобальные процессы являются в основном объективными и направлены на формирование планетарной интегрированной общественной техноприродной системы. Однако, составляющие ее подсистемы развиваются крайне неравномерно, что в конечном итоге предопределяет нестабильность международных отношений, глобальные вызовы и угрозы, препятствующую устойчивому развитию мирового сообщества и отдельных государств. Таким образом, глобальные процессы оказывают существенное влияние на международные отношения и международное право. Формирование интегрированных открытых взаимозависимых общественных подсистем требует кардинального переосмысления международных отношений и поиска инновационных направлений реформирования международного права.

Глобальные вызовы затронули многие сферы общественных отношений, а также взаимодействий общества, техносферы и сил природы, что является следствием неравномерности развития глобальных процессов [5, с. 247–251]. Среди следствий неравномерного развития глобальных подсистем и дисбаланса в развитии глобальных процессов следует выделить глобальные вызовы и угрозы в международно-правовой сфере, включая сферу безопасности, что выдвигает проблемы перехода к устойчивому управляемому развитию международного сообщества и его участников. В частности, осознание важности проблем устойчивого развития нашло свое отражение в документах Организации Объединенных Наций, региональных, межрегиональных и субрегиональных организаций.

Усложнение и глобализация общественных отношений требуют реализации большей свободы индивида, воплощаемой в международно признанных правах человека, включая право на свободу совести, что предопределяет необходимость совершенствования норм и механизмов международного сотрудничества [2, с. 38–41]. Важными условиями преодоления глобальных вызовов и перехода к устойчивому управляемому развитию цивилизации являются: преодоление барьеров в интеграции государств; устранение дисбаланса в развитии глобальных процессов; достижение состояния сбалансированности и управляемости глобальных подсистем. Одним из самых серьезных препятствий позитивной интеграции государств и формирования интегрированной социотехноприродной системы являются исторически сформированные разделительные этноконфессиональные противоречия, основанные на союзе религии и политики и лежащие в основе национальных государств.

В последние годы усилились тенденции перехода человеческой цивилизации к цифровой фазе глобализации 4.0. По мнению К. Шваба «характер происходящих изменений настолько фундаментален, что мировая история еще не знала подобной эпохи – времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей» [8]. Исследователь

указывает на зарождающиеся небывалые возможности «в самом широком спектре областей, включая, для примера, искусственный интеллект (ИИ), роботизацию, интернет вещей (ИВ), автомобили-роботы, трехмерную печать, нанотехнологии, биотехнологии, материаловедение, накопление и хранение энергии, квантовые вычисления» [8, с. 8]. В другой работе, основанной на материалах Давосского экономического форума, исследователь отмечает дальнейшее развитие цифровых технологий «способных полностью изменить сложившиеся способы восприятия окружающего мира, обработки данных, координации действий, производства продуктов и услуг». «Со временем эти технологии изменят все, что сегодня мы воспринимаем как должное – от механизмов производства товаров и услуг до инструментов для общения, работы и восприятия окружающего мира. Уже сегодня достижения в области нейротехнологий и биотехнологий заставляют нас задуматься над тем, что значит быть человеком» [7, с. 21].

В частности, опасность для свободы мировоззренческого выбора могут представлять технологии, позволяющие вопреки воле человека, воздействовать на работу его головного мозга, а также извлекать, хранить и обрабатывать информацию [3, с. 123–131]. Упомянутые нейротехнологии в сочетании с иными технологическими возможностями, такими как интернет вещей, искусственный интеллект, распознавание лиц и др., могут быть использованы для контроля над человеком и лишить его свободы мировоззренческого выбора.

В качестве «противоядия» от использования цифровых технологий для тотального контроля над людьми («большой брат»), а также от потенциальных угроз выхода из-под контроля сверхсильного искусственного интеллекта («восстание машин»), представляется перспективным развитие цифровых прав человека [1, с. 63–66]. Цифровые права человека – это принадлежащие каждому от рождения и закрепляемые в формах международного и внутригосударственного (а в будущем, в формах глобального) права возможности: 1) доступа к сети Интернет, средствам цифровой индивидуализации и хранения цифровых активов, а также к иным технологиям защиты жизни, личных персональных, биометрических, биологических и пр. данных; 2) доступ к управлению делами общества (государственному, а в будущем к системе глобального управления) через цифровые технологические платформы (комплексы); 3) в сфере владения, пользования и распоряжения цифровым имуществом (активами), осуществления цифровой экономической деятельности (транзакций, цифровых сделок и пр.), доступа к системам цифровой безопасности; 4) получения социальных услуг на базе цифровых технологических платформ; 5) цифрового доступа к культурным ценностям и образованию. Подразумевается, что реализация упомянутых возможностей на основе равноправия и без дискриминации приведет к

пользованию социальными благами в интересах развития и самореализации личности, а в итоге, к устойчивому развитию глобального общества.

Развитие глобальных цифровых технологий, в частности, нейротехнологий, в сочетании с интернетом вещей, искусственным интеллектом, распознаванием лиц и др., несут потенциальные угрозы установления тотального контроля над мировоззренческой сферой человека. В этих реалиях для защиты права на свободу совести требуется разработка и правовое закрепление цифровых прав человека, прежде всего в международном праве, а также на уровне внутригосударственных правовых систем [1, с. 36]. В итоге, это будет способствовать достижению безопасности личности, общества, государства, мирового сообщества.

Литература и источники

1. Бурьянов, М. С. Врата в глобальное право: глобальные цифровые права человека / М. С. Бурьянов // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2020. – № 2. – С. 63–66.

2. Бурьянов, М. С. Деконструкция права на фоне глобализации и планетарных рисков / М. С. Бурьянов // Интеллектуальная культура Беларуси: когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания: материалы Четвертой междунар. науч. конф., Минск, 14–15 ноября 2019 г.: в 2 т. / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Т. 1. – С. 38–41.

3. Бурьянов М. С. Цифровизация права в контексте глобализации / М. С. Бурьянов // Глобализация и публичное право: материалы Международной научно-практической конференции, 22 ноября 2019 г. – М., 2020. – С. 123–131.

4. Бурьянов С. А. Значение и перспективы международно признанных прав человека, включая свободу мысли, совести и религии, в условиях глобализации общественных отношений / С. А. Бурьянов // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 12 (91). – С. 25–28.

5. Бурьянов, С. А. Стратегические перспективы развития права и юридического образования в условиях современных глобальных процессов / С. А. Бурьянов, А. И. Кривенький // Основные тенденции и перспективы развития современного права: Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 19 апреля 2018 г. / Под общ. ред. Д. А. Пашенцева. – М., 2018. – С. 247–251.

6. Никитаев, Д. М. Проблемы реализации свободы совести в современной России и мире: монография / Д. М. Никитаев, С. А. Бурьянов. – М.: Русайнс, 2020.

7. Schwab, K. Shaping the Fourth Industrial Revolution. – Portfolio Penguin. 2018.

8. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution. – New York: Crown Business, 2017.

КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ОПИСАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

М. К. Буслова

В современном мире сложилась ситуация при которой ни одно государство не может осуществлять свою политику без учета интересов мирового сообщества. Хотя в то же время происходит борьба за сферы влияния, за рынки сбыта, сырьевые источники и за овладение стратегически важными районами мира. Это приводит к тому, что наблюдается тенденция формирования «однополюсного» мира, возрастает социально-экономический разрыв между некоторыми регионами. Особенно это проявляется в отношениях между высокоразвитыми и так называемыми странами «четвертого мира». То есть на фоне процессов интеграции, присутствуют и явно выраженные противоречия, проявляющиеся в форме различного рода конфликтов.

В настоящее время источником трансформации являются в основном высокоразвитые западные страны. Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой оказываются в разных стартовых условиях, что приводит к значительному различию в уровне их благосостояния и степени вовлеченности в процессы глобализации. Огромная разница в экономическом и технологическом развитии стран современного мира порождает ситуацию, при которой слаборазвитые и развивающихся государства вынуждены пользоваться капиталом, техникой и технологиями высокоразвитых стран. В результате бедные страны оказываются в зависимости или изоляции от высокоразвитых стран и подвергаются разрушительному освоению путем обособления и изъятия финансовых и интеллектуальных ресурсов. Такая ситуация характеризуется таким новым понятием, как «ловушка глобализации». «Конченые страны» – тоже новое понятие и характеризует страны, попавшие в эту ловушку и навсегда потерявшие ресурсы развития. Вместе с тем, в современном мире позиция полуизоляции скорее всего приведет сначала к экономическому застою, а затем к последствиям, которые пока трудно предсказать. Очевидно, что возникает серьезная угроза для информационной, политической и культурной экспансии со стороны высокоразвитых стран по отношению к развивающимся.

Еще несколько лет назад концепции устойчивого развития и глобализации, как превалирующих тенденций современного мира, в какой-то мере конкурировали. Причем первая из вышеупомянутых рассматривалась как гуманистический проект, в котором признается позитивная роль технологических новаций, но на первый план выдвигается человек как главная ценность. По мнению авторов проекта, человеческие знания и способности должны стать основным потенциалом общества,

ищущего выход из кризиса. Но поскольку потенциал человеческих способностей может быть раскрыт только в процессе преодоления отчуждения человека, то следует как можно больше расширять сферу демократического участия в общественной жизни. Предполагался, в первую очередь, демократический контроль над введением и использованием новых технологий. Разрабатывались проекты гуманизации экономики в целом, где материальное производство функционирует ради человека, а не производство ради прибыли и показателей плана (в чем более всего были заинтересованы бюрократические структуры). В рамках этого проекта отвергается приватизация как самоцель, но декларируется гуманизация, демократизация всех видов собственности.

Концепция устойчивого развития включает в себя: исторический подход, основанный на выявлении и изучении кризисов и катастроф, произошедших вследствие человеческой деятельности; футурологическую направленность, то есть своеобразное переплетение поисковых и нормативных прогнозов, способствующих созданию проектов и предсказанию возможных последствий их осуществления для мирового развития; эвристическую направленность, проявляющуюся на двух уровнях. На первом связь анализируемой теории с процессом познания природы и общества носит опосредованный характер, на втором происходит непосредственное выдвижение новых теоретических положений и практических рекомендаций. Основной целью концепции устойчивого развития является решение проблемы выхода человечества из состояния «неустойчивости», переходного периода и создания нового социального порядка. Но поскольку новый социальный порядок – это ни что иное, как новый тип общества, то концепция устойчивого развития является научным обоснованием дальнейшего прогресса современного общества на основе возможностей собственных внутренних ресурсов, а не на безграничной экспансии и количественном росте.

Гуманистический проект социальных преобразований охватывает политику и культуру, экологию и информацию. Он развернут к глобальным проблемам, будущему мировому сообществу и включает в себя разнообразные модели нового международного порядка.

Вторая концепция – глобализация – в настоящее время становится превалирующей тенденцией мирового развития, продолжая в модифицированной форме уже существовавшие ранее процессы прогресса и модернизации. Модели построения постиндустриального общества в различных странах в основном отличаются по выбранным приоритетам, но в последнее время и по позиционированию к процессам глобализации. Следует отметить, что современного периода глобализации могло бы не быть без развития новых информационных технологий и их стремительного распространения.

Процессы интеграции и взаимодействия между различными

странами и народами в той или иной мере проходили на протяжении долгого исторического периода. Но только в современную эпоху мировое сообщество включается в единую, а вместе с тем и разнообразную систему экономических, политических, культурных, информационных связей.

В современном обществе, по сравнению с предшествующими временами, претерпели значительные изменения место, статус и судьба человека, превращаясь в проблему, решаемую каждым индивидуально, на фоне преодоления страха перед будущим и необходимостью идти на риск. Именно неопределенность будущего как индивидуального, так и общественного, негативно влияет на духовно-нравственное состояние общества и ставит перед человеком проблему выбора дальнейшей стратегии жизнедеятельности в ситуации чаще всего непредсказуемых последствий.

Содержание понятия «безопасность» означает отсутствие опасностей или наличие возможностей надежной защиты от них. Стало очевидно, что когда каждый из его аспектов как военный, так и политический, экономический, социальный, экологический играет свою роль. Психологическая безопасность – один из аспектов национальной безопасности, состояние общественного сознания, при котором общество в целом и каждый конкретный человек принимают существующее качество жизни как адекватное и устойчивое, в связи с тем, что создаются реальные возможности для удовлетворения потребностей в настоящем, и имеются основания для уверенности в будущем.

При создании систем безопасности в расчет необходимо принимать инновационные процессы, связанные с глобализацией, региональной интеграцией, развитием социальных систем, новых технологий и стремительным распространением информационных технологий. Система безопасности выступает как специально созданный свод правовых норм, законодательных и исполнительных органов, а также средств, методов и направлений их деятельности по обеспечению надежной защиты объектов безопасности, и представляет собой непрерывный процесс, заключающийся в обосновании и реализации наиболее оптимальных методов, способов и путей совершенствования и развития системы безопасности, выявлении потенциальных опасностей и угроз.

Происходящая в последнее время акцентуация на двойственности процессов глобализации, объясняет факт происходящей универсализации принципов международных взаимодействий в самых различных сферах жизнедеятельности человека – политической, финансовой, технологической, культурной и т. д. Одновременно происходит усложнение внутренней структуры и системы взаимодействий нового мирового порядка, что можно характеризовать как важный фактор укрепления стабильности.

Для Республики Беларусь, как и многих других стран, возникает

проблема мегатрендов или основных направлений, определяющих дальнейшие перспективы развития, поскольку отказ от включенности в процессы глобализации означает полную изоляцию, что, возможно, может привести в конечном счете к полному упадку страны.

ФИЛОСОФИЯ БУДУЩЕГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ОТ ЦИФРОВИЗАЦИИ БЫТИЯ К ОЦИФРОВКЕ СОЗНАНИЯ

Г. В. Ваныкина, Т. О. Сундукова

Современное общество трансформируется в цифровое, при этом, технические средства и алгоритмы опосредуют большую часть повседневной деятельности людей. Степень цифровизации и ее последствия для общества в целом и каждого члена социума в отдельности трудно точно спрогнозировать, потому что большинство людей не имеют непосредственного опыта взаимодействия с цифровыми ресурсами [1]. Цифровизация абстрактна и трудна для понимания, что приводит к отстраненному восприятию цифрового окружения. По мнению зарубежных исследователей в области социальных и гуманитарных проблем переходного периода, для понимания природы и будущего цифрового общества необходимо воплощенное понимание цифровизации. Такое понимание должно использовать иные способы познания, нежели рациональное мышление, бросать вызов существующим нарративам и переходить от подготовки к будущему к исследованию новизны.

Мы фокусируемся на важности более широкого понимания цифровизации в области образования и делаем вывод, что необходим более разнообразный взгляд для расширения возможностей людей принимать активное участие в цифровом обществе. Рассмотрим понятие «цифровое восприятие» для анализа осведомленности и вовлеченности в цифровой мир, под которым понимается активное создание смысла и существование в мире, который состоит как из цифрового, так и из физического мира. Посредством цифрового фокусирования виртуального мира можно создать этическую и эстетическую привязанность к обществу. Цифровое восприятие может дать людям возможность понять и подвергнуть сомнению выбор и мотивы, стоящие за текущими цифровыми структурами, создать новые структуры, что можно рассматривать как важный подход к формированию будущего цифрового общества.

Цифровые технологии стали повсеместными и частью повседневной жизни, в то же время общество становится все более зависимым от цифровых технологий и инфраструктуры. Тенденция заключается в более широком использовании цифровых технологий, с большой популярностью искусственного интеллекта и прогнозом бесконечно растущей и эффективной цифровой экономики. Тремя основными источниками

изменений в цифровизации были названы машинное обучение, платформенное мышление и массовые действия [1].

Переход к цифровым технологиям привел к значительным изменениям в технологиях за счет введения «метаслоя кода». Цифровые технологии опираются на код, который может быть изменен, обновлен, исправлен, взломан, сохранен и проанализирован без изменения самой физической машины [2]. Программируемый и перепрограммируемый характер цифровых технологий, а также возможность сбора и анализа данных побуждают к более активному использованию цифровых технологий. Кроме того, гибкость и адаптивность кода более тесно связывают людей с машинами, создавая новые формы агрегатов между членами социума и нематериальными объектами [2].

Цифровые технологии взаимодействуют в структурах общества множеством различных, сложных и даже противоречивых способов. Информационное общество можно даже рассматривать как общество, которое зависит от вычислений информации, подчеркивая роль цифровых технологий в обществе. D. Berry отмечает, что переход к вычислительному информационному обществу можно рассматривать как переход от предыдущей цифровой эры к новому постцифровому миру, в котором цифровое стало полностью связанным и конститутивным для повседневной жизни и так называемой цифровой экономики [2, с. 15].

В настоящее время много дискуссий разворачивается по поводу конфиденциальности, безопасности и владения данными [2; 3]. Атаки на различные части информационной сети, от принадлежащих компании серверов, полных личной информации клиентов, до серверов доменных имен, критически важных для функционирования сети, показывают новые слабые места и риски цифровой эпохи. Компании, использующие цифровые сети и платформенное мышление, влияют на реформирование существующих отраслей. Цифровые инструменты также открывают новые возможности для организации действий на базовом уровне и, таким образом, бросают вызов существующим структурам принятия государственных решений.

Компетенциями полноправных членов цифрового общества можно считать способности: понять, что означает цифровизация – общий термин для обозначения тенденций и последствий все более широкого использования цифровых технологий; предложить альтернативы нынешнему нарративу. Потребность в способности понимать и действовать во все более цифровом мире, или, согласно D. Berry, о постцифровом мире, где цифра тесно переплетена с физическим, особенно важна в образовании [2, с. 47]. Для образования недостаточно только обучать навыкам программирования или даже навыкам кодирования, необходимо более широко готовить учащихся к постцифровому миру. Восприятие современного цифрового мира определяет, какие виды

будущего считаются возможными.

Одной из теоретических проблем научности цифровизации можно считать отсутствие четкого толкования терминов, используемых для описания явлений и последствий, связанных с цифровизацией и распространением цифровых технологий. Необходимо определить понятия вокруг цифрового контента и провести различие между цифровым как аспектом вещи или технологии, цифровизацией как явлением или тенденцией и цифровизацией как условием цифрового мира [4; 5].

Термин «цифровой» берет свое начало от латинского слова *digitalis* и относится к цифрам. Оцифровка – это нечто дискретное в противоположность непрерывности. В информационных технологиях термин «цифровой» относится к двоичной системе счисления, которая была принята в середине XX века в качестве основной логики для архитектуры компьютеров [6]. Бинарная система и логическая структура, построенная поверх нее, также предполагали возможность перепрограммировать и обновить техническое средство без его физического изменения, что можно было рассматривать как один из наиболее значительных прорывов и характеристик цифровых устройств [6].

Под цифровизацией мы понимаем действия по преобразованию различных ранее физических или аналоговых действий в цифровые информационные системы. Прогресс в цифровизации привел к обширным и разнообразным перспективам будущего общества и культуры. Цифровизацию называют одним из мегатрендов, формирующих будущее [7].

Цифровизация – это ключевая мотивация для концепции оцифровки. N. Negroponte считает, что цифровой переход необратим и неудержим [7, с. 47], утверждая, что все, что может быть оцифровано, будет оцифровано. Он определяет оцифровку как концепцию, относящуюся к жизни в цифровой и оцифрованной культуре [7, с. 24]. Таким образом, цифровизация относится не только к философской математической системе или фундаментальным технологическим аспектам, построенным на основе бинарной структуры, но и к влиянию цифровых технологий на наше общество. Данные проблемы часто переплетаются с технологическими изобретениями, но не всегда являются их прямым следствием. Цифровые технологии позволили собирать и перекодировать различные сигналы в один универсальный цифровой сигнал, который теперь в широком смысле называют данными. Одна цифровая система может использоваться для представления мультимедийных изображений, звука, движения, текста, называемых данными [7]. В данном контексте цифровизацию можно рассматривать как более культурный и социальный способ рассмотрения феноменов, связанных с цифровым.

Многие постгуманистические и трансгуманистические дискурсы

рассматривали цифровизацию как тенденцию ко все большему использованию цифровых технологий с различных точек зрения, начиная от теории ИИ (искусственного интеллекта) к загрузке сознания в компьютер как способе спасения человечества к более воплотившимся аргументам о цифровизме. Данные теории бросают вызов друг другу с точки зрения понимания и интерпретации природы цифровизации, в итоге формируют философию цифрового бытия и цифрового сознания.

Литература и источники

1. McAfee, A. Machine, platform, crowd: Harnessing our digital future / A. McAfee, E. Brynjolfsson. – WW Norton & Company, 2017. – 416 p.

2. Berry, D. The philosophy of software: Code and mediation in the digital age / D. Berry. – Springer, 2016. – 214 p.

3. Gangadharan S. P., Eubanks V., Barocas S. Data and discrimination: Collected essays // Open Technology. – 2014. – 64 p.

4. Dufva, T. Metaphors of code – Structuring and broadening the discussion on teaching children to code /T. Dufva, M. Dufva // Thinking Skills and Creativity. – 2016. – Vol. 22. – P. 97–110.

5. Williamson, B. Political computational thinking: Policy networks, digital governance and ‘learning to code’/ B. Williamson // Critical Policy Studies. – 2016. – Vol. 10, № 1. – P. 39–58.

6. Ceruzzi, P. E. Computing: a concise history / P. E. Ceruzzi. – MIT Press, 2012. – 98 p.

7. Negroponte, N. Being Digital / N. Negroponte. – London, UK. – 1996. – 243 p.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ: КОНЦЕПТ «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

В. Н. Ватыль

Одним из значимых элементов системы национальной безопасности Республики Беларусь является безопасность в гуманитарной сфере. Гуманитарная безопасность представляет, по сути, состояние защищенности жизни, здоровья, образования и социального благополучия граждан государства, а также духовно-нравственных традиций, ценностей и идеалов общества от реальных и потенциальных угроз. Гуманитарная безопасность является, во-первых, условием и средством национальной защищенности в целом, во-вторых, целью и результатом взаимодействия с другими сферами безопасности страны. Важным компонентом системы обеспечения безопасности в гуманитарной сфере является информационная надежность. События августа 2020 года и последовавшие за ними противоречивые социально-политические процессы в Беларуси

подтвердили подобную взаимосвязь. Контекстуальным фокусом ее проявления стало информационное противоборство, в оптике которого выявились зримые и скрытые угрозы для гуманитарной безопасности нашей страны.

Информационное противоборство, осуществляемое сегодня посредством применения интернет-технологий, представляет усиливающуюся конкуренцию между политически заинтересованными акторами за такие информационные ресурсы, с помощью которых возможно оказывать существенное влияние на процессы управления общественным сознанием в широких масштабах, позволяя субъектам коммуникационного воздействия эффективно конструировать восприятие обществом политической реальности и формировать нужные интересантам модели поведения. Интернет как актуальное пространство политических коммуникаций на сегодняшний день трансформировался в глобальную коммуникационную среду, которая обладает мощным манипулятивным потенциалом, позволяющим продуктивно осуществлять транзит ценностей, символов и смыслов со стороны технологически развитых государств в национальные сегменты информационного пространства других и обеспечивать, путем применения технологий интернет-коммуникаций, значительное снижение стабильности существующих национальных политических режимов в государствах-мишенях.

Манипуляционный потенциал интернет-ресурсов, обладающих экстерриториальностью, мультимедийностью и интерактивностью, также обуславливают необходимость актуализации и переоценки роли интернет-пространств в процессе развития современного общества, особенно в периоды его конкурентно-конфликтного состояния. Существующие в настоящее время в интернете технологии информационной коммуникации активно применяются для разрушения традиционных символьных и культурных пространств, создания и внедрения в массовое сознание инородных общественно-политических символов и ценностей, а также для формирования политических мифов и стереотипов, деструктивным образом влияющих на стабильность национальных политических режимов. С развитием интернета как пространства политических коммуникаций появились и формы сетевой пропаганды, в основании которых лежит новая модель, сконструированная на принципе косвенной трансляции определенных модусов мировосприятия и поведения в режиме интерактивного взаимодействия. Такого рода неявное пропагандистское воздействие охватывает массовую аудиторию, формируя выгодную субъектам воздействия картину современной действительности. Большинство стран на сегодняшний день оказалось не готово к противодействию таким технологиям сетевой пропаганды. Информационное воздействие и манипулирование в августовских и последующих событиях в нашей стране являются тому подтверждением.

Технологии информационного противоборства сегодня активно используются в сценариях «цветных революций». Надо напомнить о том, что этот феномен возник на волне обострения мировых экономических и политических процессов, а также развернувшейся между ведущими державами борьбы за новый передел мира. Его первым проявлением считают «бульдозерную революцию» в Сербии, которая произошла в 2000 году. Затем «революция роз» в Грузии в 2003 году, «революция кедров» в Ливане в 2005 году, «оранжевая революция» и евромайдан в Украине в 2004 и 2014 годах, «тюльпановая» и «дынная» революции в Киргизии в 2004 и 2010 годах, «сиреневая» революция в Молдавии в 2010 году, потрясения 2018–2019 годов в Армении, «белоленточная» революция в Беларуси 2020 года, радикальные события арабской весны в Тунисе, Египте, Йемене, Алжире и Омане в 2010–2011 годах и, наконец, непрекращающиеся беспорядки и кровопролитные столкновения по сей день в Ливии и Сирии.

Несмотря на различие цветовой гаммы, всем практикам перечисленных революционных форматов присущи единый контекст, сценарий и социальные последствия: спекуляции на сложностях перемен, экстремистские действия с ориентацией на государственный переворот, дезорганизация экономики и понижение уровня жизни населения, последующие конфликты в обществе, нередко перерастающие в очаги гражданской войны, прямое или косвенное иностранное управление.

Обобщая уроки «цветных революций», зададимся главным вопросом: каковы их истинные цели? По сути, «цветные революции» представляют собой детально проработанные программы вмешательства третьей стороны во внутренние дела с намерением дестабилизации и смены политического режима в своих интересах. Реализация подобных программ осуществляется посредством применения технологий по дискредитации национальной политической элиты и руководства государства в массовом общественном сознании, «вброса» протестных моделей поведения с их последующей радикализацией, популяризацией ценностей, символов и идеалов, отличающихся от традиционных для данного общества. Скоординированные группы стремятся в итоге расшатать и дестабилизировать ситуацию в стране, расширить негативное воздействие в информационном поле с целью подрыва авторитета органов власти, «очернения» конкретных должностных лиц, общественных деятелей, сотрудников правоохранительных органов. Часто политические провокации осуществляются в период подготовки к избирательным кампаниям, а также непосредственно в день голосования.

Основным триггером реализации обозначенных технологий, как свидетельствует практика «цветных революций», становятся информационно-коммуникативные механизмы и приемы. Особые черты и элементы одежды, аксессуары, украшения, значки, нашивки, граффити и

надписи, печатная продукция, листовки, газеты, баннеры создают определенный фон «цветных революций». По мере реализации таких революций задействуются вызывающие стили поведения. Протестные массы берут на вооружение перформансы, флешмобы, представляющие собой кратковременные, выразительно-импульсивные массовые акции, которые могут переходить в более широкие действия протестной направленности – демонстрации, митинги, никнеймы, в том числе с привлечением механизмов социально-политической драматургии. Используются ресурсы соцсетей, блогов с определенной целевой аудиторией.

В этом ряду значимое место режиссерами и исполнителями «цветных революций» отдается фейковым новостям – сообщениям заведомо ложного резонансного характера, способным вызвать в обществе нездоровый ажиотаж, а вдохновителям потрясений на время перехватить инициативу. В сочетании с приемами театральной драматургии и вирусными технологиями фейковые новости могут использоваться экстремистами для формирования социально-политической напряженности, провоцирования паники, протестных настроений, что создает существенные угрозы национальной безопасности страны. Для их снятия и противодействия государству необходимо применять всю полноту мер институционально-организационного, правового и информационного характера.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОСИТСЕМЫ ИННОВАЦИЙ

О. А. Вашко, Х. Висмет, И. М. Вашко

Направленность на устойчивое развитие общества и построение социально-ориентированной экономики предполагает широкое внедрение инноваций во все сферы жизни общества и обусловливает необходимость формирования и развития экосистемы инноваций в Беларуси.

Согласно определению, данному в Конвенции о биологическом разнообразии (ООН, 1992 г.), «экосистема означает динамичный комплекс сообществ растений, животных и микроорганизмов, а также их неживой окружающей среды, взаимодействующих как единое функциональное целое» [1]. Инновационное развитие социально-экономических систем привело к трансформации понятия экосистемы и его использованию в новом ракурсе. С учетом этого, в 2006 г. Р. Аднер предложил такую трактовку этого термина: экосистема инноваций определена как совокупность механизмов сотрудничества, с помощью которых организации объединяют свои индивидуальные предложения в единый процесс, позволяющий выработать инновационное решение, ориентированное на потребителя [2]. Аналогия с биологической

экосистемой отражает взаимодействие большого количества участников (стейкхолдеров), которое обусловливает синергетический эффект в инновационном развитии на основе реализации открытых процессов.

В основе формирования концепции экосистемы инноваций лежит концепция бизнес-экосистем, предложенная Дж. Ф. Муром в 1993 г. Согласно определению Мура, в бизнес-экосистеме субъекты совместно развивают возможности новой инновации: они взаимодействуют на конкурентной основе для поддержки новых продуктов, удовлетворения новых потребностей клиентов и, в конечном итоге, внедрения следующего раунда инноваций [3].

В результате анализа структуры экосистемы инноваций выделяют следующие ключевые компоненты, характерные для всех систем: субъекты, сотрудничество, деятельность, институты и коэволюция, продукты и технологии [4]. Васконселос Г. и др (2018) отмечают, что формирование и развитие концепции экосистемы инноваций отчасти стало реакцией на ориентацию ее субъектов на конкуренцию, что отмечалось в ранее опубликованных исследованиях, посвященных бизнес-экосистемам, и то, что в концепции экосистемы инноваций значимый акцент делается на ценности создаваемых продуктов и эффективном сотрудничестве акторов [5].

Таким образом, переход от концепции бизнес-экосистемы к экосистеме инноваций сместил акцент с конкуренции акторов к сотрудничеству. В то же время, следует учитывать, что концептуализация социального поведения акторов должна быть направлена на обеспечение сбалансированности общности, ясности понимания и конкретики при реализации инноваций. Развитие концепции экосистемы инноваций является важным для точного определения таких системных аспектов, как стратегии активизации разработки и реализации инновационных проектов, дружественные интерфейсы, обеспечивающие достижение дополнительных преимуществ при взаимодействии участников, что имеет особое значение в условиях развития цифровой экономики. В современных исследованиях экосистемы инноваций подчеркивается значимость субъектов, взаимодействующих в системе, осуществляемых видов деятельности и создаваемых отношений, включая сотрудничество, взаимодополняемость и конкуренцию при разработке и использовании инновационных продуктов и технологий, важность общественных институтов поддержки.

Эволюционирующий характер экосистемы инноваций приводит к тому, что экосистемы формируются и развиваются на наднациональном, национальном, региональном и корпоративном уровнях. Некоторые исследователи выделяют и индивидуальный уровень развития экосистемы инноваций. Исследование этих компонентов соответствует концепции природных (биологических) экосистем. В биологических экосистемах

разные виды часто конкурируют за одни и те же ресурсы, и когда объем какого-либо ресурса уменьшается, виды могут заменить его, что в последствии может привести к снижению конкуренции видов. Многочисленные примеры этого представлены как в природных экосистемах, так и в экосистемах инноваций.

Дополнительные и замещающие отношения между субъектами экосистемы инноваций могут включать права собственности и использования, трансформирующие отношения (совместные, взаимодополняющие и конкурентные, замещающие отношения) и внешние эффекты. Открытые инновационные процессы позволяют избежать замкнутости и придают гибкость динамической экосистеме инноваций.

С одной стороны, инновации создают ценность по определению, так как обладают новизной для всех и полезностью для некоторых участников, но они также имеют тенденцию разрушать ранее признаваемые ценности, нанося вред некоторым акторам, осуществляющим свою деятельность в системе. Дополнительные и замещающие эффекты от инноваций, особенно экономически крупных и технологически радикальных, как правило, взаимодействуют в ходе их распространения на определенном рынке.

Следует отметить, что проблемы, возникающие в развитии биологических экосистем, имеют отражение и в эволюции экосистем инноваций. Конкуренция в рамках биологических систем, воздействие неблагоприятных внешних факторов приводит к тому, что системы утрачивают ряд важных компонентов, имеющих значение, в том числе и для развития человека, что вызывает необходимость обеспечения безопасности для самих экосистем. С учетом роли и значимости человека в развитии экосистем, в ряде стран уделяется пристальное внимание экологической направленности инноваций. Разработка и внедрение эко-инноваций на основе изучения лучших практик и передачи прогрессивных знаний приобретает все большую значимость [6]. Формирование и развитие элементов экосистемы инноваций, их взаимодействие обеспечивает синергетический эффект в реализации инновационных процессов и развитии экономики.

Исходя из анализа формирования и развития экосистемы инноваций, можно сделать вывод, что в условиях возрастания глобальных экологических рисков особенно важным становится формирование социально и экологически ответственной жизненной позиции всех акторов системы, гуманистического мировоззрения человека, направленного в своей деятельности на обеспечение устойчивого развития общества в долгосрочной перспективе. Необходимыми являются активизация разработки и внедрения эко-инноваций на основе развития экосистем инноваций и конструктивного сотрудничества и взаимодействия акторов в данной сфере.

Литература и источники

1. Конвенции о биологическом разнообразии: ООН, 1992 г [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ ru/ documents/ decl_conv/ conventions/ biodiv.shtml. – Дата доступа: 08.08.2020.

2. Adner, R. Match your innovation strategy to your innovation ecosystem / R. Adner // Harvard Business Review. 2006. Vol. 84 (4) [Electronic resource]. – Mode of access: https://hbr.org/ 2006/ 04/ match-your-innovation-strategy-to-your-innovation-ecosystem. – Date of access: 26.07.2020.

3. Moore J. F. Predators and prey: a new ecology of competition / J. F. Moore // Harvard Business Review. 1993. Vol. 71 (3) [Electronic resource]. – Mode of access: – https://hbr.org/ 1993/ 05/ predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition. – Date of access: 26.07.2020.

4. Granstranda, O. Innovation ecosystems: A conceptual review and a new definition / O. Grandstand, M. Holgerssonb // Technovation. 2020. Vol. 90–91 [Electronic resource]. – Mode of access: – https://www.sciencedirect.com/ science/ article/ pii/ S0166 497218 303870. – Date of access: 20.07.2020.

5. Vasconcelos, G. Unpacking the innovation ecosystem construct: evolution, gaps and trends / G.de Vasconcelos [et al.] // Technological Forecasting and Social Change. 2018. Vol. 136. Issue C [Electronic resource]. – Mode of access: https://econpapers.repec.org/ article/ eeetefoso/ v_3a136_3ay_3a2018_3ai_3ac_3ap_3a30–48.htm. – Date of access: 07.08.2020.

6. Wiesmeth H. German experience of innovation activity and the possibility of its use in Belarus / H. Wiesmeth, I. Vashko. // Проблемы управления. – 2018. – № 3 (69). – С. 72–83.

КРИЗИС ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МАНИПУЛЯЦИИ

С. В. Венидиктов

Трансформация глобального информационного (медийного) пространства и передел сфер влияния увеличивают вероятность конфликтов и возникновения кризисных ситуаций как на межгосударственном уровне, так и в рамках национальных государств. Одна из объективных причин – несовпадение политических границ с границами информационными, вызванное коммуникационной глобализацией. В такой ситуации любое, даже политически устойчивое и экономически стабильное государство находится в зоне риска утраты информационного суверенитета, вмешательства в формирование национальной повестки дня, внедрения в общественно-политический дискурс системы ложных представлений и установок. Другая объективная причина, на наш взгляд, – коммуникационный разрыв между современным обществом и государством, неспособность политической системы обеспечить национальную консолидацию в условиях информационного

плюрализма. Не беря в расчет актуальные представления о гибридных войнах и информационном терроризме (насильственном пропагандистском воздействии на сознание, которое лишает аудиторию возможности критически оценивать массовую информацию), отметим следующую закономерность: сфера традиционных политических отношений, основанная на достижении лояльности электорального большинства, в информационном поле нового типа предстает чрезвычайно размытой. Политическая лояльность, которая традиционно выражалась в совершении социально значимых действий в офлайн-пространстве, сейчас больше зависит от оценок и комментариев в онлайн-среде, не имеющей национальных границ, относительно автономной от системы государственного регулирования.

Третья предпосылка кризиса в информационной сфере – бесповоротное изменение роли объекта традиционной политики – гражданина, который с обретением статуса «человека медийного», «человека коммуницирующего», «человека информационного» приобрел характеристики не только информационной, но и политической субъектности. Гражданин имеет доступ к интернет-пространству, что потенциально дает ему возможность влиять на информационную повестку через создание сообщений, реагирование на них, включение в обсуждение, модерирование, поддержку либо отрицание, солидаризацию либо протест. Говорят о феномене снятия социальных запретов, социальной «расторможенности» интернет-пользователей, обладающих искаженными представлениями о собственной анонимности и безнаказанности.

Порог вхождения в число лидеров мнений через интернет чрезвычайно низок, мало зависит от финансовых вливаний, внешней поддержки, профессиональной квалификации и иных традиционных факторов. Прямой контроль государства над этой сферой невозможен – реальным представляется лишь взаимодействие с ней, установление правовых норм и регулирование в их рамках, а также содействие повышению общей медиаинформационной культуры населения. Последнее направление, на наш взгляд, является наиболее перспективным, позволяя в стратегическом отношении сформировать в рамках государства аудиторию, способную осуществлять информационную деятельность на качественно ином уровне, противостоять возможному деструктивному влиянию в медиапространстве.

Отметим также тенденцию многовекторности последствий естественной эволюции интернет-опосредованной коммуникации. Можно утверждать, что любые информационно-коммуникативные технологии (например, направленные на массовое распространение сообщений, формирование общественного мнения, отвлечение аудитории, нейтрализацию нежелательного дискурса, мобилизацию общественности, консолидацию аудитории и др.) рано или поздно становятся частью

политических технологий, направленных на утверждение интересов коммуникатора и подрыв устойчивости оппонентов. Здесь важно понимать нейтральный, неполитизированный по своей сути характер базовых технологий массовой коммуникации. Деструктивность они приобретают в процессе реализации, исходя из целей коммуникатора и содержания политического дискурса. Например, солидаризация через социальные сети в одной ситуации может являться инструментом преодоления гуманитарного кризиса в условиях распространения COVID-19, в иных условиях – представляет угрозу возникновения массовых беспорядков, спровоцированных кризисом политической власти.

Условием для рецепции дестабилизирующей информации, не соответствующей критериям объективности и социальной значимости, является формирование у граждан состояния неудовлетворенности общественно-политической реальностью. Это создает условия для поиска альтернативных мнений, снижает способность к критическому восприятию фактов и устойчивость к манипуляции сознанием, многократно увеличивает восприимчивость к негативному влиянию. Ресурсы, предоставляющие гражданам возможность для обмена мнениями, размещения информации (более оперативного, нежели в официальных СМИ) в условиях информационного противостояния превращаются из инструмента формирования общественного дискурса в инструмент социальной агрессии. Очевидный пример – трансформация направленности и задач сетевых сообществ из нейтральных «клубов по интересам» в политически активные протестные движения, политизированные и агрессивно настроенные.

Даже в условиях информационного нейтралитета, отказа от открытого либо скрытого противостояния с внешними или внутренними оппонентами государство должно создавать систему защиты своего медийного пространства. На законодательном уровне в Республике Беларусь эта задача решается принятой Концепцией информационной безопасности (2019 г.). В Концепции приводится следующее определение информационной безопасности: «состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере» [1]. На организационно-техническом уровне безопасность во многом определяется способностью государства противостоять целенаправленной информационной агрессии, имеющей скрытый, неофициальный характер. Необходимо различать два направления информационного воздействия: открытая активность в сети, представленная каналами на видеохостингах, группами в социальных сетях и мессенджерах и т. п., а также закрытые массовые ресурсы, обеспечивающие коммуникацию маргинализованных социальных структур.

Действенный метод борьбы с фальсификацией информации в

телеграм-каналах и прочих неизвестных источниках – раскрытие реальных социально-политических сил, стоящих за ними, их интересов и выгод, т. е. устранение анонимности. При этом принципы свободного и открытого интернета не нарушаются: пространство для диалога не блокируется, законодательных запретов на использование информационно-коммуникационных ресурсов не вводится. Единственное естественное ограничение связано с необходимостью соблюдения конституционных норм, законодательства в сфере массовой информации, актуализации принципов правовой и социальной ответственности за сознательное искажение данных либо манипуляцию сознанием аудитории, имеющую негативные последствия на различных уровнях (индивидуальном, групповом, государственном).

Одним из условий обеспечения информационной безопасности является формирование «информационного иммунитета» граждан – индивидуальной устойчивости к нежелательному медийному воздействию. Это возможно лишь в случае достижения значительной частью общества достаточно высокого уровня медиаинформационной (медийной) грамотности [2]. Подобно тому, как традиционная грамотность в свое время стала весомым аргументом в пользу демократизации, преодоления манипуляции обществом со стороны религиозных и политических сил, медийная грамотность является условием нейтрализации информационной агрессии, невозможности внедрения в массовое сознание политических идей и установок, а также реализации независимого политического поведения и осуществления гражданского выбора.

Литература и источники

1. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: Постан. Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2020.

2. Венидиктов, С. В. Информационное взаимодействие в интеграционных формированиях: структурно-функциональная характеристика пространства медиакоммуникации / С. В. Венидиктов. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2019. – 176 с.

WASTE GENERATION AND RECYCLING – AN ISSUE OF EDUCATION AND CIVILIZATION

L-I. Georgescu

The lack of public utilities is one of the causes of the depopulation of communes and villages. Quality of life matters, increasingly, in both rural and urban areas. The younger generation, and beyond, has been going to the city or

abroad for decades because they see no interest from the administrations in modernizing the communes and villages and even the towns. Lack of minimum infrastructure (public utilities of general economic interest – provided for a fee [1, p. 21] water, sewage, sanitation, public lighting and public transport), road infrastructure, schools (disinterest in education) and dispensaries (through lack of doctors and inability to provide them with facilities to stay in the countryside), continue to lead to depopulation of the rural environment. Large amounts of money are spent but at a pace ranging from slow to very slow paces. Investments, even if started, last for many years and can span several terms. The construction work is performed more or less well. Political interest takes precedence, and this harms everyone.

Directive 2008 / 98 EC was transposed into Romanian legislation by Law 211 / 2011 [2, p. 32] which establishes "the necessary measures to protect the environment and the health of the population, by preventing or reducing adverse effects caused by waste generation and management and by reducing the general effects of the use of resources and increasing the efficiency of their use". The requirement of the Law (with all subsequent amendments) clearly tells us that waste producers and local government authorities must achieve the same level of reuse and recycling of waste as all countries in the European Union. Objectives: minimum 50%, preparation for re-use and recycling of recyclable waste (from households and other waste streams similar to household waste) and 70% preparation for re-use, recycling and other material recovery operations for non-hazardous waste from construction and demolition activities by 2020. It is 2020 and, the latest published statistics show that the population of Romania has generated 5,324 million tons of municipal waste (in 2017), which represents about 270 kg/ resident (in a population of 19,644 million residents) [3, p. 43]. Of these, only 13.89% is recycled municipal waste. In 2018 and 2019, the recycling rate remained the same. Nothing has changed?

The main problems leading to the failure to achieve the objectives:

1. Collection infrastructure – the lack of containers undermines the population's interest in selecting household waste. For example: in major cities containers are located in areas with easy access for high-capacity vans, which makes them located at great distances for certain tenants (generally there are about ten ascribed blocks for a set of three containers, with a lifting frequency twice a week); in the countryside, everyone collects their waste "in the yard", there are no containers, and the frequency of collection is once a month (so it goes on the principle of "better to burn it than to collect it" or "I throw them on the water'edge").

2. Lack or non-conformity of landfills (with environmental authorization or under authorization). Efforts have been made and are being made to close the current unsorted waste storage pits; however, the lack of sorting, storage and recovery infrastructure leads to the continuation of non-compliant storage.

3. Lack of bio-waste energy recovery plants/ incinerators (over 3 million

tons/ year). From January 1, 2021 the population is obliged to select food waste from other household waste. What will the authorities do with this biodegradable waste?

4. Disregard of citizens and authorities. We cannot say we do not know what this is about. If for the younger generation, say, it is a new concept (though it should neither), for the 1950–1980' generationsit is a known fact. Even if we do not want to remember, in the '70sand'80s everyone collected and sold bottles, paper and metal from home. Nothing was wasted. Now it is no longer about assessment, it is an obligation to protect the environment, to protect future generations, but also ourselves. We no longer have industrial pollution; we have pollution due to waste.

Environmental protection, in all its forms, must be considered normality in a country that is claimed as a developing democratic country.

References

1. European Commission, 2019. – Mode of access: http:// ec.europa.eu/ competition/ state_aid/ overview/ new_guide_eu_rules_procurement_en.pdf. – Date of access: 24.06.2020.

2. Monitorul oficial al României, № 837, November 25, 2011.

3. National Institute of Statistics. – Mode of access: http:// insse.ro/ cms/ files/ Web_IDD _BD_ro/ index.htm, 2001. – Date of access: 24.06.2020.

РОДНОЙ ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУСОВ

Н. Ф. Гребень

Пути формирования и сохранения белорусского этноса, равно как и историческая судьба Беларуси, не были гладкими и ровными. На протяжении многих столетий пришлось неоднократно познать как периоды действительного расцвета белорусской государственности и культуры, так и длительные периоды всеобщего упадка, подавления национальной самобытности, искоренения богатого духовно-культурного наследия, в том числе и родного языка белорусов. Несмотря на длительные периоды полонизации и русификации, белорусскому народу все же удалось сохранить свою самобытность, однако последствия травматического прошлого дают о себе знать и по настоящий день.

В данной работе мы намерены рассмотреть, что происходит с этносом, которого пытались лишить базового фактора его идентичности – родного языка. С какими изменениями и проблемами сталкивается этническая группа, у которой «надорваны корни»?

Рассмотрение заявленной проблемы начнем с теоретических предпосылок. В социальных науках, как правило, в качестве главного фактора этнической идентичности рассматривают родной язык.

М. Лацарус и Г. Штейталь считают, что язык – это «первое проявление» народного духа [1, с. 75]. Язык представляет собой также одну из главных форм проявления культуры, отражающую своеобразие мышления и характера ее представителей, разнообразие и богатство их мировоззрения. Специалист в области кросс-культурных исследований Д. Мацумота пришел к выводу, что ни одну культуру нельзя понять без понимания ее языка, и в то же время без языка никакая национальная культура не могла бы существовать [2, с. 257]. А. А. Потебня считал, что любой язык является своеобразным средством «понимать себя самого» и специфическим путем «осознания эстетичных и моральных идеалов» каждого национального сообщества [3, с. 102]. Поэтому первоочередной задачей каждой нации в плане ее самосохранения и приобретения надлежащего места в соцветии множества народов мира является сохранение, поддержка и развитие родного языка.

Современная психолингвистика, предметом изучения которой и выступает язык, выделяет ряд характеристик для его изучения: лексика, синтаксис и грамматика, фонология, темп, проксемические характеристики и прочие. Оперируя к разработкам в области психолингвистики, мы выявили, какие особенности этноса транслирует белорусский язык.

Согласно классификации А. Кэпелла, в основе которой находится «синтаксическая доминанта», выделяются языки с преобладанием категорий «действия», «предметности» и «числовой доминации» [2, с. 194]. Исходя из данной классификации, белорусский язык следует отнести к группе языков, где доминирует категория «предметности». Особенностью языков этой группы является то, что в них преобладает вектор пассивности, фиксации текущих событий и состояний, что в большей степени отражает установку на отказ от непосредственных действий, большую склонность к размышлениям и созерцанию. В этом отношении весьма показательно такое устойчивое выражение белорусского языка как «усеагульная млявасць і абыякавасць да жыцця».

В лексике белорусского языка содержится много уменьшительно-ласкательных слов (например, «гаспадынька», «гаспадарчык», «сыночак», «дачушка», «дзетачкі», «госцікі», «татка», «матачка», «браточкі»), что в целом настраивает собеседника на дружеское общение. Кроме того, надо отметить и отсутствие в белорусском языке лексики, эквивалентной русскому мату, психологический смысл которого заключается в выражении вербальной агрессии по отношению к другому человеку или группе людей.

По своим фонологическим характеристикам белорусская речь отличается мягкостью звучания, милозвучностью, манерой говорить «нараспев», что нередко подмечают коренные носители русского языка. Это также признаки неагрессивного поведения, уступчивости, доброжелательности, стремления к гармонии с природой и окружающими

людьми.

Относительно орфографии белорусского языка обычно говорят «як чуем, так і пішым», т. е. звучание и написание языка весьма схожи. С одной стороны, такая языковая особенность обеспечивает его более легкое усвоение, с другой – указывает на искренность, отсутствие злого умысла.

Носителям белорусского языка свойственен и слегка замедленный темп речи, свидетельствующий об их неторопливости, склонности обдумывать, а затем говорить, сдержанности в эмоциональных проявлениях.

Говоря о проксемических особенностях родного языка, необходимо отметить, что в ситуации общения (в особенности с незнакомыми или малознакомыми людьми) белорусам свойственно держаться довольно обособленно и на весьма существенной дистанции (1–1,5 м.). При этом язык жестов у белорусского народа весьма сдержанный, скупой, что резко контрастирует с южными народами. Эти особенности речи белорусов позволяют говорить об их определенной закрытости, «отгороженности».

Проведенный психолингвистический анализ белорусского языка раскрывает, на наш взгляд, ряд аутентичных особенностей белорусского этноса. Однако понимание настоящих особенностей этноса необходимо рассматривать в связке с актуальным состоянием и положением, которое занимает его родной язык на определенном историческом этапе.

Современное положение белорусского языка можно обозначить как критичное. Язык находится в чрезвычайно сложных условиях для своего успешного и динамичного развития. Более того, сегодня, как никогда раньше, стала острой проблема его выживания и сохранения как наивысшей культурно-духовной ценности народа. Факты свидетельствуют, что с середины 1990-х гг. наблюдается неуклонное сокращение количества белорусскоязычных школ, классов, детских садиков, а высшая школа практически полностью – на русском языке. Постепенно общество утрачивает навыки разговора на белорусском языке в повседневном общении, в какой-то мере теряет этнокультурную отличительность. Все это привело к тому, что в 2009 г. ЮНЕСКО отнесло белорусский язык к тем языкам, которым угрожает исчезновение.

Языковая ассимиляция большей части белорусов, прежде всего городских жителей, – это следствие советского периода. Кроме того, одной из ключевых причин такого положения стало то, что в Республике Беларусь в 1995 г. было официально введено государственное двуязычие. И хотя в действительности белорусский язык и белорусскую литературу изучают все учащиеся общеобразовательных школ, в реальной жизни используется преимущественно русский язык.

Более подробно о том, как в настоящее время складываются отношения белорусского этноса со своим родным языком, продемонстрируют результаты нашего исследования, которое

осуществляется нами вот уже на протяжении 15 лет. За это время было опрошено порядка 1000 респондентов, большую часть которых составили студенты белорусских вузов.

Согласно полученным результатам, языковая компетентность у студенческой молодежи соответствует уровню понимания. Только порядка 17–10% респондентов свободно владеют устной и письменной речью. При этом четко прослеживается отрицательная динамика за обозначенный нами период. Основной причиной незнания родного языка является безразличное, а порой и негативное к нему отношение молодых белорусов. Примерно 90% студентов отказываются выполнять учебные задания на родном языке, мотивируя тем, что уже его подзабыли.

От 68% ранее до 90% студентов в настоящее время затрудняются привести какую-нибудь белорусскую пословицу, поговорку или присказку. На вопрос: назвать героев белорусских народных сказок – неверные или нулевые ответы варьируются в диапазоне от 62% до 85%. При этом респонденты отмечают, что в детстве им белорусские сказки не читали, а то, что изучали в школе, они уже не помнят. От 72% до 84% молодых людей не смогли вспомнить и белорусские народные песни.

Отсутствие интереса к родному языку, невысокая языковая компетентность обусловили и то, что студенческая молодежь обладает поверхностными знаниями об историческом прошлом страны, традициях и культуре в целом, не проявляет заинтересованности в самостоятельном изучении истории Родины; затрудняются назвать известных деятелей науки и искусства. Среди юношей и девушек отсутствует чувство привязанности к родной земле и, напротив, популярным становится желание уехать работать за границу или построить карьеру в IT-сфере, в связи с этим большее внимание уделяется изучению английского языка.

Последствия столь непростого положения родного языка и культуры обусловили и особенности этнической идентификации молодых людей. Так, у белорусских студентов чаще наблюдаются позитивная и индифферентная этническая идентичность, но также встречается и негативная. При этом значимый процент западных белорусов зачастую отождествляют себя с поляками, а восточных – с русскими.

Таким образом, родной язык является важным фактором формирования этнической и национальной идентичности. Востребованность языка и его развитие способствуют сохранению аутентичных черт национального характера. Белорусское общество пока еще не осознает в полной мере ценность и важность родного языка в национально-творческом процессе и рискует утратить ряд национально-психологических особенностей.

Литература и источники

1. Донцов, А. И. Язык как фактор идентичности / А. И. Донцов, Т. Г. Стефаненко, Ж. Т. Уталиева // Вопр. психол. – 1997. – № 4. – С. 75−86.
2. Мацумото, Д. Психология и культура. / Д. Мацумото. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. – 416 с.
3. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 257 с.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ПОЭЗИОТЕРАПИИ И ТВОРЧЕСТВА В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

А. В. Даниленко

Новая реальность жизни в условиях пандемии требует переосмысления и оценки возникновения рисков внезапных факторов для комфорта и психического здоровья человека.

Во-первых, это нарушение привычной жизнедеятельности человека: постоянный контроль за соблюдением правил гигиены; длительное ношение масок; необходимость дышать и говорить через барьер; изменение режима перемещения в транспорте, на работу или в магазин; существование в условиях самоизоляции; необходимость внезапного перехода на удаленную работу, учебу, а также совмещение работы офф-лайн и он-лайн, что требует от человека больших усилий, напряжения и уменьшает время и возможности для отдыха и сна.

Во-вторых, это информационная перегрузка, давление негативных новостей, необходимость контроля, постоянное пребывание перед монитором, поскольку и работа, и отслеживание новостей по ситуации в регионе, и отдых переносятся в виртуальную сферу. Несомненно, это все приводит к нервно-психическим перегрузкам, при уменьшении доли, компенсирующих напряжение, нагрузок физических. Опасения за свое здоровье и здоровье близких значительно добавляет тревоги в повседневную реальность.

В-третьих, это резкое снижение межличностных контактов, непосредственного общения, которое в славянской культуре, традиционно играет психотерапевтическую роль. Заменой этому могут стать занятия по интересам или дистанционное общение. Другой стороной проблемы является вынужденное постоянное пребывание с членами семьи в замкнутом пространстве в режиме изоляции, невозможность самоуединиться, что повышает уровень агрессии и конфликтности в семьях.

В-четвертых, это вынужденный характер ограничений, человеку приходится дисциплинировать себя, проявлять волю, самоорганизовываться. Но не все люди имеют достаточный уровень

волевой регуляции для такой самоорганизации, поэтому ищут и прибегают к социально неприемлемым способам снижения напряжения, что усиливает негативные последствия. Это также и отказ от привычных занятий (тренировок, танцев, посещений художественных студий и т. д.).

Снижение физических нагрузок, социальных контактов, рост нагрузок психических, изменение привычного уклада жизни и необходимость быстрой и гибкой перестройки, приводят к стрессу (физическому, информационному, профессиональному, эмоциональному или психическому). Привычный ритм жизни, ежедневные повторяющиеся ритуалы, облегчают нашу жизнь, позволяют привычные вещи делать автоматически, благодаря двигательным стереотипам и навыкам и переносить наше внимание на осознание текущих событий или некоторое расслабление. В условиях пандемического существования мы вынуждены многие вещи осмысливать, заново включать сознательный контроль каждого действия, что приводит к психическому перенапряжению.

Специалистами отмечаются следующие признаки острого стрессового расстройства у людей в условиях пандемии:

– чувство отрешенности, одиночества;
– тревожность и раздражительность;
– расстройства сна или бессонница;
– снижение способности к концентрации внимания;
– снижение прежней работоспособности;
– снижение или повышение аппетита, изменение пищевого поведения;
– растерянность;
– страх;
– гнев, злость и агрессия;
– депрессивное настроение.

Если обобщить данные самоотчетов или описания субъективных симптомов людей, то можно наблюдать, что в большей степени проявляются следующие симптомы стресса: *физиологические* (отклонение артериального давления; приступы жара или озноба; повышенную потливость; тремор, мышечные подергивания, появление мышечного гипертонуса, миалгии; боли неопределенного характера; чаще всего головные, боли в спине и желудке; головокружение; нарушение пищеварения; изменение веса; появление аллергии; нарушения сна, аппетита, сексуальной активности), *эмоциональные* (раздражительность, приступы гнева; беспокойство, часто беспочвенная тревожность; высокое нервное напряжение; недовольство собой, претензии к себе; чувство одиночества; чувство вины; перекладывание ответственности за себя на окружающих), *поведенческие* (конфликтность; увеличение числа ошибок при выполнении привычной работы; суетливость и ощущение хронической нехватки времени; усугубление вредных привычек;

трудоголизм, полное погружение в рабочие проблемы в ущерб отдыху и личной жизни) и *интеллектуальные* (проблемы с концентрацией внимания; ухудшение памяти; навязчивые мысли; трудности в принятии решений). Появился термин «коронавирусный синдром», обозначающий психическое расстройство как реакцию на пандемию.

Одновременно с вышеописанными факторами произошел достаточно быстрый отклик IT-сектора на возникший спрос и потребности – быстрая мобилизация цифровых платформ, которые предлагали не только инструменты сбора и наглядного представления информации, координации взаимопомощи, но и новых возможностей работы, обучения и досуга.

«Почти любой серьезный кризис сопровождается инновационным скачком, в рамках которого создание новых технологий пытается предложить ответ на новые вызовы. Коронавирус, конечно, не исключение» [1].

Насколько эффективным может быть использование цифровых платформ для снижения рисков стрессовых состояний, напряжения, тревожности, конфликтности и т. д., а также, реализации здоровьесберегающего досуга и творческого самовыражения, требует в первую очередь анализа последних инноваций в условиях пандемии. Вероятно, большинство инструментов возникли и использовались вынужденно и стихийно. Творческая интеллигенция искала новые выходы для самореализации, когда посещения театров, спектаклей и концертов стали невозможны. Таким образом, художники организовали он-лайн уроки живописи, певцы исполняли песни для виртуальных слушателей, актеры играли он-лайн спектакли, экскурсионные бюро предлагали виртуальные туры и экскурсии по музеям, а литераторы устраивали своеобразные тематические флэшмобы, где читали стихи или прозу в эфире из разных точек земного шара.

В своих предыдущих работах, посвященных поэзии и поэзиотерапии, как разновидности библиотерапии и арттерапии, мы рассматривали и анализировали более подробно исторические аспекты применения поэзии [2, с. 59–63], основные и специфические функции поэзии, поэзию как инструмент аутотерапии, а также индивидуальной и групповой психотерапии [3, с. 75–79; 4, с. 183–191]. Однако реальность последнего года открывает новые возможности для использования поэзии и творчества как инструмента дистанционного снижении психического напряжения, стресса и конфликтности у населения, а также для творческого самовыражения, глобальной коммуникации и объединения людей по интересам.

Необходимое ПО для удаленной работы (сервисы видеоконференций, вебинаров, корпоративные мессенджеры и др.) многие IT-гиганты – Microsoft, Google, Cisco и Zoom сделали бесплатными и это

дает широкие перспективы для использования таких возможностей в практике дистанционной коррекции и психотерапии негативных эмоциональных и психических состояний и творческой самореализации людей в условиях самоизоляции.

Литература и источники

1. Асмолов, Г. Роль цифровых платформ в реагировании на пандемию / «Вести образования», 20 марта 2020 [Электронный источник]. – Режим доступа: http://vogazeta.ru/ articles/ 2020/ 3/ 20/ CHto_proiskhodit/ 12083-rol _tsifrovyh _platform _v_reagirovanii _na_pandemiyu. – Дата доступа: 12.09.2020.

2. Даниленко, А. В. Исторические аспекты использования поэзии в терапии и коррекции эмоциональных состояний / А. В. Даниленко, С. С. Даниленко // Актуальные вопросы помощи личности в кризисных состояниях: материалы науч.-метод. семинара, Брест, 23 марта 2016 г. // Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина. – Брест, 2016. – С. 59–63.

3. Даниленко, А. В. Особенности и возможности поэзии в контексте терапии кризисных состояний и решении других проблем / А. В. Даниленко // Актуальные вопросы помощи личности в кризисных состояниях: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 23–24 марта 2017 г.: в 2 ч. // Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина. – Брест, 2017. – Ч. 1. – С. 75–79.

4. Даниленко, А. В. Поэзия как психотерапевтическое средство: теоретическое обоснование / А. В. Даниленко // Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2017. – № 1. – С. 183–191.

КАТЕГОРИЯ ВООБРАЖЕНИЯ В СЕМИОТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТВОРЧЕСТВА

А. И. Демина

Семиотика творчества анализирует процесс порождения нового как создание ранее не существовавших конфигураций правил в проективной деятельности. Под последними понимаются семантические, синтаксические и прагматические правила чувственного восприятия, рассудка и разума. Существенной теоретической проблемой в анализе творчества остается воображение, понимаемое в кантианском смысле в качестве среды появления и осуществления нового. Большое количество трактовок понятия «воображение» связано с фундаментальностью постановки вопроса о творческой деятельности. В терминологическом аппарате разных областей знания «воображение» раскрывается как категория метафизики, теории познания, теории деятельности и философии техники. Классическое определение воображения – «способность представления (образования, удержания и произвольного воспроизведения) образа предмета в отсутствие самого предмета, существующего либо реально, либо только в представлении» [1].

Мы исходим из того, что в каждом акте репрезентации человек имеет дело с полным семиотическим кругом, движение по которому может осуществляться в двух направлениях: от объекта к субъекту – тогда идет речь о рецептивном семиозисе; от субъекта к объекту – в этом случае мы говорим о проективном семиозисе. Соотношение рецепции и проекции в каждом конкретном случае можно определить через аналогию с соотношением фигуры и фона, где фигура определяется в зависимости от задачи, на которой фокусируется внимание. Семиозис подразумевает осуществление трех типов правил: прагматических, синтаксических и семантических, работающих как в случае рецепции, так и в случае проекции, на трех ступенях – чувственного восприятия, рассудка и разума. Каждое из правил допускает ту или иную неопределенность, которая возникает «вследствие ограничения той или иной области содержания сознания» [2, с. 32].

Воображение определяется нами как один из способов снятия неопределенности, то есть ситуации «знания о незнании» в случае рецептивной деятельности и «незнания о знании» в случае проективной. Воображение есть среда проективного семиозиса, обнаруживаемая в способности сознания «дополнять реальность», то есть использовать избыточное количество семантических и синтаксических правил в ситуациях обозначения. Дополнение может осуществляться на трех уровнях: чувственного восприятия, рассудка и разума.

Неопределенность на уровне чувственного восприятия связана со знанием о его физиологической обусловленности. Соответственно, воображение как снятие неопределенности на уровне чувственного восприятия может быть рассмотрено в широком смысле как дополнение реальности через создание чувственных впечатлений, образов реальности, представлений; в узком смысле – как создание таких впечатлений, раздражители для которых отсутствуют (галлюцинации, призраки, голоса, фантомные боли). В первом случае мы говорим о воображении как среде в семантическом смысле. В синтаксическом смысле на уровне восприятия воображение может быть рассмотрено как сумма правил создания и преобразования образов, выявленных психофизиологией. Прагматикой, то есть условиями возможности в этом случае выступает, с одной стороны, разрешающая способность органов чувств, с другой – условия и возможности высшей нервной системы, отвечающие за восприятие.

Таким образом, набор контуров воображения, очерчивается возможностями восприятия субъекта, а само воображение, как показал И. Кант [3], выступает как связывание рассудочной структуры с чувственными формами. На уровне чувственного восприятия встает вопрос о произвольной и непроизвольной формах воображения, поскольку здесь имеем дело с неосознаваемыми процессами. Мы полагаем, что воображение в том или ином виде всегда участвует в акте репрезентации,

поскольку обеспечивает связность и целостность актов восприятия, рассудка и разума. Однако, оно может иметь неосознаваемую (непроизвольную) или осознаваемую (произвольную) форму. В самом общем смысле, когда мы имеем дело с непроизвольным воображением, мы говорим об естественном, когда с произвольным – об искусственном. Таким образом, произвольное воображение возникает как необходимый элемент творческого, проективного акта. Если в ситуации рецепции работа воображения на уровне чувственного восприятия является неосознаваемой и составляет первый этап процесса познания, то в проективном семиозисе дополнение восприятия (снятия неопределенности) происходит в третьем «акте», при решении задачи материального воплощения, то есть при реализации полного технического объекта.

Дополнение явлений чувственного восприятия фактами языка переводит нас на уровень воображения как дополнения рассудка. На уровне семантического правила рассудка дополнение происходит за счет того, что объектов, постулируемых языком, семантически больше, чем фиксируется органами чувств. Соответственно, пользуясь языком, мы всегда имеем дело с рассудочным уровнем воображения, однако в случае естественного языка – с его непроизвольной формой. Синтаксически воображение – индуктивное обобщение на основании языковых схем, вторичные моделирующие системы (понятие Ю. М. Лотмана) [4], поэтические языки. Спецификой вторичных моделирующих систем является особый тип связей между синтаксисом и семантикой. Как было показано А. Ю. Нестеровым на примере художественного языка, его семантика определяется синтаксисом, то есть значение знака определяется его местом в синтаксической структуре текста [5, с. 37]. Знаки вторичной моделирующей системы не обладают прямой корреспондентской связью с реальным опытом восприятия субъекта, соответственно, требуют воображения в качестве условия возможности не только их создания, но и восприятия. Прагматика воображения на уровне рассудка определяется соотношением выразимого и невыразимого. Сама среда воображения в структуре рассудка задает границу между тем, какие сегменты памяти фиксируются в логико-грамматических конструкциях, а какие нет.

На уровне разума происходит переход от рецептивной к проективной деятельности. Воображение выступает условием возможности изобретения, первый акт творчества начинается именно с воображения, реализующегося на уровне разума. Проективная деятельность в целом обеспечивается тем, что разум фиксирует проблему, или, в других терминах, потребность, желание, которые порождаются неполнотой (в онтологическом смысле) или неопределенностью (в гносеологическом). Решение проблемы – это всегда создание нового, осуществляемое за счет сдвига границ возможного / действительного, мыслимого / немыслимого. Воображение возникает как реакция на неполноту (неопределенность), как

потребность синтеза, восстановления целостности системы. Таким образом, прагматика воображения на уровне разума определяется границей рефлексии мыслимого и немыслимого, возможного и невозможного. Синтаксическое правило для разумного воображения реализуется в том, каким образом элементы памяти рекомбинируются, «пересобираются», чтобы понять самое себя, то есть в структуре рефлексии. Синтаксис воображения, фантазии, рефлексии требует внешней инстанции наблюдателя, Другого, для того чтобы оказаться осознанным или проявленным: в этом причина появления «интуиции» как понятия, обозначающего процесс пересборки опыта, именно поэтому интуиция традиционно выводится за рамки рациональности, связывается с мистическим чувством, «абсолютом» и прочими, не поддающимися формализации категориями. В результате синтаксической рекомбинации, вызванной переходом от рецепции к проекции, своего рода «перемены мест» возникает новая семантика, новое содержание сознания, новые идеи, образы, происходит дополнение реальности идеальными сущностями, которые требуют сначала называния, выражения на уровне языка, а затем могут быть воплощены в материальном субстрате.

Таким образом, воображение определяется нами как специфический способ работы интуиции с памятью, связанный с процедурой дополнения, достраивания действительности, т. е. обеспечения избыточности в применении семантики и синтаксиса.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00462 А.

Литература и источники

1. Никулин, Д. В. Воображение / Д. В. Демина // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iphlib.ru/ library/ collection/ newphilenc/ document/ HASH754e a85445942 f65080a75. – Дата доступа: 07.09.2020.

2. Нестеров, А. Ю. Типы неопределенности в рецептивном и проективном семиозисе / А. Ю. Нестеров // Философия науки. – 2020. – № 2 (85). – С. 28–44.

3. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Эксмо, 2013. – 736 с.

4. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Ленинград: Просвещение, 1972.

5. Нестеров, А. Ю. Проблема определения понятия «фантастическое» / А. Ю. Нестеров // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 305. – С. 35–41.

ЦЕННОСТНЫЙ ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Г. Ж. Джуманова

Главная задача системы национальной безопасности – обеспечить гарантии неуязвимости суверенитета Республики Казахстан, территориальной целостности и защиты населения, противодействие внешним и внутренним угрозам, в том числе терроризму и экстремизму [1].

Угроза религиозного экстремизма в Казахстане, обусловлена, прежде всего, распространением идеологии и практики фундаменталистских течений исламистской направленности. Главные их теологические идеи – это чистота религии, строгое единобожие, буквализм в понимании Священного Писания, борьба с «неверными», религиозная исключительность и др. Предлагаемые социальные идеалы – это равенство, справедливость, братство, взаимопомощь, рай, спасение, всемирный халифат, джихад, шариатское правление и т. д. Под влиянием этих идей и лозунгов мировоззрение, мировосприятие верующего изменяется, земная, мирская жизнь для него обесценивается, а божественная, потусторонняя жизнь обретает наивысшую значимость. У него формируется биполярное мышление, которое упрощает сложный, противоречивый мир, перекрашивает его в черно-белые цвета, разделяет на добро и зло. Дается объяснение, что мир, общество изначально, по воле Бога, являются совершенными. Причина несовершенства, зла и несправедливости в обществе – это неверующие люди. Следовательно, смысл истинной веры – борьба с «кафирами», «врагами ислама». Туннельное мышление, черно-белое восприятие мира, деление всех на «своих» и «чужих», обвинение последних в неверии создают у адептов мобилизационную установку – готовность принести себя в жертву ради веры, сражаться с ее врагами во имя мирового господства ислама. Нетерпимость к инакомыслящим, фанатизм, разжигают межконфессиональную рознь и вражду, генерируют конфликты на религиозной почве.

В целом, мировоззрение и ценности религиозного радикализма и фундаментализма отличаются такими особенностями, как антисветская направленность – отрицание конституционных положений об отделении церкви и религиозных объединений от государства; фанатизм и иррационализм – отрицание свободомыслия и критического мышления; консерватизм и архаизм – идеализация прошлого, неприятие нового, деградация и регресс личности, общества и государства; надэтничность и космополитичность – отрицание национально-культурных особенностей, примат религиозного над этническим началом, всемирного духовного братства над национальной государственностью; утопизм – мечта о

божественном спасении, рае, идеальном государстве – всемирном халифате и т. д.

Трансформация сознания, поведения, образа жизни имеет свои последствия, она приводит к размыванию традиционно-конфессиональной, этнической и гражданской идентичностей и одновременно доминированию нетрадиционной религиозной идентичности. В силу возрастных особенностей конверсия идентичности в основном характерна для молодежи, для которой религиозные постулаты и обряды «становятся частью социальной идентификации и способом отделения от других представителей общества» [2, с. 181]. Радикализация сознания и поведения верующих, смена идеалов, ценностей, идентичности детерминируют сепаратистские устремления, появление в обществе параллельных групп с нетрадиционными религиозными взглядами и установками. Такие конфессиональные сообщества закрыты, изолированы, у них свои, идущие вразрез с законами и правилами социума, идеалы, ценности, традиции, обычаи, нормы, основанные на буквальном понимании религиозных постулатов. Религиозные группы придерживаются альтернативной модели во всех сферах жизнедеятельности: экономической, политической, культурной, образовательной, семейно-бытовой и т. д.

Адепты деструктивных религиозных течений не признают светские принципы государства, официальную власть, национально-культурные традиции. Молодые люди перестают слушаться родителей, старших, а слушаются зарубежных религиозных «учителей» – шейхов-проповедников. Появление в одной стране обособленных конфессиональных групп создает «государство в государстве», порождает фрагментацию, анклавизацию, «капсулизацию» социума [2, с. 180]. В основе социальной дезинтеграции – несовместимость интересов, ценностей и образа жизни – традиционных и нетрадиционных, светских и религиозных.

Ответом таким деструктивным установкам могут быть только созидательные гуманистические ценности. Главные из них отражены в международно-правовых актах, в том числе Конституции нашей страны: «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы. Основополагающими принципами деятельности Республики являются: общественное согласие и политическая стабильность, экономическое развитие на благо всего народа, казахстанский патриотизм. При этом в Республике Казахстан признаются идеологическое и политическое многообразие» [3].

Конструктивные фундаментальные ценности составляют основу общественного сознания. Это духовно-нравственные, семейные, трудовые, интеллектуальные ценности. На их базе формируются гражданско-патриотические ценности – любовь к Отечеству, сопричастность и

ответственность за судьбу своей страны. Национально-культурные ценности – сохранение и укрепление культурного кода нации – общая история, культура, традиции, язык, религиозные верования. Политико-правовые ценности – независимость Республики Казахстан, укрепление единства казахстанского народа, общественного, межнационального и межконфессионального согласия; политическая стабильность в стране; защита и соблюдение Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Указанные традиционные этические, социокультурные, гражданско-патриотические ценности являются неотъемлемой частью национальных интересов государства, на их страже стоит система национальной безопасности [4].

Вместе с тем ценности выступают не только объектом, но и ключевым условием обеспечения национальной безопасности. Ценности являются основой мировоззрения, сознания, убеждений, смысла жизни человека, мотивации его действий и поступков. Они формируют устойчивую национально-культурную, гражданскую идентичность, патриотизм. Общепринятые идеалы и ценности сплачивают, стабилизируют общество, тем самым они повышают его устойчивость, конкурентоспособность, жизнеспособность, жизнестойкость, становятся стратегическим ресурсом, существенным фактором национальной безопасности.

Ценности и убеждения обладают мощным потенциалом, с помощью которого можно выдержать испытания, решить самые сложные проблемы, вдохновлять на подвиги и победы. Ключевую роль смыслов, ценностей в жизнестойкости человека подчеркивал В. Франкл: «Не последний из уроков, которые мне удалось вынести из Освенцима и Дахау, состоял в том, что наибольшие шансы выжить даже в такой экстремальной ситуации имели, я бы сказал, те, кто был направлен в будущее, на дело, которое их ждало, на смысл, который они хотели реализовать» [5]. Благодаря традиционным ценностям – солидарности, стойкости, сочувствию казахский народ преодолевал все трудности и испытания [1]. Ценности, их сущность и характер определяют качества гражданина, народа, общества и государства.

Созидательные идеалы, ценности, убеждения, критическое мышление и основанные на них действия и поступки формируют внутренний стержень, который делает человека сильным, стойким, зрелым, независимым. На основе такого ценностного стержня вырабатывается духовный иммунитет – внутреннее неприятие, невосприимчивость к чужеродным деструктивным идеям и практикам, способность их распознавать и удалять. Духовный иммунитет как фильтр, барьер в отношении негативных идей, радикализации сознания и поведения граждан, способствует укреплению национальной безопасности, а также экономической, политической, духовной модернизации общества.

Литература и источники

1. Масимов, К. На защите национальных интересов / К. Масимов // Казахстанская правда. – 2020. – 14 июля.

2. Романова, А. П. Чужой и культурная безопасность / А. П. Романова, Е. В. Хлыщева, С. Н. Якушенков, М. С. Топчиев. – М.: РОССПЭН, 2013. – 215 с.

3. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ ru/ official_documents/ constitution. – Дата доступа: 15.08.2020.

4. Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527–IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/ document/ ?doc_i d=3110 6860#pos =531;14. – Дата доступа: 10.08.2020.

5. Франкл, В. Человек в поисках смысла: Сборник / В. Франкл // Пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

БЕЛАРУСЬ: ДВИЖЕНИЕ ОТ ИНФОРМАТИЗАЦИИ К ЦИФРОВИЗАЦИИ

Н. А. Елсукова

Современное общество неотделимо от процессов, связанных с внедрением в жизнь продуктов и услуг, полученных в результате развития информационно-коммуникационных технологий. Беларусь стремится занять достойное место среди развитых стран и активно внедряет государственные программы, направленные на информатизацию и цифровизацию всех основных сфер жизни: государственного управления, экономики, медицины, образования и др.

Прежде всего, необходимо разобраться, в чем же состоит отличие этих двух близких, но все же различающихся понятий. В Концепции информатизации системы образования Республики Беларусь до 2020 года понятие информатизации определяется как организационный, социально-экономический и научно-технический процесс, обеспечивающий создание предпосылок для формирования и использования информационных ресурсов и реализации информационных отношений [1]. Как видим из приведенного определения, информатизация представляется процессом, обеспечивающим формирование и использование информационных ресурсов, что можно понимать как обеспечение промышленных предприятий, организаций и индивидуальных пользователей компьютерной техникой и обучением работы на ней, а также реализации информационных отношений, которые могут быть осуществлены только при обеспечении выхода пользователей в интернет. Тогда организация,

предприятие или индивидуальный пользователь, оснащенные компьютерной техникой и выходом в интернет, и решающие с помощью данных средств, встающие перед ними задачи, могут быть определены как информатизированные.

Понятие цифровизации претерпело с течением времени определенные трансформации. Первоначально цифровизация понималась как отказ от аналогового способа передачи информации в пользу цифрового, который представлял собой преобразование аналогового сигнала на входе в цифровой двоичный код с последующей его передачей и преобразованием обратно в аналоговый. Такой способ передачи позволяет распространять информацию без потери ее точности, возможность сжатия информации, сохранение информации при ее многократном употреблении, шифровку и дешифровку передаваемой информации.

В настоящее время цифровизация определяется в более широком смысле, чем первоначально, она предполагает создание на основе информационных технологий новых систем, процессов и структур, распространяющихся на все сферы жизни общества с последующим вовлечением людей в работу и жизнь в новой цифровой реальности.

Таким образом, термин «цифровизация», изначально трактуемый как новый способ хранения информации, сегодня получил развитие и новый смысл, подразумевающий инновационный подход к решению сложных многоуровневых информационно-коммуникационных задач на базе информатизированных субъектов.

В качестве примера можно рассмотреть информатизацию и далее переход к цифровизации сферы здравоохранения Республики Беларусь. Вячеслав Шило, занимавший с мая 2014 г. по март 2020 г. должность заместителя министра здравоохранения, описывал данную ситуацию следующим образом: «К 2022 году Минздрав Беларуси завершит информатизацию сферы здравоохранения, после этого начнется создание единой сети, с помощью которой будет создана интегрированная база данных всех больниц, поликлиник и амбулаторий... Вся информация о состоянии здоровья, диагностических, лабораторных исследованиях будут следовать за пациентом. Это позволит людям оперативнее получать качественную медицинскую помощь, так как у каждого врача будет доступ к базе данных со всеми необходимыми сведениями о пациенте. Также доктор сможет свериться с протоколом лечения, справочником лекарств или изделий медицинского назначения. Пациенты тоже смогут получить информацию о своем здоровье – в определенных пределах. Данные будут фиксироваться на электронной медицинской карте (сейчас это электронный рецепт), персональная ID-карта, после внедрения биометрических паспортов в Беларуси, станет своеобразным ключом к ней» [2].

На сегодняшний день можно утверждать, что Беларусь практически справилась с задачами информатизации. По данным национального статистического комитета Республики Беларусь, к началу 2020 года 70,3% работников организаций и предприятий от общего числа компьютеризированных работников использовали в своей деятельности Интернет. Доля организаций, пользующихся Интернетом, составила 96,8%, локальными вычислительными сетями – 79,8%. Практически 100% организаций используют Интернет для поиска информации, отправки и получения электронной почты, 96% – для осуществления банковских операций и для предоставления государственной статистической отчетности, налоговых деклараций, таможенных и других документов, 89% – для связи с поставщиками в целях получения сведений о необходимых товарах, работах или услугах и для получения информации о деятельности государственных органов, 79% – для предоставления сведений об организации, ее товаров и услуг, 65,8% – для поиска персонала, 42,7% – для получения заказов на выпускаемые товары, 39,4% – для проведения аудио и видеоконференций (в 2020 году данный показатель должен быть намного выше из-за периода пандемии), 35,3% – для осуществления электронных расчетов с потребителями [3].

Среди индивидуальных пользователей персональными компьютерами на конец 2019 года были обеспечены: 79,6% городского и 63,2% сельского населения страны; выходом в Интернет – 86,9% городского и 71,3% сельского; сотовой связью – 98,3% городского и 94,8% сельского населения в возрасте от 6 до 72 лет. Среди пользователей Интернета в возрасте от 16 до 64 лет: 96,4% ищут интересующую их информацию; 86,1% просматривают либо скачивают фильмы, музыку, программное обеспечение; 86,2% общаются в социальных сетях; 68,3% пользуются электронной почтой; 49,5% играют в компьютерные игры; 46,9% покупают товары и заказывают услуги в интернет-магазинах; 48,5% осуществляют финансовые операции; 23,7% осуществляют взаимодействие с органами власти. В целях образования используют Интернет 86% населения в возрасте от 11 до 24 лет [4].

Приведенные показатели информатизации Беларуси достигнуты в результате реализации Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг. (от 03.11.2015 № 26.) и Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. (от 23.03.2016 г. № 235). Задачи цифровизации определяются Декретом «О развитии цифровой экономики» (21.12.2017 №8) и Указом «О цифровых банковских технологиях» (18.04.2018 г. № 148) [5].

БРРФИ № Г20–056 «Мобильные технологии в цифровой трансформации повседневности Республики Беларусь».

Литература и источники

1. Концепция информатизации системы образования Республики Беларусь до 2020 г [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.by/ statistics/ informatizatsiya-obrazovaniya/. – Дата доступа: 06.08.2020.

2. К 2022 году Минздрав Беларуси завершит информатизацию сферы здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digital.report/ k-2022-godu-belarus-zavershit-informatizatsiyu-zdravoohraneniya/. – Дата доступа: 15.08.2020.

3. Информационное общество в Республике Беларусь, 2019 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат) // Статистический сборник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ ofitsialnaya-statistika/ publications/ izdania/ public_compilation/ index_14277/. – Дата доступа: 25.07.2020.

4. Беларусь в цифрах, 2020 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат) // Статистический справочник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ ofitsialnaya-statistika/ publications/ izdania/ public_compilation/ index_16711/. – Дата доступа: 25.07.2020.

5. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.gov.by/ –Дата доступа: 07.08.2020.

ОСОБЕННОСТИ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

А. В. Жабров

В статье мы обратимся к проблеме влияния «Covid-19» на образование. Эта проблема актуальна по нескольким причинам. Прежде всего, многие страны, включая Россию, пережили период дистанционного обучения, причем в случае начала второй волны пандемии, перевод образования в онлайн остается возможным. Трудности создают и рекомендации ВОЗ, связанные с использованием медицинских масок в общественных местах. Ведение занятий в таких условиях – непростая задача. Осложнилась внеучебная и воспитательная работа в таких ее аспектах как проведение культурно-массовых мероприятий, деятельность студенческих кружков и клубов, организация выездных занятий и т. д. Наконец, пласт проблем затронул административную часть образовательного процесса: соблюдение санитарных требований в учебном заведении, контроль за самочувствием сотрудников и обучающихся, разработка и реализация индивидуальных планов занятий для лиц из группы риска по «Covid», реорганизация учебных помещений в соответствии с нормами социального дистанцирования и пр. Эти и многие другие трудности коснулись систем национального образования по всему миру.

Специфика гуманитарного образования создает дополнительные сложности в связи с пандемией. Во-первых, предметом гуманитарных наук является сам человек и его взаимоотношения с другими людьми. Поэтому в процессе обучения личность преподавателя и его отношения с учащимися имеют особое значение. Он не просто транслирует знания своей аудитории, но и демонстрирует их через свое собственное поведение и отношения с учениками. В определенном смысле «преподает самого себя». Конечно, воспитательная функция и профессиональное поведение значимы для преподавателя любых дисциплин, но именно в гуманитарных науках роль личного примера особенно велика. В условиях пандемии возможности налаживания полноценного контакта с обучающимися несколько сократились. Начиная с того, что проведение занятий в масках ухудшает эмоциональный контакт с аудиторией, продолжая сокращением числа форм внеаудиторной работы (например, выезд со студентами на экскурсию – сегодня непростая задача).

Во-вторых, проблема современного гуманитарного образования возникает вследствие объема информационных потоков. Человек перегружен информацией, причем в сфере гуманитарного знания большие объемы информация имеют невысокое качество. Это может создавать у обучающихся иллюзию о простоте получения гуманитарных знаний. Как отмечает М. А. Носоченко, «современным человеком овладевает иллюзия легкости познания: стоит провести пальцем по экрану гаджета – и вся необходимая информация перед тобой. Большинство людей не осознают, что такое "знание"... Это даже не суррогат, а мираж. Современный человек редко задумывается над тем, какими усилиями и годами труда дается подлинное искусство мыслить» [1, с. 78]. В таких условиях преподаватель обязан не просто передавать имеющиеся у него знания. Его задачи усложняются, поскольку необходимо не только организовать работу по поиску и отбору информации, но научить критически мыслить, убедить в том, что кажущаяся «легкость» получения знаний – фикция. Эта проблема обострилась с переходом российского образования на дистанционную форму в марте 2020 года. Гаджет со всеми его «знаниями» стал еще ближе, т. к. и в учебном процессе оказался основным средством коммуникации.

В-третьих, пандемия существенно увеличила нагрузку на преподавателей и обучающихся. Именно это назвали главной проблемой респонденты по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения. 51% студентов и 62% родителей школьников отметили, что учебная нагрузка возросла [2]. Выросла нагрузка с точки зрения преподавателей – 84% заметили ее увеличение [3]. Такое положение дел существенно повышает не только риски эмоционального выгорания, но и неизбежно снижает качество обучения. Поэтому полный переход к дистанционной форме школьного и высшего образования в дальнейшем является нежелательным.

С другой стороны, расширение онлайн-форм работы и обращение к новым информационным технологиям – важная и неизбежная тенденция, не только из-за угрозы второй волны пандемии, но и из-за общего направления в развитии мирового образования, связанного с его информатизацией. Так, например, достаточно безболезненно переживают переход в онлайн школьные и студенческие конференции. Если в случае с мероприятиями более высокого уровня такая форма проведения существенно затрудняет неформальную коммуникацию между коллегами (за рамками заседаний и круглых столов), то на школьном и студенческом уровне роль таких коммуникаций незначительна, а поэтому предпочтительной сегодня является дистанционная форма.

В-четвертых, нельзя не отметить влияние пандемии на тенденции интеграции и интернационализации образования. Сегодня создаются условия для формирования единого мирового образовательного пространства, происходит сближение и интеграция национальных систем образования. Активную работу в этом направлении ведут Российская Федерация и Республика Беларусь. В. Е. Козляков приводит следующие данные: «Беларусь взаимодействует с 65 регионами России в сфере образования и молодежной политики, в том числе с 38 регионами в рамках региональных программ сотрудничества. Развитию межрегионального сотрудничества во многом способствуют реализация ежегодных совместных проектов, организация выставок, обмены делегациями школьников, студентов и преподавателей, проведение ставших уже традиционными Дней образования Республики Беларусь в регионах Российской Федерации» [4, с. 38]. В 2020 г. количество подобных контактов по понятным причинам резко сократилось. Так, на протяжении нескольких лет Минск принимал у себя команды из десятка стран в рамках финала студенческого кубка Европы по игре «Что? Где? Когда?». В этом году турнир отменен.

В-пятых, очевидно, что «Covid» оказался одним из стрессовых факторов, влияющих на внутренний мир людей довольно продолжительное время. В таких условиях возрастает напряжение психики, повышается вероятность аффективных состояний и когнитивных нарушений, снижается адаптивность людей к условиям среды [5]. Поскольку образование как социальный институт отражает состояние всего общества с его проблемами, психологический дискомфорт может повлиять на продуктивность профессиональной деятельности преподавателей, качество усвоения знаний обучающимися, характер межличностных отношений в образовательной среде.

Все описанные проблемы требуют пристального внимания, а пути их разрешения еще предстоит отыскать. В целом, российская и белорусская системы образования продемонстрировали готовность справляться с угрозами и смогли приспособиться к изменившимся условиям. На

белорусских школьников и студентов пандемия повлияла в меньшей степени, т. к. система образования сумела обойтись без перехода к дистанционной форме. Институт образования по своей природе весьма консервативен. В связи с этим, сталкиваясь с новыми вызовами, он обычно реагирует довольно медленно. В случае с «Covid» решения приходилось принимать и реализовывать в кратчайшие сроки. С учетом этого можно констатировать достаточно высокую степень эффективности, адаптивности национальных систем образования и готовности справляться с трудностями.

Литература и источники

1. Носоченко, М. А. Гуманитарное образование в современном мире: перспективы развития / М. А. Носоченко // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4 (71). – С. 77–79.

2. Выпускники школ и студенты высказали мнение о дистанционном образовании // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/ index .php?i d=236 &uid= 10304 – Дата доступа: 12.09.2020.

3. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей // Институт образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ioe.hse.ru/ fao_distant – Дата обращения: 12.09.2020.

4. Козляков, В. Е. Роль Союзного государства в развитии межвузовского сотрудничества Беларуси и России / В. Е. Козляков // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2017. – № 2. – С. 38–41.

5. Щелкунова, Л. А. Эпидемия COVID-19 и ее влияние на психическое здоровье / Л. А. Щелкунова, К. К. Гусарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psy.media/ epidemia-covid-19/. – Дата доступа: 13.09.2020.

РОЛЬ АРГУМЕНТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Т. В. Жмакина

В современном обществе демократия приравнивается к диалогу, осуществляемому на принципах толерантности, равенства, свободы и уважения, который представляет собой не состязание, а кооперацию участников, целью которых является достижение взаимопонимания и взаимовыгоды.

Ключевая роль, в контексте демократии, отводится аргументации как рациональной, вербальной, социальной и целенаправленной деятельности, демократическому методу устранения разногласий и достижения консенсуса, методу «мягкой» силы и ненасильственного разрешения конфликта мнений.

В политическом контексте диалогическое взаимодействие как обмен мнениями и информацией равноправных между собой субъектов реализуется в споре, который может быть осуществлен в дискуссии,

диспуте, полемике или дебатах.

Дискуссия (лат. discussio – исследование, рассмотрение, разбор) представляет собой публичный спор, направленный на выявление и сравнение разных точек зрения, поиск истины, нахождение правильного решения спорного вопроса. В процессе участия в дискуссии, участники приходят к определенному выводу, что делает дискуссию эффективным способом аргументированного убеждения в политической коммуникации.

В соответствие с концепцией Амстердамской школы аргументации, разработанной Франсом ван Эмереном и Робом Гротендорстом [1, с. 64–65], дискуссия, а точнее критическая дискуссия, представлена четырьмя стадиями разрешения конфликта мнений: стадией конфронтации, стадией открытия дискуссии, стадией аргументации и стадией закрытия дискуссии. На стадии конфронтации очерчивается пространство разногласия относительно проблемы по существу вопроса. Стадия открытия дискуссии, как правило, представлена имплицитно и характеризуется принятием участниками коммуникативного процесса на себя ролей протагониста и антагониста относительно выдвинутой точки зрения. Стадия аргументации является самой явной и продолжительной стадией, так как именно на данном этапе осуществляется обмен аргументами с целью обоснования (не)приемлемости точки зрения. Стадия закрытия дискуссии представляет собой исход разрешения конфликта мнений под тяжестью доказательства или критики в пользу одной из сторон. Диалогическое взаимодействие в рамках ведения критической дискуссии осуществляется с учетом рациональности, эффективности и контекстуальности.

Участие в диспуте (лат. disputer – рассуждать, disputatio – прение) позволяет участникам политической коммуникации, подвергая проверке приемлемость точки зрения и сопоставляя противоречивые суждения, прийти к консенсусу, найти оптимальное решение и установить истину.

Полемический спор (греч. polemikos – воинственный, враждебный) в политической коммуникации характеризуется наличием конфронтации, противостояния, противоборством сторон, идей и речей. Это борьба принципиально противоположных мнений по существу вопроса, публичный спор с целью защитить свой тезис и опровергнуть точку зрения оппонента.

Принимая участие в политических дебатах (дебаты от фр. debat – спор, прения), участники политической коммуникации осуществляют структурированный и специально организованный публичный обмен выступлениями и вопросами по изложению собственных точек зрения по существу вопроса, направленный на убеждение в своей правоте первичной аудитории посредством дебатирования со вторичной аудиторией.

В зависимости от цели коммуникативного действия, выделяют аподиктический, эристический, софистический виды спора, которые в политической коммуникации характеризуются определенными способами

аргументации (доказательства) и контраргументации (критики).

Так, в политической коммуникации аподиктический вид спора, целью которого является установление истины, характеризуется использованием таких способов аргументации (доказательства) как обращение к факту, извлечение выводов, эффектное сравнение, вопросно-ответный шаг, подхват идеи, пример, дедуктивное умозаключение, индуктивное умозаключение, заключение по аналогии, иллюстрация. Контраргументация (критика) в аподиктическом споре представляется выявлением умолчания, контрастным сопротивлением, показом мнимого следования, скептическим замечанием, атакой вопросом, авторским комментарием, сведением к абсурду.

В эристическом споре, цель которого в политической коммуникации заключается в установлении согласия, выстраивание аргументации (доказательства) происходит посредством дедуктивных и индуктивных умозаключений, заключений по аналогии, апелляции к чувствам, обращения к фактам, апелляции к человеку, апелляции к публике. Контраргументация (критика) в эристическом споре выражается выдвижением альтернативы, обструкцией, сведением к абсурду, критическими замечаниями, возвратным ударом, психологическим неприятием.

Целью софистического вида спора в политической коммуникации является победа. Аргументация (доказательство) в таком случае выстраивается на основании использования софизмов, фальсификации, демагогии, апелляции к интересу, запутывании, алогизме, лести, блефе, подмене понятия или тезиса, примитивной аналогии, игре на авторитете. Контраргументация (критика) в софистическом споре выстраивается с использованием таких приемов как ловля на слове, возвратный удар, контрпример, анекдот, ирония, контрвопрос, убийственный аргумент, выявление слабых мест, компромисс, гневная отповедь.

Основной аргументологический закон актуализируется в обществе следующем образом: чем выше удельный вес аргументации в обществе, тем меньше удельный вес применения насилия или угрозы применения насилия и, наоборот, чем ниже удельный вес аргументации в обществе, тем выше удельный вес применения насилия или угрозы применения насилия.

Расширением аргументологического закона являются сформулированные В. И. Чуешовым [2] пять основных диалогических правил аргументологического закона: 1) свобода выбора для обсуждения, формулировки, аргументации, выражения сомнения и опровержения любой точки зрения; 2) бремя доказывания, выдвинутой точки зрения, которое лежит на том, кто ее выдвигает; 3) объективное и правильное понимание участниками дискуссии обсуждаемой точки зрения; 4) использование для обоснования (не)приемлемости точки зрения

истинных, надежных и уместных аргументов (то, что в англоязычных источниках называется «good arguments»); 5) результатом убедительной аргументации относительно обсуждаемой точки зрения является либо отказ от выдвинутой точки зрения в случае неубедительности аргументации в ее защиту, либо отказ от сомнений в ней в силу убедительности контраргументации.

Реализация основных диалогических правил позволяет успешно осуществлять диалогическое взаимодействие. В свою очередь не соблюдение и(или) игнорирование данных правил приводит к нарушению основного закона, срыву коммуникации и отсутствию взаимопонимания.

Современное белорусское общество как субъект политической аргументации не может не корректировать свое отношение к диалогу и аргументации, а также способствовать формированию системы аргументологических оснований политической коммуникации. Ответные, а порой и вынужденные, реакции государственных органов на растущую гражданскую активность являются свидетельством формирования аргументологических оснований коммуникации в диалоге «власть – общество». В долгосрочной перспективе они способны и призваны вытеснить из обихода уже все чаще дающие сбои в наши дни организационно-административные механизмы коммуникации по линии «власть – человек», фундаментом которых является не диалог и аргументация, а оправданное и легитимное государственное принуждение и насилие.

Литература и источники

1. Van Eemeren, F. H. From Argument Schemes to Argumentative Relations in the Wild: A Variety of Contributions to Argumentation Theory / F. H. van Eemeren, B. Garssen. – Springer International Publishing, 2020. – 289 p.

2. Чуешов, В. И. Об ориентирах аргументологии в информационном обществе / В. И. Чуешов // Рацио.ru. – 2016. – № 17 (1). – С. 10–29.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: ПОЗИЦИИ И ПОДХОДЫ

М. Б. Завадский

В обществах, основанных на знаниях, наука, технологии, инновации выступают ключевым драйвером экономического роста и развития, доминирующее положение занимает человеческий капитал, инвестиции в которого позволяют обеспечивать производство наукоемкой продукции и услуг с высокой добавленной стоимостью. Для развивающихся стран экономика знаний является привлекательной перспективой, так как капитал интеллекта, науки и технологий несет в себе потенциал для прорыва и бурного экономического роста, особенно в условиях дефицита

природных ископаемых.

Становлению понятия интеллектуального капитала предшествовали разработки в области экономической и социальной теории, получившие широкое признание. В теории человеческого капитала Г. Беккер обоснована экономическая рациональность инвестиций в знания, умения, навыки, профессиональные компетенции, образование, здоровье и другие составляющие человеческого капитала. С точки зрения П. Бурдье, капитал выступает главным ресурсом для индивидуальных и социальных субъектов в плане распределения сил и завоевания положения в социальном пространстве. Несмотря на то, что наибольший вес имеет экономический (денежный, имущественный) капитал, нужно учитывать значимость культурного (потенциал институализованных, объективированных и антропологически заданных ресурсов, обладающих культурным значением), социального (ресурсы, происходящие из принадлежности индивида социальной группе, возможности социальных связей и сетей) и символического (престиж, репутация) капиталов [1; 2].

Устойчивый интерес к новому типу капитала, являющемуся результатом интеллектуальной деятельности, возникает в 80–90-х гг. XX в. Дело в том, что до этого не существовало общепризнанного, собирательного термина для определения неосязаемых активов фирмы, которые выступают влиятельными факторами повышения ее стоимости. Появление термина «интеллектуальный капитал» сопряжено с развитием концепции нематериальных активов в сторону их большей измеряемости [3], увеличением наукоемкости, знаниевой и инновационной составляющих производимой продукции и оказываемых услуг и необходимости их фиксации при определении стоимости фирмы или корпорации.

В первом приближении, представляется, что понятие человеческого капитала более емкое, чем понятие интеллектуального капитала, поскольку интеллект, его проявления в современных производствах и социоэкономических условиях новейших технологических укладов выступает важной, но не единственной характеристикой человеческой активности, значимой для экономики знаний. Для достижения экономического эффекта не менее важны социальные, коммуникативные, психологические качества и способности. Между тем в теории интеллектуального капитала наибольшее влияние получила расширенная трактовка интеллектуального капитала, в соответствии с которой человеческий капитал, закрепленный в образовании, знаниях, умениях, опыте, здоровье, выступает составной частью капитала интеллектуального [4].

Одним из пионеров исследования интеллектуального капитала является шведский специалист Л. Эдвинссон, зафиксировавший, что стоимость современных компаний зависит от нефинансовой

составляющей, неосязаемых активов, которыми она владеет нередко виртуально. С целью осмысления этой иррациональной компоненты и осознания необходимости ее подчинения интересам фирмы была разработана модель оценки интеллектуального капитала, применимая не только к бизнесу, но и к анализу деятельности правительственных и некоммерческих организаций. На интеллектуальный капитал оказывает влияние два фактора – человеческий и структурный капитал. Человеческий капитал включает интеллектуальные и творческие способности служащих, культуру труда, а структурный капитал относится к тому, «что остается в офисе после ухода служащих домой» [5], и содержит клиентский капитал (отношения с клиентами, их лояльность) и организационный капитал. Последний предполагает инновационный капитал (патенты, идеи и т. п.) и процессный капитал (инфраструктура, информационные технологии и т. п.) [3].

В определении одного из классиков теории интеллектуального капитала Т. Стюарта отмечается, что «интеллектуальный капитал – это интеллектуальный материал, включающий в себя знания, опыт, информацию, интеллектуальную собственность и участвующий в создании ценностей. Это – коллективная умственная энергия. Ее трудно обнаружить, и еще труднее управлять ею. Но уж если Вы ее обнаружили и заставили служить себе, Вы – победитель» [6, с. 12]. В качестве структурных элементов интеллектуального капитала им определены человеческий капитал (знания, опыт, креативность работников), организационный капитал (структура организации, патенты и проч.), клиентский капитал (связи с потребителями и т. п.).

Близкой позиции придерживается В. Иноземцев. С его точки зрения, интеллектуальный капитал представляет собой некий коллективный разум, который состоит из научных и повседневных знаний сотрудников, накопленного ими производственного и профессионального опыта, интеллектуальной собственности, организационной структуры, сети коммуникаций, репутации и имиджа субъекта социально-экономической деятельности. В отличие от хорошо известных в индустриальной экономике видимых, расходуемых ресурсов, таких как оборудование, сырьевые материалы, финансы, интеллектуальный капитал незаметен и относится к внеоборотным активам. Составные элементы интеллектуального капитала подразделяются на знания и компетенции конкретных работников и на объективные условия их реализации с целью повышения конкурентоспособности организации. Речь идет о человеческом капитале, который проявляется в опыте, знаниях, умениях, образовании сотрудников, креативности и инновационности их мышления, общей культуре, философии и ценностях организации, и структурном капитале, включающем лицензии, патенты, интеллектуальную собственность, бренд, базы данных, структуру организации и т.п [7].

Для Э. Брукинг интеллектуальный капитал – «термин для обозначения нематериальных активов, без которых компания не может существовать» [8, с. 30)]. При этом в нем выделяются такие составные элементы, как рыночные активы (лояльность клиентов и т. п.), человеческие активы (знания сотрудников фирмы), интеллектуальная собственность и инфраструктурные активы (корпоративная культура, технологии управления персоналом и т. п.).

По мысли Г. Соколовой, интеллектуальный капитал – «сформированный в виде инвестиций и накопленный человеком определенный запас знаний и мотиваций, который целесообразно используется в той или сфере общественного воспроизводства, содействует росту производительности и качества труда, тем самым ведя к росту личного и общественного благосостояния» [9, с. 11]. Е. Головчанская полагает, что интеллектуальный и человеческий капитал является интеллектуальным ресурсом, дающим рост производительности труда, конкурентные преимущества в интеллектуальной экономике [4].

Таким образом, на основе анализа рассмотренных подходов можно предложить следующее определение: интеллектуальный капитал – это результаты мыслительной деятельности, объективированные в знаниях, умениях, компетенциях, творческих и коммуникативных способностях людей, инфраструктурных возможностях, инновационной и научной составляющей (производственной) деятельности, отношениях с потребителями продукции и услуг и выступающие нематериальными активами, которые дают экономический эффект.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках договора от 17.02.2020 г. № Г20ИЗ – РГ-001 «Национальные модели научной политики как средство развития инновационных систем Беларуси и Израиля».

Литература и источники

1. Бурдье, П. Формы капитала / П. Бурдье // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 60–74.

2. Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капитала и их конвертация / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 4. – С. 20–32.

3. Просвирина, И. И. Интеллектуальный капитал: новый взгляд на нематериальные активы / И. И. Просвирина // Финансовый менеджмент. – 2004. – № 4. – С. 103–120.

4. Головчанская, Е. Воспроизводство интеллектуальных ресурсов в интеллектуальной экономике / Е. Головчанская // Наука и инновации. – 2018. – № 1 (179). – С. 20–24.

5. Эдвинссон, Л. Интеллектуальный капитал: определение истинной стоимости компании / Л. Эдвинссон, М. Мэлоун // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 429–447.

6. Стюарт, Т. А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организации / Т. А. Стюарт. – М.: Поколение, 2007. – 368 с.

7. Иноземцев, В. Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире / В. Л. Иноземцев. – М.: Academia; Наука, 1998. – 640 с.

8. Брукинг, Э. Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.

9. Соколова, Г. Состояние и использование человеческого капитала в Республике Беларусь / Г. Соколова // Наука и инновации. – 2018. – № 1 (179). – С. 10–14.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КОУЧИНГА КАК НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Е. В. Згировская

Коучинг как социально-гуманитарная технология содействует трансформации сознания, мышления человека, конструирует новый тип личности с новым набором ценностей и мировоззренческих доминант. В перспективе внедрение коучинговых идей в социальную практику может способствовать изменению мышления всего общества, по крайней мере наиболее активной его части. Коучинг как новый вид профессиональной деятельности возник в 70-е гг. XX в. В Беларуси он приобретает все большее распространение и популярность.

Возрастающая роль коучинга в современном динамично меняющемся мире объясняется возможностью использования его в качестве инструмента повышения осознанности, саморазвития, самопонимания. Появившаяся в обществе потребность в личности, которая стремится к саморазвитию, умению быстро реагировать на вызовы, актуализирует необходимость исследования коучинга как технологии самосовершенствования, понимания личностных целей, средств и путей их достижения.

В виду этого важным становится вопрос изучения, на каких мировоззренческих позициях стоят сами коучи, какие духовно-нравственные ценности они транслируют, какими принципами они руководствуются в своей деятельности.

Теоретическое осмысление данной проблематики представлено в ряде работ как зарубежных, так и отечественных авторов. Среди них можно выделить Т. Голви «Работа как внутренняя игра» [1], Дж. Уитмора «Коучинг высокой эффективности» [2] и «Коучинг. Основные принципы и практики коучинга и лидерства», М. Аткинсон «Жизнь в потоке. Коучинг» [3], Дж. Стар «Полное руководство по методам, принципам и навыкам персонального коучинга» [4], В. Зиммерль, К. Зиммерль «Коучинг. Вперед, от ресурса к цели!», Л. Уитворт, Г. Кимси-Хаус, Ф. Сэндал «Коактивный

коучинг» [5], В. Глушаков «Коучинг – развитие потенциала человеческих ресурсов». Практические инструменты коучинга раскрываются в работах М. Дернаковского, Г. МакДаниела «Техники коучинга высокой эффективности» и «Техники командного коучинга высокой эффективности», Р. Дилтса «Коучинг с помощью НЛП».

Исследуя ценностно-мировоззренческую базу, на которой выстраивается методология коучинга, можно выделить следующие принципы.

Во-первых, это гуманистическая, безграничная вера в человека, в его способности и возможности. Убежденность в том, что, независимо от происхождения, возраста, образования, социального положения, человек может достигнуть те цели, которые он перед собой ставит. М. Дауни считает, что «основополагающим принципом коучинга является твердая уверенность в том, что практически все люди обладают гораздо большими внутренними способностями, чем те, что они выказывают в своей повседневной жизни» [6, с. 32]. Другими словами, люди обладают огромным потенциалом. Задача коуча – раскрыть его.

Для коуч-позиции также характерно абсолютное принятие человека, уважение к его личности. Это своего рода возрожденческий оптимизм в понимании как природы человека, так и мироздания в целом. Кратко данное миропонимание можно выразить в тезисах: «Человек – автор своей жизни, а не жертва обстоятельств. Возможно все! Все в твоих руках».

Во-вторых, это направленность, устремленность в будущее. Джон Уитмор отмечал: «Коучинг концентрируется на будущих возможностях, а не на прошлых ошибках». Такая установка порождает оптимистичный взгляд на события, положительную оценку себя и своих сил, убежденность в том, что не нужно зацикливаться на ошибках, а из прошлого надо брать ресурсы для новых побед и достижений. В результате работы с коучем происходит «расширение поля видения, в том числе поля видения своих возможностей, усиление человека, развитие у него веры в себя и, конечно, достижение поставленных в начале коучинга целей» [7, с. 10].

В-третьих, ориентация на решение проблем через действие. Другими словами, фокус внимания направлен на приоритет действия, а не на рефлексию и сомнения. Для коуч-мышления характерна установка «концентрируемся на возможностях, а не на препятствиях». В центре – человек «действующий», актор, тот, кто самостоятельно строит свою жизнь. Это человек проактивный, готовый идти вперед и действовать, несмотря на сомнения, страхи, мнение других, отсутствие поддержки.

В-четвертых, это представление о том, что результат – зона ответственности самого человека и зависит именно от него. Принятие ответственности за собственные действия – базовое положение коучингового взаимодействия. «Одним из важнейших элементов коучинга является взятие клиентом на себя ответственности за достижение своих

целей», – пишет в своей работе известный белорусский психотерапевт и коуч М. Дернаковский [8, с. 8].

В-пятых, это интенция на постоянное самосовершенствование, саморазвитие, личностный рост. В этом плане коучинг как технология содействует позитивным изменениям личности, способствует повышению инициативности, креативности, увеличению мотивации в своей деятельности. Одним из главных результатов работы с коучем является повышение осознанности и ответственный личный выбор жизненного и профессионального пути. Можно добавить, коучинг способствует внутренним и внешним трансформациям.

Итак, выше выделены базовые ценностные аксиомы коучинга. Раскрытие потенциала человека, его самореализация, умение достигать цели и б*о*льшие результаты, видеть в препятствиях возможности и ресурсы для их преодоления – в этом и видится задача распространения коучинга как в жизни отдельного индивидуума, так и во все сферы жизни, включая образование, культуру, экономику. В этом смысле коучинг может стать перспективным направлением и катализатором совершенствования элиты (в широком смысле слова) как активных граждан, реализующих позитивные, осознанные сценарии своего личностного и профессионального развития. Артикуляция идей коучинга и их имплементация в массовое сознание представляется важным для дальнейшего развития общества. Это формирует социальный оптимизм, веру в лучшее будущее. Можно дополнить, что, активируя, развивая интеллектуальный, культурный, социальный капитал человека, коучинг открывает новые перспективы эволюции общества.

Литература и источники

1. Голви, Т. Работа как внутренняя игра. Раскрытие личного потенциала / Т. Голви. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 304 с.

2. Уитмор, Дж. Коучинг высокой эффективности / Дж. Уитмор. – М.: Международная академия корпоративного управления и бизнеса, 2005. – 168 с.

3. Аткинсон, М. Жизнь в потоке. Коучинг / М. Аткинсон. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 330 с.

4. Стар, Дж. Полное руководство по методам, принципам и навыкам персонального коучинга / Дж. Стар. – М.: Pretext, 2016. – 397 с.

5. Уитворт, Л. Коактивный коучинг / Л. Уитворт, Г. Кимси-Хаус, Ф. Сэндал. – М.: Центр поддержки корпоративного управления и бизнеса, 2004. – 360 с.

6. Дауни, М. Эффективный коучинг. Уроки коуча коучей / М. Дауни. – М.: Добрая Книга, 2008. – 479 с.

7. Березовская, Р. А. Коучинг – эффективная технология достижения целей (по материалам круглого стола «Коучинг в организации: теория и практика») / Р. А. Березовская, С. В. Мясникова, Е. В. Сидоренко, Е. И. Кудрявцева, А. Г. Измайлова // Петербургский психологический журнал. – 2014. – № 9. – С. 3–22.

8. Дернаковский, М. Техники коучинга высокой эффективности / М. Дернаковский, Г. МакДэниел. – Минск: Смэлток, 2017. – 114 с.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ «ИДИОТИЗМ» КАК ФОРМА ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ТОЛПЫ

Л. М. Злотникова

Проблемы поведения человека, формирования его духовной сущности и морально-нравственной компоненты, несмотря на самую длительную историю изучения, по-прежнему остаются актуальными. На каждом историческом этапе их значимость только усиливается. В настоящее время сложно назвать гуманитарную науку, которая в той или иной степени не предпринимает попытки познания сущности поведения человека в определенных общественных, производственных и семейных условиях. Трудно не только провести анализ, но даже перечислить многочисленные публикации по обозначенным вопросам.

Временная иерархия носит условный характер и произведена в большей степени согласно научным принципам. Так, например, современная и классическая экономическая теория использует понятие «труд» как фактор и ресурс производства. Человек – основной источник труда остается за пределами научного экономического знания. Корректное отношение к научному наследию экономической теории обязывает нас указать на тот факт, что уже на протяжении XIX формировались определенные направления нового знания о поведенческих мотивах человека в производственной деятельности. Однако они ограничивались научным интересом влияния образа жизни, доходов, принадлежности к социальной группе на объемы и структуру потребления. Только в середине XX в. интерес экономистов, физиков и представителей других профессий приобретает радикально новый, сущностный характер. В 70-е годы XX в. научный свет получает удивительную по содержанию и полноте освященных проблем монографию Аурелио Печчеи «Человеческие качества» [1].

Проведение полноценного системного анализа названной монографии по понятным причинам невозможно. Поэтому обратим внимание на некоторые тезисы данного автора, которые получили в дальнейшем развитие у таких авторов, как А. Д. Сахарова, С. П. Капицы и др. Во-первых, человек в конце XX в. оказался на стадии развития, которое характеризуется полной неясностью и неопределенностью, взывающих к переосмыслению сложившейся ситуации. Как писал А. Печчеи «воистину настала пора сделать паузу и, поразмыслив о судьбе дел человеческих и смысле нашей удивительной эпохи, попытаться понять, что делать дальше» [2]. Современная эпоха, базирующаяся на усилении роли

индивидуальной ответственности, росте интеллектуальной компоненты производственной деятельности, по-прежнему порождает общество, основанное на господстве психологии толпы. По утверждению Густава Лебона (принципы и характеристики используются А. Печчеи), изучение социальных явлений «не может идти отдельно от изучения народов, у которых они наблюдаются» [2]. В философском толковании эти явления могут представлять собой абсолютную ценность, но в практическом проявлении ценность их всегда относительная. При этом, следуя научной методологии, автор отмечает, что «философ, изучающий социальные явления, должен всегда помнить, что рядом с теоретическим значением они имеют еще и практическую ценность» [2], которая в значительной степени зависит от уровня развития цивилизации.

Все социальные явления независимо от признания или непризнания их человеком и обществом в целом находятся в зависимости от «бессознательной деятельности человека». Неосознанное влияние человека на происходящие экономические, политические, производственные события усиливают роль и значение такого явления, как коллективное поведение. При этом необходимо отметить, что кроме коллективного, т. е. системного и жестко организованного управления, существуют стихийно возникающие объединения людей, которое получало название «толпа». По утверждению Г. Лебона, в этом случае приходится сталкиваться со сложными, противоречивыми процессами. Одной из базовых характеристик такого феномена является низкий умственный уровень «толпы», поскольку ей, как правило, руководят внешне невидимые силы [1]. Необходимо признать, что незнание этих моментов усложняет проблемы эффективного воздействия на толпу и ее участников. Поведение толпы (митинги, демонстрации) как социального явления, которое считают эффективной форма изъявления воли народа, усугубляет противоречия между обществом и государством.

Практически невозможно игнорировать тот факт, что могущество толпы формируется спонтанно, побудительные поведенческие практики не изучены, скрытые силы неизвестны и недоступны научному анализу. Гипотетически определены характеристики поведения человека в толпе. Последние политические события в Республике Беларусь – ярчайшее подтверждение господства идеологии человека толпы. В интерпретации Нассима Талеба в толпе «одноглазого ведет слепой»: эти люди, именующие себя «интеллигенцией» [3], недостаточно умны, их основным умением является способность подражания. Произнесение бессмысленных фраз, хамство, полное неприятие другого мнения, физическое и моральное воздействие на несогласных, полное игнорирование законодательных норм – это проявления толпы.

Г. Лебон предложил для научного осмысления следующие характеристики толпы. «История указывает нам, что как только

нравственные силы, на которых покоилась цивилизация, теряют власть, дело окончательного разрушения завершается бессознательной и грубой толпой, справедливо называемой варварами. Цивилизации никогда не создаются толпой. Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства… Благодаря своей исключительно разрушающей силе, толпа действует, как микробы, ускоряющие разложение ослабленного организма или трупа» [2]. Опасность современного поведения толпы, по утверждению Н. Талеба проявляется в том, что членами и властелинами толпы все чаще становятся «интеллектуальные идиоты». Эти квази-интеллектуалы начинают диктовать: «как поступать, говорить, думать, за кого голосовать, куда и с чем выходить и т. д.» [3]. Однако, в силу узкопрофессиональной подготовки, их «частичный интеллект» не способен к системному восприятию действительности, а осмысление стратегических последствий поведения толпы находится за рамками осмысления. Необходимо признать, что толпу гуманитарии практически не знают, они автоматически признают ее мудрость и мнения. Мы считаем, что наступило время реальной оценки влияния общественного мнения на дальнейшее развитие, поскольку исторически подтверждено, что прогресс осуществляется единицами, а условия создаются государством, а не криками толпы.

Гордясь и восторгаясь уровнем технического состояния современной цивилизации, наука оставила без должного внимания гуманитарную компоненту. В работе С. П. Капицы «Парадоксы экономического развития» ученый сделал основной акцент на наличии сущностного противоречия между уровнем технического и социального развития цивилизации [4]. Проблемы демографии, безработица, недоиспользование социальных и экономических возможностей общества, дефицит, нерациональное управление ресурсами, неэффективность, инфляция, отсутствие безопасности и т. д. требуют подлинной ответственности каждого гражданина. Опасность настолько велика, что обезличенный человек толпы служит дополнительным разрушительным фактором.

Несмотря на предостережения, до сих пор не предпринято никаких эффективных мер для решения хотя бы одной из этих проблем. Тем временем число нерешенных проблем растет, они становятся все сложнее и запутаннее. Общество, зажатое догмами расширения демократии, снятия всяких ограничений в поведении человека и независимости выбора продолжает диверсифицировать «интеллектуальный идиотизм». Человек в таких условиях обязан научиться гармонично сочетать техническое развитие и мудрость жизнедеятельности.

Литература и источники

1. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.koob.ru/ peccei/. – Дата доступа: 22.09.2020.

2. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bim-bad.ru/ docs/ gustave_le_bon.pdf/. – Дата доступа: 23.09.2020.

3. Талеб, Н. Патология нашего времени – потеря контакта с реальностью / Н. Галеб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/ interview/ own_business/ 16/ 11/ 2017. – Дата доступа: 25.09.2020.

4. Капица, С. Парадоксы роста. Законы развития человечества / С. Капица [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bookscafe.net/ book/ kapica_sergey-paradoksy_rosta_zakony_razvitiya_chelovechestva-229783.html. – Дата доступа: 23.09.2020.

ИДЕЯ СВОБОДЫ И ПРИНЦИП АВТОНОМИИ ЛИЧНОСТИ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

А. Г. Иваницкая

Трансформационные процессы, которые происходят в современном украинском обществе, актуализируют вопрос о том, насколько автономен человек в принятии решений и собственных действиях. Мощное влияние на его сознание и поведение оказывают обычаи и традиции, образование и воспитание, нормы морали и права, средства массовой информации и объективные условия существования, которые постоянно меняются. Быстрый рост средств коммуникации продуцирует опасность роста манипуляций индивидуальным, групповым и общественным сознанием. Одной из немногих сфер духа и практики, которая выделяется относительной устойчивостью в вопросах свободы, является религия.

История развития человеческой цивилизации в значительной степени связана с христианством. Многие страны мира, особенно в Европе и Америке, сформировали свои социальные институты и системы морали, права, воспитания под его непосредственным влиянием. Поэтому не случайно свобода здесь, как и в христианстве, имеет статус одной из важнейших жизненных ценностей. Поэтому исследование идеи свободы в христианстве является важным и значимым для понимания содержания и характера изменений, которые имеют место в духовной и практической жизни индивидов и обществ, которые находятся в ментальном поле этой религии. Особенную актуальность оно приобретает в связи с постоянным ростом требований со стороны социально незащищенных слоев населения (как в ведущих, так и слаборазвитых странах мира) получить реальный доступ к свободам и благам, которые для них жизненно важны. Далеко не последнее место здесь занимают свобода совести и слова, право на

образование, гендерного равенства, доступ к информации, реальное влияние на решение общественных проблем. Корреляция христианского и светского контекстов идеи свободы позволяет углубить понимание диалектики абсолютного–относительного в реальном бытии свободы.

Говоря об автономии (греч. *αὐτός* – сам, *νόμος* – закон), в широком смысле мы предполагаем наличие у объекта имманентных собственных закономерностей существования и развития. Автономия личности – это и некоторый уровень владения собой, а также определение направленности собственной судьбы, принятие ответственности за последствия собственных чувств, свобода выбора поведения и действий. Принцип автономии подразумевает возможность принимать сознательные решения в отношении самого себя вопреки установкам воспитания, влияния окружения. Подлинно автономной считается личность, которой присущи проявления осознанности, спонтанности, искренности. Под осознанностью понимаем способность принимать настоящее без искажений, быть в контакте с самим собой, слышать «другого». Спонтанность – свобода выбора из всех равновозможных ситуаций поведения. Она придает поведению человека гибкость, умение адекватно реагировать на ситуацию, принимать независимые решения, нести ответственность за их принятие. Спонтанная личность способна к обучению и адаптации. Так достигается расширение потенциала возможного поведения. Искренность (аутентичность) – проявление естественности, умения быть собой, открытость внутреннему миру. Религиозная автономия состоит в том, что личность сама свободно, добровольно, искренне обращается к Богу.

Разделение свободы на внутреннюю и внешнюю, свободу воли и свободу действия – один из методологических приемов западноевропейской философской мысли. Внутренняя свобода индивида – залог, условие раскрытия своего «Я» в окружающем мире. Личность как разумно-свободное существо проявляет свою свободу в разноплановом спектре действий и мыслей, взаимодействуя с другими людьми. Закон свободы один для всех. Его нарушение – путь к насилию, которое преодолевается, как правило, другим насилием. Правовой закон имеет внешний характер относительно субъектов деятельности и устанавливает допустимые пределы поведения индивида и социальных общностей. Человек свободен в той мере, в которой способен вне нарушения закона, реализовать собственные потребности и интересы. Когда способен сознательно регулировать собственное поведение, избирая способ и время действия. Свобода – важнейший показатель автономности личности, ее суверенитета.

Понимание свободы как состояния, данного человеку природой, положено стоицизмом. Этот принцип у стоиков позаимствовали римские философы и юристы. Полнее всего он представлен в христианстве. Призывая к спасению всех – кто является свободным, и кто лишен свободы

– оно провозглашает равенство людей перед Богом. На раннем этапе развития христианство требует от человека в обмен на обещание вечного блаженства покорности. Вследствие этого внутренняя свобода индивида впадает со временем в противоречие с внешними обстоятельствами его существования. В Новое время ведущей явилась тенденция согласования внутренней и внешней свободы. В этот период проблематика свободы приобретает актуальность в общефилософском, религиозном и политическом контекстах.

Смысловое наполнение свободы в значительной степени зависит от предметного поля исследования. В социологии, праве, психологии, этике, религиоведении и других формах знания акцент смещен на конкретные аспекты свободы. В социологии она связана с вопросом о том, каким образом в детерминированной социальной реальности индивид способен свободно проявлять себя, ведь за видимой свободой скрыты «социальные силы и социальные институты, которые действуют на индивида» [1]. В праве свобода в единстве со справедливостью – основа принципа формального равенства людей. «Свойственная праву всеобщая равная степень – это равная степень свободы и справедливости, а свобода и справедливость невозможны вне и без равенства (общей равной меры)» [2, с. 4]. В психологии свобода связана с механизмами самодетерминации личности. В этой сфере знания свободу описывает феноменологически переживаемый индивидом контроль над собственным поведением. Самодетерминация осмысливается «как объясняющее... рассмотрение механизмов свободы» [3]. В этике свобода рассматривается в сочетании с ответственностью. Моральным поступок считается в случае, когда осуществляется на основе свободного волеизъявления субъекта. Моральный контекст свободы – освобождение из-под власти аффектов, пассивных состояний. Внимание к изучению личностных состояний человека, его самоопределения, поиск мировоззренческой идентичности на основе отыскания в себе того, что соединяет с трансцендентным, – все это входит в содержательное поле религиоведения. Каждая из религиозных систем осмысляет проблему свободы.

Идея свободы многогранна, исторически переменчива. Философия продуцирует целостное представление о свободе в жизни человека и общества. Философская методология позволяет воссоздать наиболее общие и в то же время сущностные параметры свободы. Однако, полного, всестороннего ответа на вопрос о том, что же есть свобода, не существует. Свобода – неопровержимая общечеловеческая ценность витального характера. Как один из важнейших факторов человеческой жизни, она предопределяет постоянное развитие личности, выступает в качестве важного условия разворачивания ее способностей и задатков. «Лишение свободы автоматически влечет за собой депривацию многих витальных потребностей» [4, с. 196]. Свобода не вещь, не предикат и не субъект, она –

модус его бытия человека. Свобода не нуждается в теоретических доказательствах, она естественное состояние человека. Благодаря свободе, каждый индивид становится тем, кем он есть.

Литература и источники

1. Шабанова, М. А. Социология свободы: Трансформирующееся общество / М. А. Шабанова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/ biblio/ archive/ shabanova_undepending_sociology/ 6.aspx. – Дата доступа: 01.09.2020.

2. Нерсесянц, В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция / В. С. Нерсесянц // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3–15.

3. Леонтьев, Д. А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности / Д. А. Леонтьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psylib.org.ua/ books/_leond01.htm. – Дата доступа: 01.09.2020.

4. Яковенко, С. И. Динамика изменений психики осужденного к лишению свободы / С. И. Яковенко // Вісник харківського університету. Серія Психологія. – 2000. – № 483. – С. 194–197.

НАУКА И ИННОВАЦИОННО-ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ФАКТОРЫ ТРАСФОРМАЦИИ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Э. М. Иззетова

Состояние современного мира во многом определяется инновационной, творческой деятельностью человека, развитием науки, техники и технологий. Для постиндустриальной цивилизации технологии – это не только базисные экономические артефакты, но и идеология, которая определяет основные направления и темпы развития общества, изменяет его социальную структуру, и что самое главное, прямо и косвенно влияет на биологическую, социальную, ментальную, духовную сущность человека. Последними достижениями интеллектуальной деятельности человека стало создание цифровых технологий, вследствие чего был запущен процесс цифровизации экономики, общества, политики, культуры, образования. Сегодня уже выросло новое поколение молодых людей – цифровое поколение, обладающее техническим складом мышления, из которого выключен гуманистический элемент.

Человечество живет в мире глобальных трансформаций, в котором происходит смена материальных и духовных эпох, ему требуются новые идеи, ценности, помогающие адаптироваться к измененному состоянию универсума. По мнению самих вдохновителей информационно-цифровых преобразований, роль философии резко возрастает не только в системе образования, но и в других сферах. В мире цифровых технологий именно гуманитарная наука позволит формулировать идеи и выносить взвешенные

суждения, то есть выполнять задачи, которые не решаются цифровыми алгоритмами [1].

Цифровая эпоха не прошла философского осмысления. Это одно из обстоятельств, которые препятствуют выработке общего понимания сущности цифровой эпохи, экономики и культуры. Эволюция черпает силы в знаниях. В нашем случае практика оцифровывания опережает процесс выработки научных знаний об этом феномене. Наука создает новую среду для жизнедеятельности человека. « Как и искусство, наука не есть просто культурное занятие человека. Наука – способ, притом решающий, каким для нас предстает все, что есть… Действительность, внутри которой движется и пытается оставаться сегодняшний человек, все больше определяется тем, что называется наукой» [2, с. 239].

Динамика развития инновационных технологий порождает новый стиль коммуникации и образа жизни. Новый способ бытия приобретает такие признаки, как независимость, эмоциональная и интеллектуальная открытость, ориентация на инновации. Появляется новый тип нелинейного, личностно-центрированного познания «картины мира». Драйвером цифровой эпохи становится индивидуализация и плюрализация знания. В интернет-пространстве создаются новые пути формирования идентичности и индивидуальности, приводящих к росту самоуважения и самоценности. Для этой эпохи характерна тенденция формирования новых политических и экономических ценностей: высокой толерантности, глобальной ориентированности, универсальной этики, социальной и гражданской ответственности.

Трансформация технико-технологической моделей развития цивилизации детерминирована ростом научного знания, все возрастающей ролью науки. В научной литературе выделяют следующие технологические модели: 1) в качестве ключевой технологии выступает текстильная машина; 2) характеризуется использованием парового двигателя; 3) основана на использовании электродвигателя; 4) ключевым элементом технологии выступает двигатель внутреннего сгорания; 5) в основе ключевой технологии лежат микроэлектронные компоненты; 6) характеризуется использованием нанотехнологий, гелио – и ядерной энергетики в качестве ключевой технологии [3].

Современный мир существует между пятым и шестым технологическими моделями. Граница между ними является весьма условной, поскольку в их технологической основе лежат информационные технологии, базирующиеся на использовании знаний, полученных фундаментальной наукой. Основой шестого технологического уклада является масштабное применение нанотехнологий, биоинженерии, гелио- и ядерной энергетики, квантовых и цифровых технологий. Электронно-цифровые технологии в шестом укладе характеризуются более высокой вычислительной мощностью, выводят деятельность человека на

принципиально иной качественный уровень.

Сегодня мир находится на грани новых глобальных изменений. Новшества, вошедшие в нашу жизнь с приходом четвертой промышленной революции (Промышленность 4.0) – более широкое использование информационных и телекоммуникационных технологий, Интернета, роботизация, медиатизация, технологии искусственного интеллекта, виртуальная и дополнительная реальности, Интернет Вещей (IoT – Internet of Things), большие данные (Big Data), цифровизация, ставшая результатом всего перечисленного выше, – открывает для человека новые возможности [4].

Процесс цифровизации многократно активизировался после пандемии COVİD-19. Миллионы людей начали более активно пользоваться цифровыми платформами. Мир, в котором существует человек, – это мир информационно-цифровых трансформаций, глобального государственного и образовательного управления. Вместе с тем цифровая эпоха таит в себе онтологическую, гносеологическую, нравственную, мировоззренческую неопределенность и вступает зачастую в противоречие с традиционными общечеловеческими ценностями [5, с. 166]. На смену стабильности приходит состояние неопределенности, непредсказуемости и неустойчивости. Исследователь Ф. Аллахвердиев сложившуюся современную ситуацию сравнивает с феноменом «Черного лебедя» [4]. Под этим термином понимается непредсказуемость, которая означает сложный для прогнозирования глобальный феномен, характеризующийся мощным воздействием на человека и среду его жизнедеятельности. Появившийся новый фактор дает толчок использованию технологий нового поколения, выводит цифровые технологии на передний план. Феномен «Черного лебедя» в перспективе откроет не только пути к изменениям в экономике на глобальном уровне, но может так же трансформировать поведение, мышление, мировоззрение, образ жизни людей, организаций и учреждений.

Цифровизация вклинивается в нравственно-правовое пространство общества, поэтому этический компонент должен быть включен в рассмотрение инновационно-технологической деятельности человека. Нравственные нормы и законы, являясь законами человеческого общежития, должны охранять личность и этнические общности от такой угрозы будущего, как «бессубъектность развития человечества», порождаемой высокими технологиями [6, с. 10]. Цифры могут выразить многое, но они не способны отличить добро от зла, они не обладают эмоциональной составляющей. Способность человека к самоконтролю и моральной оценке собственных действий на основе понимания ответственности за совершаемые поступки выражается в форме осознания этического значения своих действий. В будущем понадобятся люди с особым взглядом на вещи, которые смогут дать критическую оценку

данных, собранных алгоритмами. Этими навыками обладают люди с философско-гуманитарным, системным мышлением.

Литература и источники

1. Через 10 лет спрос на гуманитариев резко возрастет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hightech.fm/ 2017/ 02/ 20/ 1&era1. – Дата доступа: 11.02.2018.

2. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – Москва, 1993. – 447 с.

3. Глазьев, С. Ю. Великая цифровая революция: вызовы и перспективы развития для России XXI века // Glazev.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.glazev.ru/ articles/ 6-jekonomika/ 54923-velikaja-tsifrovaja-revoljutsija-vyzovy-i-perspektivy-dlja-jekonomiki-i. – Дата доступа: 23.09.2020.

4. Аллахвердиев, Ф. Коронавирус COVID-19 – переход на цифровую экономику / Ф. Аллахвердиев [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.trend.az/ business/ it/ 3228214.html. – Дата доступа: 23.08.2020.

5. Рябчун, Н. П. Особенности функционирования традиционной культуры в условиях цифровой эпохи / Н. П. Рябчун // Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи: мат. III Межд. науч. конф., Москва, 5–6 апр. 2018 г. / НИУ. – М., 2018. – Ч. 1. – С. 165–170.

6. Афанасенко, И. Д. Цифровая экономика и социально-этические ценности / И. Д. Афанасенко, В. В. Борисова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 5. – С. 7–11.

ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В. А. Иноземцев, М. Л. Ивлева

Развитие современной техногенной цивилизации, в которой актуализируются процессы цифровизации, приводит к пониманию цифрового общества как качественно новой социальной реальности, предполагающей формирование и потребление цифровых ресурсов во всех системах жизнедеятельности общества, посредством технологий, действующих в глобальных масштабах.

Исследование процессов цифровизации позволяет приступить к выявлению основополагающих тенденций формирования новой социальной реальности. Распространение цифровых технологий характеризуется их всепроникающим характером. В связи с этим, большинство развитых стран рассматривают как одну из важнейших задач государственной политики задачу разработки программ развития цифровых технологий. Данное обстоятельство вызывается тем, что от разработки и реализации этих программ зависит не только технологический, но и социальный прогресс, экономическая конкурентоспособность страны в целом, ее место в мировой экономике,

способность развивать демократические институты и многие другие параметры. В такой ситуации определяющими становятся не только последствия внедрения цифровых технологий, но и те принципиально новые возможности, которые появляются в обществе.

В качестве позитивных тенденций формирования новой социальной реальности, которые обусловливаются спецификой цифрового общества, можно отметить следующие тенденции:

1. создание новой организации труда, новых форм занятости (появление «просьюмеров», в жизнедеятельности которых происходит ликвидация с помощью новейших технологий разрыва между производителями и потребителями, и «флекстаймеров» – работников со свободным режимом рабочего дня), это, в свою очередь, ведет к появлению новых профессий и новых требований профессиональной компетентности;

2. формирование нового класса – «класса интеллектуалов», который представлен профессиональными и академическими экспертами, то есть людьми науки и техноструктуры, участвующими в процессе управления и формирования информационных потоков;

3. выделение новой формы капитала – «паблицитной», которой обладает рыночный субъект, функционирующий в пространстве публичных коммуникаций, что, в свою очередь, позволяет укреплять позитивный имидж, приращивать общественное доверие и другие результаты, которые, в конечном счете, имеют вполне определенный экономический эквивалент;

4. возникновение «электронной демократии», которая предполагает реализацию политической активности посредством современных информационно-коммуникационных технологий.

Вышеуказанные позитивные тенденции формирования новой социальной реальности подтверждают положение о том, что цифровые технологии и инновации составляют технологическое основание процессов глобализации. Выявление позитивных тенденций формирования новой социальной реальности показывает, что технико-технологические достижения, основанные на рациональном познании, существенно изменяют облик современного техногенного мира.

Вместе с позитивными тенденциями новой социальной реальности, формирующейся в период построения цифрового общества, необходимо отметить и негативные тенденции, присущие новой социальной реальности. Эти тенденции особенно наглядно всплывают, во-первых, в связи с обсуждением проблемы взаимоотношения процессов цифровизации и процессов духовной жизни общества. Во-вторых, они обнаруживаются при обсуждении политических процессов, происходящих в развитых странах западной цивилизации.

Первая негативная тенденция формирования новой социальной

реальности, состоит в противоречии между интенсивными технико-технологическими информационными процессами, активизацией массовой и интраперсональной коммуникацией, с одной стороны, и нравственными ценностями общества и духовными потребностями человека, с другой.

Приоритет технико – технологических изменений и экстраполяция науки на все сферы жизнедеятельности общества способствует распространению технологической рациональности, которая оказывает регрессивное воздействие на нравственные, эстетические, познавательные и другие ориентации человека. Усовершенствование коммуникаций, появление электронной демократии и новых форм занятости кроме позитивных процессов несут с собой определенную угрозу, создание так называемых «черных дыр» цифрового общества. К ним относятся нерешенные в цифровом обществе проблемы безработицы и обездоленности, неравенства между людьми, имеющими доступ к информации и не имеющими к ней доступа, проблемы национализма, доминирования религиозных и единовластных структур власти. Под влиянием цифровых технологий перестраивается вся система отношений человека с материальным миром. Данные процессы позволяют утверждать, что духовное обнищание человечества заключается в катастрофическом отставании духовности от экономического и технико-технологического прогресса современной техногенной цивилизации. Можно сказать, что цифровое общество трансформируется в общество лишенное гуманности, в котором происходит разрушение самой человеческой природы.

Процессы духовной жизни социума в период становления и развития цифрового общества требуют от представителей гуманитарной интеллигенции поиска новых мировоззренческих ориентиров, сплачивающих различные слои населения, определяющих их ценностные ориентации, моральные нормы. Обсуждению этих проблем в настоящее время посвящается множество научных конференций, диспутов и дискуссий, на которых рассматриваются проблемы, связанные с предупреждением дальнейшей дегуманизации общества, обузданием негативных последствий научно-технических достижений, выдвигаются идеи перспективности гуманистической ориентации, как необходимого условия дальнейшего развития цифрового общества.

Общество является гуманистическим настолько, насколько ценится в нем отдельно взятый человек. Именно эта идея должна использоваться в качестве важнейшего критерия развития цифрового общества. Поддержание идеи построения гуманистического общества предполагает распространение духа миролюбия, переключение огромных военных расходов на социальное развитие и социальные программы. Развитые страны должны предоставлять развивающимся странам различные экономические, культурные и социальные льготы и меры безопасности. Также возникает необходимость в установлении нормативов этических

ценностей.

Следующая негативная тенденция формирования новой социальной реальности связана преимущественно с политическими процессами, происходящими в последние десятилетия в развитых странах западной цивилизации. Именно в этих развитых странах, в которых уже сформировалось цифровое общество, особенно острой становится проблема гражданского общества в новых исторических условиях. Ряд западных исследователей (З. Бауман, У. Бек, Ж. Бодрийар и многие другие) пишут о глубоком кризисе, переживаемом гражданским обществом в тех развитых странах западной цивилизации, которые послужили его колыбелью.

Рассмотренные негативные тенденции формирования новой социальной реальности и анализирующие их теоретические концепции цифрового общества следует дополнить еще одним положением. В этом обществе в характерных для него условиях утраты личностной идентичности, размывания традиционных социальных общностей, трансформации привычных социальных институтов, повышения степени рисков, у людей возникает мотивация к восстановлению привычных форм жизни или замене их альтернативными формами, а главное – готовность развивать необходимую для этого деятельность. Констатируя утрату идентичности, нельзя игнорировать тот факт, что далеко не все готовы с ней смириться. Попытки восстановить утраченную идентичность или обрести новую идентичность в изменившихся социальных условиях могут принимать организованную форму социальных движений, попыток создания социальных сетей, других форм взаимодействия индивидов.

Социальная реальность, в том числе и новая, формирующаяся в условиях цифрового общества, является единой, включающей материальные, политические и духовные процессы. Поэтому многие современные исследователи небезосновательно считают, что подход, который основан на разделении экономики, политики и культуры, является скорее догмой либеральной идеологии, чем отражением реальных механизмов функционирования современного техногенного мира.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНОМИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

С. Т. Кавецкий, П. П. Крусь

Трансформационные процессы, протекающие в белорусском обществе на рубеже веков, привели к системным изменениям во всех сферах общественной жизни. Неоднозначные процессы в экономической, политической и духовной сферах породили новые социальные конфликты и противоречия, активизировали поиск новой модели развития суверенной

Беларуси. Социум погрузился в состояние аномии, то есть ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходного и кризисных периодов, когда старые экономические и социальные нормы уже перестали действовать, а новые еще только устанавливаются.

Белорусский социум на протяжении последних более 25 лет в силу исторических условий и геополитического положения, трансформационных изменений во всех сферах общественной жизни находится в переходном состоянии. Аномическое состояние белорусского общества оказывает негативное влияние на современное развитие и порождает социальные девиации. По данным МВД Республики Беларусь, в 2017 г. было зарегистрировано 86,3% преступлений (92,9% к уровню 2016 г.). На 100 000 населения приходилось 909 преступлений (в 2016 г. – 978). На 1 января 2017 г. в местах лишения свободы находились 35,2 тыс. человек, что на 5,5% больше, чем на 1 января 2016 г.

Наиболее часто встречающиеся формы девиантного поведения представляют собой следующий субординационный ряд:

1. Воровство;

2. Коррупция. По данным МВД Республики Беларусь, в 2017 г. было зарегистрировано 1 922 преступления, связанных со взяточничеством, что на 53,3 % больше, чем в 2016 г;

3. Мошенничество при заключении сделок, исполнении договоров, банковских соглашений и т. д.;

4. Проституция. Сутенерство. Деловые операции лиц, обслуживающих пороки, – организация сексуальных услуг;

5. Нравственные пороки (клевета, предательство, доносы);

6. Терроризм – это применение идеологически мотивированных насильственных действий. Хотя Республика Беларусь является государством, где «все тихо и толерантно», однако вызовом для общества является телефонный и электронный терроризм (хакерство, внесение вирусов в компьютерные сети и т. д.);

7. Пьянство и алкоголизм. Высоким остается уровень потребления алкоголя. Согласно данным проведенного социологического опроса, алкоголь редко употребляют 41,5% опрошенных, умеренно (1 раз в неделю) – 24,1%, не отказываются, когда предлагают, – 20,4%, не пьют лишь 14,9% респондентов;

8. Домашнее насилие;

9. Суицид – намеренное лишение себя жизни. Э. Дюркгейм рассматривал самоубийство как социальный факт, порожденный социальной средой. Подробно рассмотрев это в работе «Самоубийство», он делает выводы, основанные на статистике, в частности, что мужчины совершают суицид чаще, чем женщины, что летом самоубийства бывают чаще, чем зимой. В работе «Самоубийство» французский социолог классифицирует суициды и выделяет три их типа: эгоистическое,

альтруистическое и аномическое самоубийство.

В Республике Беларусь проблема суицида чрезвычайно актуальна. На 01.01.2018, по данным ВОЗ, уровень самоубийств в Республики Беларусь составил 26,5 на 100 000 населения. Максимальное количество суицидов в Беларуси было зарегистрировано в 1996 г. – 3 562 (уровень – 35,1), а минимальное в 2014 г (уровень – 18,3).

Весьма характерной для социокультурной сферы Беларуси является проблема структурирования свободного времени. Трансформация белорусского общества в конце XX – начале XXI в. привела к изменениям как в понимании рабочего, внерабочего (включая свободное) времени, так и в его структуре и содержании. В 90-е годы XX в. на постсоветском пространстве стали возможны массовые поездки за границу.

Социологические исследования, проведенные в г. Бресте, дают возможность рассмотреть причины и следствия поездок за границу. Если в 1997 г. в течение трех последних лет за границей побывали 62,5% опрошенных брестчан, то в 2005 г. – 34,4%, в 2016 г. – 44,2%, а в 2018 г. – 36,4%. «Экономическим туризмом» занималось в 1997 г. 72,5% респондентов, в 2005 г. – 45,2%, в 2016 г. – 56,5%, в 2018 г. – 31,5% из числа выезжавших за границу. У белорусов наиболее популярными («экономически выгодными») были поездки в Польшу, Россию, Турцию, Германию, Украину, Литву.

Еще один дополнительный вопрос предлагался для тех, кто бывал за границей: «Если Вы бывали, приходилось ли Вам вольно или невольно нарушать таможенные правила?» Выяснилось, что к 1997 г. таможенные правила нарушали 75% пересекавших границу, в 2005 г. – 57%, в 2016 г. – 41,4%, в 2018 г. – 36,4%. На данном социологическом срезе можно видеть с одной стороны массовое нарушение правовых норм, а с другой – несовершенство законодательства, в том числе и таможенного.

Компьютерная революция и особенно Интернет продолжают победное шествие по стране. По данным конкретно-социологических исследований, проведенных под руководством автора в 2005 г., 33,5% респондентов имели персональный компьютер, 17,8% использовали Интернет. К 2016 г. число людей, имеющих компьютер, удвоилось, а количество интернет-пользователей утроилось. В 2018 г. мобильный телефон имели 96,4% респондентов, компьютер – 85,5%, Интернет – 81,9%. За прошедшие годы произошли серьезные сдвиги в области телефонизации: домашние телефоны имеют 78,8% опрошенных, а 96,4% пользуются мобильными телефонами, идет телефонизация сельской местности [2, с. 141].

Интересны изменения в религиозной сфере. После обретения суверенитета для Беларуси характерной стала тенденция резкого увеличения числа верующих. «Если в ноябре 1989 г. к числу атеистов относили себя 65%, то в сентябре 1994 г. их было уже только 35,2%. Среди

респондентов значительно увеличилось число верующих – с 22% в 1989 г. до 43,4% в 1994 г.» [2, с. 319]. В XXI веке эти тенденции сохранились. На 1.11.2017 насчитывается 58,9% верующих, из них 82% – православные, 12% – католики, представители других конфессий – 6%. Как отмечает Л. Е. Земляков, «в современном белорусском обществе религиозность утратила характер признака маргинальности, стала духовным качеством, присущим примерно в равной степени всем группам населения» [1, с. 71].

Таким образом, в сложившейся ситуации важно доверие всех социальных групп населения, единство власти и народа. Среди моральных ценностей, влияющих на доверие, следует особо выделить социальную справедливость. Под ней понимается то, как воспринимает массовое сознание распределение доходов в обществе, а также наличие равных возможностей для самореализации и продвижения личности по социальной лестнице. Нравственной проблемой является также доверие граждан к органам госуправления и бизнеса, избирательным процессам, силовым структурам к результатам исследований ученых: философов социологов, экономистов, политологов.

Природа аномии заявляет о себе наличием разнообразного и постоянно расширяющегося спектра социальных девиаций во всех сферах жизнедеятельности и всех социальных группах общества. В зоне риска оказались целые поколения, рожденные и взрослеющие на нормах реальной аномии.

Литература и источники

1. Земляков, Л. Е. Религиозный фактор политической культуры / Л. Е. Земляков // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Эканоміка. Права. – 2006. – № 3. – С. 70–75.

2. Кавецкий, С. Т. Аномия: теория и социальная практика / С. Т. Кавецкий. – 2-е изд. перераб. и доп. – Брест: БрГУ, 2019. – 245 с.

ЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТИИ УЗБЕКИСТАНА

Б. Кадиров

Основным фактором современного социально-экономического развития территории является человеческий капитал. В частности, это важно для инновационного и интеллектуального развития Республики Узбекистан. Как вы знаете, сегодня динамика развития современного мира во многом определяется инновационной, творческой деятельностью человека, развитием науки, техники и технологий.

Современные исследования показывают, как это ни странно для нас, мы живем в сложном, нелинейном мире, со всеми его закономерностями и

вытекающими последствиями. Проблема человеческого капитала является одной из самых актуальных и важных проблем современного глобализирующегося общества. Человеческий капитал берет свою основу из основных фундаментальных идей, исследующих феномен человека. Его экономические, политические, национальные и духовные основы содержат важные идеи его совершенствования.

В этот период наряду с физическим капиталом, принадлежащим государству, формируется человеческий капитал, который «во второй половине двадцатого века становится решающей силой в развитии общества» [2, с. 134]. Задачи, проблемы выдвигаемые обществом на этом этапе развития человечества решаются в первую очередь человеческим капиталом, который по сравнению с физическим капиталом играет определяющую роли в развитии современного общества, государства. Поэтому, «человеческий капитал (англ. human capital) – совокупность знаний, умений, навыков, использующихся для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом» [8]. На самом деле, человеческий капитал – это знания и навыки каждого человека в резерве.

Как и в других развитых странах, в Республике Узбекистан проводятся реформы, направленные на развитие человеческого капитала, как одной из важных задач. Например, в рамках проекта «Пять инициатив» к 2022 году во всех регионах страны будут открыты учебные центры по цифровым знаниям [7]. Планируется также разработать систему электронного правительства, которая увеличит долю услуг электронного правительства до 60% к 2022 году. В частности, будет развиваться «Цифровое предпринимательство», к 2023 году объем услуг в этой области утроится, а их экспорт достигнет 100 миллионов долларов. Конечно, проведение такой работы послужит дальнейшему развитию человеческого капитала.

Следует отметить, что человеческий капитал, который включает в себя здоровье, знания и навыки, является одним из основных факторов, стимулирующих экономический рост и сокращение бедности во многих странах мира, особенно в Азии, в двадцатом веке. Вот почему наша страна является одной из первых стран в Центральной Азии, которая поддержала Проект по развитию человеческого капитала [6]. Поэтому, президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиеев в качестве главной задачи реформирования Республики выявляет «развивать человеческий капитал в нашей стране» [1].

Л. Д. Сайфуллина утверждает, что «необходимо отметить тот факт, что каждый из показателей, оценивающих степень цифровизации экономики, содержит в себе оценку человеческого капитала, в том числе в виде цифровых знаний и навыков использования информационно-коммуникационных технологий» [4, с. 94]. Итак, человеческий капитал

является одним из факторов электронного развития информационного общества. Особенно развитие цифровых технологий предъявляет новые требования к системе подготовки человеческого капитала, то есть в первую очередь в образовании. Необходимость участия в мировой цифровой экономике требует подготовки не только программистов и инженеров, но и принципиально новых видов специальностей. При этом применение цифровых технологий приведет к сокращению занятости в отношении многих профессий, а в дальнейшем приведет к полному их исчезновению. На замену придет потребность в специалистах, способных обслуживать цифровую экономику.

Знание становится необходимым компонентом человека, как фактора, который регулирует и определяет жизнь и деятельность человека. Поэтому «синтез приобретенных знаний, через различные образовательные процессы придает целостность мировоззренческой позиции человека, пополняя человеческий капитал» [2, с. 136]. Таким образом, можно говорить о существенной значимости показателей, характеризующих человеческий капитал, на уровне развития цифровой экономики, информационно-коммуникационных технологий и электронного общества в целом.

Ф. Махлуп описывает этот подход следующим образом: «Необходимо отличать несовершенный труд от совершенного труда, который становится более продуктивным в результате инвестиций, которые увеличивают физические и умственные способности человека. Такое улучшение составляет человеческий капитал» [5, с. 419]. Конечно, сегодня человеческий капитал является основным богатством общества и ключевым фактором экономического роста.

Итак, все реформы, проводимые в настоящее время Республики Узбекистана в рамках стратегических действий, направлены на развитие человеческого капитала. В частности, процесс оцифровки ориентирован на развитие человеческого капитала. Согласно стратегии действий, процессы оцифровки в нашей стране проводятся в больших масштабах и во всех сферах общественной жизни. Таким образом, человеческий капитал, являясь основным ресурсом цифровой экономики, несомненно, требует применения новых подходов к управлению его развитием с учетом цифровых трендов в социально-экономических отношениях. Будущее развитие Узбекистана будет базироваться на науке, научных, социальных и гуманитарных технологиях, цифровой экономике. При реализации стратегии действия осуществляются процессы оцифровки, основанные на технологиях создания, обработки, обмена и передачи информации. Особенно «формирование у студентов трансдисциплинарной мировоззренческой позиции является необходимым компонентом человеческого капитала» [3, с. 329].

Литература и источники

1. Мирзиеев, Ш. М. Нияти улуғ халқнинг иши ам улуғ, аети еруғ ва келажаги фаровон бўлади / Ш. М. Мирзиеев. – Ташкент: ИПТД «Узбекистан», 2019.

2. Абдуллаева, М. Н. Трансформация значимости знания в процессе образования / М. Н. Абдуллаева, Г. Г. Гаффарова // Актуальные проблемы инновационного сотрудничества в повышении качества высшего образования: межд. науч. онлайн конференция. – Навои, 2020. – Т. 2. – С. 133–136.

3. Абдуллаева, М. Н. Инсон капитали таълим призмасида / М. Н. Абдуллаева, Г. Г. Гаффарова // Глобаллашув шароитида Ўзбекистонда инновацион ғояларнинг ҳуқуқий, иқтисодий, ижтимоий-фалсафий, таълимий йўналишларининг ривожланиш истиқболлари: Республика онлайн анжуман материаллари. – Тошкент, 2020. – Б. 325–329.

4. Сайфуллина, Л. Д. Управление человеческим капиталом в системе цифровых экономических отношений / Л. Д. Сайфуллина // Фундаментальные исследования. – 2018. – № 11. – С. 94.

5. Machlup, F. The Economics of Information and Human Capital / F. Machlup – Princeton, 1984. – P. 419.

НОРМА, ДЕВИАНТНОСТЬ, ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕКИЙ ПОДХОД

Э. Ю. Калинин

Понятие «норма» – одно из самых неопределенных и многозначных. Самое общее понимание нормы в философско-методологическом смысле – норма как мера, которая определяет границы сохранения качества при изменении количества. Менее общее понимание нормы как границы устойчивости (прежде всего, используется в технических и естественных науках). При еще более узком понимании нормы она отождествляется с гомеостазом как с границами сохранения жизнедеятельности организма (гомеостаза для органических или квазиорганических систем). Наконец, самое узкое понимание нормы как ценностно-целевой структуры регуляции деятельности и общения сознательного человека.

Эволюция и иерархия уровней детерминации человеческого бытия (рефлекс и доминанта, стереотип и ритуал, установка и аттитюд, интенция и рефлексия) позволяют понять сложную подчиненность и взаимообусловленность норм, ограниченность их релятивности.

Для того, чтобы была возможна единая иерархия внутренних детерминаций поведения человека, должен существовать перевод искусственного социального механизма в природный психологический, то есть вторичная натурализация. Чтобы возник социальный стереотип (вторичный психофизический динамический стереотип) у индивида в обществе (социальной группе), существуют специальные механизмы

ритуализации, которые с помощью символизации искусственной социальной действительности придают неприродным сущностям образно-психологические характеристики и закрепляют их связь. В результате ритуала образуется духовное (психофизическая детерминация на бессознательном и нерефлексивном сознательном уровнях) и социальное нормирование.

После рождения человек формируется в процессе первичной социализации. С обретением определенного уровня психосоматической зрелости он обретает и социальный статус взрослого. Дальнейшую социализацию можно назвать вторичной. Результат социализации – следование социальным нормам.

Суть нормирования – стереотипизация. Понятие социокультурного стереотипа выражает устойчивость, повторяемость модели деятельности, и в этом смысле социокультурная норма в своей основе является стереотипом. Однако в ней содержится еще и регулятивная направленность, которая обусловливает наличие в норме признака императивности. Нельзя считать вербализованность нормы необходимым условием ее существования в качестве императивного стереотипа деятельности. Императивность нормы не следует понимать как фиксацию в норме сознательного общественного волеизъявления, предписывающего индивиду линию поведения и рассчитанного на его сознательный учет и реализацию. Она представляет наличие механизмов манипуляции человеком, которые формируют в индивиде заключенную в норме стереотипную модель деятельности и воспроизводятся в направленности, способах организации, формах осуществления и результатах их экстериорной (поведенческой) и интериорной (психической, духовной) активности [1].

Назовем отклонение от нормы девиацией. Но, в отличие от стандартной концепции зафиксируем проблему данности социальной нормы субъекту познания. Если для классической рациональности норма существует до и независимо от процесса познания, то с позиций постклассической рациональности норма задается вместе с определением ее процедур познания. При этом ее инвариантность имеет два аспекта: 1) социально-статистический – норма как среднее, и эволюционно-динамический – как мера трансформации 2) когнитивный – норма как инвариант относительно познавательных процедур. Тогда обнаруживается, что природа девиации не только социально-онтологическая, но и эпистемологической, т. е. девиантное отклонение от нормы предполагает два вида устойчивости: социальный и когнитивный.

Можно зафиксировать два типа девиации: 1) связанную с природными факторами отклонения от среднего (начиная от флуктуаций физических полей и параметров биохимических реакций, до генных мутаций и изменений экологических характеристик); 2) связанную с

неприродными характеристиками бытия человека (разум, сознание, дух, свобода и т. д.). Любая интерпретация девиации сводится к некоторой комбинации, сплаву или системе этих двух видов, либо к признанию доминирования одной из двух. Однако ситуация представляется еще более сложной. Когда в определении девиации вводится характеристика сознательного уклонения субъекта от нормы, то практически всегда не различается рефлексивное и интенциональное сознание. Изучение социальной нормы позволяет выявить ее в общем случае четырехуровневое существование: натуральный (природный), бессознательный, нерефлексивное и рефлексивное сознание.

В рамках постклассической триадной логики надо перейти от пары «норма – анормальность» к триаде «норма – аномальность – анормальность», где отклонение от биологической и / или психологической нормы не означает автоматически ненормальности, но только сильное отклонение от нормы, ведущее к разрушению основного качества жизнедеятельности, которое получает негативную профессиональную оценку, санкционированную социально. Это надо назвать анормальностью или патологией.

В зависимости от способов взаимодействия с реальностью и соблюдения или нарушения социальных норм поведение можно разделить на конформистское, которое делится на адаптивное (конформистское в узком смысле), и аддиктивное (зависимое), нонконформистское (в широком смысле), которое в свою очередь подразделяется на аутсайдерское (минималистское) и бунтарское (максималистское). Последнее в свою очередь можно разделить на креативное (конструктивное) и экстремистское (деструктивное). В зависимости от способов и степени нарушения социальных и психологических норм девиантное поведение разделяется на пять типов: делинквентное, аддиктивное, суицидное, психопатологическое и на базе гиперспособностей.

С точки зрения социологии, только делинквентное поведение (от лат. Delinqueiis – совершающий проступок) является асоциальным, т. е. нарушает санкционированные государством нормы. Собственно, девиантное же (что в психологии не обязательно является патологией) не является социально опасным. Девиантное поведение лишь особая форма самореализации, а не обязательно патология.

Экстремальность как свойство присуща всем природным и социальным процессам и означает существование предела, максимума или минимума того или иного процесса или явления. В жизни человека любая новация, развитие связано с переходом за пределы устойчивого, нормированного, т. е. с трансцендированием как с родовым свойством человека. Поэтому любой творец, революционер выступает как максималист или экстремалист, выходящий за пределы старой нормы для

создания новой. Не только его цели, но, что важнее, его результаты конструктивны. Иное дело – экстремизм. Экстремисты могут быть субъективно убеждены в благородстве и моральности своих намерений, т. к. реализуют ту или иную идеальную цель. Но при этом экстремисты присваивают себе божественное право определения жизни других людей, т. е. отождествляют себя с божественным провидением, выступая как агенты той или иной тотальной силы и сверхидеи. Тем самым они носят оправдание нарушениям моральных и правовых норм в самих себе. Поэтому так легко используют неоправданное насилие и агрессию.

Насилие и агрессия не всегда аморальны, деструктивны и противоправны. Они могут быть связаны с необходимостью защиты от насилия и агрессии противоположной стороны, когда мирные средства исчерпаны, всегда ограничены той или иной необходимой мерой и не являются самоцелью. Иная же агрессия, связанная с деструктивностью и стремлением к неограниченному господству, – биологически и социально аномальна. Она порождает угрозу существования человеческого рода. Такой злокачественной агрессией или социальным трансгрессивным вирусом является терроризм. Он представляет крайнюю, предельную форму экстремизма, в которой используются все самые крайние насильственные формы, вплоть до массового физического уничтожения мирных граждан, и сознательный аморализм и ценностное одобрение и структурирование зла [2].

Литература и источники

1. Плюснин, Ю. М. Проблемы биосоциальной революции / Ю. М. Плюснин. – Новосибирск: Наука, 1990. – 239 с.

2. Томалинцев, В. Н. Введение в социальную экстремологию / В. Н. Томалинцев, А. А. Козлов / Спб.: Из-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 220 с.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

С. В. Кирпич

Настоящий материал представляет собой краткий анализ духовно-нравственных факторов, которые, наряду с традиционными социальными, экологическими и др., формируют и расширяют понимание безопасности жиздеятельности человека. Формирование зрелого человека, здорового общества невозможно осуществлять без духовно-нравственных ориентиров, позволяющих прийти к интегрированному пониманию безопасности личности, имеющей трехсоставную природу (дух, душа и тело).

Термин «духовно-нравственный фактор» может продуктивно использоваться применительно к безопасности человека и требует дополнительных пояснений и обоснований, дающих возможность регулировать общественные отношения. Попытки исключить из дискурса духовно-нравственный критерий в общественной активности, семейной и личной жизни приводят к разрушению фундаментальных законов человеческого бытия. Применение этого термина обусловлено потребностью современного общества в самосохранении, развитии социально-культурной самобытности народа, имеющего тысячелетний духовно-нравственный опыт.

Борьба с негативными последствиями современного развития не может быть эффективной без системных решений, включающих духовно-нравственные критерии, поскольку секулярное сознание не предлагает достойных решений. Вопрос о духовно-нравственной составляющей безопасности человека является настолько важным, что его отождествляют с фактором безопасности нации, государства.

Духовно-нравственное состояние общества в течение прошедшего века характеризовалось разрушением духовно-нравственных установок, подменой ценностей человека, семьи, общества на лже-идеалы. Одной из причин такого сценария развития общества за последнюю сотню лет называют попрание религиозного сознания, искажение веры, утверждение ее суррогата в виде культов (свобода без совести и ответственности, жажда достижения первенства любой ценой и т. п.), насаждение атеистического учения, с его стремлением абсолютизировать материализм.

Рассмотрим качества личности, характеризующие ее духовно-нравственный контекст, которые могут быть включены в состав параметров духовно-нравственной составляющей безопасности:

– готовность и способность к духовно-нравственному развитию, самосовершенствованию, пониманию смысла жизни, ответственному поведению, реализации творческого потенциала в духовной сфере, профессиональной деятельности, социальных коммуникациях;

– укрепление духовно-нравственного «иммунитета», соблюдение этических норм, основанных на классических добродетелях человека внутренних установках личности поступать согласно своей совести (т. е. некоторому нравственному критерию личности), на традиционных христианских ценностях;

– способность формулировать и готовность исполнять нравственные обязательства и моральные нормы, осуществлять нравственный самоконтроль мыслей, чувств и поступков;

– готовность и способность выражать и отстаивать свою личностную позицию в коллективе и обществе, критически оценивать собственные намерения, мысли и поступки, преодолевать трудности; целеустремленность и настойчивость в достижении результата, а также

трудолюбие, бережливость и жизненный оптимизм;

– готовность и способность воспринимать себя, других людей («ближнего своего») как наивысшую ценность, в то же время проявлять нетерпимость к действиям и влияниям, несущим угрозу здоровью (физическому и душевному), духовно-нравственной безопасности личности, противодействовать негативным проявлениям;

– готовность и способность к рефлексии (к анализу и принятию решений) в личной и общественной жизни на основе духовно-нравственных ценностей; сознательному определению себя как личности, реализации своего личностного потенциала в семье, в профессиональном коллективе, в сочетании с ответственностью личности перед семьей, трудовым коллективом и обществом.

Применительно к общественной жизни человека его духовно-нравственные характеристики можно сформулировать в следующем виде:

– гражданственность человека, т. е. осознание себя гражданином страны, включая чувство патриотизма, законопослушность и т. п.;

– готовность граждан противостоять внутренним и внешним вызовам;

– забота о поддержании мира и согласия в семье, коллективе, обществе;

– осознание безусловной ценности семьи как первоосновы принадлежности к народу, стране и Отечеству; культивирование таких базовых ценностей как любовь к «ближнему», почтение родителей, проявление уважения к старшим по возрасту людям, забота о младших, больных, а также о людях с ограниченными возможностями;

– защита жизни во всех ее проявлениях, забота о продолжении рода, сохранении и приумножении духовных, культурных и социальных ценностей предшествующих поколений, бережное отношение к историческому наследию.

Приведенная выше аргументация говорит о необходимости рассмотрения духовно-нравственных приоритетов и характеристик как для отдельно взятого человека (личности), так и применительно к развитию семей, коллективов и общества в целом.

Основными задачами в сфере обеспечения духовно-нравственной составляющей безопасности жизнедеятельности человека и общества являются:

– социально-экономическое развитие страны с учетом духовно-нравственных приоритетов во всех сферах жизни;

– своевременное прогнозирование и выявление внешних и внутренних угроз в духовно-нравственной сфере;

– разработка и реализация оперативных и долгосрочных мер по предупреждению (нейтрализации) внутренних и внешних угроз в духовно-нравственном контексте;

– совершенствование системы государственной власти и законодательства страны в деле укрепления духовно-нравственной сферы;

– обучение основам формирования полноценного здоровья людей, определяющими ориентирами которого являются духовно-нравственные критерии жизнедеятельности;

– изучение лучших примеров (образцов) духовного наследия, культурно-исторического опыта, произведений искусства и литературы и следование этим примерам;

– создание произведений в сферах культуры, искусства и литературы, которые могли бы стать духовно-нравственными ориентирами для наших современников и будущих поколений;

– побуждение и поощрение людей, семей и коллективов в изучении и приобретении духовно-нравственного опыта, без которого невозможно формирование здорового образа жизни; соблюдение духовно-нравственных критериев на всех уровнях общественного развития.

Исследование проблем здорового образа жизни людей не может игнорировать фундаментальные положения целостной трехсоставной природы человека и, следовательно, должно основываться на духовно-нравственной составляющей целостного критерия безопасности человека.

Вышеизложенный ракурс исследования духовно-нравственной составляющей безопасности в полной мере отвечает интересам общества, воспитанию достойного гражданина. Представляется необходимым напомнить о том, что духовно-нравственный фактор всегда был и остается ключевым регулятором в жизни человека, семьи и общества, критерием социального благополучия.

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА»

Г. К. Киселевская

Н. А. Бердяев писал: «нет более острой темы для познания, чем тема о культуре и цивилизации, об их различиях и взаимоотношениях» [1]. На нынешней стадии развития мирового сообщества и общественных отношений, с учетом накопленных человечеством знаний и культурных ценностей, как никогда становятся актуальными вопросы изучения и эффективного правового регулирования отношений в области культуры, в связи с чем, требуется уточнение и определение содержания понятия «культура».

Само понятие «культура» является многогранным, включает в себя как объекты материального мира, движимые и недвижимые вещи, так и духовного, нематериального мира, и затрагивает все сферы жизни человека, общества и государства. Культура обладает неограниченным

числом форм. Мы говорим о культуре не только в контексте произведений искусства, литературы, живописи, музыки, архитектуры, или творческой деятельности в этих сферах, но и в контексте качественных характеристик, единого набора ценностей, понятий, таких как высокий уровень чего-либо, о культуре общения, культуре воспитания, духовной культуре, правовой культуре и т. д. И при этом все аспекты, в которых мы говорим о культуре, являются взаимосвязанными и формирующими друг друга.

Рассматривая понятие «культура» в различных трактовках, ученые и философы склоняются к тому, что наиболее масштабным является восприятие культуры как фундаментального явления человеческого существования, означающего целостный, устойчивый способ жизнедеятельности людей определенной эпохи [2].

Видный российский и американский социолог и культуролог П. А. Сорокин рассматривал культуру, как один из аспектов социокультурного взаимодействия, как сложную теоретическую конструкцию, включающую в себя такие подсистемы, как язык, науку, религию, искусство и этику, которая в свою очередь включала в себя право и мораль. Такие важные элементы государства, как экономика и политика, рассматривались ученым как производные культуры [3].

В международных правовых документах мы не встречаем единого подхода к определению понятия «культура», а международные конвенции регулируют только отдельные аспекты прав и свобод человека и гражданина в области культуры.

Так, в ст. 15. Международного пакта Организации Объединенных Наций «Об экономических, социальных и культурных правах» закрепляется право каждого человека на участие в культурной жизни, а также обязательство государств, участвующих в данном Пакте, принимать меры для полного осуществления этого права, включая те, которые необходимы для охраны, развития и распространения достижений науки и культуры [4]. Однако определение и содержание понятия «культура» и «культурная жизнь» не уточняется.

В Конституции Республики Беларусь в контексте прав человека в области культуры используются следующие понятия: культурная жизнь, ценности отечественной и мировой культуры, художественное, научное, техническое творчество и преподавание, интеллектуальная собственность, культурные, научные и технические исследования на благо общих интересов, а также историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности [5].

В данном случае, термин «художественное творчество», очевидно, используется законодателем в широком смысле, и включает в себя литературу, архитектуру, скульптуру, живопись, графику, декоративно-прикладное искусство, музыку, танец, театр, кино и другие разновидности творческой деятельности человека. Однако, в связи с тем, что наиболее

часто термин «художественное творчество» употребляется в прямом, узком значении, как один из видов искусства – изобразительное искусство, возникает не полная картина гарантированных конституцией прав в области культуры и искусства.

В Кодексе Республики Беларусь о культуре от 20.07.2016 № 413-З культура определяется как совокупность культурных ценностей и культурной деятельности. При этом под культурными ценностями понимаются созданные (преобразованные) человеком или тесно связанные с его деятельностью материальные объекты и нематериальное проявление творчества человека, имеющие историческое, художественное, научное или иное значение (подп. 1.8 п. 1 ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о культуре), а под культурной деятельностью – деятельность по созданию, восстановлению (возрождению), сохранению, охране, изучению, использованию, распространению и (или) популяризации культурных ценностей, предоставлению культурных благ, эстетическому воспитанию граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лица без гражданства, организации культурного отдыха (досуга) населения, оказанию методической помощи субъектам культурной деятельности [6]. Такое определение культуры, культурных ценностей и культурной деятельности является достаточно широким и всеобъемлющим, и, на наш взгляд, позволяет рассматривать культуру как систему норм, ценностей и институтов.

В Законе Республики Беларусь от 14.11.2005 № 60-З (ред. от 04.06.2015) «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» не раскрывается содержание понятия «культура», а при определении основных направлений внутренней политики Республики Беларусь имеет место указание на сферу не только культуры, но и искусства, как самостоятельной сферы [7]. Так, в абзац 4. п. 4. вышеназванного закона, культуру и искусство выделены в самостоятельные сферы, а в абзаце 14. п.16. одно из направлений внутренней политики Республики определено как содействие развитию культуры и искусства. Это свидетельствует об употреблении в данном случае понятия «культура» в более узком смысле и выделении понятия «искусство» в отдельную сферу.

Таким образом, на наш взгляд, требуется уточнение значения используемых в законодательстве понятий «культура» и «искусство». С нашей точки зрения, является целесообразным на конституционном уровне закрепить понятие «культура» в широком смысле, как совокупности культурных ценностей и культурной деятельности, системы норм, ценностей и институтов. В то же время, в виду огромного круга элементов, входящих в понятие «искусство», считаем оправданным и целесообразным в Кодексе о культуре выделить искусство в отдельную сферу, и определить как разновидность творческой деятельности человека, направленная на

создание, преобразование, исполнение и воспроизведение материальных и нематериальных культурных ценностей.

Литература и источники

1. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Берядев. – М., 1990. – 177 с.

2. Право и культура // Под общ. ред. В. К. Егорова, Ю. А. Тихомирова, О. Н. Астафьевой. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 464 с.

3. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество // Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

4. Международный пакт Организации Объединенных Наций «Об экономических, социальных и культурных правах»: [Принят в г. Нью-Йорке 16.12.1966] // КонсультантПлюс.Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2020.

5. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

6. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры: 20 июля 2016 г., № 413-З: принят Палатой представителей 24 июня 2016 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2020.

7. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 14 ноябр. 2005 г., № 60-З: в ред. Законов Респ. Беларусь от 12.12.2013 № 83-З, от 04.06.2015 № 275-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2020.

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОГО ЭКСПЕРТА

А. И. Климович, Т. Л. Доморацкая

Деятельность современного медицинского работника подчиняется строго определенным принципам и нормам врачебной этики и деонтологии. Массив этических норм пересекается с правовыми и определяет достаточно широкий круг проблем. Среди них дискуссионным является пласт ранее высказанных пожеланий, соотносящихся с такими областями медицины, как паллиатив, трансплантация органов и тканей человека, эвтаназия, реанимационные мероприятия, проблемное поле репродуктивных прав и свобод, вопросы обязательного оказания медицинской помощи и др.

Основополагающие нормы медицинской этики и деонтологии представлены в Постановлении Министерства Здравоохранения Республики Беларусь № 64 от 7 августа 2018 г. В соответствии с ним предполагается, что любой медицинский работник в своей деятельности

должен руководствоваться принципами гуманизма, милосердия, сдержанности, профессионализма, конфиденциальности и толерантности [1].

В рамках медицинской этики и деонтологии также отмечается неразрывная внутренняя связь между личной и гражданской ответственностью. В качестве подтверждения данного положения можно привести слова И. П. Павлова, отмечавшего: «Что ни делаю – постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мне мои силы, прежде всего моему Отечеству» [2, с. 68].

Вместе с тем необходимо отметить, что наряду с общими нормами этики и деонтологии, определяющими деятельность врача, имеются также специфические элементы, связанные с узко специализированными направлениями. К таковым с необходимостью следует отнести нормы этики и морали, обуславливающие деятельность судебно-медицинского эксперта. Судебно-медицинский эксперт выступает одновременно как косвенный представитель правосудия, поэтому в его деятельности важное значение имеет правовой аспект. Соответственно, принцип автономии пациента в некоторых случаях сознательно должен быть уменьшен в пользу патерналистической модели, позволяющей определить наличие преступления.

Безусловно, судебно-медицинский эксперт в своей деятельности остается врачом, но коммуникации, в отличие от всех остальных областей медицины, здесь выстраиваются с иным субъектом – не с пациентом, но с потерпевшим. В этом случае патерналистский подход неизбежен. Однако, здесь он не должен соотносится с любого рода насилием над личностью, а проявляется в милосердии, эмпатии и заботе по отношению к пострадавшему. По классификации Т. Саса и М. Холлендера, предложивших активно-пассивную модель, модель управляемого сотрудничества и модель-партнерства, деятельность судебно-медицинского эксперта возможно квалифицировать в рамках первой модели. Так, например, профессор М. Ф. Яблонский, отмечает, что при взаимоотношениях с потерпевшими при судебно-медицинском освидетельствовании, где очень важно получить верные сведения об обстоятельствах происшествия, сроках и прочем, необходимо быть корректными: эксперт должен избегать вопросов, касающихся интимной или личной жизни гражданина [3, с. 280]. Таким образом, можно прийти к выводу, что при обращении с живыми лицами, специалист вынужден сочетать патерналистическую модель с учетом принципа автономии пациента, характерного для модели сотрудничества, при этом действия в интересах правосудия должны сочетаться с состраданием и милосердием по отношению к потерпевшему.

Одновременно необходимо отметить, что основополагающий принцип действия во благо пациента здесь имеет четко ограниченные

рамки. Не вся информация, полученная во время проведения судебно-медицинской экспертизы, служит во благо пациенту, поскольку может иметь для него неблагоприятные последствия в ходе судебного разбирательства. Здесь можно выделить еще одну специфическую черту: общественное благо, на страже которого стоит судебно-медицинский эксперт, имеет более высокую ценность нежели автономия пациента, проявляющаяся чаще всего традиционно в запрете на разглашение врачебной тайны, любого действия во благо пациента и т. д. Именно поэтому в Законе Республики Беларусь «О здравоохранении» четко прописаны варианты правомерного разглашения врачебной тайны, в том числе и в случае судебно-медицинской экспертизы.

Главные столпы автономной модели коммуникации врач-пациент, тщательно определенной в правовом статусе врача и пациента в рамках национального законодательства Республики Беларусь, основываются на принципах непричинения вреда, действия во благо пациента, принципа справедливости и принципа уважения автономии пациента. Однако, данная модель перестает действовать и во втором важном аспекте деятельности судебно-медицинского эксперта – экспертизе мертвых тел, здесь этическая и правовая норма информированного согласия, потенциально испрашиваемая у родственников, будет полностью отсутствовать. Доступ к информации родственникам умершего также будет ограничен тайной следствия. Принцип конфиденциальности также существенно ограничивается необходимостью проведения судебного разбирательства.

Дискуссионным остается вопрос причинения посмертного вреда. Следует отметить, что некоторые исследователи западноевропейской традиции, исследующие этический аспект деятельности судебно-медицинского эксперта, утверждают, что умерший может пострадать вследствие того, что были нарушены его интересы [4, с. 76]. В отечественной практике данный фактор в качестве возможного нанесения вреда не рассматривается.

Важным при проведении аутопсии также является тесно связанный с феноменом телесности принцип деперсонализации, а точнее его отсутствие. Принцип деперсонализации проявляется в отрицании личности умершего. Безусловно, в данном случае гуманное отношение также с необходимостью распространяется и на тело умершего.

Таким образом, на основании вышесказанного можно прийти к следующим выводам: во-первых, судебно-медицинский эксперт в своей деятельности руководствуется не только общими нормами медицинской этики, но и вынужден брать во внимание узкоспециализированные нормы, учитывающие специфику его работы. В данном случае понятие действий во имя общего блага должно превалировать над личными интересами пострадавшего.

Во-вторых, деятельность судебно-медицинского эксперта сочетает в себе черты как автономной, так и патерналистической модели, но с явным акцентированием в сторону патернализма.

В-третьих, имеются специфические этические нормы, регламентирующие деятельность судебно-медицинского эксперта в случае необходимости проведения экспертизы живых лиц и проведения аутопсии.

Литература и источники

1. Правила медицинской этики и деонтологии: Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 7 августа 2018 г. № 64 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 05.09.2020.

2. Петровский, Б. В. Врачебная этика в прошлом, настоящем, будущем / Б. В. Петровский // Здравоохранение. – 2020. – № 9. – С. 68–75.

3. Яблонский, М. Ф. Курс лекций по судебной медицине / М. Ф. Яблонский. – Витебск: ВГМУ, 2005.

4. Jasuja, O. P. Ethics In Forensic Science / O. P. Jasuja // Anil Aggrawal's Journal of Forensic Medicine and Toxicology. – 2001. – № 2. – P. 72–78.

ЗАДАЧИ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Н. М. Кожич

Современная православная церковь Беларуси открыта для сотрудничества с государством и обществом. Это выражается в отказе от социального индифферентизма, создании различных программ для решения актуальных общественных проблем. Не следует забывать также о том, что на протяжении всего своего существования первостепенной задачей для церкви было духовное «окормление» верующих, спасение человеческих душ. И в настоящий момент эта цель остается самой важной. Поэтому традиции православного образования в Беларуси сейчас активно возрождаются и развиваются.

В республике существует целая система духовных учебных заведений. Это воскресные школы, школы иконописцев, курсы катехизаторов и др. Есть профессиональные заведения. Духовные училища готовят кадры для приходского духовенства. Выпускники Минской духовной академии имени святителя Кирилла Туровского, Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла при БГУ, Минской и Витебской духовных семинарий служат в епархиальных учреждениях, городских храмах, принимают участие в конференциях по вопросам церковной и общественной жизни, образовательных чтениях, преподают в церковных учебных заведениях. Кроме этого, они занимаются

богословскими исследованиями, сотрудничают с зарубежными духовными учебными заведениями. В частности, еще в 2006 г. был подписан договор о сотрудничестве между богословами Беларуси и Германии. В отличие от дореволюционных духовных школ XIX столетия современное религиозное образование не носит сословного характера, доступ к нему открыт для всех желающих. Например, в Минской духовной семинарии существуют богословско-пастырское отделение дневной и заочной форм обучения для подготовки священнослужителей, а также богословско-педагогическое отделение заочной формы для мирян.

Считается, что в настоящее время священнослужитель должен быть высокообразованным человеком, обладать широкой базой светского образования, чтобы быть в состоянии говорить на языке современного общества. В 2007 г. Священным Синодом была поставлена задача обеспечить доступ учащимся духовных школ к последним достижениям науки и интернет-ресурсам, чтобы способствовать формированию творческого мышления выпускников. Православные идеологи постоянно подчеркивают, что все нынешние социальные проблемы (рост преступности, разрушение института семьи и брака, рост наркомании, экологический кризис, нехватка ресурсов и т. д.) обусловлены потребительскими идеалами техногенной цивилизации и могут быть решены при условии, если христианские ценности снова станут культурной доминантой. По этой причине, как отмечают церковные иерархи, «православное образование должно осуществляться на протяжении всей жизни человека, каждый этап духовного взросления важен. Детские сады, воскресные школы, православные гимназии, курсы духовно-нравственного содержания, преподающиеся в общеобразовательных школах, богословские факультеты и вузы должны стать единой, непрерывной системой православного образования, адекватно отвечающей на актуальные запросы жизни» [1, с. 59]. Тем самым очевидно, что церковь не просто стремится активно взаимодействовать с современным обществом, но и борется за приоритет религиозного начала во всех социальных сферах.

С точки зрения религиозных идеологов, образование – это не просто приобретение знаний и навыков, «полезных для материального благополучия и карьеры», а «участие в созидании в человеке образа Божия, восстановление его по подобию Божиему, которое он утратил и утрачивает в результате грехопадения Адама и собственных грехов. Человек сам с помощью Божией создает себя по образу и подобию Божиему. Задача наставника, духовника, педагога помочь в этом делании руководимому пасомому ученику» [2]. Принципами православного образования объявляются христоцентричность, педоцентричность как учет возрастных и образовательных особенностей учащихся, воцерковление, выполнение новозаветных заповедей и «раскрытие Православия как

радостной полноты жизни во Христе» [2]. Кроме того, отмечается, что «религиозное, морально-нравственное воспитание должно опережать информационно-рационалистическое наполнение ума» [2]. Этим религиозные идеологи отмечают особую специфику духовного образования, которое основывается, прежде всего, на положениях православной догматики.

Духовные учебные заведения преследуют цель формирования у выпускников чувства высокой ответственности и религиозной активности. При этом предпринята попытка устранить разницу между духовной и светской образовательной системами. В 2011 г. была принята Святейшим синодом «Концепция дальнейшего реформирования духовного образования Русской Православной Церкви». Этот документ предполагал повышение уровня профессиональной подготовки священнослужителей, преподавателей, миссионеров и социальных работников в соответствии и теми задачами, которые ставит перед собой церковь. Был предусмотрен переход на трехуровневое обучение по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, а также введение штатной структуры, которая включает в себя должности профессора, доцента, преподавателя, ассистента и др. При этом церковь стремится к включению духовных школ в систему светского образования.

Государство, преследуя свои социально-политические интересы, рассматривает православную церковь как партнера в деле нравственного воспитания людей. Еще в 2003 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между государством и церковью в различных областях общественной жизни. Наиболее важными направлениями сотрудничества стали воспитание, образование, благотворительность, охрана материнства и детства, сохранение культурного наследия и др. В рамках этого соглашения 26 марта 2020 г. была подписана на основе Конституции Республики Беларусь Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2020–2025 годы. Стороны «договорились подписать настоящую Программу сотрудничества в области воспитания детей и молодежи и реализовывать ее в соответствии с принципами: взаимного уважения и невмешательства в дела, относящиеся к компетенции Сторон; светского характера образования; уважения прав обучающихся на формирование собственной позиции в отношении религии и прав родителей или лиц, их заменяющих, на воспитание детей в соответствии с собственным отношением к религии. Сотрудничество органов и учреждений образования с Белорусской Православной Церковью не имеет целью ущемление прав других конфессий или граждан и не препятствует им в развитии сотрудничества с системой образования в соответствии с действующим законодательством» [3]. Одним из субъектов сотрудничества являются духовные учебные заведения. Они привлекаются

для проведения таких запланированных мероприятий как: экспертиза учебных изданий по вопросам изучения культурного и духовного наследия православия; разработка методических изданий и проектов по вопросам духовного, нравственного и семейного воспитания подрастающего поколения на основе православных традиций; проведение конференций, чтений по актуальным проблемам религиоведения, истории и роли православия в Беларуси; проведение исследований в области церковной истории и богословия; создание экскурсионных программ по святым местам, проведение факультативных занятий и тематических бесед духовно-нравственной тематики в учреждениях образования; проведение книжных выставок, создание виртуальных площадок для общения священников с молодежью и т. д.

Таким образом, целью православной духовной школы является повышение образовательного уровня священнослужителей и преподавательских кадров, совершенствование деятельности церкви в пастырской, религиозно-просветительской, миссионерской деятельности, а также в области социального служения. Духовная школа стремится к сближению с системой светского образования, делается акцент на повышение эффективности религиозно-нравственного воспитания, актуализации христианских ценностей в общественной жизни.

Литература и источники

1. Текущие события. Голос церкви – это тревожный набат // Минские епархиальные ведомости. – 2010. – № 1–2. – С. 58–59.

2. Каледа, Г. Задачи, принципы и формы православного образования в современных условиях / Г. Каледа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //azbyka.ru. – Дата доступа: 2.09.2020.

3. Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2020–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oroik.by. – Дата доступа: 2.09.2020.

COVID И СОЦИАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ ЛЮДЕЙ

С. А. Колдыбаев

COVID–19 создал уникальную, небывалую раннее в современной истории социальную ситуацию, после которой человечество вряд ли сможет жить, как прежде. Нововведения, обусловленные коранавирусом уже сейчас вполне проявляются, правда, главным образом в новых, социальных требованиях повседневного общения современных людей: меньше общаться, контактировать друг с другом, больше «сидеть дома», мыть руки и пр. Социальное дистанцирование людей отныне становится

фактом современной жизни людей и прежде всего в области повседневных отношений.

Стоит напомнить, что уменьшение доли социальных контактов в социально-бытовой жизни – закономерность, которая исторически давно реализуется в развитии человечества. Вспомним, знакомые всем нам вехи изменения динамики социализации прошлой истории человечества. В аграрную эпоху, при которой господствовала деревня все люди в ней знали и непосредственно контактировали друг с другом. Но уже при индустриализации по мере ее углубления основная масса населения, жившая в урбанизированных городах, все более уже стремилась дистанцироваться от других в своих квартирах. А уж современный ритм социальной жизни, основанный больше на уединенном образе и вовсе не оставляет места широким и многообразным контактам людей в быту, ибо все это зачастую подменяется общением по телефону, компьютеру и пр.

Но в прошлом, вся эта история социального «отгораживания» людей друг от друга в повседневной жизни происходила естественно-исторически, диктовалась логикой развития человечества, совершенствованием и усложнением материально-технологической основы общества. Необычность нынешнего появления потребности «социального дистанцирования» людей друг от друга при коранавирусе в том, что она определяется не сколько велениями новых технологии производства, а сколько возникает из потребности современного человека биологически выжить, существовать. Стремление к социальному уединению отныне становится для современного человека всеобщим требованием общения друг с другом, которое надо соблюдать на производственной работе, вне его, в общении с друзьями, родственниками и т. д. Можно сказать, что для современного человека по сути дела возникает жесткая альтернатива – либо общаешься с людьми и тогда есть угроза твоему физическому существованию, либо избегаешь всяческих контактов с себе подобными, и тогда такая угроза минимизируется.

Заметим, с подобными требованиями необходимости социального уединения диктуемыми медико-биологическими требованиями человечество в своей истории уже ранее сталкивалась. Вспомним сотрясавшие время от времени, в средневековье Европу, Россию эпидемии чумы, испанки, холеры, проказы и пр., которые уносили не только миллионы человеческих жертв, но и сопровождались стихийно проявляющимся процессом социального дистанцирования людей друг от друга.

Требование социального дистанцирования проявляется прежде всего к области повседневных отношений людей. Здесь стоит сказать, что эта область отношений людей, в любом обществе, во все исторические времена выступала цитаделью особо теплых, доверительных уз между людьми. Человек, образно говоря, отдыхал в ней, особенно в среде

родственников, семье. Процесс отчуждения одного человека от другого не выступал столь ярко, контрастно, как в сфере собственности, в социально-политической области и т. д. Можно сказать, что сфера повседневных отношении людей до COVID была одной из традиционно наиболее ярко и густо выраженных по-настоящему областей человеческого отношения людей по отношению друг к другу.

Сегодня COVID уменьшает социальность человека, развивая в нем индивидуалистическое начала. Исчезают простые социальные нормы отношений людей, в которых веками жили люди. Пандемия порождает новую форму отчуждения друг от друга, причиной которой отныне становится угроза биологической самовыживаемости человека.

Новая форма современного отчуждения по своей природе носит негативный, отрицательный характер, ибо направлена против сути человека как социального существа. Она чревата для человека в социальном плане усилением в нем античеловеческого, деградации морали, попрания норм общества, внутренней культуры человека и т. д.

Что характерно, развитие индивидуализации человека, выступающего реальным следствием проявления социального дистанцирования затрагивает все слой современного общества, выступая в разнообразных формах своего выражения. В повседневных отношениях людей, в которой живут большинство людей она проявляется в уменьшении видимых контактов в однозначно видимой форме. В то же время повседневные контакты людей в производственной сфере, работе государственного аппарата, деятельности вспомогательно-диспетчерских служб, являясь внешне коллективными, тем не менее также индивидуалистичны, построены на социальном дистанцировании индивидов по отношению друг к другу.

Не подлежит сомнению, что процесс отчуждения людей друг от друга в повседневно-бытовых отношениях порожденный пандемией необходимо рассматривать в целом, как и всякую форму выражения индивидуализации человека отрицательно. Хотя, как известно, из истории общества известная доля проявления индивидуализации человека-производственника выступила в прошлом, и выступает сейчас в передовых странах мощным двигателем развития промышленного производства при капитализме. Ведь, современное производство основано не только на кооперативных формах деятельности, но и непременно на умении, профессионализме, рациональности, организации работы отдельно взятого работника. Сегодня разумно проявленный индивидуализм в современном человеке выступает необходимостью в современном производстве, нормой повседневных отношений людей современного общества.

Но везде ли, во всех ли странах она выступает традицией в повседневных отношениях людей? Президент Республики Казахстан К. Токаев, обращает внимание на то, что распространению пандемии в

стране, в частности, способствует склонность казахстанцев и прежде всего казахов к проведению несмотря ни на что различных тоев, празднеств, соблюдению коллективных проводов при свадьбах, похоронах и пр. В республиках Средней Азии, Казахстане традиции коллективистских форм отношении особенно сильны в быту, повседневных отношениях людей. Но нельзя не видеть, несмотря на их историческую оправданность существования, что они в условиях пандемии, способствуют распространению коранавируса. В нынешних условиях более приоритетно в этом регионе развивать в человеке, в том числе повседневных отношениях индивидуалистические начала, чему объективно способствует в мире проводимая политика социального дистанцирования.

Безусловно, COVID – страшное бедствие, обрушившееся на современное человечество. Это однозначно. В этих условиях влияние проводимой в мире политики социального дистанцирования людей противоречиво. В стратегическом плане такая политика для человечества выступает преградой всеобщей беде. Одновременно при его сохранении, особенно в будущем она способна стать условием социальной деградации человека, общества. Вместе с тем, в региональном плане, в частности для Казахстана такая политика социального дистанцирования на известном этапе современной истории, способствует искоренению психологических излишеств остатков патриархальщины, мешающих развитию нового казахстанского общества. Конечно, в идеале, для человечества, так и для Казахстана, как говорится, подальше бы от такой беды, а с ним и политики социального дистанцирования. Но, что есть, то есть. Как говорят в народе «нет худа без добра».

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И КОГНИТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

К. К. Колин

Термин *интеллектуальная культура* в русском языке имеет два основных значения: 1) область культуры, связанная с умственным трудом, познавательной деятельностью, мышлением и образованием; 2) уровень достижений человека и общества в сфере интеллектуальной деятельности.

В последние годы в области интеллектуальной культуры наблюдаются следующие устойчивые тенденции. Одна из них – это возрастание значимости интеллектуальной культуры в стратегии решения проблем устойчивого развития, национальной и глобальной безопасности. Другая тенденция показывает снижение уровня интеллектуальной культуры, которое происходит под воздействием целого ряда деструктивных факторов.

Современная геополитическая ситуация характеризуется

обострением противоречий в области природных, энергетических, экологических, продовольственных и интеллектуальных ресурсов. При этом США и их союзники в странах Запада используют новые методы скрытного воздействия на человека, общество и государство, которые позволяют им решать свои геополитические задачи, формально не нарушая правил международного взаимодействия. Оказалось, что эти методы особенно эффективными при воздействии на *когнитивную сферу* общества. Они могут рассматриваться как *когнитивное оружие* – новое средство ведения вооруженной борьбы.

Аналогичные методы применяются и во внутренней политике для манипуляции общественным сознанием в интересах политических и финансовых структур, крупного бизнеса. Все это выдвигает новую глобальную проблему – обеспечения *когнитивной безопасности* государства, человека и общества, которая в настоящее время еще недостаточно изучена, а понятийный аппарат здесь только формируется. Поэтому ниже приведены определения некоторых новых терминов.

Когнитивная безопасность – состояние защищенности когнитивной сферы человека и общества от деструктивных воздействий внешнего или же внутреннего характера. При этом под *когнитивной сферой* понимается не только сфера психологии человека, связанная с его познавательными процессами и сознанием, как это принято считать в настоящее время, но и гораздо более широкое понятие, которое включает в себя и когнитивные структуры общества.

Когнитивное оружие – внедрение в интеллектуальную среду страны противника ложных научных теорий, парадигм, концепций, стратегий, влияющих на ее государственное управление в сторону ослабления оборонно-значимых национальных потенциалов [1,2].

Таким образом, *когнитивная безопасность государства* предполагает защищенность перечисленных выше компонентов его когнитивной сферы от деструктивных воздействий внешнего или же внутреннего характера. Это означает, что *когнитивная сфера общества* – это более широкое понятие, чем когнитивная сфера человека [2].

Структура угроз для когнитивной безопасности

Современная структура угроз для когнитивной безопасности представлена в Табл. 1. Многие из них являются актуальными как для России, так и для других стран.

Таблица 1. Структура угроз для когнитивной безопасности

№ пп.	Область познания и деятельности	Содержание когнитивных угроз для безопасности
1.	Философия и методология науки	Фрагментарность научного знания, разделенность естественных, гуманитарных и технических наук. Неадекватные представления о структуре реальности и соотношении ее материальных и нематериальных компонентов. Консерватизм в методологии науки.
2.	Глобальная эволюция	Парадигма техногенной цивилизации в глобальной эволюции. Теория постиндустриального общества. Отсутствие целостного знания о природе человека.
3.	Национальная и глобальная экономика	Концепция непрерывного экономического роста. Монетаризм и глобальная либеральная рыночная экономика. Отсутствие стратегического планирования.
4.	Социальная сфера	Деградация представлений о социальной справедливости. Разрушение устоев традиционной семьи. Одиночество в старости и утрата смысла жизни.
5.	Культура	Аксиология культуры, ее коммерциализация и маргинализация. Деградация базовых духовных ценностей мировой культуры. Культурологическая экспансия стран Запада. Деградация лингвистической и филологической культуры.
6.	Инфор-мационная сфера	Деградация личности в информационной среде обитания. Психологическое расслоение общества. Искусственный интеллект и проблема интеллектуальной безопасности. Философия трансгуманизма.

Однако, состояние когнитивной сферы само может быть источником рисков и угроз для безопасности государства, человека и общества. Некоторые, наиболее значимые опасные тенденции в этой сфере представлены в Таб. 2.

Таблица 2. Опасные тенденции в когнитивной сфере общества

№ пп.	Область познания и деятельности	Опасные тенденции когнитивной сфере
1.	Изучение живой природы	Генетические опыты по модификации бактерий, вирусов, растений и живых организмов. Искусственные живые организмы. Клонирование животных и человека. Кибернетическое и биологическое протезирование, создание гибридов и химер. Генетическое и новое биологическое оружие.
2.	Изучение физических систем	Эксперименты по изучению субквантового уровня материи. Опыты управления климатом. Климатическое оружие. Создание оружия на новых физических принципах.
3.	Искусствен-ный интеллект	Массовая роботизация общества и ее социальные последствия. Создание систем глубокого искусственного интеллекта, андроидов и киборгов. Перспектива формирования постчеловечества.
4.	Экономика и социальная сфера	Милитаризация экономики. «Паразитическая экономика» в развитых странах Запада. Усиление социального неравенства. Демографический кризис мирового сообщества.
4.	Образование	Снижение качества образования, его коммерциализация. Рост образовательного неравенства. Снижение воспитательной роли образования. Неадекватность образования новым условиям развития человека и общества. Профессиональная некомпетентность руководителей и специалистов.
5.	Культура	Нравственная деградация общества. Утрата людьми ряда человеческих качеств, ответственности за будущее, инстинкта самосохранения.
6.	Инфор-мационная сфера	Виртуализация общества. Формирование гибридной и дополненной реальности. Контроль над личностью. Информационная зависимость. Новые проблемы информационной безопасности. Кибербезопасность объектов жизнеобеспечения общества.

Потенциал России в области изучения проблем когнитивной безопасности

Россия обладает существенным потенциалом в исследовании философских и гуманитарных проблем развития цивилизации, которая переживает системный кризис [4]. Важные результаты получены в области философии информации [5], социальных аспектов информатизации образования [6], информационной культурологии [7] и антропологии [6; 7; 8; 9], гуманитарных проблем развития искусственного интеллекта [10]. Они могут стать научной базой для комплексного изучения проблем интеллектуальной культуры и когнитивной безопасности в новых условиях

развития общества в XXI веке. Фундаментальные основания гуманитарных знаний являются здесь определяющими.

Литература и источники

1. Сулакшин, С. Национальная безопасность России: когнитивное оружие / Сулакшин С. // Доклад на Общем собрании академии военных наук. Москва, январь 2014.

2. Колин, К. К. Неоглобализм и культура: новые угрозы для национальной безопасности / К. К. Колин // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 2. – С. 104–111.

3. Новокшанов, О. Н. Когнитивная безопасность и информационно-аналитическое противодействие / О. Н. Новокашанов // Право и государство. – 2015. – № 9. – С. 132–137.

4. Колин, К. К. Системный кризис культуры: структура и содержание проблемы / К. К. Колин // Стратегические приоритеты. – 2014. – № 3. – С. 6–27.

5. Колин, К. К. Социальные аспекты информатизации образования / К. К. Колин, И. В. Роберт. – М.: ИИО РАО, ИПИ РАН, 2004. – 54 с.

6. Колин, К. К. Философия информации: структура реальности и феномен информации / К. К. Колин // Метафизика. – 2013. – № 4. – С. 61–84.

7. Колин, К. К. Информация и культура. Введение в информационную культурологию / К. К. Колин, А. Д. Урсул. – М.: Стратегические приоритеты, 2015. – 300 с.

8. Колин, К. К. Биосоциология молодежи и проблема интеллектуальной безопасности в информационном обществе / К. К. Колин // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 3. – С. 156–162.

9. Колин, К. К. Информационная антропология: поколение NEXT и угроза психологического расслоения человечества в информационном обществе / К. К. Колин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 4. – С. 32–36.

10. Колин, К. К. Новый этап развития искусственного интеллекта: национальные стратегии, тенденции и прогнозы / К. К. Колин // Стратегические приоритеты. – 2019. – № 2. – С. 4–12.

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: СУЩНОСТЬ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ВОЗНИКАЮЩИХ УГРОЗ

А. Г. Косиченко

Роль и значение духовной безопасности обозначены в Законе РК «О национальной безопасности Республики Казахстан» в статье 5 «Основные национальные интересы Республики Казахстан», перечисляющей следующие основные факторы духовной безопасности: обеспечение прав и свобод человека и гражданина; общественное согласие и политическая стабильность в стране; казахстанский патриотизм и единство народа

Казахстана. В этом же Законе РК духовная безопасность отнесена к такому виду национальной безопасности, как общественная безопасность: «общественная безопасность – состояние защищенности жизни, здоровья и благополучия граждан, духовно-нравственных ценностей казахстанского общества и системы социального обеспечения от реальных и потенциальных угроз, при котором обеспечивается целостность общества и его стабильность».

Духовная безопасность ближайшим образом соотносится с религией, предметом исследования которой является духовность, а цели – в поисках и обоснованиях духовного развития. Политизация религии ведет к ее радикализму, экстремизму и терроризму, которые представляют существенную угрозу для духовной и национальной безопасности Республики Казахстан.

Религия не единственная область общественной и государственной жизни, обладающая духовным содержанием. Искусство во всех его проявлениях, наука, образование, отношения людей между собой, традиционные и актуальные ценности, общественные идеалы, государственные интересы – все это имеет отношение к духовной сфере и безопасности.

Духовная безопасность только на первый взгляд носит подчиненный характер в сравнении с военной, экономической или продовольственной. Длительное время духовная безопасность не воспринималась в качестве важного элемента общественной и государственной сферы. Политическая, экономическая, военная, продовольственная, информационная и иные формы безопасности перекрывали значение безопасности духовной.

В современном мире духовная безопасность выходит на первый план, поскольку за последнее десятилетие стало ясно, что победить государство, захватить его, лишить его суверенитета можно без военных и экономических воздействий. Можно духовно, идейно, ценностно разложить население страны, и государство станет легкой добычей противника. Внедрив в сознание ее населения чужие ценности, можно подчинить страну и превратить государство в сателлит духовно покорившего ее агрессора.

Гибридные, системные войны современности имеют в качестве последнего и базового аргумента военную силу, но на передний план, в авангард «боевых» действий выходят схватки в сфере культуры, духовности, ценностей. Территория может остаться во владении государства, а дух его народа будет покорен «захватчиком»: независимость и суверенитет будут потеряны. Вот почему духовная безопасность должна поддерживаться на высоком уровне.

Духовная безопасность имеет отношение ко многим сферам общественной и государственной жизни, казалось бы, весьма далеких от непосредственного духовного содержания. К примеру, семейные

отношения: при искаженных ценностях, вполне допустимо, согласно некоторым нормам ювенальной юстиции, под выдуманным предлогом изымать детей из вполне благополучных семей; развод молодых пар по причине эгоизма и неоправданно высоких ожиданий от совместной жизни. Причина этих явлений в усвоение ложных ценностей, имеющих прямое отношение к духовной безопасности. Надо актуализировать ненасильственными способами традиционные ценности, которые были присущи казахам в течение веков. При этом следует подчеркнуть, что представления о традиционных ценностях как об отживших рудиментах – неверные, поскольку многие из них имеют вневременное содержание, его-то и надо актуализировать.

Реформы в сфере образования (в том числе Болонская система), на первый взгляд, направленны на качественное улучшение системы, однако привели к устранению из образовательного процесса ценностей и воспитательного элемента, важнейшего для формирования в обществе позитивных духовных ориентиров. Эти реформы культивируют человека с крайне узким горизонтом знаний, так как акцент делается на овладение «компетенциями», которые дают не профессию, но место в системе общественного разделения труда. Это место очень легко потерять вследствие изменения конфигурации потребности в той или иной «компетенции». На этот случай в Болонской системе предусмотрено «образование в течение всей жизни», т. е. нет роста профессионального мастерства, а есть непрерывная череда смены «компетенций», продуцирующих человека, предельно зависимого от внешних экономико-политических обстоятельств.

Встает вопрос, связанный с поиском мер, которые помогут сохранить для современного казахстанского образования ценное содержание из предшествующего времени. Такие меры можно найти в Болонской системе, при всей жесткости которой, все же остается место для сохранения национальной специфики в образовательном процессе, которую надо развивать.

В отношении духовной безопасности в целом можно сказать следующее. При верном понимании сущности общественной и государственной жизни нет ни одной сферы, которая бы не имела выхода на духовную безопасность. Поэтому духовная безопасность является системообразующим и фундаментальным основанием всякой иной безопасности, в то числе и военной, ибо ложная духовность воинского контингента не позволяет сформироваться мужеству, патриотизму, жертвенности – качествам необходимым для отстаивания интересов страны в условиях конфликтов и военного противостояния. Продовольственная безопасность аннулируется, если стяжательство чиновников, воспитанных на духовных идеалах потребительства, станет доминирующим мотивом их деятельности. Духовная безопасность –

центральный элемент всякой иной безопасности, в то время как считается, что экономическая, военная, продовольственная, даже экологическая безопасность являются более важными, чем духовная, имеющая отношение к искусству, религии, периферийным для государства знаниям. Пока так будут считать, не только духовная безопасность, но и общая безопасность Республики Казахстан будет оставаться под угрозой. Следовательно, надо менять приоритеты национальной безопасности.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РИСКОВ И УГРОЗ ДЛЯ БЕЛАРУСИ И РОССИИ С ПОЗИЦИИ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

О. Ю. Кравцов

Мир-системный анализ (МСА), или мир-системный подход (МСП), рассматривает человечество как единую трехуровневую иерархическую структуру, состоящую из ядра (развитые страны 1-го мира), полупериферии (развивающиеся страны 2-го мира) и периферии (отсталые страны 3-го мира) [1, с. 14, 32; 2, p. 159]. Иерархическая структура мира-экономики подразумевает наличие государства-гегемона, коим в настоящий момент является США.

По мнению самих основателей школы МСА, капиталистическая система переживает терминальный кризис, который предвещает окончание периода американской гегемонии и смещение центра капиталистического мира-экономики из США в Восточную Азию [3, с. 177–180, 181; 4; 5; 6; 7, с. 68, 418, 444–445]. Данный тезис подтверждает важная новая тенденция – возвращение центров капитализации из стран с низкими доходами обратно в страны с высокими доходами [8, с. 39, 62].

Ход мировой истории сводился авторами к трем базовым сценариям: 1) старые центры капитализма перейдут от финансово-экономических методов управления к прямому административно-управленческому регулированию мирового порядка; 2) старый капиталистический караул в лице США сменится восточноазиатским в лице Китая; 3) человечество впадет в системный хаос и прекратит свою историю [8, с. 447–448].

После распада СССР Россия и Беларусь оказались среди развивающихся стран 2-го мира. Условия, созданные в капиталистическом мире-системе, позволили России за сравнительно короткий срок расплатиться с долгами и беспрецедентно нарастить золотовалютные резервы. В это время Китай стал второй экономикой мира по номиналу ВВП.

Однако, к кандидатам в высшую лигу были предъявлены дополнительные, абсолютно неприемлемые требования – переход на стандарты либеральной демократии. Противоречия между старыми и новыми центрами силы привели к политическому и экономическому

конфликту интересов.

В рамках прогностических возможностей МСП, развитие отношений между западом и Российско-Китайским блоком видится в следующем. Дальнейшее обострение конфликта может привести к принятию радикальных экономических мер со стороны запада, вплоть до остановки экономических отношений со странами-конкурентами и отъема (заморозки) накопленных ими денежных средств, т. е. к фактическому отлучению этих государств от мировой капиталистической экономики (Механизм отъема денег может быть реализован, например, посредством списания средств по выигранным международным арбитражам.). Карантинные меры, принятые против пандемии коронавируса, могут рассматриваться нами, как средство искусственного торможения и структурной перестройки экономики.

В этой ситуации России и Китаю представляется дополнительная возможность выхода из капиталистического мира-экономики и перехода на траекторию особого пути. Стоит отметить, что в ходе перестройки международных отношений, существует вероятность прямого военного конфликт между сторонами.

От обоих центров силы Беларусь старалась держаться на равноудаленной дистанции. Однако, текущие политические события подталкивают Беларусь к более тесному союзническому взаимодействию с Россией и Китаем. Беларусь находится на границе цивилизационного разлома, что в парадигме конфликта восток-запад возлагает на Беларусь дополнительные риски. Вполне вероятно, что разрыв экономических и логистических отношений вынудит белорусскую экономику переориентироваться на оборонный комплекс и внутренний рынок Союзного государства, а в случае обострения отношений России с НАТО, Беларусь может оказаться в эпицентре военных действий.

Резюмируя. В самом процессе быстрой индустриализации авторы МСП видели потенциальную угрозу для развивающихся стран, которая заключается в искушении бросить вызов мировым гегемонам. В качестве примера приводились Германия и Япония, действия которых в прошлом веке привели эти страны к катастрофе [8, с. 420–421, 445].

Принцип избыточности поставил под угрозу выпадения из системы мировых капиталистических отношений целые страны и даже континенты. Так, например, практически выброшенными из современного мира-экономики оказались народы, оставшиеся на уровне замкнутых минисистем (аборигены Океании, Амазонии или внутренней Африки) [8, с. 416]. Необходимо учитывать, что ареал «избыточности» вполне может быть расширен и в нем может оказаться любой регион планеты.

Гипотетически, в зону отчуждения (в цивилизационный карантин) могут попасть страны, бросившие вызов существующему миропорядку и гегемонии ядра. Опасность пребывания в зоне мир-системного

отчуждения, на наш взгляд, заключается в неминуемом нарастании технологического и культурного отставания между первым миром и странами из зоны отчуждения. Такое отставание по достижению некоторого критического уровня, может сделать принципиально невозможным его преодоление и обречь такие регионы на системную недоразвитость и цивилизационную бесперспективность.

Не вызывает сомнения, что социальная эволюция человечества движется в сторону образования единой глобальной человеческой цивилизации. В этой общечеловеческой цивилизации будет необходимо совместно создавать единые, разделяемые всеми духовные ценности, моральные принципы и культурные ориентиры. Вопрос, какими будут эти ценности, и кто будет их основным законодателем, остается открытым по сей день. В любом случае, странам или цивилизациям, желающим приобщиться к глобальному тренду, придется поступаться традициями, не вписывающимися в общепринятые стандарты.

Литература и источники

1. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 т. / Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1992.

2. Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences // I. Wallerstein. The Capitalist World-System. Essays. – Paris, 1979.

3. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн. – М.: Логос, 2003.

4. Франк, А. Г. Смещение мировых центров с Востока на Запад / А. Г. Франк // Латинская Америка. – 1993. – № 2. – С. 3–12.

5. Франк, А. Г. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством» / А. Г. Франк // Цивилизации. Вып. 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории / Отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Наука, 2002. – С. 192–202.

6. Франк, А. Г. Нет никаких цивилизаций: единство и непрерывность в разнообразии, или многосторонняя и энтропийная парадигмы для мира сегодня и завтра / А. Г. Франк // Прогнозис. – 2007. – № 4. – С. 3–23.

7. Дус Сантос, Т. Структура зависимости / Т. Дус Сантос // Скепсис. – 2008. – № 5. – С. 84–90.

8. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

МОБИЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Т. В. Купчинова

Мобильные технологии можно рассматривать как величайшее научно-техническое достижение, изменившие повседневную жизнь

человека. Доступность и разнообразие мобильных устройств, приложений привели к их быстрому проникновению в жизнь человека, во многом изменили то, как люди живут, работают, взаимодействуют друг с другом.

Теоретической основой исследования концепта «мобильные технологии» выступают: концепция Интернет вещей *(IoT)* и парадигма третьей платформы (*the 3rd platform)* (новая парадигма развития компьютерной индустрии).

Термин «*Интернет вещей*» (Internet of Things) был предложен Кевином Эштоном в 1999 году. Интернет вещей – концепция, которая позволяет не только объединять предметы материального мира посредством Интернета для обмена информацией между ними, но и развивать возможности по накоплению, структурированию и анализу различной информации о поведении людей в городском пространстве, дома и на работе [1].

Термин *«третья» платформа* предложили аналитики международной исследовательской и консалтинговой компании International Data Corporation (IDC) для обозначения нового поколения вычислительных систем, формирующегося под влиянием облачных (cloud computing) и мобильных технологий, социальных сетей и больших данных (big data).

«Третья» платформа, по мнению IDC, определяет в настоящее время ландшафт не только всей компьютерной отрасли, но и повседневной жизни человека. Цифровое преобразование – это больше, чем «явление» и, безусловно, больше, чем технологическое явление. *«Третья» платформа* раскрывает основные механизмы, инструменты третьей промышленной революции (Industry 3.0) [2].

Стоит отметить значимость не столько самих технологий, сколько эффектов (результатов), получаемых в ходе их использования во всех сферах жизни общества. Так, ключевыми технологическими драйверами выступают [3, p. 14–15]:

– мобильные технологии, которые позволяют получить доступ к информации и, таким образом, взаимодействовать или принимать решения в любое время и в любом месте;

– социальные сети, которые повсеместно меняют возможности взаимодействия внутри компаний, а также с клиентами, партнерами и широкой общественностью;

– аналитика и большие данные, которые позволяют компаниям принимать обоснованные решения (иногда в режиме реального времени) и разрабатывать бизнес-модели на основе больших данных;

– технологии облачных вычислений, которые гарантируют быстрый доступ к приложениям и данным при определенных условиях;

– интернет вещей (IoT), который обещает неограниченные возможности для взаимодействия и новые бизнес-модели путем

подключения продуктов и датчиков.

Значение мобильных технологий для цифровой трансформации отмечается в работах немецкого экономиста К. Шваба. Именно прогрессивные мобильные технологии позволяют компаниям адаптироваться к новым условиям, которые диктует Industry 4.0 [4; 5].

Обзор существующих определений термина «мобильные технологии» позволил выделить следующие подходы, отражающие его сущность:

– мобильные технологии – технология, используемая для сотовой связи [6; 7];

– мобильные технологии имеют отношение к инструментам и устройства, которые можно легко перемещать и использовать [8];

– мобильные технологии – термин, которые объединяет устройства, приложения и беспроводную коммуникацию [9].

Развитие мобильных технологий связано с расширением функциональности мобильных устройств, совершенствованием беспроводной связи, появлением мобильных платформ с открытым исходным кодом.

В отчете о состоянии цифровой сферы Digital 2020, отмечается увеличение количества интернет-пользователей, аудитории социальных медиа, пользователей мобильных телефонов. При этом на мобильные телефоны теперь приходится больше половины времени, которое мы проводим в интернете – 50,1%. Последние данные Statcounter показывают, что примерно 53% всех веб-запросов в настоящее время поступают с мобильных телефонов [10].

Развитие мобильных технологий предполагает накопление навыков, методов, процессов, стратегий, средств, которые используются для достижения как индивидуальных, так и организационных целей и задач. Мобильные технологии в настоящее время стали частью массовой культуры, инструментом публичной сферы.

Технологии цифровизированного мира в виде цифровых продуктов меняют повседневность человека, воздействуя на ее структуры, социальные практики, формы рациональности. Активное внедрение в повседневную жизнь мобильных технологий – показатель уровня цифровизации общества. В настоящее время развитие мобильных технологий выступает одним из главных направлений эволюции информационных технологий как таковых.

БРРФИ № Г20–056 «Мобильные технологии в цифровой трансформации повседневности Республики Беларусь».

Литература и источники

1. Маркеева, А. В. Интернет вещей (IoT): возможности и угрозы для современных организаций / А. В. Маркеева // Общество: социология,

психология, педагогика. 2016. № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ article/ n/internet-veschey-iot-vozmozhnosti-i-ugrozy-dlya-sovremennyh-organizatsiy. – Дата доступа: 30.07.2020.

2. Третья платформа (the 3rd platform) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/. – Дата доступа: 03.08.2020.

3. Chalons, C. The Role of IT as an Enabler of Digital Transformation / C. Chalons, N. Dufft // The Drivers of Digital Transformation. Why There's No Way Around the Cloud / Ed. by F. Abolhassan. – Berlin: Springer, 2017. – 129 p.

4. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: «Эксмо», 2016.

5. Шваб, К. Технологии Четвертой промышленной революции / К. Шваб, Н. Дэвис. – М.: Эксмо, 2018.

6. Chiluwa, I. Text messaging in social protests // Encyclopedia of Mobile Phone Behavior. – Hershey: IGI Global, 2015.

7. James, E. Katz: An Intellectual Biography // Encyclopedia of Mobile Phone Behavior. – 2015.

8. Redmond, T. Innovations in Mobile Photography for Digital-Age Teachers and Learners // Handbook of Research on Mobile Technology, Constructivism, and Meaningful Learning. – 2017.

9. Седых, И. А. Рынок инновационных финансовых технологий и сервисов-2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dcenter.hse.ru/ godovye _obzory _po _otraslyam _i_rynkam. – Дата доступа: 27.07.2020.

10. Digital 2020: Global Digital Overview [Electronic resource]. – Mode of access: https://datareportal.com/ reports/ digital-2020-global-digital-overview. – Date of access: 03.08.2020.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЕКТОВ БЕЛОРУССКОЙ ДИАСПОРЫ: МЕТОДОЛОГИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ

Н. А. Кутузова, М. Л. Рыбаков

В качестве основы методологической модели в данном исследовании был использован сравнительный анализ проектов белорусской диаспоры, реализованных на территориях Республики Беларусь и стран проживания диаспоры (Литва, РФ, Польша, Эстония, Латвия) в период 2017–2019 гг. Сравнительный анализ производился по критериям: целевая группа и количественный охват, партнеры, социальные эффекты, медиаэффекты. На основании сравнительного анализа установлена зависимость качества реализации проектов диаспоры от предварительного планирования социальных эффектов, методологического сопровождения их реализации. Матрица результатов в данном случае рассматривается как совокупность показателей (которые могут быть оценены по количественной шкале в баллах и иметь временный рабочий характер): целевая группа и количественный охват, партнеры (с выделенными ролями: заказчик-исполнитель, инициатор-партнер), социальные эффекты, медиаэффекты.

Система шкал достижения Целей устойчивого развития вполне может быть также применена в дальнейшем к матрице результатов, в особенности при оценке социальных эффектов (преодоления неравенства, установления партнерства, инновационного развития, экологических целей и пр.).

На основе эмпирических исследований (10 стандартизированных интервью лидеров и активистов белорусской диаспоры, а также 45 гугл анкет, заполненных активистами диспоры) была апробирована система экспертных оценок эффективности проектов белорусской диаспоры. Методологической основой данной части исследования являлось стандартизированное (формализованное, структурированное) интервью с активистами белорусской диаспоры. Структура интервью включала закрытые вопросы с выбором варианта ответа, открытые вопросы, предполагающие самостоятельный вариант ответа. Респондентам было предложено самостоятельно назвать проект, год, в какой стране был реализован, данный вопрос был важен с точки зрения узнаваемости проектов, памяти о них, однако, предполагая желание активистов диаспоры назвать несколько знаковых проектов, была сохранена возможность дать несколько ответов. Также было предложено в форме открытых вопросов указать инициаторов проекта, определить в названном проекте было самым ценным и полезным, сформулировать предложения по улучшению. Закрытые вопросы с вариативностью ответов, основанных на определении степени, касались следующих тем: идентифицировать исполнителей проекта (госорганы; госорганы с совместно с организациями диаспоры; организации диаспоры; иные) и определить степень их вовлеченности по шкале слабая–достаточная–высокая; определить уровень осведомленности диаспоры о проекте (уровень навыков / знаний в начале проекта, в конце проекта, определить культурную значимость) по шкале «очень плохо – плохо – удовлетворительно – хорошо – отлично»; определить квалификацию и отзывчивость исполнителей проекта (проект был понятным и хорошо организованным; исполнители старались заинтересовать участников; использовался административный ресурс для обеспечения численности участников из диаспоры) по шкале «однозначно нет – нет – затрудняюсь ответить – да – однозначно да». Содержание проекта оценивалось по структуре: цели были ясны; проект был хорошо организован и спланирован; нагрузка на участников была обоснована; все участники могли участвовать в планировании и реализации проекта. Шкалой для оценки служила: «однозначно нет – нет – затрудняюсь ответить – да – однозначно да». В интервью были введены «закрытые вопросы»: «отвечал ли проект интересам диаспоры» с вариантами ответов: да, полностью, нет, не оказал влияния на диаспору; «каков был охват аудитории проекта» с вариантами ответов: только диаспора, диаспора+местное сообщество, только пресса.

Основными инициаторами проектов были названы организации

белорусской диаспоры, а также лидеры диаспоры (90% всех ответов), причем указание на инициативные персоны позволяет сделать вывод о высокой значимости человеческого фактора. Посольства Республики Беларусь, отдельные учреждения культуры в Беларуси были названы в качестве инициаторов редко (10% от всех ответов). Основными исполнителями и заинтересованными участниками инициируемых проектов были названы собственно сами организации белорусской диаспоры и партнерские организации, ориентирующиеся на достижение поставленной цели, удовлетворение потребности и заинтересованности в реализации проекта с участием диаспоры. Деятельность госорганов как самостоятельных исполнителей проектов в отношении диаспоры оценивается представителями последней как слабая и недостаточная, что может объясняться слабой мотивированностью представителей госорганов для активности по отношению к проектам диаспоры по ряду как объективных, так и субъективных причин. Исходя из оценки респондентов, уровень осведомленности участников со стороны диаспоры и других заинтересованных о проекте (уровень навыков / знаний в начале и в конце проекта) мало меняется в ходе реализации проектов. Полученные ответы могут свидетельствовать о том, что проекты реализуются в знакомой исполнителям среде постоянных участников и, возможно, больше ради самого «процесса», нежели для «результата». Проекты обычно реализуются в культурной сфере на любительском уровне и не требуют изначально специфических знаний. Масштабность проекта зависит от уровня начальной подготовки, готовности и способности исполнителей к реализации таких проектов.

Вместе с тем, следует отметить, что культурная значимость проектов целевой аудиторией оценивается очень высоко, что говорит о значимости таких проектов для самих исполнителей и интересе к ним со стороны участников, получающих возможность к самореализации в общественной и культурной деятельности, и сторонних наблюдателей, получающих новые знания и культурное удовлетворение от нового для них процесса. Успешность проекта во многом зависит от степени квалификации организаторов и исполнителей, привлекательности целей и содержания, а также от доступности, понятности проекта окружающим и самим исполнителям. Особо важным для структур диаспоры, как общественной категории, не имеющих достаточных навыков и ресурсов на реализацию своих идей и проектов, является задача привлечения материального, информационного, организационного и административного ресурса сторонних партнеров и госорганов, что часто становится не только залогом успешности реализации мероприятия, но и самой возможностью их реализации на практике. Следует отметить, что оценка респондентами административного ресурса в реализации проектов с участием диаспоры является низкой. В большинстве случаев респондентами отмечается, что

госорганы недостаточно активно откликаются для участия в проектах диаспоры либо используют свой административный ресурс не так полно и заинтересованно как могли бы. Важными составляющими успешности проекта являются ясная и понятная всем участникам цель, хорошо спланированная организация, вовлеченность участников в процесс реализации проекта с адекватной степенью распределения нагрузки по реализации проекта среди основных участников. Взаимосвязь высокого уровня оценки респондентами содержательной составляющей проекта очевидна: понятный проект привлекает заинтересованных участников, участники нуждаются в хорошей организации и координации, хорошая организация позволяет распределить нагрузку на участников исходя из степени вовлеченности и сохранить их интерес к проекту, согласование всех составляющих позволяет сделать проект успешным.

На открытые вопросы относительно ценности и полезности проектов, были получены следующие ответы:

– «сплачивание диаспоры посредством вовлечения в реализацию общих проектов»;

– «получение опыта реализации проектов и взаимодействия с заинтересованными партнерами в интересах диаспоры»;

– «популяризация историко-культурного наследия и современных достижений Республики Беларусь, формирование ее позитивного имиджа в стране проживания диаспоры и в мире»;

– «удовлетворение культурных и ностальгических потребностей диаспоры в отношении причастности к белорусскому народу и государству»;

– «содействие укреплению дружеских межнациональных отношений с другими национальностями стран проживания диаспоры посредством культурного диалога».

Культурная доминанта проектов отражена в этих ответах, обращает внимание некоторая обобщенность ответов, респонденты говорили о необходимости трансляции белорусского культурного наследия в мире, при этом важность межкультурной коммуникации и идентичности на локальном уровне в странах проживания диаспоры ни разу не была упомянута, хотя все респонденты указывали на местные сообщества как на участников и партнеров проектов.

Мнения респондентов относительно факторов успешности и эффективности проектов с участием диаспоры предполагали:

– «получение разносторонней поддержки (методической, организационной, материальной, информационной, другой) со стороны Республики Беларусь»;

– «получение визовой и иной поддержки со стороны дипломатических загранпредставительств Беларуси в стране проживания диаспоры»;

– «поддержка Беларусью долгосрочных информационных, культурных, туристических и иных проектов диаспоры, направленных на популяризацию и продвижение интересов Республики Беларусь в стране проживания диаспоры».

Анализ интервью лидеров и активистов белорусской диаспоры, показал следующее:

во-первых, перспективные и жизнеспособные, резонансные проекты являются результатом деятельности творческих и заинтересованных в их реализации личностей и организационных структур, мотивированных к участию в данных проектах, высокую значимость человеческого фактора (отдельных персон-лидеров) в деятельности диаспоры;

во-вторых, любой проект потенциально может стать успешным при условии вложения определенных квалифицированных знаний и умений, совместных усилий и ресурсов со стороны организаторов, участников, местных сообществ, профильных госорганов, при этом на данном этапе уровень активности госорганов отмечен как крайне низкий;

в-третьих, проектная деятельность, нацеленная на достижение стабильного и долгосрочного результата, должна носить консолидированный, системный и последовательный характер, именно этого не хватает деятельности профильных госорганов Республики Беларусь, которые должны работать с диаспорой;

в-четвертых, наименее затратным и наиболее результативным по итогам реализации для его организаторов является тот проект, который осуществляется совместными усилиями партнеров, в особенности местных сообществ, при задействовании их возможностей и ресурсов в интересах достижения общей цели;

в-пятых, белорусская диаспора нуждается в консолидации вокруг белорусского государства, повышении компетенции в сфере подготовки и реализации общественных проектов, координации деятельности в рамках единого поля белорусского присутствия в структуре мирового сообщества в интересах укрепления позиций белорусского национального присутствия в мировом сообществе;

в-шестых, планирование взаимодействия с диаспорой должно быть целенаправленным, с заданными критериями для оценки и ожидаемыми результатами, а также продуманными рисками.

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Р. С. Лаво

Цифровизация представляет собой информационно-коммуникативный переворот в современном обществе. Начав развиваться

в качестве новых технологий и форм коммуникации, цифровые технологии превратились в мощное средство развития антропоморфной природы человека и сформировали латентные механизмы и социально-коммуникативные паттерны управления массовым сознанием. На основе формирования гибридной реальности, в которой актуальная информация оказалась интегрированной с социально сконструированную виртуальную, они превратили возможные траектории развития событий в фактоидные. Это привело к формированию противоречивых устойчивых неомифологических картин объективной реальности, которые включают в себя контаминированные и соединенные на основании различных схем фрагменты актуальной и виртуальной реальностей, дезориентирующих массовое сознание. В социально-коммуникативном конструировании активно используются такие формы коллективного бессознательного, как архетипические, неоархетипические и неотипические модели различных социальных ситуаций.

Целенаправленное управление массовым сознанием в планетарных масштабах, обусловленное стремлением к глобальному доминированию, поддерживается развитием информационных технологий, превративших современные средства коммуникации во всеобъемлющее и всеконтролируемое социальное пространство. С помощью технологий геолокации, дистанционных финансовых транзакций, мессенджеров и иных инструментов получения доступа к персональной информации развивается тотальная система слежения за людьми и таргетированная адресация социально сконструированной информации для формирования «матричной» реальности по всему миру.

Идеологии тотальной цифровизации предпринимают попытки духовной изоляции и разобщения людей посредством полной индивидуализации жизни людей в современной цифровой среде. Это проявляется и в стремлении сформировать цифровую образовательную среду, которую в перспективе можно гибко адаптировать под каждого человека. Обнаружив личностные качества субъекта, путем имплантации коллективного бессознательного, сконструированного и внедряемого с помощью современных цифровых технологий с раннего детства – посредством мультфильмов и компьютерных игр, дистанционных просветительских и образовательных программ различной направленности и т. п. – создатели проектов осуществляют целенаправленный контроль. Представленные в цифровых продуктах модели социальных практик, их привязка к определенным аксиологическим установкам, тиражирование фактоидной информации из области истории и культуры способствуют формированию искаженной, «матричной» картины окружающей действительности и исторического прошлого.

В сфере развития образовательных дистанционных технологий развиваются процессы разобщения коллективов учащихся и педагогов,

участвующих в социально-нравственном становлении личности и не имеющих возможности осуществить педагогический анализ в реальном общении. В результате этого у обучающегося формируется поверхностное отношение к знаниям, передаваемым педагогом, разрушается мотивация к коммуникации, которая подменяется доступными алгоритмами поиска необходимых ответов, о происхождении которых ученик не задумывается. Процесс познания в процессе обучения превращается из поиска и исследования в отражение информации, взятой из Интернет-ресурсов.

В результате люди превращаются из созидательно-креативных личностей в антропоморфные продолжения и дополнения алгоритмов компьютерных программ, тормозящих поступательное развитие общества. Из инструмента поиска и обработки информации компьютер превращается в один из элементов управляющей подсистемы современно общества, который занимает значимое место в социальном управлении подсистемы современного социума. Отрефлексированные и отобранные столетним опытом человеческой истории нормативно-ценностные модели подменяются «современными» «адаптивными» подходами – «гибкой честностью» в политике и бизнесе, цифровыми рейтингами деятелей культуры, виртуальными сконструированными биографиями, цифровым образовательным процессом, что позволяет вносить изменения в компьютерные ресурсы и манипулировать акторами социально-экономических, политических, культурных, в том числе и образовательных процессов [2]. Поэтому насущной задачей современной философии является изучение этих явлений и их социальных последствий, развитие этики цифровой эпохи.

Литература и источники

1. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001.

2. Леонгард, Г. Технологии против человека / Г. Леонгард. – М.: АСТ, 2018.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА «КРЕАТИВНОЙ ИНДУСТРИИ»

М. Я. Мацевич, В. В. Валейтенок

Концепция «креативных индустрий» была инициирована правительством Т. Блэра в Великобритании (1997 г.) для оживления деиндустриализированных городских зон. Набирая обороты после того, как ее прославили в бестселлерах Ричарда Флориды о креативном классе, концепция мобилизовалась по всему миру как дух времени предпринимателей и предприимчивых политиков. Несмотря на эйфорию, царящую вокруг креативных индустрий, было очень мало критических исследований, в которых уделялось бы внимание местным и

национальным изменениям, условиям труда, влиянию ограничительных режимов интеллектуальной собственности и вопросам экономической устойчивости тех или иных стран к подобным креативным вызовам.

В то время как Т. Адорно и М. Хоркхаймер сосредоточивались на массовой культуре и ее примитивном влиянии на аудиторию, современные «КИ» можно понимать как форму самообмана производителей, работающих в данной сфере. С 1944 года, когда была опубликована «Диалектика просвещения», произошло несколько переходов: от фордизма к постфордизму, от либерализма к неолиберализму, от зависимости наемного работника к зависимости предпринимателя и зависимости в процессах самореализации. Тем не менее, анализ Адорно / Хоркхаймера «культуриндистрии» с постоянными обещаниями и постоянными обманами в качестве способа «дисциплинирования» может быть плодотворным для нашей мысли и сегодня.

Традиционное определение богемы как человека с высоким образованием и низким доходом трансформировалось Р. Флоридой в программу экономического развития. Представляется сомнительным, что анализ Флориды обоснован экономической точкой зрения. На самом деле чаще получается, что не города становятся богатыми благодаря своему творчеству, а «креативщики» стремятся в богатые регионы. Наблюдения американского экономиста выходят за рамки профессиональной сферы. Повседневные привычки «креативного класса» идут вразрез с предыдущим архетипом идеального сотрудника: интеллигентным, организованным человеком, испытывающим отвращение к маргинальному образу жизни. Не менее сомнителен и один из индексов «креативной» толерантности, неоднозначный «гей-индекс», транспонируемый Флоридой в качестве инструмента экономического развития.

«Важен и другой аспект проблемы. В настоящее время белорусские студенты активно общаются со своими зарубежными сверстниками, стажируются в учебных заведениях Европы и Америки и таким образом непосредственно оказываются в "идеологической сфере западных стран", под мощным прессом "идеологии западнизма", чаще всего не осознавая этого и не пытаясь защититься от ее влияния и тем самым сохранить свою идентичность» [1, с. 231].

Параллельно с экономизацией и приватизацией культуры, творчества государственными структурами, творческий процесс подвергается правительственному, государственному вмешательству со стороны культурной политики. Культурологические исследования по «креативным индустриям», сосредоточившись на символических ценностях, пренебрегают условиями производства и тем самым способствуют позднекапиталистическим способам поглощения истинно творческих отраслей и направлений. Если конкретно проанализировать использование термина «креативные индустрии» в статистике, в культурной политике, то

лучше отказаться от этого понятия, поскольку из-за его расплывчатости и всеохватности оно запутывает структуры различных секторов, включенных в этот заголовок. Чаще получается, что на самом деле растут отрасли программного обеспечения, а культурный сектор сокращается.

Из-за неодинакового достатка и доступа к технологиям в разных частях мира «креативные индустрии» почти исключительно разрабатываются в США и Европе. Кроме того, создаваемый «креативный» контент, еще больше способствует использованию английского языка в качестве креативизирующего и, следовательно, уменьшает многоязычие. Таким образом, можно определять влияние «креатиных индустий» как новою форму идеологического давления, а также, новую форму колониализма. «Подтверждением исключительной роли идеологии может служить печальный исторический опыт СССР, разрушение которого было начато именно с разрушения его коммунистической идеологии, являвшейся, по сути, идеологией государства, при помощи либеральной и анархистской идеологий, а вслед за этим подкреплено разрушением его экономических устоев и политических структур» [1, с. 230].

Учитывая, что «креативность» занимает центральное место в современном капиталистическом обществе: следует ли подчинить дискурс креативных индустрий правилам рынка? Напряженность между двумя составляющими реальности, культурой и экономикой, нуждается в дальнейших более серьезных исследованиях. Получение прибыли от производства и распространения преимущественно символических товаров является хорошей мотивацией для этого вопроса, но необходимо более точное определение «креативности». В противном случае взаимоотношения между культурой, обществом и экономикой страдают от расплывчатости, идеологических утверждений об условиях творческого труда, сделанных с очень небольшим количеством подтверждающих эмпирических доказательств. Существует необходимость и улучшения понимания концепции «креативности» среди работников творческого труда в контексте современного политического дискурса.

«Креативная индустрия» перестает быть креативной и становится определенным политическим маркетингом. Белорусский социолог Алейниковой С. М. предупреждает в своих работах о завуалированных возможностях интегрировать противоречивые на первый взгляд подходы в единую маркетинговую стратегию – новую парадигму государственного управления. «Несмотря на разнообразие подходов, общим в них является то, что политический маркетинг рассматривается как способ направленного воздействия на политический процесс. Данное воздействие осуществляется, во-первых, через изучение побудительных мотивов (потребностей, ценностей, норм), обусловливающих поведение целевой аудитории. Во-вторых, через удовлетворение уже сформировавшихся в

обществе политических ожиданий, выражающихся в конкретном политическом спросе» [2, с. 13].

Таким образом, учитывая широкое распространение термина «креативные индустрии», важно, чтобы он был подвергнут серьезному критическому, аргументированному анализу. В дефиниции «креативность» полностью растворяется глубинная творческая природа, суть культурного процесса. «Моделирование аргументации является избирательно-рафинированным. В нем без специального обоснования невозможно произвольное "перемещение" рефлексии из персуазивной в демонстративную или из демонстративной в конфирмативную и т. д., и т. п. области, поскольку это ведет к смешению принципов, понятий и категорий различных предметных областей научного исследования» [3, с. 165].

Необходимо, как минимум, прояснить путаницу, окружающую как само понятие «креативность», так и «креативные индустрии». Во-вторых, также должно быть признано, что культурное творчество отличается от других видов творчества и является чем-то большим, чем просто одним из дальнейших активов «экономики знаний»

Истинная роль культурной политики заключается в том, чтобы обеспечить означенное выше, создав пространство для различных видов культурного самовыражения, включая местную, региональную и национальную культурную идентичность, которые возможно, н не будет играть ведущие роли на мировых рынках и никогда не принесут больших денег. Рассмотрение культурной деятельности в рамках существующих «креативных индустрий»/«экономики знаний» хоронит эту жизненно важную цель культурной политики и упускает из виду важные общественные блага, предоставляемые культурой широкой части населения. Культура должна обеспечивать общественные блага, которые не могут быть захвачены капиталистическими рынками. А модный в настоящее время способ рассматривать культурный сектор как часть более широкой «креативной экономики», просто включая его в экономическую повестку дня, к отмеченному, не приспособлен.

Литература и источники

1. Адуло, Т. И. Курс идеологии государства в системе вузовских гуманитарных дисциплин: белорусский опыт / Т. И. Адуло // Вестник Донецкого педагогического института. – 2017. – № 1. – С. 229–236.

2. Алейникова, С. М. Политический маркетинг: проблемы анализа и концептуализации / С. М. Алейникова // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2019. – № 18. – С. 11–19.

3. Чуешов, В. И. О природе философской аргументации / В. И. Чуешов // РАЦИО.ru. − 2011. – № 6. – С. 162–184.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В НЕФТЕГАЗОВОЙ СФЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Л. Ф. Мирзазаде

Человеческое общество развивается в процессе движения от простого к сложному, от элементарного к модифицированному [2]. Теоретически данная проблема рассматривалась на разных ступенях развития человеческого общества представителями разных школ. Все они внесли весомый вклад в науку, обозначили необходимые условия, направления, факторы. Перенос теоретической базы в практическую, в данном случае, – нефтегазодобывающую сферу, относит начало развития нефтяной сферы к началу коэволюции человека и природы, ознакомления и использования природных источников, которые в силу географического положения и прошлых геологических процессов, характеризуются неравномерным распределением.

Территория современного Азербайджана отличается богатством природного мира и разнообразием полезных ископаемых, включая нефтяные и газовые отложения. Начиная с V–IV вв. на Апшеронском полуострове (недалеко от Баку) люди добывали сырую нефть. Первоначально ее добыча происходила примитивным способом – с помощью черпаков.

Об этом свидетельствовали купцы, путешественники, дипломаты. Мы не можем игнорировать свидетельства Чарльза Марвина, Приск Понтийского, Абу-Истхари, Ахмед Баларузи, Масуди, Марко Пало и О'Лириуса о вывозе 2500 лет назад апшеронской нефти в Иран, Ирак, Индию и другие страны по той причине, что первая транспортировка заложила основы нефтяных и газовых трубопроводов, которые занимают ведущее место в нефтегазовой индустрии современного Азербайджана [4].

Отмечая данные факты, мы свидетельствуем о проникновении человека в мир природы и взаимодействия с ней, без чего, даже с нарушением баланса устойчивости, вообще не могло быть развития современной промышленности. Когда нефтяная кровля оказывалась истощенной, нефть через нее уходила вглубь. Так, появилась необходимость перейти к бурению скважин, а затем к постепенному переходу на механические устройства [8].

Возможности дальнейшего увеличения нефтяной и газовой добычи обусловили применение квалификационного подхода посредством подготовки специализированных кадров. Ибо, в интегральный показатель человеческого фактора, где бы он ни присутствовал, прежде всего, входят знания, образование и квалификация, которые послужили формированию коэволюционного развития человека и природы в нефтегазовой промышленности Азербайджана. Азербайджанские нефтяники и

азербайджанская нефть не раз выдерживали испытания временем. Однако даже в самые сложные периоды XX века и в первые два десятилетия XXI-го века, азербайджанская нефтегазовая сфера промышленности с некоторыми исключениями, демонстрировала устойчивое развитие [6].

Бесспорным фактом достижения вершины развития нефтегазовой промышленности является «контракт века», заключенный по инициативе Общенационального лидера Азербайджанского народа Гейдара Алиева с крупнейшими зарубежными нефтяными компаниями, что свидетельствовало о признании Азербайджана как мирового субъекта на глобальной арене и мировом рынке [9]. Это является очевидной реальностью и примером для достижения успеха, которое Азербайджан демонстрировал на протяжении последних пятнадцати лет. Специалисты называли данное явление «Азербайджанское чудо», «Формула успеха» и т. д [8].

Безусловно, пандемия Covid-19 в корне изменила мир, изменила показатели здоровья человека, изменила экономические показатели, включая ВВП, и изменила уровень образования [9]. То есть, те основы, без которых говорить о человеческом факторе невозможно.

В настоящий момент человечество наблюдает контуры мира будущего, это, прежде всего, оцифровка всех видов деятельности, включая нефтегазовую область. Предсказать дальнейшие глобальные изменения очень сложно даже на недалекую перспективу. Глобальный кризис, вызванный Covid-19, является переломным моментом перехода на альтернативную энергию не углеводородного происхождения [1]. Ибо, в коэволюционном развитии необходим баланс, а «не игра в одни ворота» – это уже очевидность.

В XXI веке в геологоразведке углеводородных месторождений, базирующейся на научном, концептуальном подходе, применяются ключевые технологии, объединяющие сейсморазведку, бурение, каротаж и испытания пластов. Разведка в крупных нефтегазовых районах подчеркивает концепцию «общего изучения, общей разведки и общего контроля», а также метод оценки интеграции разведки и разработки, расширения добычи и увеличения запасов [9].

Приведенные современные достижения в нефтегазовом секторе стали возможны благодаря высокому профессионализму азербайджанских специалистов, вышедших из «кузницы» Азербайджанского государственного университета нефти и промышленности, успешно функционирующего на протяжении 100 лет. Обусловливающие факторы открытия в Азербайджане столь профессионального образовательного учреждения, складывались не параллельно нефтяному делу, а наравне с ним. Известно, что первоначально труд рабочих на нефтяных промыслах был очень тяжелым [7]. Прежде чем проводить бурение, необходимо было провести геологоразведочные работы. Однако для этого не хватало знаний.

Возможности дальнейшего увеличения нефтяной и газовой добычи требовали квалификационного подхода. По этой причине со стороны Бакинской городской думы было принято решение о создании технической школы в Баку (ноябрь 1887 г.) [7].

В процессе своего функционирования школа эволюционировала, ее статус повышался, и менялись названия. Наиболее адаптированным названием является Азербайджанский государственный университет нефти и промышленности. За вековой период данное учебное заведение подготовило плеяды высокопрофессиональных специалистов для нефтепромыслового и нефтегазового дела. За каждым именем находится исторический пласт… [7].

В конце XX века, когда Азербайджан оказался на грани потери суверенитета и все экономические связи были разорваны, а армянские террористы подрывали внутреннюю обстановку внешней экспансией, азербайджанская нефтегазовая промышленность вместе с ресурсным человеческим потенциалом продолжала задавать тон мировому развитию. В одном из своих интервью специальному выпуску журнала Business Year, посвященному Азербайджану, президент Ильхам Алиев сказал: «Превращение черного золота в человеческий капитал – это не просто лозунг. Это реальность. Роль образования в создании человеческого капитала с высоким интеллектуальным потенциалом и построением сильной экономики сегодня еще более актуальна, чем прежде» [7]. Благодаря росту знаний, научным достижениям постоянно совершенствуются промышленные технологии. Нефтедоходы направляются на социальные нужды населения, на образование, в медицину, искусство, спорт, на развитие информационных технологий и т. д.

Прогресс в нефтегазовой промышленности выстроен на базе научных достижений в соответствии с концепцией «Общего изучения, общей разведки и общего контроля», с применением метода оценки интеграции разведки, разработки, а также интеграции добычи и увеличения запасов [7]. Все это максимизирует выгоды от геологоразведочных работ и развития нефтегазовой промышленности. Качественная динамика нефтяного дела наглядна.

Сегодня в Азербайджане наблюдается масштабное развитие науки, образования и культуры, а также экономики [5]. Это стало возможным благодаря заложенной мудрой и дальновидной политики Гейдара Алиева, а также грамотному руководству и трудолюбию президента Ильхама Алиева, который является преемником и практическим исполнителем этой работы. Именно под его руководством наряду с решением острых и актуальных проблем современности в Республике всегда в центре внимания находится забота о будущих поколениях. Сегодня Азербайджанская Республика опирается на богатый опыт, уникальные

запасы нефти и другие природные ресурсы, имеющие исключительное значение для развития экономики.

Азербайджан уверенно движется вперед, поступательно обеспечивая защиту и дальнейшее укрепление национальных интересов. Все его материальные и духовные богатства направлены на обеспечение политической независимости, экономического прогресса, благополучия народа, которое неразрывно от европейских ценностей и установок [3].

В соответствии с Концепцией развития «Азербайджан – 2020: взгляд в будущее», планировалось достигнуть увеличения ВВП. Однако Covid-19 подорвал задуманные планы [3], но не уничтожил. Азербайджан достойно борется с экономическим кризисом, и, безусловно, выйдет из создавшейся ситуации и продемонстрирует очередное экономическое чудо.

Динамичное развитие нефтегазовой промышленности Азербайджана происходило благодаря коэволюции природы и человека. Однако в силу перевеса баланса в одну сторону (в сторону человека как потребителя), необходимо создать природе «подушку безопасности», предполагающую применение высоких технологий на базе научных достижений, а также четкого контроля добычи углеводородных ресурсов.

Литература и источники

1. Алиев, Н. Нефть и нефтяной фактор в экономике Азербайджана в XXI веке / Н. Алиев. – Баку: Letterpress, 2010

2. Декарт, Р. Первоначала философии / Р. Декарт // Сочинения. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1.

3. Раджабов, Ф. Р. История научно-технического прогресса в нефтяной промышленности Азербайджанской ССР (1920 – июнь 1941): автореф. дис., Баку, 2013 / Ф. Р. Раджабов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aak.gov.az/ avtoref _to mudaf/ pdf_to _mudaf/ tar/ tar_n_rfr. – Дата доступа: 22.01.14.

4. Султанов, Ч. А. Азербайджанская нефть – одна из основных составляющих экономики царской России / Ч. А. Султанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sultanov.azeriland.com /books/ istoria_ neimeet/ pages/ page _ 02.html. – Дата доступа: 23.08.2020.

5. Фадеев, А. М. Стратегическое управление нефтегазовым комплексом при освоении углеводородного ресурсного потенциала Арктики: дисс…. доктор экономических наук: 08.00.05 / А. М. Фадеев. – М.: ИЭП КНЦ РАН, 2018.

6. Эйбатов, Э. Экономическое чудо Азербайджана или как про нас узнал весь мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.navigator.az/ nbr/ jekonomicheskoe-chudo-azerbajdzhana-ili-kak-pro-nas-uznal-ves-mir/ 3/12/ 2017. – Дата доступа: 12.108.2020.

7. Neft və qaz layihələri/ Azərbaycan Respublikasının Prezidenti İlham Əliyev [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://president.az/ azerbaijan/ contract.

8. Oil Reservoir / ScienceDirect. Journals & Books [Electronic resource]. – Mode of access: https://www. sciencedirect.com/ topics/ engineering/ oil-reservoir.

9. Sial, F. The impact of Covid-19 on oil and gas producers in developing countries [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.effective-states.org/ the-impact-of-covid-19-on-oil-and-gas-producers-in-developing-countries/ 12/ 06/ 2020.

МЕДИАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ: НЕОБХОДИМОСТЬ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА

В. С. Морару

В последнее время исследования, посвященные изучению деятельности СМИ, все чаще используют термин «медиатизация». Данный термин, кажется, пытается охватить весь спектр черт, характеризующих миссию журналистики в обществе. При рассмотрении контекстов, касающихся процессов, протекающих в СМИ в современном мире, обнаруживается неоднозначное отношение к понятию «медиатизация», которое понимается, на первый взгляд, либо как элементарное распространение информации, либо как совокупность специфических медийных приемов, значительно превосходящих границы простого освещения событий. Есть, таким образом, основание говорить об амбивалентности данного концепта.

Интерпретация медиатизации в большинстве случаев склоняется к ее пониманию как освещение в СМИ действительности (политической сферы, в нашем случае) и представление этой действительности на страницах СМИ. Именно это и есть широкий смысл данного термина, нынешнее принятое значение этого слова. При таком подходе, толкование циркуляции идей в СМИ может тяготеть к количественному аспекту в ущерб подхода с точки зрения качества, снижая логичность представлений концептуального порядка. Данное наблюдение не влияет, однако, на возможность использования данного термина при анализе практики СМИ (хотя и требует комплексности при осмыслении): медиатизация реальности несомненно, а может и в первую очередь, есть ее освещение, интенсивное и многомерное, если под освещением мы понимаем предоставление общественности оперативной, актуальной и разнообразной информации – в чем, собственно, и состоит задача журналистики

Соответственно, необходимо признать первым значением синтагмы медиатизация политики основной комплекс мер, предпринимаемых СМИ, для освещения на своих страницах политических аспектов реальности. В то же время, можно заметить, что такая характеристика может лишь частично охватить суть данного явления, которое в последнее время из-за событий в политической и в медийной сферах, отмеченных новыми отношениями между ними, обнаруживает новые значения.

Совершенно ясно, что медиатизация, в рамках смешения политического и медийного полей, подразумевает не только факт

констатации действительности и элементарного информирования общественности, но и собственно оценку, комментирование, толкование фактов, событий, точек зрения, явлений, которые могут выявиться как в материале, предназначенном для информирования, так и в рамках особых рубрик, передач или программ. Как бы ни было заманчиво сведение термина медиатизация к производству и распространению сообщений в элементарном смысле, медийные реалии диктуют необходимость рассматривать его и в узком смысле, которым он обладает, безусловно, исходя из персуазивного потенциала сообщений, создаваемых СМИ. Именно намерение СМИ убеждать (иногда нескрываемое) определяет частоту присвоения журналистам таких эпитетов как «режиссеры социальной и политической реальности» [1, с. 9] или, более язвительно, «handlers, манипуляторы образа, которым надлежало бы работать не иначе как в театре марионеток» [2, с. 14].

Критика, направленная в адрес журналистов, за то, как они подходят к реальности («к чему именно они готовят общество и от чьего имени говорят, когда превращают республику в виртуальный театр?» – задает вполне обоснованный вопрос французский исследователь E. Souchier [3, с. 75]), по сути, стала обычным делом. Коммуникация в данном контексте понимается как акт убеждения (и наоборот, убеждение – как коммуникация). Понимаемая как коммуникация, ориентированная на изменение поведения, иерархии ценностей, предпочтений и выбора общественности, интенция убеждения может проявляться как прямо, будучи продвигаемым и контролируемым политическими силами в рамках проводимых политических кампаний, так и косвенно, будучи представленным в качестве информации, распространяемой СМИ. Таким образом, если под медиатизацией можно понимать совокупность действий, осуществляемых через каналы СМИ с целью освещения текущих событий, то будет правильно включить сюда и конкретные действия (многочисленные по своей природе), касающиеся коммуникации через СМИ с целью убеждения. Именно на особенности второго толкования медиатизации (нюансированной как «вмешательство», «интервенция»), указывают большинство авторов, пытавшихся сформулировать определения данного термина: медиатизация относится к действию, посредством которого сообщения преобразуются под влиянием медиа-системы в процессе производства и распространения информации, свойственном СМИ.

В том же смысле – создание / представление реальности – этот термин появляется и в выводах ряда американских авторов: «Одной из главных особенностей текущего перехода к эпохе СМИ является то, что мы все чаще вступаем в контакт с медиатизированными представлениями о сложном физическом и социальном мире, чем с объективными аспектами окружающей нас среды» [4, с. 298]. Создание «псевдосреды» (Липпманн),

второй реальности – символической, виртуальной – является сутью медиатизации (в узком смысле). Тот факт, что СМИ в наше время не ограничиваются лишь распространением сообщения сугубо «в информационных целях» или передачей мнений, бытующих в обществе, а наоборот, тенденциозно занимают предвзятую позицию своеобразного творца реальности, является обязательным кардинальным условием существования современных СМИ. Именно тяготение СМИ к созданию, строительству реальности, к внушению определенного восприятия этой реальности привлекает внимание исследователей, занимающихся анализом политико–медийных процессов [5].

Открытость политики к медиатизации заключается в самих механизмах политического действия, непосредственно связанных с созданием символов: любое событие или политический процесс подразумевают определенный регистр символов.Именно при помощи СМИ происходит циркуляция политических символов. «Для большинства людей, чаще всего политика представляет собой серию ментальных образов, порождаемых новостями на телевидении, в газетах и журналах, а также ежедневным обсуждением» [6, с. 14]. Пьер Бурдье, в свою очередь, показал специфику политического господства через его соотношение с созданием поля символов, указав, что «соотношение объективных сил стремится воспроизвести себя в соотношении символических сил, в видении социального мира» [7, с. 71]. В этих рамках, согласно Бурдье, представление социальной вселенной является продуктом многочисленных действий, которые постоянно совершаются и которые постоянно необходимо переделывать. Оно содержится в общих словах, в перформативных терминах, как образующих смысл социальной вселенной, так и регистрирующих его, в лозунгах, способствующих социальному порядку посредством информирования сознания, и в создании социальных групп, которые оно назначает и мобилизует.

Анализ феномена символизации в политике, проведенный М. Эдельманом [8], позволил американскому автору придти к выводу, что виртуальный образ реальности, созданный путем символизации, есть ни что иное как «упрощенная модель или подобие реальности». В этой связи, медиатизацию политики следует понимать как совокупность конкретных действий СМИ, проводимых с целью строительства символического пространства политики. Сопровождая рождение мира, все более восприимчивого к созданию и использованию символов, СМИ все более настойчиво присваивают себе не только роль на арене, используемой политикой и ее главными героями, но и роль определяющего элемента политического процесса, претендуя на влияние и даже манипулирование им. Принципы медиатизации обуславливают концентрацию внимания СМИ на создании «виртуальных персонажей». «Виртуализация» этих героев СМИ происходит путем предоставления им максимальной

заметности через каналы СМИ. В случае такой медиатизации, однако, подчеркиваются внешние аспекты, а смысл фактов и событий, касающихся этих персонажей, связывается с политическими интересами и с политической линией редакций, и видимость размывает реальность: подробное и ясное представление, проникновение и углубленное объяснение реальных обстоятельств, приведших их в центр внимания журналистов, продолжают оставаться (явно или не явно) за пределами внимания СМИ. На самом деле, это закономерность медиатизации политики, ориентированной на поверхностное изучение обстоятельств, на акцентирование видимости при построениивиртуального образа реальности.

Особый интерес для анализа представляет систематическая медиатизация, наиболее красноречиво проявляющаяся во время избирательных кампаний. Они разрабатываются и организуются (темы, лозунги, речи, средства и формы презентации и трансляции) в медийном стиле, то есть зрелищно, в формах, соответствующих современной медийной конструкции политики. Именно в виртуальной реальности предвыборного поля создается обоснование политических предпочтений в рамках выборов.

Различия исходства между пропагандой и медиатизацией необходимо искать, по нашему мнению, в специфике используемых методов. Метод пропаганды требует открытого убеждающего влияния, является однонаправленным и ориентирован на организованное осуществление системы действий по идеологической индоктринации. С исторической точки зрения, он относится больше к тоталитарному периоду, претерпев значительные изменения с утверждением телевидения и интернета как средств массовой информации. Медиатизация подразумевает существенное отличие: переход от использования информации в качестве средства политической борьбы к применению технологий манипулирования, направленных на изменение смыслов, проявляясь все больше в виде информационной войны между различными политическими силами. Следовательно, рациональное толкование событий, присущее пропагандистским сообщениям, мифологизируется, превращаясь в массовые представления, иррациональные в своей основе и эмоциональные по форме. Сближает инструменты медиатизации и пропаганды манипулирование общественным мнением, одной из особенностей которого является внедрение в сознание, в виде объективной информации, определенного содержания, желаемого производителем информации.

В любом случае возможности СМИ в этом направлении оцениваются экспертами как очень высокие. Если средний потребитель информации смотрит телепрограммы и слушает радио по четыре часа в день, этого времени вполне достаточно для специалиста в области

нейролингвистического программирования, чтобы с помощью фонограмм и видеоряда создать в сознании части аудитории необходимые заказчику представления, даже если они противоречат реальности [9]. Фактически, суть медиатизации политики заключается в следующем: реальное политическое действие, произведенное для последующей трансляции по каналам СМИ, демонстрирует признаки подчиненности логике СМИс точки зрения осуществления и метода распространения: именно придание политическому действию медийных методов является основной особенностью медиатизации политики в настоящее время.

Очевидно, что о медиатизации политики как об устоявшемся явлении можно говорить лишь тогда, когда СМИ становятся основной площадкой политической коммуникации, когда интересы собственников становятся политическими позициями СМИ, которыми они управляют, когда, наконец, переплетение политики и СМИ происходит окончательно. Естественно, распространение медиатизации политики, понимаемой, прежде всего, как вторжение СМИ в политику, связано, с одной стороны, с приматом самой логики СМИ (подчиненной, в том числе, и коммерческим интересам, которыми нельзя пренебречь), которая диктует захват внимания как можно большей аудитории, прибегая к медийным способам привлечения интереса (сенсационная информация, ток-шоу, персонализация политики, спектакуляризация передаваемого сообщения), а с другой стороны, с логикой политического действия, которое находит в СМИ удобного союзника или пособника, потенциалом и ресурсами которого можно успешно эксплуатировать (хотя не редки случаи, когда СМИ претендуют и на автономную роль). На пересечении этих двух тенденций, освещение политики сталкивается с необходимостью все более явно склоняться к медиатизации политики как образу существования.

Литература и источники

1. Halimi, S. Les nouveaux chiens de garde / S. Halimi. – Paris: Raisons d'agir, 1998.

2. Alvarez, L. Medios de comunicacion y trampas a la democracia / L. Alvarez. – Buenos Aires: Editorial Humanitas-Claeh, 1990.

3. Souchier, E. Le citoyen, le politique et le journaliste. В: Communication et langage, 1997. – № 112. – С. 69–84.

4. DeFleur, M. Ball-Rokeach Sandra. Teorii ale comunicării mediatice. – Iasi: Polirom, 1999.

5. Journalism Studies (Taylor and Francis Group). Special Issue: Mediatization of Politics: Theoretical and Empirical Perspectives. – 2014. – Vol. 15, Issue 3; Frank Esser, Jesper Strömbäck (Eds.). Mediatization of Politics. Understanding the Transformation of Western Democracies. – London: Palgrave Macmillan, 2014.

6. Edelman, M. Politica si utilizarea simbolurilor. – Iasi: Polirom, 1999.

7. Бурдье, П. Социология политики / П. Бурдье. – М.: Socio-Logos, 1993.

8. Edelman, M. Цит. произв.

9. Дубовский, В. Информационные технологии в национальном и мировом развитии / В. Дубовский, С. Бритиков // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1. – С. 148.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ «НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА»

Б. А. Ночвина

Современный постмодернистский мир характеризуется не только социокультурной фрагментарностью, взаимным влиянием процессов деиделологизации и поиском новой сверхидеологии, но стремлением национальных государств сохранить свою идентичность как возможность реализации независимой внешнеполитической стратегии развития в условиях формирования «нового мирового порядка». Переход мировой политики от устойчивой однополярности США, как лидера Западного мира, к неизбежной полиполярности системы международных отношений вполне очевиден. В условиях роста общей хаотичности, повышенной региональной конфликтности, трансформации международного права обеспечение гуманитарной безопасности становиться сегодня большим приоритетом, чем раннее. Для стран постсоветского пространства охрана исторической памяти является целью поддержания своего внутриполитического единства, его защитой от внешнеполитических вызовов информационного общества.

Общей дефиницией для государств постсоветского пространства, скрепляющей единство «русского мира» является историческая и социальная память о Второй мировой войне. Однако данное единство все больше подвергается эрозии не только особенностью сохранения коллективной памяти у поколения Y и Z: «клиповое» мышление, доминанта виртуального общения, сверхтолерантность как социальная норма, прагматизм как проявление общества потребления, отсутствие критического анализа в восприятии информации и т. п. Мощным фактором негативного воздействия становятся разнообразные ресурсы СМИ, направленные на ревизию или редактирование истории, тема Победы во Второй мировой войне советского народа перестает быть сакральной и все чаще используется как средство политической борьбы, сознательного политического манипулирования общественным мнением.

Коммеморация исторической памяти в технологичном современном мире реализуется стремлением определенной социальной группы найти свою трактовку исторической истины, желанием части общества уйти от знания к символам. Отсутствие четких исторических знаний не только есть проявление разрушения «социальной памяти», обусловленной сменой

поколений, но и осознанной фальсификации исторических знаний.

Дестабилизация многих традиционных общественных структур ведет к трансформации представлений о «местах памяти», связанных с историей Великой Отечественной войны, подмены реальных представлений новыми устойчивыми мифологемами, направленных на смену ценностных приоритетов послевоенного мира и общую ревизию Потсдамской системы международных отношений, что, несомненно, является угрозой гуманитарной безопасности «русского мира».

В применении термина «коллективная память» М. Хальбвакса в оценке современной действительности чаще используют понятие «реконструкция». Действительно, М. Хальбвакс разграничивал понятия историческое знание и коллективная память, но «реконструкция» становится сегодня инструментом изменения индивидуальной памяти, т. к. в большей степени подвержена «избирательности» в подборе исторических фактов или событий. В связи с чем «коллективная память становилась все более аморфной и мифологизированной, что заметно уменьшает вероятность ее критической ревизии и, напротив, упрощает тиражирование популистской интерпретации» [1, с. 32].

Государственная политика стран постсоветского пространства, поддерживающих историческую память о Великой Отечественной войне как концепт национальной идентичности, например, Россия и Беларусь, как ни парадоксально, также ведет к формированию «ослабленной памяти». Политическая составляющая коллективной памяти, используются властью для защиты интересов правящей элиты. Выделяя в качестве знаковых нужные события прошлого, роль исторических личности в избирательной трактовке, официальная власть использует эрозию «социальной памяти» в качестве эффективного средства политической борьбы не меньше, чем оппозиция. В условиях раздвоенного ценностного ориентира: с одной стороны, популяризация подвига советского народа в борьбе с фашизмом, создание акции Бессмертный полк, а с другой – негативное восприятие советского наследия, многовариантности трактовок сущности советской власти, фрагментарность исторической памяти лишь усиливается.

Еще больше роль пропаганды и новой мифологизации в отношении исторической памяти наблюдается в тех странах постсовесткого пространства, где присутствуют «психологические травмы» прошлого, например, страны Прибалтики, Украина. Здесь эффект «ослабленной памяти» [2, с. 54] становится не только возможностью уйти от наследия «исторических психологических травм», предать его забвению, но и, к сожалению, средством построения новой деструктивной национальной идентичности, нормой асоциальной активности. Процесс рекоммеморации способствует развитию экстремистских тенденций, росту социальной поляризации общества.

Рекоммеморация становится средством сознательного манипулирования общественного сознания государств постсоветского пространства внешними силами. Этому способствует долгое восприятие западных ценностей жителями бывших советских республик как выражение истинного благоденствия и социально-экономической стабильного процветания. Ревизионистские теории зарубежных исследователей истории Второй мировой войны, большинство из которых созданы были в рамках советологии, накладываются на множественность оценок причин и итогов Великой Отечественной войны, например, в России.

Особенно разрушительно «ослабленная память» действует на молодое поколение: подмена символов коллективной памяти, выражающих национальную идентичность на аморфные стереотипы чуждой политической ангажированности, ведет к ослаблению скрепов памяти поколений. Кардинально «реконструированная» историческая память дает возможность реализации проектов «цветных революций», усиливает разрыв между обществом и правящей элитой, нежелание молодежи связывать свою жизнь с судьбой своей страны.

Борьба за историческую память как средство внешнеполитического противостояния не только преследует определенные геополитические интересы, направленные на переустановку «центров силы» в мире, но и является потенциальным угрозой начала нового крупномасштабного конфликта.

Литература и источники

1. Гудков, Л. Время и история в сознании россиян / Л. Гудков // Вестник общественного мнения. – 2010. – № 2 (104). – С. 13–61.

2. Adorno, T. W. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit? / T. W. Adorno. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1963.

APPROACHES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE COAL MINING INDUSTRY

C. Neagu, S. Ciumac

Coal is the most prevalent resource for energy production based on fossil fuels. The share of coal as an energy source has experienced significant growth due to its status of safe resource, widespread and its affordable price.

The mining activity produces multiple negative effects on the environment and various effects that persist after stopping of mining operation, involving damage, direct and indirect, which would be borne by the entire community for a long time. Although the severity of the negative impact depends on several factors (the size of area operations, technology used and

measures taken to reduce impacts) they are inevitable to some extent.

Like many industrial activities, coal mining generates a series of negative impacts on the environment, the importance of which is closely related to the mining type that is practiced, geography and ecology of the area affected, and the public attitude on this issue.Many modern mining controversial aspects are that the extractive industries must deal with enormous volumes of waste.

In both cases, in underground mining and in quarrying, the operations take place in the vicinity of the extraction area. Damage features and the affected area can vary widely, as in one mine a variety of techniques used to solve these problems may occur. A general distinction can be made between the restoration, in which the land comes back to its original use and initial topography, and the recovery, which creates different uses and topography.Less drastic but still significant is the impact of coal mining on other environmental factors, namely: water pollution, dust and noise pollution.

The literature has addressed the destructive effects of coal mining on the sustainable use of land and the regional ecological environment from different perspectives: resolving the contradiction between American coal mining and environmental pollution [7, p. 13]. Comparative analysis of different landscape transformation policies and of environmental protection [4, p. 95], analysis of the sustainable development of American mining from the perspective of environmental protection [5, p. 73]. Study of the regional distribution of ecological compensation for projects specifically for green construction [1, p. 20], approach of environmental responsibility as a component of the social responsibility to be borne by the enterprise [3, p. 107], the study of the cost of environmental governance determined by the sustainable development of coal mining and its feasibility [6, p. 123].

Therefore, a reasonable and comprehensive assessment of the quality of the environment in mining areas is an important means of resolving external issues and a reasonable standard of environmental compensation can be provided.

A theoretical basis for solving the problem of ecological compensation in coal mining areas can be the analysis of the ecological and environmental externality of coal mining by Pigou's theory that the government should adopt methods of levying taxes from coal mining companies that cause pollution while the amount of the tax should be equal to the social cost caused by environmental pollution, thus making the private cost of the coal mining enterprise equal to the social cost. The amount of the tax must not be less than the total cost of governing the environment. The level of taxation directly affects the result of the ecological environment in the mining areas. If the value of the tax is too high, it will affect the healthy development of coal mining enterprises; but if the value of the tax is too low, it will be difficult to solve the problem of externality effectively due to the inability to restrict the actions of coal mining companies.

The main indicators used to assess the quality of the environment are:

– Indicators for assessing the condition of soil resources: destroyed land areas (km2); degree of land degradation (%); soil pollution index; tangible economic losses of area; land recovery percentage (%);

– Indicators for assessing the condition of water resources: share of water area (%); PH surface water; percentage of polluted water governance (%); water pollution index;

– Indicators for assessing the condition of waste: the share of waste in land use (%); waste pollution index; use of solid waste (%); share of vegetation cover of the destroyed area (%);

– Air and noise condition assessment indicators: total particulate matter content; average sulfur dioxide content; air pollution index; noise level during the day.

The high level (mostly) of these indicators reflects the low quality of the environment.

– Therefore, a reasonable assessment of the quality of the environment is an important means of resolving external issues and a reasonable standard of environmental compensation can be set.

To comply with sustainable development requirements, Clean Coal Technologies (CCT) applying can activate new coal resources that can be used in accordance with environmental objectives. Therefore, companies that extract coal operate promoting actions and initiatives leading to saving resources, reducing and optimal management of specific waste, and reducing environmental risk factors, while watching continually the enhancement of their environmental protection through: carbon capture and storage; obtaining clean coal combustibles: coal liquefaction, underground coal gasification (GSC), representing a growth potential of global coal reserves in an environmentally friendly manner.

References

1. Annandale, D. Mining company approaches to environmental approvals regulation: A survey of seniorenvironment managers in Canadian, 2000.

2. Coordonate ale politicii de dezvoltaredurabilăîndomeniulindustriei extractive a resurselorminerale, 2014.

3. Cetindanr D., Husoy, K. Corporate Social Responsibility Practices and Environmentally Responsible Behavior: The Case of the United Nations Global Compact, 2007.

4. Donna, L. E. Policies for the Planning and Reclamation of Coal-Mincd Landscapes: An international Comparison. 1995.

5. Gavin H., Barbara M. Sustainable development in the mining industry: Clarifying the corporate perspective, 2000.

6. Humphreys, D. Sustainable development can the mining industry afford it, 2001.

7. Rasnic, C. D. Federally required restoration of surface-mined property: Impasse between the coal industry and the environmentally concerned, 1983.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОХРАНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА С УЧЕТОМ СОВРЕМЕННЫХ БИОМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Л. В. Павлова

Особенностью развития общества и государства на современном этапе является стремительный рост биомедицинских исследований, влекущий появление технологий с возможностью вмешательства в геном человека. К настоящему времени по тематике биомедицинских технологий в специальной литературе высказаны различные точки зрения, в которых описана социальная значимость подобного рода разработок, а именно: сокращение экономических издержек на лечение граждан, повышение их физической активности и др. Также сущетсвует ряд указананий на сопутствующие им потенциальные риски и угрозы: появление «дизайнерских детей», расслоение общества, непредсказуемость долгосрочных последствий, трансформация в гонке за физическим благополучием социальных ценностей, смысла жизни и др. Аргументы, приводимые каждой из сторон дискуссии, выглядят достаточно убедительными.

В настоящее время полемика вышла за пределы биомедицинской сферы размышления, к ней подключились философы, социологи, психологи, экономисты, юристы, представители религиозных конфессий. Прогрессивное развитие не может быть остановлено, но даже при условии неукоснительного содействия со стороны государства, решение вопроса о целях и направленности такого развития может быть различным в зависимости от той роли, которая будет придана человеку. Полагаем, что современные достижения в области биологии и медицины должны восприниматься не только с позиций удобства, но и с гуманитарной точки зрения с целью предупреждения социальных конфликтов, в связи с чем необходимы комплексная оценка направленности и пределов современного развития, прогнозирование как первичных, так и вторичных эффектов инноваций.

В большинстве государств, следуя международным стандартам и правилам биоэтики, имеются значимые ограничения на проведение исследований, связанных с использованием человеческих эмбрионов, клеток и тканей. Также повышены требования к обеспечению сохранности генетических данных, поскольку широкое понимание находит вывод о том, что вторичным и весьма негативным результатом биомедицинских технологий может оказаться чрезмерное вторжение в частную жизнь человека. Особое внимание данной проблеме уделено во «Всеобщей декларация о геноме и правах человека» 1997 г., «Всеобщей декларация о биоэтике и правах человека» 2005 г., «Резолюции о генетической

конфиденциальности и недискриминации» 2001 и 2003 гг.), «Конвенции о правах человека и биомедицине» 1997 г.

Немаловажная роль в решении проблемы защиты прав человека и человеческого достоинства отводится национальному охранительному (в частности, уголовному) законодательству. В связи с этим целесообразно обратить внимание на хоть и не приобретшие массового характера, но признанные на международном уровне угрозы, имеющие потенциальные предпосылки к вмешательству в социально-биологическую природу человека. С учетом имеющихся научных достижений видится оправданным расширение законодателями зарубежных стран [1] уголовно-правовой охраны общественных отношений по вопросам, связанным с:

1. проведением опытов на человеке и эмбрионе человека;
2. клонированием человека;
3. использованием генетического материала, оборотом стволовых клеток;
4. исследованием генома и использованием генетических персональных данных, обеспечением конфиденциальности таких сведений.

Остановимся на кратком обзоре регламентации указанных вопросов в охранительном законодательстве.

1) В Уголовном кодексе (далее – УК). Беларуси отсутствуют специальные уголовно-правовые запреты. Вместе с тем целесообразным видится изучение вопроса о введении в отечественный УК новой главы о преступлениях против надлежащего порядка медицинского, генетического и фармацевтического обслуживания и опытных исследований, т. к. в свете современных биомедицинских технологий некоторые противоправные деяния могут совершаться в отношении как живых, так и умерших лиц, эмбрионов человека, что не позволяет относить их к преступлениям против жизни и здоровья человека, что ныне регламентируется в главе 19 УК Беларуси.

В числе норм такой главы следует рассматривать запрет на незаконное проведение опытов над человеком, что, к примеру, предусмотрено в одноименных ст. 127 УК Армении, ст. 74 Кодекса Кыргызстана о проступках, ст. 153 УК Кыргызстана, ст. 142 УК Украины, в которых в ряде случаев сформулированы как основные, так и квалифицированные, и особо квалифицированные составы, предусматривающие наказание вплоть до шести лет лишения свободы. Более того, начиная с 2018 г. в Армении установлен запрет на проведение опытов, направленных на селекцию людей; за их осуществление лицо может быть лишено свободы на срок до двенадцати лет (ст. 127.1 «Проведение евгенических опытов» УК).

2) Целесообразно установить запрет на репродуктивное клонирование человека как создание генетической копии человека,

являющегося донором (далее – клонирование человека). Клонирование человека вступает в противоречие с рядом важнейших прав лица. Становятся актуальными вопросы правового статуса ряда отношений: каковы родственные связи между клоном и клонируемым; как быть с правом на генетическую уникальность, как определять принадлежность ДНК; кто, в случае развития технологий, может распоряжаться генетическим материалом умершего для создания клона и др.

«Создание человеческих существ путем клонирования» запрещено в Молдове (ст. 144 УК), ответственность по основному составу преступления предусмотрена от семи до пятнадцати лет, что свидетельствует о рассмотрении данного преступления как имеющего высокую степень и характер общественной опасности. Клонирование человека запрещено в Армении (ст. 127.2 УК) и Казахстане (ст. 129 УК), в качестве наиболее строгого наказания – лишение свободы на срок до двенадцати лет. В Грузии также установлена ответственность за «генетические манипуляции, то есть создание существа, подобного человеку» (ст. 136 УК).

3) Недостаточно исследованными и регламентированными в отечественном праве являются вопросы осуществления без согласия пациентки искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона. Криминальные риски совершения таких деяний видятся в принудительной беременности с целью рождения определенного ребенка или, наоборот, прерывания беременности для получения эмбриональных стволовых клеток, терапевтический потенциал которых значительно выше, чем ряда иных стволовых клеток. В Молдове осуществление искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона без согласия пациентки влечет ответственность согласно ст. 161 УК; в Азербайджане – ст. 136 УК, в Узбекистане уголовно наказуема имплантация женщине чужой яйцеклетки (ст. 155 УК); в Украине с 2017 г. криминализировано принуждение к аборту (ч. 2 ст. 134 УК), что наказывается вплоть до трех лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок. Использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях, равно как и вывоз половых клеток или человеческого эмбриона из страны в этих же целях влекут уголовную ответственность в Казахстане (ст. 129 УК).

4) Исследование генома человека способствовало появлению нового вида информации – генетических данных. Ее неправомерное использование может привести к нарушению прав и законных интересов лица, например, на трудоустройство, создание семьи, личную репутацию, медицинское обслуживание, расчет стоимости страхования и др. Тем самым представляются оправданными опасения о возможной дискриминации лица по признаку генетических особенностей. С целью

упреждения нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина, по примеру уголовного закона Армении, диспозицию ст. 190 УК Беларуси, следует дополнить указанием на недопустимость дискриминации и в зависимости от генетических особенностей. Также целесообразно вести речь о закреплении в УК Беларуси положения об ответственности за незаконное собирание, обработку, распространение, предоставление генетических данных, в том случае, если это повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам лица. При этом генетические данные следует рассматривать как разновидность персональных данных. Реализация вышеизложенного предложения возможна посредством внесения дополнения в диспозицию и название ст. 179 УК Беларуси с указанием на охрану не только частной жизни, но и персональных данных.

Введение указанных норм в национальное законодательство в большей мере имеет превентивную направленность и препятствует реализации различными субъектами тех замыслов, которые многими государствами рассматриваются как представляющие угрозу ныне признанным правам и свободам граждан.

Возможно, что по прошествии нескольких лет обсуждаемые вопросы утратят актуальность или будут изучены с иных приоритетных позиций, но на современном этапе представляется важным с использованием моральных и правовых регуляторов обеспечить сохранность и увеличть значимость уникальности индивида в его социально-биологическом развитии. Это акутализируетпоиск взвешенных подходов к вопросам определения целей инновационного, в том числе биомедицинского, развития.

Литература и источники

1. Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] // База данных законодательства стран СНГ. – Режим доступа: http://www.spinform.ru/. – Дата доступа: 16.08.2020.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ДОГОВОРНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ В ЦЕЛЯХ РАСШИРЕНИЯ ЭКСПОРТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С ЗАРУБЕЖНЫМИ ПАРТНЕРАМИ

В. В. Подкопаев, Е. Е. Орлова

Национальная академия наук Беларуси развивает научно-техническое сотрудничество с зарубежными партнерами из более чем 90 государств. Наряду с повышением уровня исследований и разработок,

получением доступа к новым технологиям, методам исследований и информационным источникам международное сотрудничество приносит ощутимый материальный эффект организациям, находящимся в ведении НАН Беларуси. Внешнеэкономическая деятельность организаций НАН Беларуси включает работы по экспортным контрактам и привлечению средств из зарубежных источников по грантам.

В качестве основы для продвижения международного сотрудничества НАН Беларуси разработана Страновая стратегия развития экспорта товаров и услуг организаций НАН Беларуси на 2016–2020 гг., содержащая научно-обоснованные предложения по обеспечению диверсификации и наращивания экспорта товаров и услуг НАН Беларуси в ключевые страны и регионы. Ведется работа над созданием Стратегии развития организациями НАН Беларуси экспорта на следующую пятилетку. Национальной академией наук Беларуси сформирована и функционирует комплексная нормативно-правовая база в части международного сотрудничества, в том числе поддержки и развития внешнеэкономической деятельности подведомственных организаций, созданная как на уровне страны, так и на уровне самих организаций НАН Беларуси.

Осуществляя в 2019 году научное и научно-техническое сотрудничество с партнерами из 93 государств, из них с 62 организациями Академией наук выполнялись контракты. В первую десятку стран по объемам экспорта организаций НАН Беларуси вошли Россия, Китай, Саудовская Аравия, США, Украина, Литва, Казахстан, Германия, Чехия и Туркменистан. Также в прошлом году организациями НАН Беларуси заключены (или действовали ранее заключенные) общие соглашения о сотрудничестве с партнерами из 71 страны; на уровне Президиума НАН Беларуси – с партнерами из 65 государств. В настоящее время действуют более 130 крупных договоров о сотрудничестве НАН Беларуси с зарубежными научными и научно-производственными центрами.

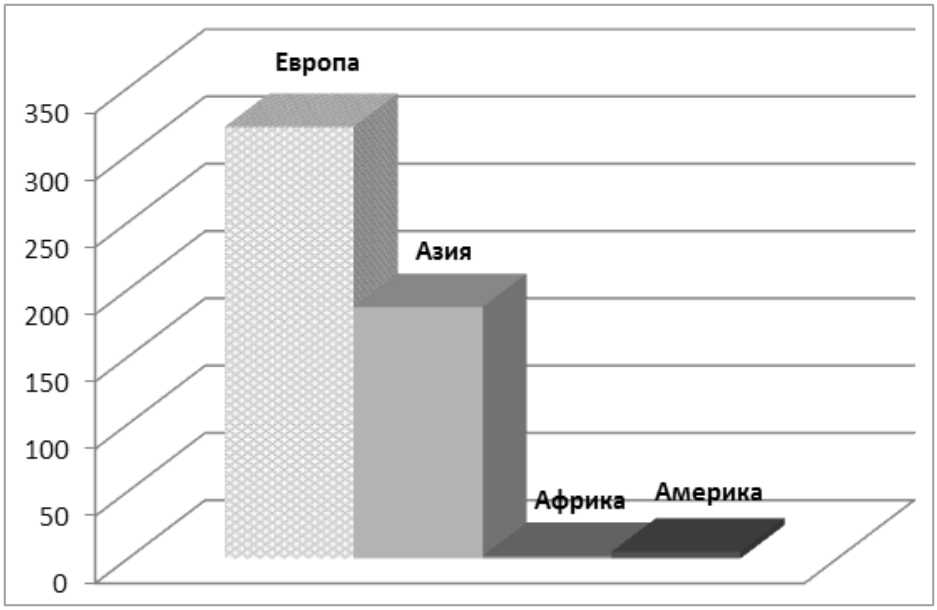
За 2019 год на уровне организаций Академии были подписаны и / или действовали ранее подписанные более 1,5 тыс. договорных документов – международных соглашений / договоров / меморандумов между институтами, компаниями и др. организациями, проектов (в т. ч. на контрактной основе) и грантов на выполнение исследований, участие в международных научных мероприятиях и др. В настоящее время выполнение большинства из них продолжается. Более 500 из этого числа не предусматривает финансирования совместной деятельности, т. е. декларируют цели взаимодействия сторон и закрепляют направления и механизмы дальнейшей кооперации.

В своем докладе мы хотели бы остановиться на данном блоке договорно-правовой базы НАН Беларуси. Несмотря на то, что подписание данных соглашений не включает непосредственное и быстрое

финансирование из зарубежных источников, их заключение и последующее выполнение являются важными элементами процесса коммерциализации разработок НАН Беларуси на внешних рынках, поскольку формирует необходимую среду для заключения контрактов. В топ-10 стран-партнеров по договоренностям отмеченного «начального этапа» установления сотрудничества входят соглашения / договора с Российской Федерацией (29% от общего числа договорных документов без финансирования), КНР (13,3%), Украиной (8%), Республикой Узбекистан (7%), Республикой Польша (6%), Литовской Республикой (5%), Республикой Казахстан (4%), Чешской Республикой (2%), Грузией (2%) и ФРГ (1,5%). В этих странах находится наибольшее количество организаций – «опорных точек» (это ключевые партнеры, с которыми организации НАН Беларуси находятся на разных стадиях совместной деятельности: от заключения договоров до совместных производств и др.). Данные организации являются важными составляющими системы проработки и заключения новых контрактов. Кроме согласования областей для дальнейшего расширения сотрудничества непосредственно с организациями-партнерами они оказывают содействие в поиске новых партнеров для экспортно-ориентированной кооперации академических организаций.

На рисунке приведено распределение выборки действующих в 2020 году договорных документов организаций НАН Беларуси начального этапа взаимодействия с зарубежными партнерами в региональном разрезе (в соответствии с классификацией стран мира по макрогеографическим регионам (макрорегионам) и континентам (Африка, Америка, Азия, Европа, Океания), применяемой для целей статистики в Организации Объединенных Наций в соответствии с документом «Стандартные коды стран или районов для использования в статистике», разработанным Секретариатом ООН). Как видно из рисунка, в настоящее время действуют подписанные соглашения, меморандумы с организациями (в т. ч. с опорными точками) 4 континентов – Европы (в соответствии с используемой классификацией сюда включена Россия), Азии, Африки и Америки.

Рисунок 1. Распределение выборки действующих в 2020 году договорных документов (без финансирования) организаций НАН Беларуси в соответствии с классификацией по макрорегионам и континентам



Больше всего в настоящее время действует договорных документов из данной группы, подписанных с организациями из Восточной Европы, в первую очередь из России, Украины и Польши. Следует отметить высокую «договорную активность» с партнерами из Северной Европы (Литвы, Латвии, Эстонии и др.), которые являются традиционными партнерами для НАН Беларуси. Также расширяется договорно-правовая база с организациями стран Западной Европы – ключевыми партнерами из этого региона для белорусской академии наук являются организации Германии, Франции, Великобритании, Швейцарии и Нидерландов. Целесообразно проработать расширение договорно-правовой базы сотрудничества (на первом этапе, рамочного характера) с Албанией, Грецией, Хорватией, Боснией и Герцеговиной.

Вторым регионом по количеству действующих договорных документов организаций НАН Беларуси с зарубежными партнерами в 2019–2020 гг. является Азия, где лидирующую позицию по количеству подписанных соглашений занимает Китай. Данный регион является в последние годы наиболее «активным» в части развития международного сотрудничества и перспектив экспортной деятельности. С партнерами из азиатского региона широко выполняются совместные проекты, в т. ч. на контрактной основе, организуются совместные лаборатории и центры. Также активно развивается взаимодействие в договорно-правовой сфере со странами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и / или СНГ, а именно с Казахстаном, Узбекистаном, Азербайджаном, Арменией, Киргизией и Таджикистаном. Целесообразно активизировать работу по

укреплению договорно-правовой базы сотрудничества с Японией, специальными административными районами КНР (Гонконгом и Макао), Бахрейном, Иорданией, Катаром, Таиландом, Камбоджой, Лаосом, Филиппинами, Сингапуром, Шри-Ланкой.

Подписанные в 2019–2020 гг. действующие в настоящее время договорные документы (без финансирования) можно разделить на следующие группы:

1. Договоры о сотрудничестве (о научно-техническом сотрудничестве, о сотрудничестве в сфере образования, дилерские договоры, агентские договоры и др.) – 47,6% от общего количества документов;

2. Соглашения о сотрудничестве (о научно-техническом сотрудничестве, о творческом сотрудничестве, о подготовке совместного проекта, о создании совместной лаборатории, о защите и использовании прав интеллектуальной собственности, о неразглашении конфиденциальной информации, лицензионное соглашение и др.) – 37,1%;

3. Меморандумы о сотрудничестве (о взаимопонимании, о намерениях и др.) – 12,9%;

4. Протоколы (о научно-техническом сотрудничестве, о намерениях, по итогам встреч и др.) – 2,4%.

Сформированная, постоянно расширяющаяся договорно-правовая база НАН Беларуси является основой для развития экспортоориентированного сотрудничества академических организаций. Используя систему регламентированных договорными документами отношений организации НАН Беларуси выполняют совместные научные проекты и экспортные контракты по заказу зарубежных заказчиков, создают совместные международные центры и лаборатории, участвуют в международных совместных мероприятиях (конференциях, семинарах, выставках), осуществляют поиск новых партнеров и др. В целях дальнейшего расширения направлений коммерциализации разработок НАН Беларуси на зарубежных рынках на системной основе должен осуществляться анализ наиболее перспективных организационных и договорно-правовых направлений развития экспортной деятельности НАН Беларуси, в первую очередь в рамках реализации подготавливаемых на 5-летние периоды Страновых стратегий развития экспорта товаров и услуг организаций НАН Беларуси.

О ПРИНЦИПАХ ОПТИМИЗАЦИИ ТАМОЖЕННОЙ ЛОГИСТИКИ И ОСОБЕННОСТЯХ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ НА ПРАКТИКЕ: КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

А. Д. Полежаева, И. Ю. Кархова

Логистика в современном информационном мире справедливо понимается как отдельный вид экономической деятельности человека. Это очевидно, поскольку производство товаров в высокоразвитых в экономическом отношении государствах интенсивно нарастает, требуя больших временных затрат производителя. Разделение труда производителя товара и организатора его сбыта сегодня важно, поскольку позволяет оптимизировать полезные затраты субъектов производства. Каждая из этих составляющих экономики имеет собственные перспективы развития, поэтому нуждается в оптимизации. Поиск возможностей оптимизации процесса организации сбыта, таможенной логистики в целом видится необходимым.

Практический подход к вопросам оптимизации таможенной логистики выступает первостепенным как для потребителей услуг таможенного оформления, так и таможенного сопровождения перевозки. «Обычно решения вопросов таможенной логистики стоят дорого, – замечает А. П. Ломтев, – но результаты, получаемые при правильной постановке дела, окупают чаще всего все ожидания» [5]. Это возможно лишь при должной организации рассматриваемого процесса. Рассмотрение принципов практической реализации таможенной логистики поможет выявить как сущностные направления общей оптимизации работы предприятия в пространстве внешнеторговой деятельности, так и частные методы, приемы оптимизации в сфере организации и проведения таможенного оформления и сопровождения перевозки.

Изучение некоторых вопросов функционирования логистической инфраструктуры на таможне показало, что на многих этапах обеспечения таможенного оформления и сопровождения перевозки товаров и грузов существуют возможности оптимизации этой деятельности. Установление разумного паритета таможенной логистики в категориях количества и качества – вот методологически важный ориентир оптимизации. При этом необходимо выделение сущностных взаимосвязанных между собой элементов внешнеторговой деятельности, в органичном сочленении которых возможен поиск оптимизации расходов и затрат – времени, финансов, человеческих ресурсов и т. п.

Какие же логические цепочки могут быть здесь выстроены? *Во-первых*, это субъектные взаимоотношения, то есть выбор акторов – активных участников внешнеэкономической деятельности в целом. В самом общем виде эта цепочка может выглядеть так: «поставщик» –

«перевозчик» – «экспедитор» – «получатель». В каждой из этих точек могут быть обнаружены перспективные с точки зрения оптимизации элементы.

Второй вариант – цепочка с собственно логистическим функциональным содержанием: «транспортировка» – «погрузка / разгрузка» – «складирование». Таможенный аспект оформления и сопровождения перевозки, как и многие другие стороны внешнеэкономических отношений, не может обойтись без этих родовых понятий и соответствующих видов деятельности.

В-третьих, логическая цепочка оптимизации обеспечения таможенного оформления и сопровождения перевозки может быть выстроена через призму деятельности таможенного брокера (на функционале которого мы подробно останавливались выше) или менеджера. В этом случае можно выстроить такую взаимосвязь: «сбор» – «обработка» – «выполнение» конкретного заказа.

Анализ литературы [4] позволяет предложить еще одну цепочку оптимизации, выстроенную в содержательно-функциональном ключе таможенной логистики, в которую в качестве элементов входят: «логистические задачи» – «циклы» – «процедуры» – «диспетчеризация» – «параметры управления» – «информация» и ряд других. Интерес к проблемам развития логистики в России и промышленно развитых странах Европы связан, прежде всего, с причинами экономического характера. В условиях, когда рост объемов производства и расширение внутринациональных и микрохозяйственных связей привели к увеличению издержек сферы обращения, внимание предпринимателей сконцентрировалось на поиске новых форм оптимизации рыночной деятельности.

Сегодня существенно повышается роль организации эффективного управления материальными, товарными и информационными потоками таможенно-терминальных комплексов. В этих условиях применение таможенной логистики существенно увеличивает возможности развития коммерческой инициативы, способствует расширению круга обслуживаемых объектов, возрастанию объемов деятельности и повышению рентабельности оптовых посредников.

Необходимо отметить, что для достижения целей оптимизации и снижения затрат, стоящих перед таможенной логистикой, используются материальные факторы, человеческие ресурсы и информация. Сегодня известны компании, профессионально занимающиеся вопросами таможенной логистики. Современные экономические условия не могут позволить тому или иному отдельному участнику внешнеэкономической деятельности стать монополистом на границе внешнего и внутреннего рынков, поэтому вопросы логистического обеспечении таможенного оформления и сопровождения перевозки также становятся предметом

экономической конкуренции.

Конкуренция в целом, порождая инновации в технико-технологических и сбытовой сферах транспортно-логистических комплексов, как справедливо утверждают специалисты в сфере внешнеэкономической деятельности, неизменно приводит «к снижению издержек производства и понижению цен» [1]. Проблема конкуренции, таким образом, актуальна и в пространстве таможенной логистики. При этом важно помнить, что в деле таможенного оформления и сопровождения перевозки покупателей и производителей в России интересует, прежде всего, собственно оформление с подтверждением таможенной стоимости по цене сделки. В то время как современная цивилизованная экономика требует, в первую очередь, легальных способов оптимизации таможенной логистики.

Мировой практикой доказано, что если при производстве и продаже снизить издержки невозможно, то нужно обратить внимание на *путь прохождения* материального потока в виде сырья, полуфабрикатов, материально-технических ценностей и др. до производителя, а также на движение товаров между производителем, торговцем и конечным потребителем [3]. В этом смысле пути оптимизации логистической деятельности на таможне расширяются, а пространство таможенной логистики диверсифицируются.

Пространство *оптимизации таможенной логистики* на практике может выглядеть следующим образом: анализ рынка в стране (поиск надежных и выгодных поставщиков); контроль качества и отгрузки товара, необходимые корректировки и отслеживание неукоснительного выполнения инструкций и документации; логистические услуги (диверсификация в выборе компании и способа доставки, разработка оптимального варианта); таможенное оформление (работа со всеми имеющимися пунктами таможенного контроля РФ, как пограничными, так и внутренними региональными) [2]. Последний аспект оптимизации напрямую связан с проблемой внутритаможенной оптимизации, нуждающейся в отдельном изучении.

Литература и источники

1. Агапова, Т. А. Мировая экономика / Т. А. Агапова, С. Ф. Серегина. – М.: Дело и сервис, 2012.

2. АРКЭС – Ассоциация российско-китайского экономического сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.importfromchina.ru/ rastamozhka/ tamozhennoe-oformlenie. – Дата доступа: 23.08.2020.

3. ВЭД – технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russianimport.ru/ articles.html?id=2. – Дата доступа: 13.08.2020.

4. Дыбская, В. В. Логистика: интеграция и оптимизация логистических бизнес-процессов в цепях поставок / В. В. Дыбская. – М.: Эксмо, 2008.

5. Ломтев, А. П. Практическая логистика. Таможенное оформление // Клуб логистов. Территория настоящих профессионалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.hvacschool.ru/ vestnik_ano/ vestnik_ano_ukc_universitet_32/ prakticheskaja _logistika _1. – Дата доступа: 14.09.2020.

6. Полежаева, А. Д. Институт семьи и проблема потребления (К вопросу об экономических основаниях международных миграционных процессов) / А. Д. Полежаева, Д. В. Полежаев // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. – 2015. – Т. 22, № 8 (171). – С. 41–45.

7. Полежаева, А. Д. Особенности стратегического планирования в международных компаниях: экономические тенденции и факторы деятельности / А. Д. Полежаева, Д. В. Полежаев // Актуальные проблемы менеджмента и маркетинга в сфере внешнеэкономической деятельности: матер. межвуз. науч. конф. студентов и аспирантов, апрель 2017 г. / Всерос. академия внешней торговли Минэкономразвития России. – М., 2017. – С. 110–115.

ТЭАТРАЛЬНАЯ АНТРАПАЛОГІЯ А. Г. ДУГІНА І ВІРТУАЛЬНАЯ РЭЧАІСНАСЦЬ

А. А. Ражкоў

Перш чым разглядаць фенамен камп’ютарных гульняў (і віртуальнай рэчаіснасці) праз прызму падыхода А. Г. Дугіна варта звярнуць увагу на саму тэатральную антрапалогію А. Г. Дугіна, якая базуецца на неаплатанічнай думцы. Па А. Г. Дугіну тэатр – «месца сузірання тэорыі» («θεατρον» у якім людзі «θεώμαι» «θεωρια») [3]. Сузіранне – гэта рэлігійнае дзеянне пад час якога адбываецца сузіранне сутнасці ўсіх рэчаў («тэорыі»), г. з. ідэальнага стана існавання гэтых рэчаў. Гэта тычыцца і этнасаў, таму па А. Г. Дугіну тэатр з’яўляецца месцам, які канстытуе і народы (праз сузіранне архетыпу), і ўсю рэчаіснасць увогуле [4]. Аргументуе сваю тэорыю А. Г. Дугін выказваннямі, якія сустракаюцца ў дыялогах Платона [9; 10], «Паэтыцы» Арыстоцеля [2], а таксама творам «А снах» яп. Сінэзія Кірэнскага [11], але праз прызму неаплатанізму і філасофіі Рэнэ Генона.

Важным будзе з’яўляцца і тое, што сам свет па А. Г. Дугіну з’яўляецца тэатрам – пляцоўкай, на якой адбываецца працэс «мімесісу» («μίμησις» – перайманне) [5]. Заходзячы з гэтага і звяртаючыся да Ойгена Фінке [1], А. Г. Дугін сцвярджае наступнае: «Гульня ляжыць у аснове нашага соцыума. Гульня адлюстроўвае нешта большае, чым культура; гульня – гэта закон жыцця» [6].

Калі скараціць гэта маскімальна ёміста, то магчыма казаць наступнае: па А. Г. Дугіну чалавек у сваім жыцці з'яўляецца носьбітам нейкай «Маскі» – пэўных сацыяльных роляў [7]. У кожнай сацыяльнай ролі ёсць некаторыя свае архетыпы (архетып грэка, напрыклад). У гэтым сэнсе чалавек адыгравае сабе, і чым лепш ён гэта робіць (ужываецца ў

ролю), тым больш чалавек з’яўляецца чалавекам, а значыць бліжэй да Боства. Таму асобныя індывіды па А. Г. Дугіну – індывідуалізацыя асобных ідэй.

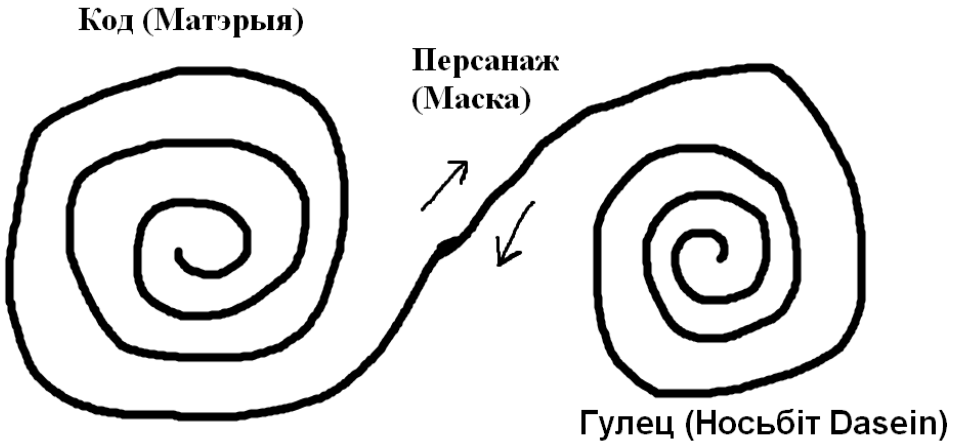
Сам працэс увахода «ў ролю» мае назву «προσωποιηια» – «маскастварэнне» [3; 7]. І гэты працэс адбываецца такім чынам, што ў агульнай канве апавядання (у «Міфасе») вылучаюцца асобныя «характары» людзей. Гэта значыць, што сам «Міф» (культурна-гістарычныя ўмовы, у якіх жыве індывід) з'яўляюцца першаснымі, а самі «характары» (людзі, якія апранаюць «маскі») – другасным. «Міф» у дадзеным выпадку магчыма ўяўляць як нейкі метафізічны пачатак. Таму і сам працэс «маскастварэння» разумеецца як эпіфанія.

У сувязі з сённяшняй тэматыкай варта задаць пытанне: калі тэатр з'яўляецца пляцоўкай, на якой адбываецца «сашэсце багоў-архетыпаў» [3], ці можа гэтая пляцоўка існаваць у свеце вірутальнай рэчаіснасці?

З першага позірку можа здавацца, што тэатр, калі і можа існаваць у межах віртуальнай рэчаіснасці, то гэта будзе дэгуманізаваны тэатр, у якім не адбываецца працэс «маскастварэння». Тут маецца на ўвазе, што, калі разглядаць гістарыял тэатра, то магчыма ўбачыць, што тэатр паступова страчвае свайго суб'екта (акцёра) і дзеянне ў тэатры ажыцяўляецца аб'ектамі, якія не могуць асэнсаванна «пераймаць» сваяму архітыпу. А ў кінатэатры, увогуле, дзеянне змяняецца паняццём «рух» («κινημα»), што знішчае ўвогуле містэрыяльны стан «сузірання», пры наяўнасці дзеяння толькі на пляцоўцы, на якой адбываюцца здымкі кінастужкі.

Але на гэтым этапе ўваходу ў «віртуальнае поле» адбываюцца цікавыя анталагічныя з'явы. Праз відэагульню гулец уваходзіць у свет аб'ектаў, прымаючы «плоць персанажа» гульні. Адбываецца некаторага роду працэс «ачалавечвання кода». Тым самым у рамках «персанажа» адбываецца сустрэча «кода» і «чалавека», што дае некаторай часткі кода свой Dasein. У гэтым сэнсе «персанаж» з'яўляецца маскай, нейкім праваднікам sublime («узвышанае» – нейкая метафізічная сувязь суб’екта з архітыпам і Боствам) са свету чыстай «матэрыі».

Малюнак 1. Віртуальная рэачаіснасць
як пляцоўка для віртуальнага тэатра (Складзена па: [6])



Таму, можна сцвярджаць тое, што відэагульня не з'яўляецца тэатрам як такім. Аднак дадзеная вобласць з'яўляецца той вобласцю, у якой людзі могуць паміж сабой узаемадзейнічаць, адыгрываць пэўныя ролі, адным словам – здзяйсняць дзеянні (асабліва праяўляецца ў шматкарыстальніцкіх гульнях, але ў рамках законаў гульні, якія вызначаюцца кодам). І таму можна меркаваць, што сам феномен тэатра можа быць перанесены ў прастору віртуальнай рэчаіснасці. Аб'екты будуць выконваць сваю ролю ў свеце, у адпаведнасці з той, якая была вызначана ім у кодзе. Тут можна назіраць тое, што свет пераносіцца на больш матэрыяльны пласт быцця, як і сама чалавечая плоць, пры захаванні чалавечай душы. Таму, можна было б казаць пра тое, што ў рамках відэагульні чалавек апускаецца ў свет «анты-зямлі». Таму, можна казаць пра тое, што праграміст у дадзеным выпадку выступае як «дэміўрг», які стварае камп’ютарную сімуляцыю, а аб'екты ў рамках камп'ютарнай сімуляцыі дзейнічаюць у адпаведнасці з функцыямі, прапісанымі ў кодзе («камп'ютарнага эйдаса»), у падставе якога ляжыць рэальнае ўяўленне аб аб'екце ў рэальным свеце, у аснове якога ляжыць ужо ідэя аб'екта.

Аднак такая віртуальная рэчаіснасць будзе з'яўляцца толькі выявай рэальнасці, «канкрэтызацыяй» рэальнага свету. Таму віртуальная рэчаіснасць – толькі больш матэрыяльны ўзровень рэчаіснасці, які існуе ў 2D праекцыі. Зыходзячы з гэтага і тэатр, і соцыум у рамках віртуальнай рэчаіснасці будуць з'яўляцца толькі праекцыямі рэальна існуючага і тэатра, і соцыума, якія толькі канкрэтызаваны ў рамках пэўнага кода.

Але такі рух прагрэсу ў бок «больш матэрыяльнага» засмучае А. Дугіна, бо ён бачыць у ім імкненне да «аб’ектывізацыі чалавека» [8], з-за якой чалавек можа ўпасці ва ўлонне камп'ютарнай дыктатуры, дзе

дыктатарамі будуць тыя, хто кіруюць віртуальнай рэчаіснасцю. Аднак пытанне ацэнкі дадзенай з'явы ў рамках дадзенай працы закранацца не будуць.

Падводзячы вынік, можна сказаць, што камп'ютарная гульня сама па сабе не з'яўляецца тэатрам, але віртуальная рэчаіснасць з'яўляецца новай анталагічнай вобласцю, у якую праз некаторага роду канкрэтызацыю чалавек можа патрапіць, тым самым аднавіць тэатр у рамках новага анталагічнага пласта. Але трэба ўлічваць, што дадзеная з'ява будзе толькі вобразам феномену рэальнага тэатра, аднак sublime будзе ў ім захаваюцца. Ці будзе ў гэтым «вымярэнні» працяг тэатральнай дыялектыкі? Магчыма, але гэта будзе бачна потым.

Літаратура і крыніцы

1. Fink, E. Spiel als Weltsymbol / E. Fink – Stuttgart: Kohlhammer, 1960. – 259 p.

2. Аристотель. Поэтика / Аристотель // ЛитМир [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.litmir.me/ br/?b=128433&p=1. – Дата доступа: 25.03.2020.

3. Дугин, А. Г. Онтология и антропология театра: Введение – Театр и его сущность / А. Г. Дугин // ΠΑΙΔΕΥΜΑ TV [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://paideuma.tv/ video/ ontologiya-i-antropologiya-teatra-vvedenie-teatr-i-ego-sushchnost #/?playlistId =0&videoId=0. – Дата доступа: 22.02.2020.

4. Дугин, А. Г. Онтология и антропология театра: Лекция 1 – Апофатический театр / А. Г. Дугин // ΠΑΙΔΕΥΜΑ TV [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://paideuma.tv/ video/ ontologiya-i-antropologiya-teatra-lekciya-1-apofaticheskiy-teatr#/ ?playlistId=0 &videoId=0. – Дата доступа: 22.02.2020.

5. Дугин, А. Г. Онтология и антропология театра: Лекция 3 – Мимесис (μιμησις). Действие / А. Г. Дугин // ΠΑΙΔΕΥΜΑ TV [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://paideuma.tv/ video/ ontologiya-i-antropologiya-teatra-lekciya-3-mimesis-mimisis-deystvie #/?playlistId =0&videoId=0. – Дата доступа: 22.02.2020.

6. Дугин, А. Г. Онтология и антропология театра: Лекция 4 – Игра / А. Г. Дугин // ΠΑΙΔΕΥΜΑ TV [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://paideuma.tv/ video/ ontologiya-i-antropologiya-teatra-lekciya-4-igra#/?playlistId=0&videoId=0. – Дата доступа: 22.02.2020

7. Дугин, А. Г. Онтология и антропология театра: Лекция 5 – Метафизика роли / А. Г. Дугин // ΠΑΙΔΕΥΜΑ TV [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://paideuma.tv/ video/ ontologiya-i-antropologiya-teatra-lekciya-5-metafizika-roli#/ ?playlistId=0 &videoId=0. – Дата доступа: 22.02.2020.

8. Дугин, А. Г. Постмодерн как гипперреальность / А. Г. Дугин // Изборский Клуб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://izborsk-club.ru/ 14058. – Дата доступа: 14.03.2020.

9. Платон. Законы / Платон // ЛитМир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.litmir.me/ br/?b=67615&p=1. – Дата доступа: 06.02.2020.

10. Платон. Парменид / Платон // Диалоги Платона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psylib.org.ua/ books/ plato01/ 24parme.htm. – Дата доступа: 02.02.2020.

11. Синезий, еп. О сновидениях / еп. Синезий Киренский // azbyka.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/ otechnik/ Sinezij_Kirenskij/ traktaty-i-gimny/6. – Дата доступа: 05.03.2020.

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Э. И. Рудковский, Е. Э. Рудковская

Процессы глобализации затрагивают все сферы человеческой жизнедеятельности, ведут к трансформации устоявшихся общественных институтов. Не остается неизменным и феномен границы. На протяжении веков границы являлись важнейшим условием бытия государства, его суверенитета. К примеру, Ф. Ратцель рассматривал границу как периферийный орган государства, свидетельствующий о его силе или слабости. Однако феномен границы в более широком смысле относится к фундаментальным основам политико-территориальной, этнической структуры общества, его духовной жизни. Вне границ невозможно функционирование экономических, социальных, политических процессов, реализация важнейших функций государства. Это средство упорядочения жизнедеятельности социума. Границы обеспечивают безопасность людей, их существование в привычном и понятном мире. В этом залог стабильности общества. Социум без всяких пределов и рубежей может потерять свою идентичность, сойти с исторической арены. Границы – это своеобразный маркер идентичности людей. Следует, конечно, учитывать, что границы имеют динамичный характер, их характеристики не являются раз и навсегда данными. Они изменяются в зависимости от конкретных исторических обстоятельств как внутреннего, так и внешнего для страны порядка. Границы могут не только разделять страны и народы, но и служить средством их взаимодействия, сотрудничества, хотя в разные исторические эпохи этот процесс развивался не одинаково.

В современном информационном обществе «размываются» пространственно-временные, экономические, политические и социокультурные границы, увеличивается их прозрачность, транспарентность, и, в известном смысле, условность. Трансграничные связи не только связываются с той или иной территорией, но и все больше носят внепространственный, информационный характер. Интеграционные процессы в экономической сфере предполагают свободное передвижение людей, товаров и капиталов. В политическом плане суверенитет многих государств может быть обеспечен сегодня лишь вхождением в региональные союзы и объединения. Однако в рамках таких союзов границы становятся относительными. Этот процесс можно назвать детерриторизацией. В еще большей мере границы становятся условными

применительно к информационным процессам, которые идут поверх границ.

Информационные технологии – не только мощный фактор экономического роста, но и взаимообогащения культур. Однако нельзя не видеть и негативных последствий их целевого применения, так как таят угрозу национальной культуре, духовному коду нации, ее идентичности. Культурный генофонд человечества в целом оказывается под угрозой, поскольку он состоит из национальных культур многих народов. Нарастает стандартизация стиля жизни людей, «макдональдизация» культуры, малые по численности этносы теряют свой язык, обычаи, традиции. Подвергаются переоценке базовые ценности человеческого бытия: долг, честь, совесть, традиционные основы семейно-брачных отношений. Наступила эра «культурной» вседозволенности, традиционные ценности объявляются «искалеченными представлениями». Большая часть продуктов культуры поставлены на службу интересам рынка. Поликультурная среда, восхваляемая либералами, далеко не является пространством свободы. По своей сути – это пространство регулируемого и направленного массового потребления. Современное западное общество внешне мультикультурно, свободно, но в сущности своей подконтрольно тем, кто формирует потребительскую идеологию, и в какой-то мере тоталитарно. Либерализм традиционно отстаивал приоритет прав, свобод личности, терпимость к инакомыслию. Но сегодня налицо трансформация этой идеологии: прежде всего либеральные СМИ проводят политику нетерпимости к тем, кто отстаивает традиционные общечеловеческие ценности.

Можно сказать, что «духовный коронавирус» поразил мировое сообщество. Либеральный мировой порядок был хорош в «мирное время», не требующее сверхусилий. Он неплохо создает материальные удобства вроде отдыха для богатых на фешенебельных курортах, однако справиться с реальными проблемами и противоречиями, которые несет глобализация, не в состоянии. Сторонники либерализма абсолютизируют, гипертрофируют роль прав и свобод, принципов правового государства в жизнедеятельности людей, пытаются навязать мысль о некоем эталоне, которому должны следовать все. Законы, права и свободы без нравственной составляющей не могут обеспечить стабильность общества, застраховать его от тех рисков, которые стали неотъемлемой частью социального и культурного пространства. В свое время Гораций вопрошал: какая польза от законов, если в обществе нет нравственности?

Экспансия неолиберальных идей, псевдоценностей массовой культуры ничего общего не имеет с диалогом культур. Он необходим, без него невозможно обогащение духовной жизни общества, его модернизация. Посредством диалога может происходить встраивание инонациональных ценностей в матрицу собственной культуры.

Применительно к сфере культуры можно говорить о двух типах границ. Первые – это границы-запреты, которые абсолютны, непреклонны. Любое общество, народ существуют до тех пор, пока их объединяют общие моральные принципы и духовные ценности. Вторые – прозрачны, предполагают уважение к духовному достоянию культур иных стран и цивилизаций. Диалог культур и политику, направленную на сохранение их ценностного ядра, не следует противопоставлять.

Вряд ли можно согласиться с тем, что «закрытость культуры от влияния других культур приводит к усилению всех смысловых и ценностных структур ядра культуры, а ее открытость к инокультурному влиянию, межкультурным взаимодействиям, напротив, приводит к размыванию ценностей и смысловой определенности культурного ядра» [1, с. 83]. Возникает вопрос: возможна ли закрытость культур в современном мире? Полагаем, что ответ здесь однозначен. Кроме того, границы по-прежнему являются важным элементом международного права, условием национального суверенитета. В этих условиях человеческая цивилизация стремительно меняется. Это касается не только бурного, взрывного характера промышленных и информационных технологий, но и духовной сферы жизни общества. Уходят естественным путем ставшие привычными ценности, некоторые традиции, символы, представляющие константу человеческого бытия.

Границы в современном мире не исчезают, в том числе и культурные границы. Развитие культур происходит на границе духовных сред. Культурные границы влияют на духовный мир людей, процессы их самоидентификации, развитие и сохранение социокультурной матрицы. В то же время появление чего-то нового происходит в процессе выхода за пределы установившегося, привычного. В этих условиях важнейшая роль национального государства – сохранение идентичности, духовного потенциала, исторической памяти и культурного кода народа, которые являются его духовно-стратегическим оружием и непременной основой всякого восходящего развития.

Литература и источники

1. Алиева, О. Г. Кризис национальных культур в эпоху глобализации / О. Г. Алиева, О. В. Саввина, М. В. Моисеенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: философия. – 2014. – № 2. – С. 83–90.

DEMOCRACY IN THE CONDITIONS OF THE COVID-19 PANDEMIC IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA: ANALYSIS AND SYNTHESIS

I. Rusandu, V. Sterpu

Through out its history – from the beginig of ancient Greece until now,

democracy has been subjected to pressures and challenges on a permanent basis, which in most cases come from the social, economic, political, psychological field, etc. In other words, we will highlight in this context: poverty, the scourge of corruption, the lack of adequate social equity, the low level of political culture of the population and, last but not least, the inability of citizens to influence the government between elections. But today, in the top of the factors with an impact on the development of democracy, a new one appeared unexpectedly and accidentally with repercussions that are difficult to follow. It is the Covid-19 coronavirus and the pandemic caused by this plague.

The year 2020 will go down in human history as the year of the coronavirus pandemic. This global health crisis has closed borders between states, interfered with people's personal lives, limited their freedom, and stopped businesses and companies. At the same time, people are forced to analyze their lives in terms of the effects of this pandemic: how it was before the spread of the coronavirus and after.

The coronavirus crisis highlights the need to “re-evaluate the values” (after Friedrich Nietzsche) of the state and its institutions, civil society, political parties and the opposition. These actors of the social and political scene in the Republic of Moldova must reconsider their goals and understand that only in unity and coordination can sustainable results be achieved.

The COVID-19 epidemic has reset one of the great philosophical issues about the value of the human being, which has long been the focus of discussion only in the context of democratic values and human rights. We now see that the approach to human life and security is at the forefront.

Democracy given the threat to the lives of citizens, needs to adjust its institutional resources to ensure survival for the whole socio-political system and to counteract the negative effects on the health of the population. The major problem in this case comes down to understanding, when violating democratic norms governing social processes aimed at ensuring the existence of social life endangers the viability of democratic principles when crossing the “red lines” of the very existence of democracy. This problem becomes essential especially in the case of declaring a state of emergency.

We will mention that the COVID-19 epidemic revived the repressive features of the state. In this situation he can dispose of the fate and behavior of people due to the infernal fear that has gripped society and each individual.

The coronavirus crisis certainly knows no bounds in its impact both globally, regionally and of course locally. The impression is created that the COVID-19 pandemic imposes its agenda and not the central or local public authorities. The daily plans of politicians or ordinary people have been turned upside down everywhere from countries with a developed democracy to those with a touch of authoritarianism. Experts in politics, economics and social relations have identified the coronavirus as the “Black Swan”. The term “Black Swan” entered the discourse of specialists on risk management issues in 2007

with the publication of Nassim Taleb's book, with the same name “Black Swan” [1]. The coronavirus crisis raises questions not only in the field of public health, but also in the capacity of all state institutions to manage / resolve multivectoral crises.

The coronavirus pandemic has highlighted general themes with a rich philosophical past. We refer here to the eternal question of the relationship between the state and the individual in terms of the new aspect: to what extent can the state intervene in the lives of citizens? In a new light, the liberal theory must be analyzed with its basic principle that emphasizes the person's right to freedom as the supreme value. In the case of the pandemic, however, people need more protection than before. At the same time, in this context, the problem regarding the primacy of the most efficient model, the democratic or authoritarian one, is foreshadowed, the criterion of appreciation being the capacity to solve the problems and the consequences of the pandepidemic.

Following the restrictions and sanctions exposed by the government in the state of emergency, related to the epidemiological crisis in the context of COVID-19, the formation of a state related to the form of the governing regime is initiated, which will have both democratic and autocratic institutional characteristics. This political regime can be considered an anocratic regime [2].

It is about the hybridization of authoritarianism and democracy. In the literature this political phenomenon is called non-liberal democracy. Currently in the political system of the Republic of Moldova a pluripolar state of political actors has been formed without any of them being able to hold control over the situation created. At the same time, we will mention that currently in the Republic of Moldova there are no spiritual leaders at national level which would strengthen society.

For the Republic of Moldova, the theoretical statement made by Joseph Schumpeter is valid, as we must consider democracy the situation in which the elites lead and the masses can exert their influence only by voting for the representatives of the elites, and the elites fight among themselves to be elected by the masses. Thus, according to Joseph Schumpeter, “the democratic method is the institutional system that reaches political decisions, in which individuals gain the power to make a statement about these decisions at the end of a competitive struggle for the votes of the people” [3].

Within the possible risks that can affect all vital areas of society, it is necessary to reset the relations between state and citizen, state and civil society, state and business, etc.

At the same time, it is necessary to estimate the increase in social tensions, estimates that must assess the impact of these tensions on the possible actions of the state and politics. In the same context, questions may arise regarding the “desire” of the state to continue in a different way, of course, to control society and individuals, having already implemented the tools for population surveillance during the epidemic / state of emergency.

The coronavirus pandemic, which has reached a global level, is still far from being irradiated. However, a practically unanimous general conclusion is that this pandemic has essential socio-cultural, economic and political repercussions / consequences for man and society. At a glance, one of the consequences refers to a new relationship between citizen and state, which highlights the activity of the state, the interaction / communication with citizens and the level of citizen participation in managing the affairs of society. In general, it is a test of the capabilities of state institutions in times of multiple risks for the state, society and the citizen.

Following some clichés, we will state that the COVID-19 pandemic has become the “black swan” both globally, regionally and locally, which has and will continue to have a major impact on all spheres of social and human life: socio-cultural, economic and political etc. In terms of the game of chess, the impact of the coronavirus pandemic is associated with a process called “check”, which sometimes inevitably leads to “checkmate”.

The pandemic has become like a litmus test of the ability of state institutions to react to the spread of the plague. Democracy, the economy and the judiciary are being tested for the viability of radical transformations that would prove the sustainability of the state of the Republic of Moldova. It is necessary for the model of the state projected in the country's Constitution to become a real model from its virtuality.

References

1. Nassim Nicholas Taleb, Lebăda neagră. Ediria a III-a revizuită. – Bucuresti: Curtea Veche, 2018.

2. Définition de anocratie [Electronic resource]. – Mode of access: https://motsavec.fr/ definition/ anocratie.

3. Dicuionar de gândire politică. – Bucuresti: Editura Univers Enciclopedic, 2003. – P. 80.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИТУАЦИИ ЦИФРОВЫХ ВЫЗОВОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ

И. В. Сабирзянова

«Мир изменяется, не знаем каким он будет, но мы точно не будем такими как раньше» – установка, которая сегодня все активне внедряется в наше сознание средствами массовой информации, продвигается ресурсами Интернет, становится частью мировоззрения, регламентирует взаимоотношения, стиль поведения, образ жизни. Цифровая реальность, как инвариант технологического будущего, стремительно ворвавшись в нашу жизнь, все активнее ее программирует, ставя нас перед выбором

тенденций развития, рисков и перспектив будущего прогресса в свете особенностей и сущностных характеристик нынешнего постнеклассического этапа развития науки, связанного с установками постмодернизма, глобального эволюционизма, синергетики, развитием биотехнологий и сетевых коммуникаций. К сегодняшнему дню, когда искусственный интеллект скорее реальность, чем фантастика, Интернет стал мобильным, персональный компьютер помещается на ладони, а 3D принтеры позволяют послойно печатать объекты из материалов от пластика до клеток человека. Мир замер в преддверии новой цифровой революции, масштабы влияния которой на общество, человека и перспективы развития цивилизации только предстоит осознать, ибо человекомерные системы, ядром которых выступают иерархии ценностей, оказались гораздо более уязвимыми и беспомощными перед цифровыми вызовами.

Вместе с тем современная социокультурная реальность, определяемая как постмодерн, детерминируемая потребностями развития техники и технологий, преобразует и саму глубинную биосоциальную и духовную сущность человека, психологические и социальные механизмы формирования и продвижения мировоззренческих установок. Антропологические вызовы современной науки: биотехнологии, генная инженерия, информационные и нанотехнологии, виртуальная реальность способствуют развитию постчеловека, обостряя тем самым проблемы идентичности, разрушая экзистенциальные основания существования человека, его базовые ценности.

Ближайшая перспектива освобождения человека от всех проблем, связанных с биологической природой: болезни, старости, смерти, достижения реального (практического) бессмертия – не что иное, как процесс технологической эволюции и одновременного поглощения человека нынешнего облика. Человечество семимильными шагами мчится к отказу от гуманитарной парадигмы в пользу трансгуманизма, постгуманизма и датаизма. Регенеративная медицина, нейромоделирование, тканевая инженерия и 3D печать искусственных органов, методики криосохранения, искусственный интеллект и нанороботизация – все эти техники и технологии направлены на поиск путей базовых перемен в состоянии человека, но будет ли это Нечто, собственно, идентифицировано как человек?

Постмодернизм как новейшая философия, а значит – методологическая установка формирования сознания, постулирует приверженность высшим ценностям – свободе, правам человека, стремлению к толерантности, терпимости и сотрудничеству. Эволюция общественного сознания способствовала переосмыслению ценности толерантности, допускающей свободную циркуляцию в обществе различных точек зрения. В то же время, по мере ускорения темпов

глобализации, основными социально-психологическими аспектами культурной трансмиссии становятся нетерпимость, агрессия, ксенофобия, в зависимости от типа культуры: агрессивно-нетерпимая или толерантная, которые могут быть соотнесены со степенью социальной удовлетворенности.

Концептуальные изменения претерпевают сегодня и механизмы ранее традиционных парадигм управления, предполагая уход от жестких внешних сил влияния, заменяя их новыми конструктами, предполагающими взаимодействие посредством, так называемых, «мягких» механизмов управления, получивших общее наименование «механизмы влияния» или манипуляции. Предлагаемый нами концепт «управление ценностями» является производным «мягкой силы», стратегии, использующий механизмы, противоположные принуждению, осуществляемому как правило в жесткой форме, ресурсами подобной силы является все то, что является желаемым и привлекательным из широкого арсенала средств, заявленных источником соответствующего воздействия [1, с. 521–524].

Вспомним в этой связи одно из возможных определений ценности как значимости, полезности. «Глобальные цивилизационные трансформации есть вызовы ценностному каркасу общества, символически организованному уровню бытия человека, ибо мир предстоит перед человеком, не только и не столько как предмет созерцания, но, прежде всего, как условие жизни, как предмет жизненного практического отношения, и в таком случае он есть мир ценностей» [2, с. 377].

Концептуально управление ценностями определяется наличием трех основных векторов воздействия: культура – идеология – внешняя политика.

Аккумуляция механизмов силового сценария в современном мире не безгранична: человечеством накоплены огромные арсеналы уничтожения себе подобных, а идея глобальной войны, куда неизбежно будут втянуты ведущие ядерные державы, грозит полной катастрофой в планетарном масштабе. Возможным разрешением сложившейся ситуации стало формирование нового миропорядка, основанного на иных, нежели силовые, механизмах влияния через управление ценностями. Мягкая власть как управление, основанное на системе ценностей, требует гораздо меньше энергии для поддержания аппарата контроля и насилия. Нынешнее социальное бытие абсолютно иррационально и иронично. Ранее казавшиеся незыблемыми смыслы утрачивают свою сущностную составляющую. Виртуальное пространство, Интернет, цифровизация, безусловно, важнейшие технологические достижения-ценности человечества, сегодня становятся основаниями современных цивилизационных вызовов. Конструирование вызывает к жизни новые, алогичные события и явления (постановочные новостные ленты,

информационные войны, принудительная дипломатия, гибридные войны, цветные революции).

Стремительный рост виртуального пространства одновременно влечет опасности уязвимости информации (намеренному искажению, недосказанности, сокрытию значимых составляющих), формирует представления о новом виртуальном одновременно и злодее, и Робин Гуде – хакере, способном переформатировать или парализовать действительность от благополучия финансовых империй до смены правящих элит. Цифровые технологии, Интернет во много раз ускоряют социальные процессы, информация становится доступной пользователям контента в несколько кликов, а если она еще умело отредактирована и нацелена на основные витальные ценности, ответная инстинктивная цепная реакция мгновенна: хаос – страх – паника. Причем Интернет дает возможность многократного тиражирования данного состояния, так как в виртуальном пространстве хаос можно «прописать» цепью команд. А дальше остается лишь додумывать. В этом случае пользователь поставлен в ситуацию выбора, в которой выбор уже сделан за него.

Таким образом, в условиях новой реальности, цифровых вызовов цивилизации, современное социальное управление требует разработки новых философских подходов и методологического осмысления в контексте гуманитарной безопасности, ибо процесс формирования новой реальности в условиях тотальной цифровизации – явление не однозначное, становясь полноценным агентом социализации, «значимым иным», Интернет активно формирует новые системы ценностей, размывая традиционные. Скорость распространения информационных потоков приводит к ситуации тотальной цифровизации, а попадание в цифровую среду, «цифровой след» – является неизбежной реальностью нашего времени. Концепт «управление ценностями» может стать действенным механизмом понимания природы цифровых вызовов, ибо формирующаяся культура цифровой эпохи приводит в движение системы традиционных ценностей в личностном, национальном, глобальном контекстах, и будут ли они вытеснены новыми системами ценностей поколения цифровой эпохи – оценка этого процесса дело далекой перспективы, сегодня человечество с упоением отбывает свой срок, наслаждаясь технологической стороной инноваций.

Литература и источники

1. Сабирзянова, И. В. Управление ценностями как способ конструирования социальной реальности / И. В. Сабирзянова // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право: Сборник научных трудов. – Симферополь: ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», 2019. – С. 521–524.

2. Сабирзянова, И. В. Цивилизационные разломы и глобальные мировые трансформации / И. В. Сабирзянова // Управление в условиях глобальных

мировых трансформаций: экономика, политика, право: Сборник научных трудов. – Симферополь: ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», 2018. – С. 374–378.

ГРАФФИТИ КАК ПУБЛИЧНАЯ АРЕНА ПИСЬМА

А. Я. Сарна

Уже несколько лет на улицах Минска и других белорусских городов с завидным постоянством появляются все новые и новые киоски под названием «Табакерка». Их ассортимент в основном представлен табачными изделиями. Городские власти словно забыли, что еще лет десять назад они решили избавляться от торговых киосков, которые якобы нарушают эстетику улиц и их чистоту. Тогда практически все ИП свернули свою деятельность в сфере уличной торговли и теперь недоумевают, почему исключение из правил коснулось лишь табачного ритейла – вопреки культу спорта и здорового образа жизни, который всячески пропагандируется белорусскими чиновниками и СМИ.

Киоски стали подвергаться многочисленным актам вандализма – на них пишут белой краской (резко контрастирующей с темной, практически черной поверхностью) различные провокационные тексты и надписи, выполненные уличными художниками в стиле граффити, хотя и без авторской подписи. Способы письма посредством графических знаков могут быть разными, но обычно это надпись без сопровождающего рисунка, характеризующая отношение автора (райтера) к самой компании-владельцу киоска или ее продукции.

Этнографические, антропологические и фольклорные исследования заостряют внимание на важности граффити и стрит-арта как инструмента визуальной репрезентации сообщества или субкультуры, когда персональные, субъективные мотивы автора письма считаются важными лишь в той мере, в какой они способны выразить интересы группы, ее коллективного сознания и разделяемых ею ценностей [1]. И хотя райтер практически всегда заявляет о себе через персональную подпись-тег, своей надписью он не ищет какого-то конкретного адресата – его послание направлено в открытое публичное пространство в целом. Как отмечает Р. Барт, «язык здесь перестает быть особой, привилегированной областью и стремится превратиться в наглядный опознавательный знак социального обязательства. Приобщиться к такому языку, обособившемуся под напором всех тех, кто на нем не говорит, – значит выставить напоказ и подтвердить самый акт совершившегося выбора; письмо здесь превращается в своего рода подпись, которую мы ставим под коллективным заявлением, даже если не принимали никакого участия в его составлении» [2, с. 63].

Граффити позволяют осуществить маркировку объекта (нанести

надпись), идентифицировать его (присвоить имя / название) и при этом дать моральную / этическую оценку – негативную («Яд») или позитивную в качестве альтернативной позиции («ЗОЖ», «не курю»). При этом киоски начинают использоваться для выполнения несвойственных им функций – не как торговая точка, но как нагруженное дополнительными коннотациями место, которое локализовано скорее как «экран» или «дисплей», позволяющий репрезентировать общественное мнение и осуществлять мониторинг смены массовых настроений, выявляя мотивы протеста [3].

Так, изначально граффити наносились на киоски как следствие недовольства, которое испытывали горожане при продвижении властью интересов табачного монополиста в Беларуси. Авторы концепции «публичных арен» С. Хилгартнер и Ч. Л. Боск считают, что «коллективные определения социальных проблем существуют не в неком неопределенном пространстве, таком, как общество или общественное мнение, а на конкретных публичных "аренах", где проблемы формулируются и растут. Такими аренами являются исполнительная и законодательная ветви власти, суды, телефильмы, кино, средства массовой информации (телевизионные службы новостей, журналы, газеты и радио), организации, занимающиеся проведением политических кампаний, группы социального действия, сфера прямых почтовых обращений и просьб (direct mail solicitations), книги, касающиеся социальных вопросов, научные сообщества, религиозные организации, профессиональные общества и частные фонды. Именно в этих институтах происходят обсуждение, отбор, определение, формулировка, драматизация, оформление и представление общественности социальных проблем» [4, с. 78].

При этом Хилгартнер и Боск отмечают, что число ситуаций, которые потенциально могли бы трактоваться как социальные проблемы, слишком велико, в силу чего основное пространство и время для публичного представления проблем являются довольно ограниченными. В случае с «Табакерками» социальная критика, реализуемая в протестном акте письма, довольствуется весьма низкой «пропускной способностью» публичной арены (ограниченной площадью поверхности киоска), поэтому не претендует на широкое общественное внимание.

Литература и источники

1. Бажкова, Е. В. Городские граффити / Е. В. Бажкова, М. Л. Лурье, К. Э. Шумов // Современный городской фольклор. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 430–449.

2. Барт, Р. Нулевая степень письма / Р. Барт // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 50–96.

3. Народ против «Табакерок» // Onliner.by [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://realt.onliner.by/ 2020/ 02/ 08/ narod-protiv-2. – Дата доступа: 15.09. 2020.

4. Хилгартнер, С. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / С. Хилгартнер, Ч. Л. Боск // Социальная реальность. – 2008. – № 2. – С. 73–94.

ENVIRONMENT AND QUALITY OF LIFE – PAST AND PRESENT DEBATES

C. Sima

In his theories, Georgescu-Roegen approached almost all aspects constituting the object of scientific debates in his time: inerrability in the theory of demand, lexicographic ordering of preferences, utility, environment protection and so on.

In his 1954 article “Choice, Expectations and Measurability”, already classical and widely cited, the author focuses his attention on the lexicographic ordering of preferences. This enables him to prove what he calls “ordinalist fallacy” and search for the origin and implications of probabilistic preferences.

As Georgescu-Roegen was going deeper in studying neoclassical theories and relating them to the economic realities in the developed countries, he gradually understood that many researches done within the limits and in the spirit of neoclassical school were still wandering in an abstract world, being far from giving answers to many questions posed by the economic and social life.

Ecological research, lately stronger and stronger, has revealed the systemic characters of the entire world life, the close interdependence between environment and human activities, as well as the causes of some imbalances in the entire system, having negative effects on life, in general, and on human life, in particular.

On the other hand, economic research has begun to consider the ecological phenomena and analyse data and information concerning the economic-social relationship by taking into account ecological constraints to draw conclusions on the effects of such constraints on the economic-social life, including the quality of life, as well as on the effects of human action on improving the environmental conditions [4, p. 44].

Several theoreticians and practitioners of the ecological movement from developed countries point out that nature safeguarding “has two objectives: preserving the fundamental resources – air, water and soil – in the form and the proportion required for man’s well-being; to preserve the nature elements necessary for man’s development on an aesthetic, educational and scientific way” [7, p. 77].

The progress made by Romanian researchers in this area materializes also

in the idea that the quality of environment is a major component of the quality of life. The implications of the quality of environment for the quality of life worsened the economic problems related to expenditures on environment protection as against benefits. The allocation of natural resources should not only aim at maximizing the environment protection, as many ecologists often say. The allocation of resources should consider an optimum level of all effects in man's or society's interest.

Following empirical observations and studies, it is found that there are dependence relationships between the level of polluting waste diminution, on one hand, and the cost and the positive effect of pollution control and diminution, on the other hand [1, p. 97]. For example, it is proven that the evolution of the total cost of the anti-pollution measures in relation to the pollution level traces an exponential curve. The first measures to diminish the concentration of pollutants have the strongest effects; then, the additional measures taken to reduce waste, having similar favourable effects on quality of life, require more and more expenditures. At the same time, the findings show that the evolution of favourable effects on the quality of life to reach various pollution levels trace, approximately, logarithm or semi-logarithm curves. Therefore, there is a permanent requirement to determine the limit where expenditures ensure the greatest benefits as regards the quality of life.

Economically, the maximum limit to which expenditures can be made to protect the environment is the point where the total cost equals the total positive effect. A careful investigation reveals that a null difference between positive effects and cost may occur in a predictable future only if industrial technologies do not change or they develop at a lower pace than the environment deterioration [5, p. 125]. Reality proves that the progress in improving or implementing new technologies made in the last three decades are greater with regard to the pollution elimination, the use of new polluting resources or the replacement of the polluting resources with cleaner or less polluting ones. The unsatisfactory situation caused by advanced pollution in some countries or regions is determined not by the lack of technological solutions, but by the long neglecting of these major problems due to either unawareness of the extent of the phenomena and the negative effects or the scarcity of economic mechanisms to satisfy immediate interests, without considering the individual's and community's quality of life.

References

1. Amigues, J. Enjeux et limites de l'evolution des actifs naturells // Economies et Societe, Serie Developpment croissance et Progress. – 1997.

2. Badileanu, M. Economia protectiei mediului inconjurator. – Bucuresti, 2002.

3. Bulearca, M. Teoria pieţelor şi utilizarea eficientă a resurselor natural // Fluxuri şi pieţe internaţionale de materii prime şi energie. – 1995. – № 10–11.

4. Constantinescu, N. Economia protectiei mediului inconjurator. – Bucharest, 1976.

5. Froger, G. Elements pour une theorie institutionnaliste des resources naturelles revisites // Economies et Societe. – 1997.

6. Mc Kelvy, V. Mineral Resource Estimates and Public Policy // American Scientist. – 1972. – Vol. 60.

7. Malenbaum, M. World Resources for the Year 2000 // The Annals of the American Academy of Political and Social Science.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Смолик

Выход культурологии в сферу экспертной деятельности представляется закономерным этапом институциализации науки, формой профессиональной деятельности культуролога и способом практической реализации культурологического знания. Увеличение роли экспертного знания процессов социодинамики культуры, как полагают представители социально-гуманитарных наук, обусловлено нарастанием диверсификации сфер культурной деятельности, а также «оповседневниванием» специального знания [1].

Культурологическое знание, хотя и представляет собой разновидность гуманитарного знания, функционирует особым образом. Если теоретическая наука, в идеале нацелена на выработку новых знаний, на обновление методологического и аналитического инструментария, то культурологическое знание оперирует проверенными методиками и обращается к уже завоевавшим авторитет подходам и системам аргументации.

В рамках культурологической экспертизы, по мнению российского культуролога Г. Л. Тульчинского, возможно реализация исследований не просто отдельного фрагмента реальной действительности, но и анализ культурного пространства в целом. И, помимо теоретического осмысления фундаментальных культурологических проблем, сегодня выявляется необходимость в разработке специальных проектов прикладного характера, направленных на решение конкретных задач [1].

Нами под культурологической экспертизой понимается, во-первых, сам факт участия культурологов (т. е. специалистов, обладающих соответствующей академической квалификацией) в различных видах экспертиз; во-вторых, привлечение концептуального аппарата культурологии для создания экспертного инструментария (методик и приемов) в традиционных и новаторских видах экспертизы; в-третьих, экспертная практика, которая своим предметом или контекстом полагает культуру, понятую в широком смысле (как коллективный опыт, как мир ценностей и смыслов, как сложную реальность, пронизанную

нелинейными взаимосвязями между различными сферами человеческой жизни) или в узком (как «отрасль», регулируемую культурной политикой).

По нашему мнению культуролог способен участвовать в таких видах экспертно-аналитической деятельности, как:

– экспертиза культурных ценностей, включая весь спектр проблем, связанных с их созданием, хранением, распространением, тиражированием, функционированием в системе учреждений и организаций культуры, арт-рынка и его отдельных сегментов;

– экспертиза культурно-образовательных, научно-исследовательских и культурно-просветительских проектов, реализуемых в социокультурной сфере;

– социокультурная экспертиза широкой проблемной зоны (сферы культуры, науки, образования, здравоохранения, коммуникаций, экологии и т. д.) и экспертный анализ программ социокультурного развития и комплексных инновационных проектов;

– экспертиза, теоретического моделирования и прогнозирования культурного развития, основных векторов и перспектив динамики процессов и явлений культуры, эффективности критериев и принципов коммуникативного взаимодействия между различными социальными субъектами, осуществляющими культуротворческую деятельность;

– профессиональная аттестация работников сферы культуры, образования, науки; государственных служащих, занимающихся вопросами регулирования сферы культуры на разных уровнях власти;

– экспертиза образовательных и научно-исследовательских программ и других видов учебно-методической продукции по профилю научной специальности эксперта;

– разработка экспертных оценок в фирмах и консалтинговых компаниях, общественных и государственных организациях социокультурной сферы.

На наш взгляд, независимо от целей и вида экспертизы основными принципами, предъявляемыми к результатам экспертной деятельности культуролога, выступают: профессиональная компетентность, научная объективность, независимость от заказчика.

Повышению значения экспертно-аналитической деятельности культурологов способствуют социокультурные изменения, демократизация общественной жизни, формирование системы государственно-общественного регулирования в сфере культуры.

На сегодняшний день было бы преувеличением говорить о сложившейся практике культурологической экспертизы и об устойчивой привычке обращения к культурологам за экспертным заключением. Тем не менее, белорусские культурологи уже имеют определенный опыт в этой области. Так, в рамках культурологической экспертизы ими реализованы ряд исследований не просто отдельного фрагмента реальной социально-

культурной действительности, но анализу подвергались ряд масштабных культурных пространств в целом. В конце 1990 – начале XXI в. отечественные культурологи провели масштабное исследование социодинамики культуры постчернобыльского региона, включающего 27 городов и 3220 населенных пунктов, в которых проживало 840 951 человек [2].

Экспертная группа из высококвалифицированных культурологов страны на протяжение 2016–2017 гг. анализировала состояние дел в сфере культуры по разным ее структурным и функциональным составляющим. По результатам исследования Министерству культуры была представлена программное экспертное заключение о состоянии и перспективах развития культуры в Беларуси. Помимо него в Белорусском университете культуры и искусств была проведена научно-практическая конференция, на которой обсуждались аспекты итогов деятельности экспертной группы, в СМИ опубликованы статьи по частным вопросам эффективности культурной политики.

Культурологами страны проведены экспертизы культурного потенциала Минска и Полоцка. По итогам исследования разработаны соответствующие практические рекомендации местным органам власти, общественность получила возможность ознакомиться с предложениями экспертов через публикации в СМИ [3, 4].

Объектом культурологической экспертизы являются артефакты нематериального культурного наследия белорусского народа и использования его в процессе формирования самосознания и культурной идентичности личности [5].

Суммируя вышеизложенное можно утверждать, что в Беларуси имеется определенный опыт участия культурологов в экспертной деятельности, расширяется поле социальных практик, в которых востребовано исследование, опирающееся на культурологическое знание. Вместе с тем необходимо признать, что для экспертизы с привлечением культурологического знания в Беларуси пока нет специально подготовленных специалистов. Из этого вытекает насущная потребность специальной подготовки вузами культурологического профиля кадров по специальности культурологическая экспертиза.

Литература и источники

1. Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография. – СПб.: Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2011. – 508 с.

2. Кухто, Л. К. Социокультурная характеристика субъектов постчернобыльского социума / Л. К. Кухто // Правовая культура и социально-экономическое развитие общества Беларуси в историческом процессе: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 ноября 2002 г. / Бел. ин-т правоведения. – Минск: НО ООО «БИП-С», 2002. – С. 16–18.

3. Джумантаева, Т. А. Музеефікацыя культурнай прасторы Полацка: традыцыі і навацыі: аўтарэф. дыс. … канд. культуралогіі: 24.00.03 / Т. А. Джумантаева // Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск, 2001. – 24 с.

4. Соколова, О. М. Теоретико-методологические подходы к изучению города как объекту культурологического исследования / О. М. Соколова // Искусство и культура. – 2017. – № 1 (25). – С. 60–66.

5. Канановіч, С. К. Праблемы атрыбуцыі аб'ектаў духоўнай спадчыны ў свеце сучаснай культуралогіі / С. К. Канановіч // Роднае слова. – 2010. – № 1. – С. 100–105.

ТЕХНОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЯХ: СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ, ЧАТ-БОТЫ, БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ

Т. М. Смоликова

Исследования применения интернет-технологий и искусственного интеллекта в политических коммуникациях в отечественной науке находится в начале пути. Сегодня технологии получают все большее признание в мире в качестве эффективного канала политических коммуникаций. Среди наиболее востребованных технологий выделяют социальные сети, чат-боты и блокчейн-технологии.

Социальные сети можно определить как совокупность людей или деловых партнеров, которые взаимодействуют на основе общих интересов, где взаимодействия поддерживаются технологиями и руководствуются определенными протоколами и нормами. Сегодня в мире более 3 млрд. человек зарегистрированы в социальных сетях [1]. Это говорит о том, что социальные сети делают общество более открытым и демократизированным. Они не только предоставляют пространство (место) для обсуждения, но также способствуют построению социального порядка, в том числе через индивидуализированность пользовательского статуса. Чем выше уровень взаимодействия пользователей в социальных сетях, тем более тесные межличностные отношения могут быть достигнуты.

Специалисты утверждают, что для создания и поддержания социальных связей с целевыми группами индивид должен иметь привязанность к семье, приверженность социальным нормам и институтам, заниматься какой-либо деятельностью и быть адаптированным к общепринятым рекомендациям, одобренными социальной группой, в которою он входит. Кроме этого, человек тесно привязан к другим членам общества, он склонен верить в общие моральные ценности общества. Приверженность связана с амбициозной целью, которую человек стремится достичь, например, с высоким уровнем образования и положительной репутацией [2].

Пользователи социальных сетей склонны тратить огромное количество времени и усилий на достижение определенных целей или конечного статуса, к которому они стремятся. Вовлеченность подразумевает фактическое участие человека; чем больше социально одобряемыми видами деятельности занимается человек, тем больше положительных реакций (откликов) получают его друзья и коллеги.

Активность пользователей в социальных сетях способствует росту самого онлайн-сообщества. Здесь индивид идентифицирует себя как член обычного общества, контролирует процесс восприятия себя в группе и реагирует на ожидания других пользователей.

Таким образом, социальные связи укрепляют близость между пользователями и могут оказывать влияние на пользователей через осознание важности какой-либо информации, например, в общественно-политических мероприятиях и профессиональных сообществах.

Все больше пользователей используют социальные сети для участия в политических дискуссиях или мероприятиях. Выборы 2020 года в Республике Беларусь показали роль социальных медиа в инициировании или поддержки народных движений и протестов. Тем не менее, социальные сети представляют угрозу конфиденциальности, используются авторитарными режимами для мониторинга, наблюдения и подавления; их связывают с усилением политической поляризации и идеологическим экстремизмом.

Социальные сети имеют постоянно растущее влияние на общественную и политическую жизнь и влияние этой информационной технологии достаточно разнообразно: механизмы передачи информации, охват аудитории, качество и правдивость сообщений в значительной степени не урегулированы.

В свою очередь социальные сети отличаются разнообразием и влиятельностью, претерпевая частые модификации и трансформации. Например, эмоции, передаваемые пользователям социальных сетей, могут косвенно влиять на настроение членов их сетей, а поведение меньшего количества положительных или отрицательных эмоциональных сообщений в новостных лентах может изменить поведение участников сети в направлении более отрицательных или положительных постов соответственно [3].

В политических коммуникациях наше собственное настроение, выполнение задач и оценки лидерской харизмы подкрепляются положительным настроением лидеров. Поэтому, то как лидеры, дебаты и настроения общества описываются в СМИ, может иметь «заразительный» эффект на суждения руководства, особенно если источники новостей остаются пристрастными и преследуют цель активизации к действиям.

Манипулирование сознания пользователей в социальных сетях может осуществляется и с помощью искусственного интеллекта, на основе

которого разработаны чат-боты и блокчейн-технологии.

В политических коммуникациях активно используют социальные боты – контролируемые программы, оказывающие онлайн-манипуляции. С годами боты стали более изощренными и в некоторой степени способными имитировать краткосрочное поведение пользователей в социальных сетях.

Социальные боты, используемые в политических коммуникациях это суррогаты-помощники, основанные на автоматических алгоритмах. Их используют с целью охвата всех учетных записей и анализа поведения пользователей, а также для дальнейшего осуществления контроля за аудиторией. Кроме этого, социальные боты способны решать следующие задачи: собирать и ретранслировать новости из различных источников, оказывать автоматическую помощь клиентам, регулировать взаимодействия, манипулировать общественным мнением / настроением, настраивать рекламу, запускать вирусный маркетинг с измеримым эффектом.

По типологии социальные боты можно разделить на вредоносные, нейтральные и доброкачественные [4]. В политических избирательных кампаниях они используются для информационных войн, пропаганды проправительственных лозунгов, конструирования ложных лидерских мнений.

Однако, основной проблемой в политических коммуникациях является достоверность информации и эффективность ее применения. Все государства понимают высокий уровень влияние социальных сетей на общественные настроения, где скорость развития технологий превосходит скорость развития политических процессов.

К такой технологии можно отнести технологию блокчейн (blockchein), благодаря которой можно решить любой вопрос без посредников. Данную технологию специалисты приравнивают к революционной. Технология ведения учета может перенастроить власть вдали от национальных государств и традиционных элит и перераспределить ее. То есть блокчейн-технология способна изменить конфигурацию власти, установить контроль над монополией государства, на ведение публичной документации. Главное – блокчейн-технология направлена на решение фундаментальных проблем доверия.

Таким образом, технологии в политических коммуникациях социальные сети, чат-боты и блокчейн-технологии расширяют уровень информированности пользователей, ведут к общей эволюции сознания общества, позволяют анализировать, фильтровать и контролировать информационные потоки. Совершенствование технологий в политических коммуникациях направлено на новый уровень эволюции политической деятельности, прозрачности; когда каждый голос будет зафиксирован и значим, ведь его будет контролировать искусственный интеллект, свободный от политического влияния и предпочтений.

Литература и источники

1. Сеидов, У. Будущее инновационное развитие государства / У. Сеидов // Geopolitika.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.geopolitica.ru/ article/ blokcheyn-pravitelstvo. – Дата доступа: 22.08.2020.

2. Тишлер, Х. Л. Введение в социологию / Х. Л. Тишлер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.by/ books?hl =ru&lr =&id =kcIWA AAAQ BAJ&oi =fnd&pg =PR5&ots =dYtguda _Kd&sig =AtDPk M3Qxrv 6rA68Y1 At5wAqh eQ&redir _esc=y #v=one page&q &f=false. – Дата доступа: 21.08.2020.

3. Coviello, L. Detecting Emotional contagion in Massive Social Networks / L. Coviello, Y. Sohn, A. Cramer // Plos One [Electronic resource]. – Mode of access: https://journals.plos.org/ plosone/ article?id=10.1371/ journal.pone.0090315. – Date of access: 23.08.2020.

4. Василькова, В. В. Социальные боты в политической коммуникации / В. В. Василькова, Н. И. Легостаева // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.frontiersin.org/ articles/ 10.3389/ fphy.2020.00125/ full. – Дата доступа: 23.08.2020.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Д. А. Смоляков

С точки зрения исторического развития мировой цивилизации Европа по праву считается родиной университетской культуры, в лоне которой силами Доминиканского ордена в XII в. был создан первый университет. В основу исследований и обучения там был положен диспут, необходимый для эффективной подготовки проповедников, которые должны были дискутировать с представителями других религий. Соответственно схоластика, возвысившая текстуальные источники над поверьями и слухами, стала основой для университетского образования.

Средневековое единство языка и общность университетской культуры в научной литературе воспринимается естественным пространством средневекового высшего образования, универсального пространства академического взаимодействия, построенного вне национальных рамок [1; 2; 3]. Современная ситуация глобализма также часто осмысляется в этих универсальных рамках, где место латыни занял английский.

Автономность университетов того времени проистекала из организующей автономности религии, стоящей над локальными повестками политических элит. В некотором роде универсальность образовательного пространства: студентов, преподавателей, учебников, идей и методов того времени была возможна лишь в контексте конфессионального единства католицизма [1, с. 3–18], разрушение

которого привело к появлению национальных университетов. Теоретик интернационализации высшего образования Х. де Вит замечает, что большинство европейских университетов зародилось в конце XVIII-го и XIX-м вв., в условиях национального строительства [1, с. 3–18]. Параллельно с возникновением европейских наций университеты теряли свою универсальную идентичность, рожденную в лоне религиозной общности [3, с. 44]. Это время не только бурного национального строительства в Европе, но и перехода высшего образования с подготовки преимущественно религиозной иерархии, к подготовке государственных служащих.

Погружение в национальные контексты в Европе ознаменовалось возвышением империализма, преодолевавшего узкие национальные рамки за счет глобальной экспансии. Исторический период между двумя мировыми войнами важно понимать не в контексте гуманитарной составляющей нового мирового порядка, созданного под эгидой Лиги Наций, но отражением новой колониальной системы, где Первая Мировая война интерпретируется в традиционном колониальном ключе, как конфликт между европейскими коалициями за обладание заморскими колониями. Завершение конфликта ознаменовало собой закрепление статуса колониальных империй, насильственное урегулирование колониальных притязаний между европейскими нациями.

Гуманитарные инициативы того времени стоит воспринимать в экономическом, а не просветительском ключе. В условиях сильной колониальной власти и европейской технологической мощи европейские страны не испытывали большой необходимости в общеевропейском академическом сотрудничестве, пусть и нельзя исключать его ограниченного существования в рамках университетской культуры. В эпоху колониализма речь скорее идет о внутренних международных процессах – инкорпорации колоний в тело метрополии, национальное сливание заморских владений с континентальной территорией. Имела место скорее внутренняя интернационализация, выражавшаяся в универсализации функционирования различных языков и народов в границах конкретной империи. В условиях столь глубокой концентрации на собственных границах, имея ресурсы и необходимость проводить внутринациональную интеграцию, европейские страны не имели необходимости в межнациональной интеграции.

В ходе Холодной войны, между 1950 и 1970 гг., империалистическая система мира пришла к своему окончательному упадку. Европа ощутила беспомощность от неспособности удержать заморские территории. В этом контексте истоки современной европейской интеграции стоит искать не в ужасах Второй Мировой войны, но в ее разрушительных для мирового колониализма последствиях.

В столь сложных условиях немаловажную роль в европейский

идентичности отыгрывала Холодная война: культурное и политическое доминирование США и СССР в Европе. В европейской научной литературе распространено мнение, что укрепление Европейского сообщества происходило как раз в контексте блоковых противоречий и глобальной конкуренции капиталистической и социалистической идеологий. В этом глобальном противостоянии европейские государства ощутили обескураживающий страх превратиться в объект употребления чужой воли. Именно этот страх во многом стал основой европейской интернационализации высшего образования, которая проходила скорее под прессингом национальных правительств, нежели исходила из интенций академической среды [4, с. 50]. С этой точки зрения, интернационализация высшего образования в Европе представляется скорее политическим, а не сугубо гуманитарным феноменом.

Восточная Европа в еще большей степени ощущала свою незащищенность перед внешним миром, испытав всю легкость, с которой сильное и процветающее государство может быть завоевано другим государством, подчинено его воли, на десятилетия лишено самостоятельности. Без Восточной Европы все ранние европейские программы интернационализации были бы нерешительными инициативами, на фоне более богатых и успешных самостоятельных проектов западноевропейских государств. Ситуация коренным образом изменилась после падения «железного занавеса», когда возник новый импульс к общеевропейской интеграции, понятой как реинтеграция – возвращение европейским государствам их европейской идентичности, что и было кодифицировано в рамках Маастрихтского договора 1992 г.

В целях интеграции на пространстве Европы профинансирован ряд успешных программ международного академического сотрудничества, венцом которых стал Эразмус+. Без интеграционных вызовов, стоящих перед Западными и Восточными странами Европы европейские академические программы так бы и остались уделом немногих идеалистов, мыслящих в категориях «Западной» или «Европейской» цивилизации [5]. Двусторонний обмен, уступил место общеевропейской интеграции, что через 20 лет стало культурным феноменом, именуемым «феноменом Эразмус» [6].

Таким образом, интернационализация высшего образования обязана своему появлению особых политических условий, обеспечивших запрос на интеграционную активность. Высшее образование оказалось эффективным инструментом для сближения некогда политически и культурно далеких государств, предложив платформу для национально-политического сближения. Целью развития этих процессов было объединение в рамках интеграции имеющихся ресурсов, что благотворно бы отразилось на росте устойчивости отдельных стран, в особенности с точки зрения сохранения национальной самостоятельности.

Литература и источники

1. De Wit, H. Internationalization of higher education in the United States of America and Europe: a historical, comparative, and conceptual analysis / H. De Wit. – Westport: Greenwood press, 2002.

2. Knight, J. Higher. Education in Turmoil: The Changing World of Internationalization / J. Higher Knight. – Rotterdam: Sense Publishers, 2008.

3. De Wit H., Merkx G. The history of internationalisation of higher education / Deardorff D., de Wit H., Heyl J., Adams T. (Eds.) // The SAGE Handbook of International Higher Education. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2012. – P. 43–60.

4. Kerr, C. Higher education cannot escape history: Issues for the twenty-first century / C. Kerr. – Albany: State University of New York Press, 1994.

5. Blitz, B. K. From Monnet to Delors: Educational Cooperation in the European Union // Contemporary European History. – 2003. – Iss. 2. – P. 197–212.

6. Feyen, B. The ERASMUS Phenomenon – Symbol of a New European Generation? / B. Feyen, E. Krzaklewska. – Peter Lang AG, 2013.

РЭЛІГІЯЗНАЎЧЫЯ АСПЕКТЫ ГУМАНІТАРНАЙ ГАЛІНЫ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ БЯСПЕКІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

В. У. Старасценка

Паняцце гуманітарнай бяспекі шырока, уключае ў свой змест жыццёва важныя інтарэсы ў такіх галінах, як здароўе нацыі, грамадская мараль, гісторыка-культурная спадчына, адукацыя, навука, сацыяльныя, палітычныя, дэмаграфічныя, этнакультурныя і канфесійныя працэсы, і інш. Сярод афіцыйных дакументаў, дзе значнае месца надаецца абароне інтарэсаў асобы, грамадства і дзяржавы ў гуманітарнай галіне, вылучаецца Канцэпцыя нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь. У шэрагу асноўных прыярытэтаў у палітычнай і сацыяльнай сферах яна разглядае «устойлівае развіццё дэмакратычнай, прававой, сацыяльна адказнай дзяржавы», «забеспячэнне гарманічнага развіцця міжнацыянальных і міжканфесійных адносін» і «захаванне канстытуцыйных правоў і свабод чалавека». У частцы асноўных пагроз Канцэпцыя вылучае, у прыватнасці, праявы рэлігійнага экстрэмізму, распаўсюджванне ідэалогіі рэлігійнай нецярпімасці, «функцыянаванне сектанцкіх і псеўдарэлігійных груп». Удасканаленне дзяржаўнай палітыкі ў галіне міжнацыянальных і міжканфесійных адносін бачыцца, у тым ліку, і ў «выхаванні павагі да іншых нацыянальнасцей, рэлігій і культур, спыненні любых спроб распальвання нацыянальнай і рэлігійнай варожасці» [1].

Гэта ўзгадняецца з базавымі каштоўнасцямі грамадскага жыцця, замацаванымі ў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь. Артыкул 2 Асноўнага закона краіны падкрэслівае гуманістычны характар канстытуцыйна-

прававых каштоўнасцей Беларусі: «Чалавек, яго правы, свабоды і гарантыі іх рэалізацыі з'яўляюцца найвышэйшай каштоўнасцю і мэтай грамадства і дзяржавы». Асаблівую ролю ў сістэме рэгулявання правоў і свабод грамадзян у рэлігійнай сферы адыгрывае свабода сумлення, вызначаная Канстытуцыяй (артыкул 31) як права кожнага «самастойна вызначаць свае адносіны да рэлігіі, аднаасобна або сумесна з іншымі вызнаваць любую рэлігію або не вызнаваць ніякай, выказваць і распаўсюджваць перакананні, звязаныя з адносінамі да рэлігіі…».

Паступальнае фарміраванне свабоды сумлення як значнай каштоўнасці грамадскага жыцця ў XX ст. было вельмі цесна звязана з працэсам агульнаеўрапейскай секулярызацыі грамадскай свядомасці і сацыяльных інстытутаў, вызвалення іх ад рэлігійна-царкоўнага кантролю ў мірскіх справах. Сацыяльна-палітычным прадуктам еўрапейскай секулярызацыі з'яўляецца зніжэнне рэальнай рэлігійнасці насельніцтва і ўплыву рэлігійных арганізацый, развіццё інстытута свецкіх дзяржаў. Постсавецкая прастора, асабліва пачатку 1990-х гг., у рэлігійным плане дэманстравала больш складаную сітуацыю суіснавання секулярнай традыцыі і клерыкалізацыі – «рэлігійна-царкоўнага рэнесансу», што быў выкліканы працэсамі ідэйнай трансфармацыі соцыума [2, с. 319–346; 3, с. 37–65]. Гэта абумоўлівае асаблівую значнасць аналізу як айчыннага, так і замежнага вопыту ў галіне дзяржаўна-канфесійных адносін і рэалізацыі правоў грамадзян на свабоду сумлення.

Паўнавартасная рэалізацыя свабоды сумлення як неад'емнага кампанента сістэмы забеспячэння правоў і свабод чалавека магчыма, па сутнасці, толькі ў палітыка-прававых умовах свецкай дзяржавы.

У якасці найважнейшых можна вылучыць наступныя атрыбуты практыкі функцыянавання развітай свецкай дзяржаўнасці:

– роўнасць у грамадскіх правах і роўнасць грамадзян перад законам незалежна ад іх адносінаў да рэлігіі;

– стаўленне дзяржавы да рэлігіі як прыватнай справы грамадзян;

– адсутнасць прымусу, пераваг альбо абмежаванняў у сувязі з канфесійнай прыналежнасцю, і ў цэлым з адносінамі да рэлігіі;

– аддзяленне рэлігійных арганізацый ад дзяржавы;

– роўнасць рэлігійных арганізацый і веравызнанняў перад законам;

– заемнае неўмяшанне рэлігійных арганізацый і дзяржавы ў сферы іх суверэннай кампетэнцыі;

– забарона на ўстанаўленне рэлігійнай або атэістычнай ідэалогіі ў якасці абавязковай для грамадзян;

– ажыццяўленне светапоглядна нейтральнай дзяржаўнай палітыкі ў дачыненні да рэлігійнага або атэістычнага самавызначэння грамадзян, якая не вызначаецца ідэямі рэлігійнага або атэістычнага характару;

– дзяржава кіруецца пэўнай сістэмай маральных каштоўнасцяў, агульных для грамадзян, якія прытрымліваюцца розных рэлігійна-

светапоглядных перакананняў;

– прадстаўнікі дзяржавы пры выкананні сваіх службовых абавязкаў займаюць нейтральную рэлігійна-светапоглядную пазіцыю;

– рэалізацыя свецкага характару дзяржаўнай сістэмы адукацыі пры адначасовым забеспячэнні правоў рэлігійных арганізацый ствараць канфесійныя навучальныя ўстановы;

– забеспячэнне грамадскай практыкі талерантнасці ў дачыненні да рэлігійнага і нерэлігійнага светапогляду.

Перадумовы для фарміравання сучаснай свецкай дзяржавы ў Беларусі былі створаны ва ўмовах ідэйнай трансфармацыі постсавецкага грамадства пачатку 1990-х гг., калі дзяржава адмовілася ад афіцыйнай ідэалогіі атэізму, спыніла ранейшую практыку адміністравання ў канфесійнай сферы, гарантавала грамадзянам шырокую веравызнаўчую свабоду. Захаванне свецкасці застаецца актуальнай задачай і ў наступнай гісторыі беларускай дзяржаўнасці, калі назіраецца працэс трансфармацыі сепарацыйнай мадэлі дзяржаўна-канфесійных адносін у кааперацыйную. Важна ўлічваць, што сярод сучасных тэндэнцый грамадскай свядомасці прысутнічаюць прапановы клерыкалізацыі культурнага жыцця, выхавання, сістэмы дзяржаўнай адукацыі, сацыяльных і палітычных інстытутаў. Негатыўную ролю адыгрывае ангажаванасць шэрагу сродкаў масавай інфармацыі пры асвятленні канфесійных працэсаў. Клерыкальнай ідэалогіі і практыцы супрацьстаяць уяўленні аб секулярнай дзяржаве як найбольш аптымальнай і плённай форме функцыянавання грамадства.

Значнай пагрозай бяспекі ў гуманітарнай галіне з'яўляецца дэструктыўная рэлігійная дзейнасць. Паколькі дэструктыўныя тэндэнцыі могуць выяўляцца пры функцыянаванні розных канфесій, не выключаючы і «традыцыйныя», спроба звязваць магчымую дэструктыўнасць толькі з пэўным тыпам рэлігій пагражае сур'ёзным недаглядам у ажыццяўленні дзяржаўна-канфесійнай палітыкі. Формы дэструктыўнасці могуць быць розныя: абсалютызацыя сваёй рэлігійнай канцэпцыі і давядзенне яе да варожасці да іншых рэлігій і іншадумцаў; правакаванне міжканфесійнай і міжэтнічнай нязгоды, клерыкальнае ўмяшальніцтва ў сфэру дзяржаўнага і свецкага грамадскага жыцця, і інш. Клерыкалізацыя ўяўляе небяспеку для нацыянальнай бяспекі, паколькі спрыяе росту супярэчнасцей паміж вернікамі і няверуючымі, стварае спрыяльнае асяроддзе для экстрэмізму, светапогляднай нецярпімасці.

Навукова арыентаваная дзяржаўная ідэалогія і палітыка ў канфесійнай сферы павінна ўлічваць разнастайнасць культурнай спадчыны Беларусі, у тым ліку наяўныя рэлігійныя традыцыі, але засноўвацца не на канфесійных памкненнях тых ці іншых сацыяльных груп, а на канстытуцыйным прынцыпе свабоды сумлення ў інтарэсах усяго народа Беларусі, усіх грамадзян незалежна ад іх адносін да рэлігіі. Толькі ў гэтым выпадку вырашаецца задача фарміравання сталай свецкасці,

агульнаграмадзянскай свядомасці, што з'яўляецца неад'емным фактарам і ўмовай прагрэсіўнага паступальнага развіцця і забеспячэння нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь.

Літаратура і крыніцы

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь // Комитет государственной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kgb.by/ ru/ ukaz575/. – Дата доступа: 08.09.2020.

2. Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека / О. А. Павловская [и др.] // Под ред. О. А. Павловской; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 451 с.

3. Старостенко, В. В. Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории: монография / В. В. Старостенко. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – 272 с.

КУЛЬТУРА КАК МЕХАНИЗМ СТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИУМА

В. К. Степанюк

Одним из аспектов многофакторного синергетического процесса глобализации является культурная глобализация. Она представляет собой процесс нарастания взаимосвязи и взаимодействия культур, протекающий во всемирном масштабе. Процессы глобализации порождают проблемы, которые подрывают исторически сложившиеся национально-культурные традиции, вносят свои коррективы в национально-культурную самобытность.

Культура как система представляет собой сложную противоречивую целостность, развивающуюся нелинейно. Ее саморазвитие поддерживается на основе изменчивости и устойчивости своих подсистем и элементов.

Подобно другим системам, культура обладает свойствами корпоративных взаимодействий. Система саморегулирует процесс своего развития, направляя его в русло достижения состояния стабильности и целостности культуры. Особая роль в достижении целостности культуры принадлежит человеку. Благодаря его жизнедеятельной активности, направленной на осмысление своих потребностей и интересов, разработку технологий для их удовлетворения, закрепление образцов деятельности в нормах, правилах, ценностных ориентациях, происходит упорядоченное взаимодействие людей.

Развитие культуры как системы отличается относительной автономностью. Поскольку процессы саморегуляции усиливают нелинейность ее развития, целостность каждой культуры является уникальной. Однако культура представляет собой сложную систему. Ее состояние и развитие зависит не только от собственных контекстов, но и от

внешних связей. Согласно концепции П. Сорокина, культурная система имеет собственную логику функционирования и изменения, которые являются результатом не только внешних условий, но и обусловлены самой ее природой и отношениями между частями. Этим не отрицается влияние внешних обстоятельств и возможность действия катастрофических случайностей, но один из самых главных «детерминантов» любой системы лежит внутри нее самой. Любая культура, по мнению П. Сорокина, является автономным, саморегулирующимся, самоуправляемым, сбалансированным единством [1].

Динамика социальных и культурных изменений является основополагающей формой бытия человека. Культура и социум представляют собой масштабные суперсистемы. Они взаимодополняют друг друга, но не являются тождественными. Доминантой культуры выступает творческая деятельность людей, в отличие от социального она обладает большей степенью свободы. В культуре преобладает творческое личное начало. Социальное уравновешивает целостность через сознательную, ценностно-ориентированную деятельность.

В динамике взаимодействия этих двух суперсистем порождается социокультурная реальность. Она представляет собой упорядоченное, наделенное смыслом пространство – мир бытия человека. Социокультурная среда не только аккумулирует в себе веками накапливаемое интеллектуально-творческое достояние человечества, но и является хранителем его духовного опыта. Поступки человека, его отношение к окружающему миру регулируются средствами культуры, благодаря которой формируется своеобразный кодекс «позволений и запретов», определяющих осуществление созидательной деятельности. Вследствие воздействий социокультурной среды у каждого человека формируется некая заданность мышления. Деятельность предшествующих поколений в виде традиций, опыта, накопленного духовного потенциала накладывается на индивидуальное мышление, составляя его универсальный слой.

Социокультурная среда формирует духовный облик человека, круг его привязанностей и интересов, строй мыслей и чувств. Чем многообразнее социокультурная среда, тем интенсивнее протекает духовная жизнь человека. Человек, являющийся одновременно творцом и творением социокультурной среды, призван в своей деятельности не нарушать ее целостность, привносить в нее все новые черты и свойства.

«Утрата целостности культуры, – отмечает О. Н. Астафьева, – приводит человечество к фазе неустойчивости – фазе хаоса, и это свидетельствует об активном участии культуры в производстве разного уровня и разного рода рисков (техногенный и экологический кризис, утрата духовности и т. д.). Хотя развитие культуры в определенной

степени инициирует их проявление в социуме, одновременно именно культура выступает и основным механизмом ограничения пространственно-временного распространения рисков. Это позволяет поддерживать социокультурные процессы в режиме динамического равновесия» [2, с. 130].

В условиях радикальных перемен проблема выбора социокультурного вектора развития становится для многих государств и народов решающей. При этом сам тип этого выбора диктуется не только сегодняшними реалиями, интересами отдельных личностей или социальных групп, но и в огромной степени теми традиционными способами принятия решения, которые сложились у каждого народа в результате его исторического развития и которые составляют его социокультурный код.

На макромасштабных и микромасштабных исторических отрезках времени для культурного развития характерны неравновесности, то есть такие состояния культуры, когда в ней существуют различные полюса противоречий и разнонаправленных тенденций. Они являются источником изменений как внутри, так и вне системы. «Вместе с тем рациональное осмысление людьми сложившихся противоречий и стремление разрешить их приводит к тому, что спонтанные процессы самоорганизации дополняются регуляторами рационально-управленческого плана: законами и правовыми санкциями, моральными запретами и публичным осуждением, материальными мерами и силовым принуждением. В этом случае рационально-управленческий фактор способен регулировать отдельные узлы и сегменты самоорганизации культурной практики, вносить в самоорганизацию инновационные компоненты» [3, с. 124].

В настоящее время современное общество оказалось перед сложнейшим социальным выбором. На данном этапе эволюции культуры человек – это во многом ценностно и идеологически дезориентированное существо, легко поддающееся манипулированию, склонное к принятию новых догм, нередко озлобленное и агрессивное. Это «человек-масса», способный к немотивированным акциям, вынужденный в атмосфере неопределенности принимать рискованные решения.

Достижение и сохранение устойчивого развития общества требует от различных субъектов постоянных усилий. Ошибочные человеческие действия, бессмысленная приверженность устаревшим нормам поведения, неадекватные состоянию общества и тенденциям его изменения цели, непригодные для реализации намерений средства – все это порождает социальные флуктуации, расшатывающие устои общества. Достигая пороговых значений, они заканчиваются антропологическими катастрофами.

Но человеческий интеллект все же способен противостоять наступающему хаосу. Культура содержит механизм стабилизации

социума. Важнейшая задача, которую надо решить, чтобы обеспечить устойчивое развитие общества, состоит в контроле над энтропийными социальными процессами, переводе хаотических действий субъектов и беспорядочной динамики социальных институтов в конструктивное русло. Центральная роль при этом отводится гуманистическим ценностям, которые должны быть регулятивами индивидуальных и массовых действий людей, нацеливая их на определенные идеалы и нормы и внося тем самым порядок в процесс функционирования и развития общества.

Литература и источники

1. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика / П. Сорокин. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.

2. Астафьева, О. Н. Культура как целостность: соотношение изменчивости и устойчивости / О. Н. Астафьева // Синергетика, философия, культура. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – С. 124–139.

3. Аванесова, Г. А. Культура как самоорганизующаяся система / Г. А. Аванесова // Синергетика, философия, культура. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – С. 118–124.

ВЫХОД НА АРЕНУ ИСТОРИИ НООСФЕРНОЙ ДИАЛЕКТИКИ

А. И. Субетто

Автор посвящает этот доклад 250-летию со дня рождения Г. В.Ф. Гегеля, несомненно величайшего философа в истории человечества, чей диалектический метод стал «душой» марксизма-ленинизма в его развитие уже на протяжении почти 170–180 лет.

Эпоху, которую мы переживаем, автор называет Эпохой Великого Эволюционного Перелома, потому что первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы, возникшая по рубеже 80-х – 90-х годов, поставила Экологический Предел не только Стихийной парадигме исторического развития, но и самой Социальной Автономности Истории, которая могла «двигаться в будущее» автономно, только черпая ресурсы из Природы. Все возникшие системы философии истории человечества (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, П. А. Сорокин, А. Дж.Тойнби, И. Валлерстайн, Э. Тоффлер и др.), независимо от используемых когнитивных матриц познания, так или иначе раскрывали Внутреннюю Логику Социального Развития (ВЛСР).

Глобальный экологический кризис, возникший в середине XX-го века (вследствие энергетической революции в этом веке), и перешедший к концу этого века в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, – может рассматриваться как выход на Арену Истории Большой Логики Социоприродной Эволюции (БЛСЭ).

До Неолитической революции человечество было частью Природы,

воспроизводило себя, подчиняясь Природе, действию ее сил, как и все другие биологические виды. После Неолитической революции начинается социальная эволюция, или история, человечества, относительно независимая от Природы. Эта независимость нарастала по мере освоения основных источников энергии. Но до начала XX-го века история состоялась как Малоэнергетическая Стихийная История. В XX-ом веке происходит скачок в энергетическом базисе хозяйственного воздействия человечества на Природу в 10 в 7-й степени раз. Проявилась несовместимость большой энергетики хозяйственного природопотребления и стихийных регуляторов развития, потому что оно приблизилось к исчерпанию компенсаторной мощности Биосферы (закон квантитативно-компенсаторной функции Биосферы А. Л. Чижевского).

Проявился глобально-эволюционный виток гегелевского закона отрицания отрицания:

– тезис – биологическое единство человека, как биологического вида, с Биосферой;

– антитезис – социальная выделенность человека из Природы, социальная история как автономная история;

– анти-антитезис («отрицание отрицания») или синтез: возвращение человека в Природу в новом качестве, как ноосферного разума, начало новой ноосферной истории в виде управляемой социоприродной эволюции.

Эпоха Великого Эволюционного Перелома, которая охватит весь XXI век, есть ноосферно-социалистическая революция, переход к Ноосферной истории, которая будет подчиняться ноосферной диалектике развития – диалектике взаимодействия ВЛСР и БЛСЭ.

Разрешение противоречий Социо-Биосферной или Ноосферной Эволюции, в форме управляемых циклически происходящих революций, входит в ноосферную кибернетику, включающую в себя в качестве философско-методологической базы ноосферную диалектику. Но чтобы это произошло, должно произойти другое событие – «Роды Действительного – Ноосферного – Разума в лице человечества». Э. В. Гирусов писал [1, с. 25]: «Вводя понятие "ноосфера", В. И. Вернадский имел в виду прежде всего согласованность человеческой деятельности с организованностью и законами функционирования биосферы как целостной природной системы. …Появление разумного существа на планете еще не означало возможности сознательного контроля и регуляции им совокупного результата своей деятельности в глобальном масштабе. Точнее сказать, такая способность существовала лишь в потенции. Разъясняя несовпадение разума как свойства социального состояния и как результата деятельности вследствие негодной организации этой способности, К. Маркс писал: "Разум существовал всегда, только не всегда в разумной форме". Это замечание К. Маркса согласуется по

смыслу с понятием "ноосфера", которое означает достаточно полное совпадение содержания и формы разумности человеческих деяний».

Выход на арену Истории БЛСЭ и ее конфликтное противоречие с ВЛСР, представшее в форме первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, поставили на «повестку дня» XXI века переход человечества к управляемой социоприродной эволюции с одновременными «Родами» Разума в ноосферной «разумной форме», что в свою очередь означает становление ноосферной философии, опирающейся на ноосферную диалектику.

Литература и источники

1. Кибернетика и ноосфера. – М.: Наука, 1986. – 160 с.

ОБЩЕСТВО 5.0: ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ КОНЦЕПЦИИ ИНДУСТРИЯ 4.0

Т. О. Сундукова, Г. В. Ваныкина

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) приводит к радикальным изменениям в обществе и промышленности. Цифровая трансформация создаст новые ценности и станет опорой промышленной политики во многих странах. В преддверии таких глобальных тенденций Общество 5.0 было представлено в качестве основной концепции цифрового социума в плане науки и техники. Концепция впервые была определена как одна из стратегий роста для Японии, при этом Общество 5.0 рассматривается в качестве основной части стратегии инвестиций в будущее. Общество 5.0 или суперумное общество предоставляет общую социальную инфраструктуру для процветания, основанную на передовой сервисной платформе. Идея прогресса часто ассоциируется с современностью и самой социальной теорией [1; 2]. В настоящее время зарубежные исследователи перспектив цифрового развития отмечают недостаток знаний о концепции Общества 5.0. По мнению Y. Harayama [3, с. 10], можно определить Общество 1.0 как группы людей, занимающихся охотой и собирательством в гармоничном сосуществовании с природой; Общество 2.0 – как формирующие группы, основанные на сельскохозяйственном культивировании, растущей организации и национальном строительстве; Общество 3.0 – это социум, который способствует индустриализации через промышленную революцию, делая возможным массовое производство; Общество 4.0 – как информационное общество, которое реализует увеличение добавленной стоимости путем подключения нематериальных активов в виде информационных сетей. Общество 5.0 при таком подходе определяется как информационное общество, построенное на

Обществе 4.0, нацеленное на процветающее общество, ориентированное на человека.

Общество 5.0 достигает высокой степени конвергенции между киберпространством (виртуальным пространством) и физическим пространством (реальным пространством). В прошлом в информационном Обществе 4.0 люди получали доступ к облачным сервисам (базам данных) в киберпространстве через Интернет и искали, извлекали и анализировали информацию или данные. В Обществе 5.0 огромное количество информации от датчиков в физическом пространстве накапливается в киберпространстве. В киберпространстве эти большие данные анализируются искусственным интеллектом (ИИ), и результаты анализа передаются обратно людям в физическом пространстве в различных формах. В Обществе 4.0 распространенной практикой был сбор информации через сеть и ее анализ людьми, однако, в Обществе 5.0 все люди, вещи и системы связаны в киберпространстве, и оптимальные результаты, полученные ИИ, превышающие возможности человека, передаются обратно в физическое пространство. Данный процесс приносит новую ценность для промышленности и общества способами, которые ранее были невозможны.

Общество 5.0 – это одновременно система развития мирового будущего и план для широкой общественности, который в перспективе может быть реализован. Согласно японской концепции, цель Общества 5.0 состоит в том, чтобы сделать управляемое человеком общество, в котором достигается как финансовый прогресс, так и решаются задачи социальных трудностей, где люди могут оценить полностью динамичный и благоприятный высокий уровень жизни. Путь к всеобщему признанию концепции основан на сочетании интернета и физической реальности для получения качественной информации, для выработки новых моделей и ответов на вызовы детерминации.

Модель Общества 5.0 является японской концепцией развития, но она не ограничивается одной страной, поскольку ее цели эквивалентны задачам программы устойчивого развития (United Nations Development Program – UNDP). Механизмы реализации модели будут варьироваться в зависимости от национальных интересов, финансовых обстоятельств или социальной основы страны, региона. Определение мировых общественных проблем на ранней стадии будет способствовать выстраиванию концепции Общества 5.0 в сочетании с развитием механизмов решения, построением прогностических моделей и корректировкой рисков.

Инновация характеризуется как использование новых комбинаций существующих активов. По мнению исследователей, она связана с созданием или осмыслением новых предметов, новых подходов, новых ассоциативных структур или новых рынков [5]. M. E. Porter [4, с. 78] рассматривает развитие как основной источник положительных

перспектив, поскольку оно позволяет эффективно взаимодействовать с консерваторами, которые не приветствуют изменения. По мнению P. A Herbig [5, с. 148], прогресс должен стать стимулом для развития. T. M. Jorde и D. J. Teece [6, с. 87] определили требования к развитию:

– рабочая сила с технологическими навыками;

– экономические структуры, обеспечивающие автономию и предпринимательство;

– экономическая система, стимулирующая новые технологические подходы и рыночные возможности;

– быстрый доступ к венчурному капиталу;

– связь между научно-техническим сообществом,

– надежная коммуникация между пользователями и разработчиками технологии;

– гарантированная защита прав интеллектуальной собственности;

– стратегии и структуры фирм для получения прибыли на инвестиции (Return On Investment – ROI).

M. E. Porter [4, с. 76] дает другой взгляд на достижения через свою гипотетическую модель превосходства. По мнению исследователя, японская модель сделала упор на науку и математику в обучении, что помогло нации иметь опытных, обучаемых, чрезвычайно талантливых, а также сдержанных и настойчивых людей. Организации также сосредоточились на подготовке к развитию способностей, применимых к бизнесу. Местная конкуренция была повышена на том основании, что организации обменивались своими финансовыми данными, что позволяло им постоянно оценивать своих конкурентов.

Любая инновация должна рассматриваться в контексте прогресса и рисков одновременно. По мнению M. E. Porter [4, с. 84], факторами, определяющими возможные проблемы, являются сокращение рабочей силы, старение населения в мировом масштабе, рассеянное потребительское население, стареющая инфраструктура и экологические проблемы, которые будут влиять друг на друга и оказывать негативное влияние на общество.

Общество 5.0 – это предложение для человеческого и социального прогресса с разницей в национальных особенностях, являющееся перспективной мировой стратегией [7]. Такой подход предполагает, что использование социума не будет исключительно политико-идеологической концепцией, во всех отношениях важно согласовать ключевые измерения: инновационная политика со стороны государства, предпринимательская деятельность со стороны общества и предпринимательские навыки со стороны общества и организаций.

Литература и источники

1. Mouzakitis, A. Modernity and the Idea of Progress / A. Mouzakitis // Frontiers in Sociology. – 2017. – V. 2. – P. 1–11.

2. Chávarro, L. A. Riesgo e incertidumbre como características de la sociedad actual: ideas, percepciones y representaciones / L. A. Chávarro // Revista Reflexiones. – 2018. – Vol. 97, No 1. – P. 65–75.

3. Harayama, Y. Society 5.0: aiming for a new human-centered society / Y. Harayama // Hitachi Rev. – 2017. – Vol. 66, No 6. – P. 556–560.

4. Porter, M. E. The competitive advantage of nations / M. E. Porter // Harvard business review. – 1990. – Vol. 68, No 2. – P. 73–93.

5. Herbig, P. A. Innovation Japanese style: A cultural and historical perspective / P. A. Herbig. – Greenwood Publishing Group, 1995. – 288 p.

6. Jorde, T. M. Innovation and cooperation: implications for competition and antitrust / T. M. Jorde, D. J. Teece // Journal of economic perspectives. – 1990. – Vol. 4, No 3. – P. 75–96.

7. Keidanren (Japan Business Federation). Toward realization of the new economy and society. Reform of the economy and society by the deepening of «Society 5.0», 2019 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.keidanren.or.jp/ en/ policy/ 2016/ 029_outline.pdf. – Date of access: 28.08.2020.

НОВАЦИОЗМ, РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ В. А. КУТЫРЕВА

А. С. Тимощук

Философские работы нижегородского философа привлекают не столько уже известным профетическим пафосом экспансии техносферы, сколько неброскими рассуждениями о проблемах поддержания устойчивого порядка [1; 2; 3; 4]. В. А. Кутырев формулирует ясное и экофильное послание: нельзя допустить, чтобы сложность цивилизации, реализуемая на нано-, микро-, мега – и ино – уровнях, совсем поглотила простоту макромира, изначальную и естественную обитель бытия. Наш исходный дом сущего нужно сохранить. Философия самосохранения формулирует в качестве первостепенной задачи поддержание приюта жизненных миров *homo sapiens* на Земле.

В «Сова Минервы» Кутырев выражает опасение распредмечивания мира, преобразование структурно-субстратного подхода к миру в системно-функциональный. Средневековой апории о невыразимости индивидуального (*individuum est inefabile*). В. А. Кутырев дает новую интерпретацию. Индивидуация постчеловеческой цивилизации не только невозможна концептуально, но и эмпирически. Иррациональность технократов – это ускользающий остаток и базовая территория их *modus vivandi* [5, с. 31].

Погнавшись за цивилизацией, мы потеряли простоту. Можно ли быть сложным и простым одновременно? Вот такой парадокс пытается разрешить философ. Как вернуть общество в естественное лоно бытия? Нужно ли изобретать иные миры? Или можно ли позволять Иное? Какова мера человеческого и где проходит граница между возможным и допустимым?

Называя простоту нашим домом, философ не призывает нас к примитивизации. Книга написана сложным языком и требует философской подготовки. Тезисно, ее основу составляют следующие глубокие идеи: бытие есть благо; самоутверждение есть сущность каждого живого существа; вечное возвращение есть прочная платформа вместо прогрессивизма.

Поскольку сохранение существующего требует постоянных усилий, то задачи философии, по мнению В. А. Кутырева, совпадают с уставом гигиены человеческого и заключаются в том, чтобы сопротивляться постчеловеческой иллюзии, охранять жизнь от вытаптывания исторического марша науки и прогресса. Кутырев надеется, что Россия, как страна, претендующая на сохранение традиции, станет опорой Бытия, не пойдет по пути Ничто или угнетения жизни и перерождения духовности в рациональность, трансформации идеи бесконечного бытия в технолого-экономическое становление.

Общий посыл Кутырева – этот циничный, безоглядный, бездумный инонизм не доведет цивилизацию до добра. Нужна логодиция добра, простоты и меры человеческого. Человек! Не преступай за свое Бытие!

Если философия не прекратит свое увлечение редукционизмом, она потеряет связь с реальностью, ее обгонит искусство, которое порой более точно и целостно передает реальный мир, нежели однобокие философские конструкты. Уход от целостности жизни, ее подмена математизацией, химизацией, информатизацией бытия; превращение в самоцель частных технологий в надежде, что они дадут изобилие; угроза подмены реальности функциями и методологиями.

Кутырев – феноменолог хайдеггерианского типа. Феноменолог словесности и духа. Он дает перевод феноменологического как «непосредственное, изначальное, не опосредованное, ничем не экранированное» [5, с. 383], сопоставляет с «само-по-себе-себя-кажущее» Хайдеггера. Здесь мир предстает человеку через его телесность, общение с другими, переживание и входящее живое знание.

Кутырев противопоставляет эту феноменологию дигитально-гуссерлианской. Хайдеггер – почвенническая, традиционная феноменология. Гуссерль – редукционно-информационная. Хайдеггер – за несокрытость бытия, за веру и любовь. Гуссерль – за формализацию и математизацию. У Хайдеггера – феномены суть истина чувств. У Гуссерля – аберрация.

Бытие становится наивно несокрытым. Оно просто есть. Вот-бытие. Dasein. Видимость и сущность не нужно различать. Кант был не прав, а Ницше прав. Бытие зовет и дышит. Оно очевидно и не требует разделения на субстанцию и феномен. Предвечно и ниоткуда не выводится. Онтофания переходит в теофанию и дает особое догматическое богословие, третий путь между апофатикой и катафатикой.

В число представителей реальной феноменологии Кутырев записывает Гартмана, Ингардена и Я. Э. Голосовкера. Они же суть стражи бытия, различающие в нем слои и уровни. Из представителей литературы он называет Марселя Пруста, стремившегося удержать непосредственное переживание мира вопреки контролю рассудка.

Жизненный мир, вышедший из фундаментального философствования, открывает философско-антропологические перспективы. Кутырев выводит жизненную концепцию истинности: чем ближе к человеку и миру, тем более истинна теория. Знание должно быть продуктивным, а не просто изощренно-абстрактным. Не все, что научно – адекватно. Средства познания должны соответствовать предмету познания. Присутствие и причастие – вот опора жизненной феноменологии.

Жизнь, практика, человек, природа – все эти данности выше теории и не обязаны заниматься апологетикой. Реалистическая феноменология исполнена чувств и воображения, близка к антропологии и метафизике, мифологии и поэтике, истории и традиции, экологии и гуманизму. Т. е. всему, что способствует выживанию человека.

Феноменологическая экономика – вот новый ориентир цивилизации. Дальнейшее продвижение культуры, духовности и человека возможно в посткапиталистическом (феноменологическом) режиме. Если экзистенциализм – это гуманизм, то феноменология – это значит держаться корней. Рыночная экономика будет сохраняться, но в обществе неизбежно будут шириться социалистические отношения. Социализм – вечный проводник капитализма, они связаны как право и государство. Частная собственность дополняется дарением и альтернативной системой владения и доступа к ресурсам (*access economy, sharing economy, coworking*), где право пользования ценится выше, чем право владения. Чистый капитализм перестает быть прибыльным. Производство все больше нуждается в планировании, корпорации – в социальных программах и тонкой настройке коллектива в виде неэкономической мотивации персонала. Интеллект, образование, творчество – вот двигатели постиндустриального общества. Чтобы управлять таким обществом нужно пройти эволюцию от зоны контакта (насилие) через волевой и харизматический контроль до оптимизации финансово-ресурсных потоков и процедур.

Новационный пульс инновационизма опасен. Скорость убивает. Так предупреждает нас традиционалист из Поочья – В. А. Кутырев.

Катафатическая часть его послания сосредоточена на критике супермодных безбытийных онтологий и априорных коммуникаций, бестелесных корреляций и цифрового псевдореализма. Взамен предлагается программа феноменологического реализма, сохранения жизненного мира, ограниченного прогресса, идеал воспроизводства бытия человечества на круге вечности.

Литература и источники

1. Тимощук, А. С. Читать Кутырева. Забыть Мейясу / А. С. Тимощук // Вестник Вятского государственного университета. – 2019. – № 1 (131). – С. 96–98.

2. Тимощук, А. С. Антропоконсерваторъ, или философия для людей / А. С. Тимощук // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 3, Ч. 1. – С. 152–159.

3. Тимощук, А. С. Contra complexiones. Послание к россиянам волжского философа / А. С. Тимощук // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44, № 2. – С. 357–360.

4. Тимощук, А. С. Программа ответственной философии В. А. Кутырева / А. С. Тимощук // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IV Международной научной конференции, Донецк, 31 октября 2019 г. / Под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк, 2019. – Т. 5: Философские и психологические науки. – С. 131–133.

5. Кутырев, В. А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века) / В. А. Кутырев. – СПб.: Алетейя. – 2018. – 526 с.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМА ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ В ОБРАЗОВАНИИ

А. Д. Урсул, Т. А. Урсул

Устойчивое развитие (УР) – это желаемое развитие, ориентированное на гармонизацию взаимодействия людей с природой, социальных отношений, позволяющее в глобальном масштабе удовлетворять потребности нынешних поколений, не увеличивая риски и угрозы лишить будущее человечество возможности обеспечивать собственные потребности и интересы. Причем речь идет не просто об экологических угрозах, а обо всех возможных вызовах и опасностях существованию человечества, которые ранее оставались незамеченными, так как считалось, что цивилизации ничего серьезно не угрожает. Приведенная характеристика УР имеет экзистенциальную сущность, демонстрируя, что новый вектор развития цивилизации направлен на продолжение существования не только отдельного человека, но и всего человечества в целом.

Образование выступает приоритетным и основным механизмом

перехода к УР и, тем самым, должно опережать становление устойчивого будущего в его «полном формате» [1]. Эта темпоральная особенность образования теперь осознана как его футуризация, т. е. смещение акцентов на осознание, исследование и моделирование будущего. Это приводит к необходимости формирования опережающего образования, прогностической информации об устойчивом будущем.

Проблемы информатизации, а в последнее время и цифровизации, являются очень актуальными, поэтому занимают большее место в научной литературе, в том числе и в науках об образовании. Цифровизация видится не только как новый этап информатизации, но и предполагает использование современных методов и технологий, широко использующих идеи разнообразия, дискретности, вычислимости, программируемости, алгоритмичности [2; 3]. Поэтому речь идет о развертывании цифровизации как этапа информатизации, демонстрирующего плодотворность атрибутивной концепции информации, связывающей это понятие с дискретностью, различием и разнообразием.

Цифровизация образования развивается гораздо быстрее и масштабнее, чем образование для УР, что и привело к постановке проблеме их взаимосвязи, которая в литературе ранее не ставилась и не рассматривалась. Онлайн-образование характеризует актуальность, практичность, гибкость, мобильность, доступность, «дистанционность», удобство, эффективность, что приводит к росту возможностей и средств, предоставленных новыми цифровыми технологиями и инновационными педагогическими средствами. Эта форма обучения постепенно становится частью современного, а тем более, будущего образования глобализирующегося мира, причем происходит довольно быстрый рост пользователей онлайн-курсов и программ.

Вместе с тем у онлайн-образования имеется ряд особенностей, которые связаны с тем, что в нем не актуализируются все функции образования, выявленные педагогической наукой, а акцент смещен в сторону обучения. Акцентирование внимания в сторону онлайн-курсов, видеолекций, подкастов и цифровых технологий, с точки зрения автора, вытесняет из образовательного процесса непосредственный контакт преподавателя с обучающимися, уменьшает возможности непосредственного общения (например, задавать все интересующие обучаемого вопросы и получать на них ответы), обеспечивая в основном стандартизированную передачу заранее подготовленного материала (4, с. 71–74). Кроме того, рост эффективности образования за счет цифровых технологий зачастую оценивается в основном по отношению к самому образованию, тогда как его роль важно видеть в рамках всего общества и в целом культуры.

Онлайн-образование не является в полной мере альтернативой классическому образованию и в принципе не может его заменить,

поскольку делает акцент в основном на обучении и информационном развитии личности. Поэтому лучшие результаты дает смешанный формат (5, с. 65–69), в котором с течением времени увеличивается его электронно-цифровая составляющая. Ведь образование – это не просто обучение, но вместе с тем, воспитание и развитие личности (не только в информационном ракурсе), ее социально-культурная адаптация. Электронные технологии эффективно «впишутся» в существующее мировое образование, когда будут способствовать более быстрой и масштабной реализации всех социальных функций образования, развивающих как сознание индивида, так и культуру в целом.

Вместе с тем, очевидно, что без широкого развития информатизации, особенно на этапе цифровизации, вряд ли можно ожидать прорыва в безопасное и желаемое устойчивое будущее, в том числе и в области образования. Предположим, что основные усилия в плане повышения эффективности образования будут направлены на использование цифровых технологий, педагогических форм и способов повышения уровня усвоения знаний. Как предполагают некоторые ученые, это может произойти уже в ближайшие десятилетия и появляется надежда, что существующий образовательный контент значительно повлияет на формирование сознания и деятельность будущих потомков уже через три-четыре поколения.

В связи с этим можно мысленно вообразить такую ситуацию, когда цифровые технологии развились до такой степени, что образование стало полностью реализовать его наличное предметное содержание. Но это содержание в основном пока отражает нынешнюю модель неустойчивого развития, которая угрожает человечеству глобальной катастрофой. Существенное усиление практической ориентации образования при сохранении содержания современной экономоцентрической модели цивилизации будет замедлять достижение глобальной устойчивости, поскольку внедряться будут в основном результаты продолжающегося неустойчивого развития. Но для скорейшего и эффективного перехода к УР в глобальном масштабе важно, чтобы образование использовало пока еще недостаточно представленные идеи УР. Если в образовании будет превалировать информация о современной экономоцентрической модели, то очевидно, что переход к УР будет существенно затруднен, если вообще возможен в этом столетии. Поэтому для интенсификации такого перехода необходимо усилить возможности и способы включения в образование идей перехода к УР. И здесь важную, но неоднозначную роль играет цифровизация образования: если она будет «работать» в основном на традиционную модель развития, то это приведет к замедлению глобального перехода к УР. Сдерживать из-за этого цифровизацию образования не только не целесообразно, но и в принципе невозможно. Тем более, что рост использования информации для дальнейшего развития

человечества соответствует вектору движения к глобальной устойчивости.

Таким образом, процессы цифровизации и наполнения образования «устойчивым содержанием» оказываются в отношении скорости и масштаба их внедрения противоречивыми. Можно даже увидеть своего рода конкуренцию двух обсуждаемых мегатенденций, что ставит вопрос об оптимизации их последствий как в образовании, так и в общем развитии цивилизации. Но вместе с тем они должны быть взаимосвязаны, необходимо их интегрировать и гармонизировать, чтобы не оказаться в образовательной и даже эволюционной ловушке [6]. Если «цифровое ускорение» в образовании окажется более быстрым, чем воплощение контента стратегии устойчивого развития, то вряд ли это окажется благом для будущего человечества, поскольку будет стимулировать воспроизведение и сохранение неустойчивого развития. Поэтому цифровизацию целесообразно направить на более быстрое развертывание образования в интересах устойчивого развития. Вектор цифровизации в образовании должен больше ориентироваться на интенсификацию ОУР.

Литература и источники

1. Урсул, А. Д. Опережающее образование. От модернизации к футуризации / А. Д. Урсул. – Saarbrücken: Dictus Publishing, 2015. – 305 с.

2. Урсул, А. Д. Природа информации: Философский очерк / А. Д. Урсул. – Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 288 с.

3. Урсул, А. Д. Информация: Методологические аспекты / А. Д. Урсул. – Изд. 2-ое. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 304 с.

4. Останина, Е. А. MOOCs как современная информационная технология в высшей школе / Е. А. Останина // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2017. – № 3. – С. 71–74.

5. Абросимова, Г. А. Новые технологии образования в вузе: смешанное обучение / Г. А. Абросимова // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2017. – № 3. – С. 65–69.

6. Ursul, A. D. Digitization and Transition to Sustainable Development: The Problem of Their Integration in the Educational Context / A. D. Ursul // Automatic Documentation and Mathematical Linguistics. – 2020. – Vol. 54, No 1. – P. 1–9.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА НАРОДА

О. И. Уткевич

Понимание социальной роли традиционных ценностей, в качестве фундамента аксиологического народного единства, получило достаточно широкое распространение в социально-гуманитарной литературе. Однако необходимость и важность ценностей не ограничивается их

аксиологической значимостью. Большое влияние на становление народа как целостного социального организма имеет направление развития гносеологического процесса, связанного с традиционными ценностями. Под гносеологическим единством народа мы понимаем не столько единство методов исследования, сколько общий результат познания, единые представления о сущности познаваемого, универсальные основополагающие принципы бытия.

Во всех этнонациональных обществах существует ярко выраженное вертикальное, то есть иерархическое расслоение. «Общества без расслоения, с реальным равенством их членов, – отмечал П. А. Сорокин, – миф, так никогда и не ставший реальностью за всю историю человечества» [2, с. 304]. Данное расслоение может основываться на двух исходных основаниях: во-первых, на материальном, приводящем с течением времени к ослаблению народного единства, так как порождает вместо любви и взаимности зависть и ненависть; во-вторых, на духовном основании, когда иерархическое неравенство приводит к усилению социального единства, поскольку, чем сильнее проявляются духовные силы у отдельных членов общества, тем в большей степени этот феномен способствует проявлению данных сил у тех субъектов народного единства, у которых они развиты меньше. Причем, данный процесс укрепляет и тех и других, поскольку любовь, как основа жертвования, при духовном вертикальном расслоении способствует процессу ослабления в обществе чувства взаимной зависти и неприязни, являющихся естественным результатом материального расслоения.

Социальное расслоение в современных условиях детерминировано материальным. Так, по мнению Сорокина, «преуспевающий предприниматель – крупнейший аристократ современного демократического общества. Если человек богат, то он находится на вершине социального конуса, вне зависимости от своего происхождения и источника доходов» [2, с. 403]. В то время как духовное состояние народа определяется наличием непротиворечивой системы традиционных ценностей, имеющих не только аксиологический, но и ярко выраженный гносеологический характер, в результате чего народ не только метафизически познает высшую истину назначения своего бытия, но также и онтологически начинает принадлежать ей. Такой процесс требует от народа не только познавательной деятельности, но и активных действий, носящих как индивидуальный, так и коллективный характер, по практическому воплощению традиционных ценностей в жизнь.

У каждого народа существует свой путь познания ценностей и истины. Выбрав данный путь, народ стремится следовать ему, что способствует его гносеологическому становлению и сохранению, формируя единство социальной общности.

Традицией принято считать универсальную форму закрепления и

сохранения различных элементов опыта жизнедеятельности социума, а также механизм его передачи, обеспечивающий устойчивую духовную и социокультурную преемственность поколений. Любая великая традиция, на которой основано народное единство, включает в себя не только духовную, но и материальную составляющую. Этот уникальный способ обустройства в мире также необходимо сохранить, поскольку материальное делание для народа, как правило, непостижимым образом связано с духовным, а, следовательно, одно без другого не существует. Кроме того, ныне живущие люди связаны с предками не только духовной, но и физической близостью.

На наш взгляд, данное утверждение носит не метафорический, а вполне реальный характер. Народ, являясь общественной целостностью, создает единое социальное поле, которое радикальным образом отличается, например, от электромагнитного или гравитационного, но не менее реально. Это поле создается не только современниками, но и прошлыми поколениями. Его наличие является еще одной причиной, подтверждающей важную роль материальной составляющей традиционных ценностей. С другой стороны, эту составляющую нельзя абсолютизировать. Существует реальная опасность сохранения материальной формы традиции при полном исчезновении ее духовного содержания.

К сожалению, в настоящее время именно такое, с точки зрения автора, внешнее приобщение к традиции через популяризацию обрядности и старинного антуража становится достаточно распространенным явлением. Называется данное явление «духовным возрождением народа», хотя, ни к духовности, ни к возрождению оно никакого отношения не имеет. Если бы приобщение к внешней и материальной стороне традиционных ценностей осознавалось людьми как первый шаг к изучению сущности традиции, то в этом случае такое явление можно было бы приветствовать. Однако, к сожалению, этот первый маленький шаг многими людьми воспринимается в качестве заключительного этапа восхождения. Для того, чтобы адекватно оценить недостаточность приобщения к чисто материальной стороне традиционных народных ценностей, необходимо не только аксиологическое, но также и гносеологическое понимание этих ценностей. Народ должен постоянно сравнивать свое настоящее состояние с традициями прошлого, в результате чего возможно постоянно корректировать направление развития.

Кроме поверхностного, чисто материального приобщения к традиции огромный вред гуманитарной безопасности народа несут идеи о соединении национальных ценностей с так называемыми «общечеловеческими», причем с непременным приоритетом последних. Многие выдающиеся мыслители, такие как Н. Я. Данилевский, А. Тойнби,

О. Шпенглер и др. полагали, что никаких универсальных ценностей нет и в принципе быть не может, а, следовательно, не существует и общечеловеческой духовной традиции. Так, например, русский историк и философ XIX столетия Н. Я. Данилевский считал, что понятие «общечеловеческое» является абстракцией [1, с. 122]. Тот, кто захочет воссоединить реальное существующее «свое» с химерой общечеловеческих ценностей ничего хорошего не приобретет, но многое утратит. Хорошо известно высказывание о том, что народ, не желающий кормить собственную армию, будет вынужден кормить чужую, подтверждает этот тезис. Аналогичным образом обстоит дело и в духовной сфере – тот народ, который утратит свою традицию, будет довольствоваться «общечеловеческими ценностями».

Сказанное не означает, что каждый народ должен поставить «железный занавес» между собой и другим миром, не учиться у других культур. С точки зрения автора, необходимо разграничивать понятия «общечеловеческое» и «всечеловеческое», которое ввел в науку русский философ Н. Я. Данилевский. «Иное дело, – пишет он в работе "Россия и Европа", – *всечеловеческое,* которое надо отличать от *общечеловеческого*; оно, без сомнения, выше всякого отдельно-человеческого, или народного; но оно и состоит только из совокупности всего народного, во всех местах и временах существующего и имеющего существовать» [1, с. 123]. Именно из «всечеловеческого» народы могут брать необходимые им знания, а также некоторые ценностные ориентиры, не вступающие в противоречия с традиционными народными ценностями. Таким образом, прежде чем чему-то учиться, важно провести предварительный гносеологический анализ возможных последствий, принципиальной совместимости конкретного элемента всечеловеческого с народной традицией. В противном случае проявившиеся противоречия могут привести к утрате народного единства.

Литература и источники

1. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.

2. Сорокин, П. А. Человек, цивилизация, общество / П. А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В «ЗЕРКАЛЕ» ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

С. В. Хамутовская

В течение нескольких последних десятилетий во всех сферах белорусского общества происходят существенные изменения, связанные с

развитием глобализационных и интеграционных процессов, а также активным распространением новых информационно-коммуникационных технологий; осуществляется поиск баланса между традициями и инновациями в контексте обеспечения необходимыми потребностями всех членов социума и государства, с учетом возможных рисков. В этой связи представляется актуальным выявить мнения граждан нашей республики о том, что сегодня может рассматриваться в качестве основных социальных целей. Последние представляют собой «ценности, ориентиры индивида, группы индивидов, классов, общества, на сохранение или достижение которых направлена деятельность субъекта» [1, с. 347].

В ходе проведенного в декабре 2019 года Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси) репрезентативного социологического исследования (выборка составила 2100 человек, опрос осуществлялся во всех областях и г. Минске) респондентам было предложено ответить на следующий вопрос: достижение каких социальных целей они считают необходимым для нашей страны в первую очередь. Более половины опрошенных (56,9%) указали на важность доступности медицинского обслуживания; немногим менее половины – на ответственность чиновников перед населением (49%) и равную ответственность всех перед законом (40,9%).

Примерно одна треть респондентов назвали:

– обеспечение прав и свобод личности (32,8%);

– ответственность депутатов перед избирателями (30,5%);

– социальная справедливость (29,2%).

Примерно одна четвертая часть опрошенных была убеждена в том, что, прежде всего, следует обеспечивать равный доступ к образованию (25,7%), социальное равенство (21,5%), свободу высказывания политических взглядов (20%).

Оставшиеся ответы распределились следующим образом (по степени убывания):

– сохранение национальных традиций, обычаев (16,1%);

– равная представленность интересов всех социальных групп в органах власти и управления (11,6%);

– приоритетное развитие частной собственности (9,2%);

– приоритетное развитие белорусского языка и культуры (6,9%);

– реальное равенство двух государственных языков (6,8%);

– коллективная солидарность (6,4%);

– сочетание общественной и частной форм собственности (6,2%);

– приоритетное развитие коллективной (общественной) собственности (2,6%);

– другое (2,1%).

Затруднились ответить 7,5% респондентов.

Интересным является тот факт, что десять лет назад ответы

опрошенных на аналогичный вопрос, заданный им в ходе социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в ноябре 2009 года (выборка составила 2093 человека, опрос осуществлялся во всех областях и г. Минске), имели несколько иной вид (см. таблица № 1). Статистически значимые различия были обнаружены по всем позициям, за исключением «Доступность медицинского обслуживания» и «Ответственность депутатов перед избирателями». По сравнению с 2009 годом, в 2019 году в число наиболее значимых социальных целей респонденты чаще включали – «Ответственность чиновников перед населением», «Обеспечение прав и свобод личности», «Свобода высказывания любых политических взглядов». Кроме того, в 2009 году 14,2% опрошенных считали, что необходимой социальной целью в нашей стране является стирание социальных различий между городом и деревней (в 2019 году этот вариант ответа не был включен в анкету).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Достижение каких из перечисленных социальных целей Вы считаете необходимым?» (2009 год) / «Достижение каких из перечисленных социальных целей Вы считаете необходимым для нашей страны в первую очередь?» (2019 год), в% от общего числа опрошенных

Варианты ответа	2009 год	2019 год
Доступность медицинского обслуживания	57,6	56,9
Равная ответственность всех перед законом	43,5	40,9
Ответственность чиновников перед населением	40,6	49,0
Равный доступ к образованию	37,5	25,7
Социальная справедливость	32,3	29,2
Ответственность депутатов перед избирателями	31,6	30,5
Обеспечение прав и свобод личности	29,9	32,8
Социальное равенство	26,2	21,5
Сохранение национальных традиций, обычаев	25,2	16,1
Приоритетное развитие частной собственности	12,6	9,2
Сочетание общественной и частной форм собственности	12,2	6,2
Свобода высказывания любых политических взглядов	16,3	20,0
Реальное равенство двух государственных языков	14,6	6,8
Равная представленность интересов всех социальных групп в органах власти и управления	14,4	11,6
Приоритетное развитие белорусского языка и культуры	9,7	6,9
Коллективная солидарность	8,1	6,4
Приоритетное развитие коллективной (общественной) собственности	3,6	2,6
Затрудняюсь ответить	13,1	7,5

В «Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года» (НСУР–2030), в свою очередь, отмечается, что в области здравоохранения основной целью в период с 2021 по 2030 годы является «обеспечение доступности медицинской помощи и повышение эффективности медицинских услуг,

объемы, виды, качество которых должны соответствовать уровню заболеваемости и потребностям населения, передовым достижениям науки» [2, с. 30]. Решение главных задач в области развития гражданского общества, помимо прочих ориентиров, предусматривает «построение демократического, правового и социального государства, где человек, его права и свободы являются главными ценностями; участие населения в общественно-политической жизни страны, регионов и местных сообществ; формирование благоприятной правовой базы для развития всех институтов гражданского общества» [2, с. 95]. В целом, в вышеупомянутом документе при описании желаемого облика страны «Беларусь будущего» определяется как «безопасная страна, государство законности и порядка, справедливости и солидарности, партнерства и ответственности, где соблюдаются все права человека, надежны институты защиты частной собственности, профессионально работают органы правопорядка, пользующиеся доверием граждан» [2, с. 15].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что на протяжении десяти последних лет наблюдается устойчивое стремление граждан Республики Беларусь к получению доступного медицинского обслуживания, что нашло отражение в целях и задачах НСУР–2030 на 202–2030 годы. Также, усиливаются ориентации граждан на необходимость достижения высокого уровня соблюдения и реализации их социальных и политических прав и свобод. В меньшей степени, чем в 2009 году, в 2019 году были выражены ориентации населения по отношению к социальным целям, связанным с вопросами культуры, доступа к образованию, коллективной солидарности, формами собственности и т. п. В дальнейшем все это целесообразно учитывать при разработке и корректировке соответствующих программ социально-экономического и политического развития страны, а также оценке результатов их практического осуществления.

Литература и источники

1. Данилов, А. Н. Цели социальные / А. Н. Данилов // Социологическая энцикл. / Под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск: БелЭН, 2003. – С. 347.

2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экономический бюллетень НИЭИ Мин. экономики Респ. Беларусь. – 2015. – № 4. – С. 8–98.

ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ФАКТОРА COVID-19

Ф. И. Храмцова, А. И. Терехова

В условиях глубокого спада мировой экономики вследствие COVID-19, закрытия государственных границ, остановки производств, карантинов – востребованы механизмы минимизации последствий пандемии и генеральной линии вывода экономики на рельсы устойчивого развития. Разрушительное глобальное воздействие коронавирусной пандемии привело к необратимым последствиям в мире: свыше 1,6 млрд населения остались без работы, без источников средств к существованию, остро стоят вопросы с питанием и жизнеобеспечением (ООН, 29.05.2020 – A UN framework for the immediate socio-economic response to COVID-19. 2020 April). Как отмечено в докладе ООН, кризис COVID-19 погружает мировую экономику в рецессию с историческими уровнями безработицы и бедности [1]. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш подчеркивает, что перед государствами мира стоит задача отказа от модели «старой нормальности» и переход к построению экономики «безграничной солидарности», в основе которой три приоритета:

1. финансирование борьбы с коронавирусом и устранение угрозы жизни;
2. реализация Плана ООН по гуманитарному ответу на угрозы пандемии;
3. социально-экономическое восстановление стран.

Отсюда актуальна и остро востребована способность систем управления адаптироваться к новым условиям хозяйствования и политическая воля к восстановлению экономического развития в целях сохранения стабильности, финансово-экономической устойчивости Беларуси. Такая постановка проблемы требует применения новых методов управления с учетом специфики фактора COVID-19, реализации стратегии углубления интеграции государств-участниц ЕАЭС, СНГ, отработки совместных защитных механизмов и восстановления опорных точек развития в собственных регионах. В целях стратегической устойчивости руководством Беларуси приняты беспрецедентные действия по снижению локаций распространения коронавируса, структурной перестройке эпидемиологической помощи населению, с учетом практических рекомендаций миссии ВОЗ для Беларуси (2020), по оказанию социальной помощи инфицированным больным, находящимся на излечении в стационарах, а также медицинским работникам, одиноким пожилым гражданам, организации мониторинга эпидемиологической ситуации и принятия управленческих решений по устойчивому снижению показателей

COVID-19 [2]. В стране обеспечивается государственное регулирование экономики, бесперебойная работа предприятий, сохранение рабочих мест, поддержка малого, среднего бизнеса. Предпринято оперативное регулирование цен товаров повседневного спроса на потребительском рынке для недопущения ажиотажа, сохранения социальной стабильности. Работникам бюджетной сферы и предприятий осуществлена материальная поддержка со стороны государства в пределах 80% заработной платы.

По внешнему контуру управленческих решений руководством страны проведены мероприятия евразийской интеграции, инициируемые со стороны Республики Беларусь, проведенные в онлайн-формате Высшего Евразийского Экономического Совета (14.04.2020), в режиме видео-конференций Саммита ЕАЭС (19.05.2020), Совета глав правительств СНГ (29.05.2020) по стратегическим направлениям макроэкономической политики и механизмам восстановления и повышения темпов роста национальных экономик. По итогам мероприятий приняты программные документы. В частности, одобрен проект «Стратегические направления экономического развития евразийской интеграции до 2025 года» (с последующими поправками). Принята Стратегия экономического развития СНГ до 2030 года. Высокую оценку приоритетной роли Беларуси в координации общих усилий государств-участниц ЕАЭС в принятии ориентиров экономического развития евразийской интеграции – дал Президент Российской Федерации В. В. Путин (видеоконференция Саммита ЕАЭС, 29.05.2020).

Вместе с тем отправной посылкой данной работы является трактовка методологии социально-экономического развития как совокупности методов расширенного воспроизводства, экономического роста, инноваций, развития человеческого капитала, государственного регулирования и управления в целях повышения качества жизни граждан, посредством комплекса экономических, технологических, институциональных, социокультурных и экологических изменений [3]. Предпринятая здесь разработка методологии с учетом фактора COVID-19 требует обоснование последнего в качестве *доминанты* экономики, интеграции региональных экономических систем, обладающих традиционными связями экономической кооперации, ресурсом доверия и взаимовыгодой, – посредством учета его потенциального влияния в следующих направлениях:

– стратегическое прогнозирование, стратегическое планирование долгосрочной, среднесрочной, краткосрочной перспективы экономической деятельности на основе экспертных оценок эпидемиологической службы страны, ВОЗ, ООН;

– создание конверсионных производств отдельных отраслей, как для нужд региона, так и в сдерживании распространения вируса в фокусировках интеграции ЕАЭС, СНГ, с учетом норм

эпидемиологической безопасности;

– формирование зоны санитарной охраны территорий конверсионных производств государств, субъектов интеграционных образований от угроз проникновения опасных вирусных инфекций, прогнозируемой второй волны коронавирусной инфекции;

– создание сетевых ресурсов онлайн-площадок с участием экспертов, научных кругов, управленцев-практиков для решения проблемных вопросов экономической интеграции для предупреждения заболеваемости, сохранения здоровья работников, социальной поддержки и поддержания уровня жизни населения – в рамках собственного региона субъекта интеграции.

Как показывает анализ состояния региональных экономических систем в условиях глобального кризиса, наиболее проблемными являются вопросы перспектив развития традиционных секторов региональной и национальной экономики. Это обусловлено снижением спроса на низкоквалифицированные рабочие места, с одной стороны, которые не могут быть автоматизированы, с другой, возросшим спросом работодателей на новые уникальные компетенции и квалификации инновационной, цифровой экономики. Наряду с этим решение проблем сохранения рабочих мест в условиях пандемии COVID-19 связано, прежде всего, с повышением ответственности региональных систем управления по выполнению социальных обязательств государства.

В Республике Беларусь реализация социальных обязательств осуществляется в русле инклюзивной модели экономики как механизма социальной поддержки наиболее уязвимых категорий, инвалидов, малоимущих, женщин и молодежи [4]. Традиционную методологию факторной модели «Четырех "И"» отличает взаимодействие 4 компонентов – инновационного, инвестиционного, инфраструктурного и институционального факторов. Однако реалии разрушающего воздействия фактора коронавирусной пандемии детерминируют трансформацию структуры модели «Четырех "И"». Данная модель включает интегральный компонент *фактора противодействия COVID-19* как совместной системы защитных механизмов национальной и региональных экономик, промышленных, сельскохозяйственных, технологических, транспортно-логистических систем евразийской интеграции, социальной сферы для поддержания и сохранения общественного здоровья, недопущения снижения уровня жизни населения, остановки производств, нарушений обязательств, срывов кооперационных и научно-технологических связей.

Выстроенные таким образом стратегические ориентиры социально-экономического развития Республики Беларусь и евразийской интеграции определяются факторами общности позиций государств, концептуальных подходов в решении задач повышения национальной конкурентоспособности, экономического роста в условиях взаимодействия

стран ЕАЭС и СНГ. Факторы межрегионального интеграционного сотрудничества со странами ЕАЭС заложены в организационную структуру социально-экономического механизма формирования «точек» роста регионов Беларуси.

Отсюда вывод: защитные механизмы социально-экономического развития Беларуси в условиях коронавирусной пандемии включают приоритеты государственной политики противодействия распространению вирусной инфекции, сохранения жизни и здоровья граждан, наращивания конкурентного, ресурсного, инновационного и интеграционного потенциалов регионов как следствие эффектов совершенствования механизмов местного управления и самоуправления [5].

Следовательно, цель устойчивого социально-экономического развития в условиях мультипликативности угроз пандемии уточняется и формулируется, исходя из приоритетов Концепции Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года, глобальной ситуации, потенциалов евразийской и международной интеграции. Управленческие решения сегодня призваны обеспечить сохранение уровня жизни граждан, социальную поддержку и защиту на дифференцированной основе, посредством конкурентных преимуществ в условиях евразийской и международной интеграции, всеобъемлющего развития социального капитала как фактора цифровой экономики и приоритетов «зеленой экономики».

Литература и источники

1. A UN framework for the immediate socio-economic response to COVID-19. 2020 April [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.un.org/ sites/ un2.un.org/ files/ un_framework_report_on_covid-19.pdf.

2. Норберт, Т. Управление изменениями / Т. Норберт // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belta.by/ economics/ view/ stranam-sng-neobhodimo-dejstvovat-soobscha-dlja-minimizatsii-vlijanija-pandemii-na-ekonomiku-rumas-392756–2020

3. Никитенко, П. Г. Основы устойчивого развития регионов Беларуси и России / П. Г. Никитенко, В. Е. Левкевич, В. А. Светлосанов // Развитие экономики, политики, социума: состояние, проблемы, перспективы. – 2017. – № 6. – С. 4–9.

4. Храмцова, Ф. И. Стратегии развития регионов в Республике Беларусь: институциональный аспект / Ф. И. Храмцова, А. Н. Сенько. – Минск: Бестпринт, 2019. – 208 с.

ПОЛИТИКА ЗАЩИТЫ БЕЛОРУССКИХ ЭКСПОРТЕРОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

И. А. Червинская

Современный этап развития экономических отношений характеризуется ростом объемов международной торговли и открытостью национальных экономик. Углубление участия в международном разделении труда приводит к большей взаимозависимости от экспортно-импортных потоков отдельных производств, отраслей и целых стран. Можно говорить, что в настоящее время значительной степенью мобильности характеризуются не только финансовые ресурсы, но и такие факторы производства, как труд и капитал. Высокие темпы экономического и технологического развития приводят к унификации производственных циклов в различных государствах, снижая барьеры по вхождению в систему мирового рыночного хозяйства. Глобализация предоставляет возможность углубления специализации стан в международном разделении труда и повышения эффективности участия в мировой экономике. Вместе с тем она же создает предпосылки для ужесточения конкуренции, что может иметь негативные последствия для национальных предприятий и отраслей [1, с. 26].

Это подтолкнуло правительства стран и экономическую науку к признанию того, что свободная торговля не является гарантом оптимальности развития национальных экономик. Приоритетными становятся вопросы баланса между защитой национальной экономики и максимизации пользы от ее включения в мировую. Они тесно увязаны с проблемой определения наиболее эффективной структуры производства, уровня тарифных барьеров, механизмов нетарифного регулирования, позволяющих обеспечить как взаимодействия с глобальным рынком, так и необходимый уровень защиты внутреннего, чтобы минимизировать угрозы для национальной экономики.

Внешнеторговая политика, выступает одним из элементов экономической политики государства, направленным на оптимизацию условий для включения национальной экономики в мировую, формирование структуры внешней торговли, изменение объемов и цен экспорта и импорта. Выделяют две ключевые тенденции в ее реализации: либеральная политика, при которой внутренний рынок открыт для иностранных товаров, что обеспечивает высокий уровень конкуренции и стимулирует национальные производства к совершенствованию; протекционистская политика, предполагающая значительные ограничения по доступу иностранной продукции на внутренний рынок, что обеспечивает «тепличные условия» для национальных компаний и

предпосылки для оптимизации показателей внешнеторгового баланса за счет снижения объемов импорта.

Можно утверждать, что в чистом виде данные направления практически не встречаются, подавляющее большинство государств придерживается смешанной стратегии. Хотя в мире наблюдается определенное усиление протекционистских тенденций, основным направлением изменений остается либерализация внешней торговли [2, с. 97].

Не смотря на общую тенденцию к либерализации, большинство международных торговых соглашений, включая регламенты ВТО, допускают возможность применения защитных мер. Хотя формально соответствующие нормы характеризуются как исключительные, распространенность их использования и избирательность применения существенно снижают ценность достигнутых договоренностей по либерализации международной торговли и искажают условия конкуренции на национальных рынках.

Согласно принципам ВТО при защите внутреннего рынка следует основываться преимущественно на тарифных ограничениях, а нетарифные меры регулирования должны играть существенно меньшую роль. Это направлено на достижение максимальной прозрачности механизмов протекционизма, возможность получения точной оценки степени защиты национальных рынков, снижение связанных с ними искажений условий торговли. Чаще всего применяется селективный подход, при котором путем повышения уровня импортных тарифов защищается определенная номенклатура товаров отечественного производства

В условиях нестабильности мировых рынков внешняя торговля становится менее предсказуемой, сложнее поддается управлению. Это делает проблематичным планирование и достижение заданных показателей по экспорту и импорту. Сохранение контролируемости внешнеторговых потоков требует использования широкого ряда экономических, нормативных правовых, а также управленческих мер, направленных на защиту внутренних рынков от импортной продукции. Данные меры определяются не только имеющимися экономическими предпосылками, но и существующим национальным законодательством, а также нормами международных соглашений и практикой их применения. В первую очередь это касается тарифных и нетарифных механизмов, возможность применения которых ограничивается рядом международных договоров [5].

Эти тенденции затрагивают и Республику Беларусь, не смотря на то, что она пока не входит в число участников ВТО. Успешность участия в международной торговле требует соответствия новым требованиям, а существующие обязательства и угроза применения ответных санкций не позволяют в полной мере использовать тарифные и нетарифные

ограничения. Актуализируется задача выбора механизмов, позволяющих достичь необходимого баланса между защитой внутреннего рынка от конкуренции с иностранными товарами, обеспечением поддержки развития национальных отраслей и либерализацией, при которой возможно поддержание эффективности отечественных производств, стимулирование притока частных инвестиций в экономику, успешное вхождение на зарубежные рынки.

Проблема применения этого вида мер, является актуальной для Республики Беларусь в контексте переговоров и перспектив присоединения к ВТО. В нашей стране активно применяются механизмы стимулирования производства импортозамещающей продукции, которые могут быть отнесены к запрещенным, согласно методологии данной организации. Необходим переход от непосредственного финансирования импортозамещающих проектов и доведения целевых показателей белорусским предприятиям, министерствам, концернам, облисполкомам по объему выпуска импортозамещающей продукции, величине экспорта и сальдо внешней торговли к разрешенным механизмам, применение которых не повлечет соответствующих санкций со стороны стран-импортеров [4, с. 65]. Допускается помощь неблагоприятным регионам в рамках комплексного регионального развития, учитывая, что Беларусь является страной наиболее пострадавшей от последствий аварии на ЧАЭС и существенная часть территории загрязнена радиоактивными изотопами, данный вид субсидий может явиться значимой мерой в стимулировании развития отечественной экономики. Финансирование в рамках содействия предприятиям в совершенствовании инфраструктуры для повышения ее соответствия требованиям по охране окружающей среды, также является допустимым [3, с. 64].

Для того чтобы минимизировать риск белорусские предприятия должны проанализировать (и исправить, если необходимо) соотношение между внутренними ценами и экспортными ценами. Экспортные подразделения белорусских компаний должны располагать информацией об основах торгового законодательства страны экспорта и быть осведомленными об их ценовой политике и политике издержек, в том числе сведениями о перепродажных ценах, используемых посредниками при покупке продукции белорусских предприятий. Быстроменяющиеся условия мировой торговли формируют новые вызовы для белорусской экономики. Сегодня уже очевидно, что активное участие в международных организациях и интеграционных группировках, становится не дополнительной возможностью, а острой необходимостью для обеспечения успешного развития республики. Необходимость изменений в сфере защиты национальных внешнеторговых интересов предполагает дальнейшее совершенствование законодательства и практики использования антидемпинговых, специальных защитных и

компенсационных мер для протекции внутреннего рынка. Это предполагает проведение политики, направленной на подготовку и переподготовку сотрудников внешнеторговых отделов, обеспечение государством юридической и информационной поддержки отечественных производителей и экспортеров, повышение согласованности действий стран-участниц в рамках Единого экономического пространства, активизацию работы по вхождению Республики Беларусь в ВТО.

Эффективность экономического развития во многом зависит от интегрирования в международную торговую систему и от способности страны использовать международные механизмы торгово-экономических отношений. В этой связи, в качестве приоритетных рассматриваются вопросы вступления республики во Всемирную торговую организацию, а также формирование и применение в республике системы средств защиты, отвечающей нормам международной торговли.

Литература и источники

1. Адамантопулос, К. Антидемпинговая политика ЕС // Мат. семинара по антидемпинговой политике ЕС, Минск, 2 фев. 2001 г. – Минск, 2001. – 29 с.

2. Всемирная торговая организация: Беларусь на пути в ВТО. Серия: «Мировая экономика» // Под научной редакцией П. Г. Никитенко. – Минск: Право и экономика, 2002. – 149 с.

3. Червинская, И. А. Антидемпинговые механизмы в системе внешнеторгового регулирования в Республики Беларусь / И. А. Червинская // Прил. к журналу «Весці НАН Беларусі»: в 5 ч. – 2013. – Ч. 2. Сер. гуманіт. навук.

4. Debroy B., Chakraborty D. Uses and Misuses of Anti-Dumping Provisions in World Trade: A Cross-Country Perspective. – 2006.

5. GATT // World Trade Organization, 2013 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.wto.org/ english/ docs_e/ legal_e/ gatt47_e.pdf. – Date of access: 11.06.2013.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КИБЕРПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОРА ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

В. М. Чернышова

Эффективный государственный контроль является одним из основных составляющих реализации государственного суверенитета. Традиционно государственный суверенитет связывают с государственной территорией, на которую он распространяется. Появление киберпространства бросает вызов классическому пониманию суверенитета или, по крайней мере, пониманию способов его реализации, так как возможность осуществления эффективного государственного контроля в

киберпространстве общепринятыми методами ставится под сомнение. Киберпространство не просто упростило взаимодействие между субъектами, а перенесло его на виртуальный, безграничный, всеобъемлющий, сложно-контролируемый уровень, ресурсы которого можно сравнить с возобновляемыми источниками энергии. Таким образом, возникает вопрос применения установленного регулирования, основанного на реализации государствами своих суверенных полномочий, к кибердеятельности. На данном этапе развития права нет эффективных инструментов для регулирования отношений, складывающихся в киберпространстве. М. Мюллер отмечает, интернет, как одна из частей киберпространства, объединил мир в единое пространство, в то время как «суверенитет подразумевает его раздробление приблизительно на 200 частей» [1]. Когда интернет стал использоваться миллиардами людей и глубоко укоренился в обществе, возникли всевозможные новые конфликты и споры, которые требуют создания новых правил, порядка и управления [1]. С нашей точки зрения, для определения направлений развития, методов регулирования данных отношений необходимо определить понятие киберпространства.

Существует множество подходов к определению понятия киберпространства. Например, С. Хамелинк определяет киберпространство как виртуальное коммуникативное пространство, созданное цифровыми технологиями [2]. По нашему мнению, данное определение является слишком узким и не отражает уникальности данного явления. С. Хамелинк в своем определении делает акцент на том, что киберпространство создано цифровыми технологиями, однако, полагаем, ключевым является тот факт, что оно, в первую очередь, является результатом человеческой деятельности и предполагает ее. То, что киберпространство есть новое пространство человеческой деятельности, которое выходит за рамки установленного регулирования, порождает теории «нового регулирования», например, теории о создании виртуальных государств и рассмотрении киберпространства как отдельного от государственных территорий места (Д. Пост, Д. Джонсон) [3]. Примером может служить создание Bitnation – платформы управления, которая работает на основе технологии блокчейн. Цель данной платформы заключается в предоставлении тех же услуг, которые предоставляются правительствами территориальных государств, но на децентрализованной и добровольной основе, без привязки к географическим условиям. Bitnation преследует реализацию концепции «мирового гражданства», позволяя любому человеку стать «гражданином» Bitnation. В рамках Bitnation разработана Конституция, блокчейн-паспорт и свидетельство о браке [4]. Ввиду того, что Bitnation на данном этапе является недостаточно развитым и распространенным, сложно судить о его эффективности, однако уже сейчас следует отметить проблемные вопросы, возникающие в

связи с перспективой его развития: например, каким образом соотносились бы «гражданство» виртуального государства и гражданство территориального государства; не ясно, какими методами виртуальное государство обеспечивало бы защиту своих «граждан» в киберпространстве, и чем эти методы могут кардинально отличаться от методов, используемых государственной властью территориальных государств; возникает вопрос о средствах правовой защиты, которые, в теории, должны обеспечиваться виртуальными государствами – какими будут такие средства, учитывая то, что на данном этапе развития виртуальные государства (например, Bitnation) не представляют собой полноценной структурированной системы.

П. Барлоу, отмечая, что киберпространство, с одной стороны, находится везде, с другой стороны, является не осязаемым [5], указывает на одну из ключевых характеристик киберпространства, предопределяющих его уникальность и возникновение проблем, связанных с регулированием деятельности в киберпространстве – безграничность, непривязанность к территориальным границам. Согласно определению, представленному в глоссарии ЮНЕСКО по управлению интернетом, киберпространство – всемирное виртуальное пространство со многими субобществами, в котором физические лица и организации используют информационно-коммуникационные технологии для своих социальных и коммерческих взаимодействий [6]. Данное определение более содержательно и включает две ключевые характеристики киберпространства: всеобъемлющий характер киберпространства и характеристика киберпространства как пространства человеческой деятельности.

Однако, полагаем, наиболее четкое определение предложил А. Беркес: «киберпространство − пространство без границ, где компьютерные коммуникации пересекают территориальные границы, создавая новую сферу человеческой деятельности, а его инновационный характер порождает проблемы применения существующего регулирования» [7]. Исходя из данного определения, можно выделить следующие особенности киберпространства как объекта познания и правового регулирования: во-первых, киберпространство не относится ни к одному из классических пространств (суша, морское пространство, воздушное пространство, космос); во-вторых, киберпространство имеет трансграничный характер, а также является единым, что дает основания предполагать невозможность его разделения между территориальными государствами; в-третьих, киберпространство создано и предназначено для использования человеком, то есть, предполагает человеческую деятельность.

Таким образом, киберпространство – новое уникальное пространство человеческой деятельности, которое не может регулироваться

существующими методами, так как является трансграничным, неосязаемым, доступным, всеобъемлющим и эффективно неконтролируемым государственной властью. На сегодняшний день можно констатировать, что в то время как области человеческой деятельности расширяются, суверенитет государства остается «неподвижным». Определение понятия «киберпространство» должно быть учтено при организации регулирования деятельности в киберпространстве.

Литература и источники

1. Mueller, M. Sovereignty and Cyberspace: Institutions and Internet governance / M. Mueller // Univ. of Indiana. 2018 [Electronic resource]. − Mode of access: https://dlc.dlib.indiana.edu/ dlc/ bitstream/ handle/ 10535/ 10410/ 5th-Ostrom-lecture-DLC.pdf ?6.sequence =1&isAllowed=y. – Date of access: 08.09.2020.

2. Hamelink, C. Human Rights in Cyberspace / C. Hamelink // Religion Online: Victorian section of the Australian Communication Association. 1989 [Electronic resource]. − Mode of access: https://www.religion-online.org/ article/ human-rights-in-cyberspace/. – Date of access: 08.09.2020.

3. Johnson, D. R. Law and Borders – The Rise of Law in Cyberspace / D. R. Johnson, D. Post // Stanford Law Review, May 1996 [Electronic resource]. − Mode of access: https://papers.ssrn.com/ sol3/ papers.cfm?abstract_id=535. – Date of access: 08.09.2020.

4. Jacobovitz, O. Blockchain for Identity Management: Technical Report / O. Jacobovitz // Ben-Gurion Univ., Beer Sheva, Israel. 2016. № 16–02 [Electronic resource]. − Mode of access: https://www.cs.bgu.ac.il/~frankel/ TechnicalReports/ 2016/ 16–02.pdf. – Date of access: 08.09.2020.

5. Barlow, J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace / J. P. Barlow // Electronic Frontier Foundation. Davos, Switzerland, 1996 [Electronic resource]. − Mode of access: https://www.eff.org/ cyberspace-independence. – Date of access: 08.09.2020.

6. Internet Governance Glossary / UNESCO [Electronic resource]. − Mode of access: https://en.unesco.org/ glossaries/ igg/ groups/ 1.%20Internet %20governance %20 general. – Date of access: 08.09.2020.

7. Berkes, A. Human Rights Obligations of the Territorial State in the Cyberspace of Areas Outside Its Effective Control / A. Berkes // Israel Law Review: Cambridge Univ. Press. 2019 [Electronic resource]. − Mode of access: https://bura.brunel.ac.uk/ bitstream/ 2438/ 20725/ 2/FullText.pdf. – Date of access: 08.09.2020.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АРГУМЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В. И. Чуешов, Т. В. Жмакина

Среди современных моделей национально-государственной идентичности все еще недооцененными и невостребованными являются принципы, законы, правила и понятия аргументологии. Прежде всего, в

силу следующих причин.

Во-первых, постольку, поскольку в современных моделях обычно недооценивается степень открытости для будущего концепции развития некоторой страны (применительно к белорусской национально-государственной идентичности, например, степень ее ориентаций на миротворчество, государственность, социальную требовательность и др.). Во-вторых, потому что недооценивается, что механизмы разрешения диалектических противоречий по отношению к константам, или исходным пунктам аргументации своеобразия некоторой национально-государственной идентичности определяют (могут определять) линии идеологического противостояния внутри страны относительно природы национального возрождения, специфики государственного суверенитета в условиях современной глобализации и интеграции и др.

С этой точки зрения разработка аргументологической модели национально-государственной идентичности вообще, белорусской национально-государственной идентичности в частности, является актуальной не только в теоретическом, но и в практическом отношении. Прежде всего потому, что такая модель необходима для практического решения, например, современных задач белорусского государственного строительства и управления в контексте современных вызовов. Вызовов, за которыми в реальной жизни стоят ведущие акторы современных политических отношений и другие субъекты политики со своими представлениями и аргументами о будущности того или иного национально-государственного образования, его независимости и суверенитете.

Для разработки аргументологической модели национально-государственной идентичности принципиальное значение имеет различение фактов, с одной стороны, предположений, с другой, пропозициональных утверждений и убеждений, деклараций, намерений, с третьей стороны, строгих доказательств, системных обоснований и подлинных убеждений от экспликаций, интерпретаций, с четвертой стороны [1].

В аргументологической модели национально-государственной идентичности могут реализовываться различные стратегии соединения отправных точек рассуждений с выводами, аргументов, отличных друг от друга по характеру, конкретному содержанию с дедуктивным и(или) индуктивным способами перехода от альфы к омеге национально-государственной идентичности. Важной составной частью аргументологической модели национально-государственной идентичности являются также концептуально организованные представления о природе нации, государственности, национального государства, а также национально-государственной идентичности вообще.

В рамках аргументологической модели национально-

государственной идентичности, поэтому, гражданская нация не тождественна нации этнической, государственность – государству, т. к. государственность, например, характеризует не столько реальную, сколько потенциальную политическую субъектность нации в международных отношениях.

Эвристический потенциал аргументологической модели национально-государственной идентичности проиллюстрируем на примере проектов формирования белорусского самосознания Н. Бекус [2]. Это тем более уместно, что данная исследовательница достаточно обстоятельно сравнивает между собой аргументацию трех проектов национальной идентичности Беларуси.

В ее изложении в нашей свободной интерпретации первый проект «Беларусь – Европа» [2, с. 2–7] основан на идее европейской белорусской идентичности. Она зиждется на таких исходных положениях, как либеральное демократическое политическое устройство, восстановление белорусской культурной традиции на основе европейских демократических и моральных принципов, включение концепции «европейскости» в белорусскую историческую память.

В свете данного проекта формирование национального самосознания в нашей стране означает возрождение тех европейских традиций, которые лежат в основе современной западной демократии. Востребованность данного проекта аргументируется положениями о том, что Беларусь интимно связана с Европой, начиная со времен Великого Княжества Литовского, и в такой перспективе возвращение для нее в Европу является возращением домой. При этом предполагается, что Беларусь, как и любая другая европейская страна, прошла все стадии формирования собственной нации. Это, в свою очередь, означает, что такие траектории формирования белорусской идентичности как русификация, современный статус белорусского языка вполне объяснимы в соответствии с закономерностями европейского нациестроительства. В такой перспективе национальный язык, который с позиций европейского нациостроительства является значимым фактором идентичности, уже не имеет особого значения, так как использование языка бывшего колонизатора обычное явление в контексте глобализации, как, например, в Ирландии, Бельгии. В этом проекте обращается также внимание на то, что именно «вэкаэловская история» белорусских земель является основным, чуть ли даже не единственным исходным пунктом европейской национально-государственной идентичности для современной Беларуси.

По мнению Н. Бекус, во втором проекте белорусской идентичности «Беларусь – "нация на мосту"» [2, с. 7–13] исходным пунктом аргументации является непринадлежность Беларуси ни к Западу, ни к Востоку. В соответствии с данной отправной точкой аргументации, считается доказанным, что Беларусь никогда не была национальным

государством. Представление об отсутствии истории становления белорусского национального государства при этом означает, что его история начинается только сегодня. В тени такой аргументации, как представляется, остается различение понятий и концепции государства и государственности. В рамках данного проекта, по мнению Н. Бекус, в нашей его свободной интерпретации, и строительство союза с Россией, и вступление в Евросоюз оказываются для страны препятствиями на пути национального государственного строительства, т. к. означают передачу инициативы в данном вопросе от внутренних к внешним субъектам политики. В рамках данного проекта, однако, неявно предполагается, что и суверенитет, и независимость являются основными национальными интересами. Эти интересы отражаются, например, в сознании белорусской элиты, в котором уже вполне устоялся образ Беларуси в известном отношении «свободной» как от Запада, так и от Востока. Как известно, аргументы о Беларуси как нейтральной культурной территории развивались еще в 20–30-ых гг. прошлого века И. Абдираловичем (Кончевским), Я. Купалой. Согласно Абдираловичу, «колебания между Востоком и Западом и искренняя неприязнь ни к одному, ни к другому является основным признаком истории Беларуси». Пограничное положение Беларуси между двумя разными цивилизациями фиксируется в белорусской идее (идентичности) в виде переплетения друг с другом восточных и западных ценностей, отражается в особой миссии Беларуси, как строительстве культурного и геополитического «моста» между двумя полюсами – Востоком и Западом.

Образ «нейтральной» «пограничной» белорусской идентичности, идентичности как «моста», был художественно оформлен Янкой Купалой в «Тутэйшіх». В этой поэме самоопределение белорусов рассматривается как двуединый процесс: процесс отстранения *от* и процесс идентификации *с*. Идентификации с «тутэйшымі» (местными) жителями, с их представлениями о «своем клочке земли», о том, что они «нарадзіліся тут» и пр.

Проект белорусской идентичности, построенный на аргументах о принадлежности народа к определенной территории, или, по нашей терминологии, антропотерритории, как представляется, решает некоторые задачи формирования белорусской национально-государственной идентичности через механизмы дистанцирования *от* и деполитизирует их в соответствии с механизмами идентификации *с*.

Третьим в изложении Н. Бекус является проект «национальной идеологии белорусского государства как формирования официальной концепции белорусской идентичности» [2, с. 13–25]. По ее оценке, артикулируемая в современном официальном дискурсе белорусская национальная идея строится на идее национальной исключительности государства и общества, или, добавим от себя, признании существования

белорусской национально-государственной идентичности. В рамках данного проекта, обратим на это внимание со своей стороны, нивелируются недиалектические последствия односторонней абсолютизации национального и государственного, которая всегда чревата крайностями различных *измов:* шовинизма, национализма, этатизма и пр. С нашей точки зрения, данный проект следовало бы точнее оценивать как проект формирования белорусской национально-государственной идентичности в условиях современной глобализации и интеграции. В его востребованной аргументологической модели важно обратить внимание на то, что необходимо органическое соединение национального и государственного, что и является наиболее устойчивым в исторической перспективе.

Практическое использование аргументологической модели национально-государственной идентичности является платформой для современного диалога о характере базисных ценностей общества и государства, особенностях их идеологического обоснования и доказательства. Соединение идей нации и государства в горниле идентичности наиболее органично реализуется в соответствии с ценностями толерантности, бережного отношениями к историческим традициям, открытости и диалога. При этом важно не упускать из вида, что ценность толерантности одновременно является и этнической, и гражданской, и, следовательно, не только не исключает, а предполагает формирование и развитие любви к своей земле, стране, ее людям, культуре, языку и т. д.

Литература и источники

1. Чуешов, В. И. Антропологические и аргументологические основания межкультурного взаимодействия и диалога культур / В. И. Чуешов, К. В. Чуешов // Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации / В. И. Чуешов [и др.]. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2020. – С. 28–63.

2. Bekus, N. European Belarus versus State Ideology: Construction of the Nation in the Belarusian Political Discourses / N. Bekus. – Warsaw, 2008. – 26 p.

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДИГИТАЛИЗАЦИИ

В. Н. Шаповал

Земная цивилизация переживает период серьезных и достаточно драматичных трансформаций, одним из важнейших проявлений которых является набирающая темпы дигитализация – перевод все больших массивов информации в цифровую форму [1]. Происходит не просто изменение формы. Инновации в сфере получения и обработки информации

позволяют по-новому подойти к познанию природы, социальной реальность и самого человека. Они открывают возможности проникать в тончайшие структуры бытия и на основании глубоких и точных знаний добиваться большей результативности во всех сферах деятельности [2]. Это позволяет снизить элемент субъективности и приблизить человека к тому, чтобы его знания в большей степени соответствовали действительной картине мира. Вместе с тем, набирающая темпы дигитализация порождает немало противоречий и трудностей.

Совсем не обязательно разбираться в тонкостях оцифровки данных, в том, что происходит при работе суперкомпьютера или глобальной компьютерной сети. Однако необходимо четко представлять себе, какую реакцию мы получим на выходе, если подать ту или иную информацию на вход. «Информация на входе» – это наши мысли, идеи, ценностные установки, предопределяющие человеческое целеполагание. И здесь возникает проблема: ставя себе целью добиваться все более высокой точности в деталях, не утрачиваем ли мы понимание главного, – того, что такое мир как целое, куда он движется, каково в нем место человека?

Когда-то, на заре космонавтики, многие самоуверенно полагали, что за первыми шагами последуют следующие, темпы освоения внеземных пространств будут нарастать, и в недалеком будущем Солнечная система, а затем и наша Галактика будут покорены. Ценностная установка, согласно которой космос представляет собой великую тайну, которую человеческий разум призван раскрыть [3], перестала быть определяющей. Космос стал рассматриваться, главным образом, как сырьевая база, неисчерпаемый источник вещества и энергии, способный удовлетворить самые смелые желания и прихоти человека. Однако вскоре выяснилось, что не все так просто. Реальные технологические, экономические и финансовые возможности не позволяют немедленно осуществить амбициозные планы. Дальним космосом предоставили заниматься узким специалистам, а средства стали вкладывать преимущественно в те космические программы, которые дают непосредственную практическую пользу. Стратегическое мышление уступило место тактическому, сиюминутные цели стали приоритетных, а дальние перспективы оставили для размышлений потомкам. По всем признакам, та же ошибка допускается в отношении современного цифрового общества.

Следует отдавать себе отчет в том, что дигитализация, при всех ее скрытых и явных потенциях, – это всего лишь инструментальная процедура, позволяющая взять под контроль крупные массивы данных и научиться обрабатывать их в кратчайшие сроки и с максимальной результативностью. Она есть средство, а то, какими будут цели, которым она призвана служить, зависит от человека, его знаний, убеждений и ценностей.

Система ценностей предопределяет поведение человека, все формы

его деятельности. С другой стороны, перемены в ценностной сфере в немалой степени зависят от среды, в которой она формируется. Одной из важных следствий дигитализации является то, что ее ускорение ведет к серьезным изменениям сознания и всего образа жизни современного человека. В сумме с расширением возможностей биотехнологий, это может иметь следствием то, что человек как биологическое существо, в том виде, в каком его создала природа, может перестать существовать, превратившись в некий элемент созданных им технологий. Философы и ученые предупреждали об этом много лет назад. Сегодня мы вплотную приблизились к такому переходу [4].

Появляются значительные группы людей, сознание которых настолько глубоко захвачено цифровой реальностью, что реальный мир стал для них чем-то эфемерным, как мир теней Платона. Возникает все большее непонимание между теми, кто значительную часть времени пребывает в виртуальном мире, и теми, кто живет в мире реальном. Указанное непонимание углубляется и может стать непреодолимым. Не исключена ситуация, что избегающие тотальной оцифровки «сторонники живой реальности» будут отодвинуты на обочину цивилизации, а возможно и вообще исключены. Как бы мы ни хотели обратного, но человечество неуклонно расслаивается на тех, кто занимается креативной деятельностью по созданию информации во всех ее видах и формах, и тех, кто занят только ее потреблением. Первые, в конце концов, приобретут реальную властью и будут управлять социальными и экономическими процессами, в то время как вторые превратятся в пассивных потребителей и объект манипуляций [5].

Извечный спор философов о том, прост или сложен мир в своей сущности, похоже, решается в пользу сложности. Хотя универсум (мультиверс [6]) невероятно велик в пространственном и временном отношении, все же он, во всех смыслах, конечен. Если так, то его сложность также не бесконечна, а, следовательно, подвластна человеческому пониманию, как в своих главных моментах, так и в деталях. Однако время существования мира и время существования цивилизованного человечества – несопоставимые вещи. Отсюда важная задача: успеть понять основные свойства этого мира и свое место в нем, до того как исчезнуть. Для этого нужно делать это не только быстро и с максимальной результативностью, но и представляя себе все последствия своих действий, чтобы неизбежный финал был отодвинут как можно дальше.

Цифровые технологии, которые человечество, при всех издержках, осваивают все увереннее, могут существенно приблизить к указанной выше цели. Но далеко не все в этом мире подлежит оцифровке. Передавая часть интеллектуальных функций машине, человек должен оставаться хозяином своего сознания и своей жизни. Он должен быть абсолютно

уверенным в том, что обладает свободой воли. Как бы далеко не зашел прогресс технологий, человек остается свободным, а значит, нравственным существом, самостоятельно принимающим решения и несущим за них полную ответственность.

Литература и источники

1. Шмидт, Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства / Э. Шмидт, Дж. Коэн // Пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.

2. Глик, Дж. Информация. История. Теория. Поток / Дж. Глик // Пер. с англ. М. Кононенко. – М.: АСТ CORPUS, 2013. – 576 с.

3. Саган, К. Космос: Эволюция Вселенной, жизни и цивилизации / К. Саган // Пер. с англ. А. Сергеева. – СПб.: Амфора, 2005. – 525 с.

4. Харари, Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Ю. Н. Харари // Пер. с англ. А. Андреев. – М.: Синбад, 2018. – 494 с.

5. Бард, А. Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист // Пер. В. Мишучков. – М.: Манн, Иванов и Фербер, Стокгольмской школы экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.

6. Дойч, Д. Структура реальности / Д. Дойч // Пер. с англ. Н. А. Зубченко. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 400 с.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТРИОТИЗМ: КРИЗИСНОЕ ВОСПРИЯТИЕ В СИСТЕМЕ СЦИЕНТИЗМА И ТЕХНИЦИЗМА

Н. О. Щупленков

Научно-техническая революция, начавшаяся в XIX веке, утвердила веру в безграничные возможности человека, привела к окончательному закреплению за ним центрального статуса в природе, над которой он призван господствовать с помощью техники.

Культ науки и культ машины победоносно шествовали по миру вплоть до современной постиндустриальной эпохи, требуя «не ждать милостей от природы» и провозглашая, что «человек – это звучит гордо».

Концепты «прометеева человека» и «фаустовского человека» – покорителя природы, вырывающего у нее сокровенные тайны и самовольно ее исправляющего, – стали ключевыми для индустриальной эпохи. Под знаком этих жизнеориентирующих образов происходило насаждение инструментально-технологического отношения к миру, превратившее природу в «лабораторию» и «мастерскую», источник безудержного экспериментаторства и удовлетворения все разрастающихся материальных потребностей [1].

Утилитарно-прагматическое восприятие мира своим неизбежным

следствием имело формирование подобного же отношения к самому человеку, вырванному из природного контекста и помещенному в порожденную им техническую среду.

Советский литературный официоз 1920-х годов выразительно передает охвативший миллионы пафос поклонения машине, желание молиться или даже слиться с ней: «Шеренги и толпы станков, подземные клокоты огненной печи, подъемы и спуски нагруженных кранов, дыханье прикованных крепких цилиндров, рокоты газовых взрывов и мощь молчаливая пресса – вот наши песни, религия, музыка» [2, с. 350].

О методах этой радикальной переработки человека в бесклассовом обществе прямолинейно рассуждает Н. И. Бухарин: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов, является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи» [3, с. 280].

Совершенно очевидно, что «трудовые армии» 1920-х годов, концепция «милитаризированной рабочей силы», наконец, чудовищная система ГУЛАГа оказываются совершенно приемлемым для новой власти путем достижения существенно улучшенным «человеческим материалом» идеального общества. Мысли Бухарина и Троцкого удивительно созвучны в этом смысле Кампанелле или Дешану. Справедливо утверждение А. С. Панарина, что в XX веке «в России индустриализм явился в неприкрыто бесчеловечных крайностях» [4, с. 95].

По мнению А. С. Панарина, «реальным "средним термином" российской жизни и культуры является государство». «Россия сохраняет архетип святой Руси, почему царь у нас – помазанник Божий, почему православие, самодержавие и народность стянуты в один узел. Дело в том, что государство российское есть оружие, стоящее на стороне слабых против сильных и тем самым ломающих "нормальную" земную логику, как и логику либерального "естественного отбора", согласно которой сильные естественным образом торжествуют над слабыми» [4, с. 210].

Россия не может претендовать на то, что в ней ранее других была реализована идея социального государства в западном его понимании. Наша государственная история претендует на другой приоритет – на приоритет защиты правды и справедливости. Не в силе Бог, а в правде.

Русская социальность имеет самобытную натуру, она далека от имитаций общественного договора и вассальной верности хозяевам жизни: «Специфический демократизм российского "государственного деспотизма" основан на арехтипической идее союза священного царя с народом против "сильных людей", злоупотребляющих своими возможностями как в отношениях с нижестоящими, так и в отношении обязательных государственных повинностей. "Слабое" государство в России – это не демократическое государство, как это следует из либеральной логики, а номенклатурно-олигархическое государство,

идущее на поводу у сильных и начисто игнорирующее интересы слабых» [4].

Так называемая российская кротость, по мнению А. С. Панарина, «перед лицом государства – свидетельство не холопского раболепия, а живого ощущения присутствия высших принципов и высших парадоксов, таинственно сопутствующих государственной миссии. Перед государственными самозванцами, как бы ни были они вооружены силой и деньгами, внутренней олигархической и могущественной внешней поддержкой, русский человек не раболепствует. Следовательно, дело не в силе как таковой, а в правде; если государство хоть в какой-то степени воплощает эту социально-христианскую правду, оно удостаивается самоотверженного служения и самоотдачи народных низов, не заглядывающих в бухгалтерские ведомости. И напротив, даже самое щедрое на оплату либеральное государство, призывающее не службу "профессионалов, а не праведников", обречено сталкиваться с обескураживающими свидетельствами того, что по законам "нормального рынка" и эквивалентного обмена в России никто не живет» [5].

Государство – олицетворяет собой национальную традицию, которая выше претензий сильного меньшинства или слабого большинства. Социальная справедливость состоит не в уравниловке и не в преклонении перед силой. Она в органичной иерархии, где смиряются воля к власти и стихия массы, а утверждается воля к истине.

Такой успех марксизма как двуединства философской теории и социально-политической практики во многом объясняется тем, что он, как верно заметил академик И. Р. Шафаревич, предельно конкретно ответил на два ключевых вопроса: какова общественная сила, избранный народ, руками которого будет демонтироваться прежняя система, и каков высший санкционирующий авторитет движения [6]. Ответом на первый вопрос был – пролетариат, на второй – наука.

Однако уже во второй половине XX века оба они оказались в значительной мере недействительными. Мировой пролетариат утратил свою былую революционность. Наука также потеряла ореол абсолютной ценности, став массовой, чрезвычайно институализированной и специализированной областью человеческой деятельности, к тому же с весьма небесспорными заслугами перед человечеством.

Слова «Фултонской речи» У. Черчилля, обозначавшие открытое начало «холодной войны», о том, что коммунизм представляет собой «все возрастающий вызов и опасность для христианской цивилизации», а его «экспансионистские» и «верообратительные» амбиции не имеют пределов, нашли широкий отклик.

Требовалась «смена парадигм». Дискредитировавшая себя откровенным тоталитаризмом и бесчеловечностью социалистическая система вызывала здоровое отторжение во всем мире и не могла уже

оставаться в «мейнстриме» развития левой идеологии.

Новым санкционирующим авторитетом и важнейшим мировым достоянием провозглашаются «права человека» или «общечеловеческие ценности», в отстаивании которых в любом конце земного шара все средства хороши. Гарантом их сохранения выступают, естественно, США. Культовыми становятся понятия плюрализма, толерантности, космополитизма, глобализма; нормативными принципами нового мирового порядка объявляются безграничная свобода самовыражения, крайний индивидуализм, «мораль успеха» и «эстетика наслаждения».

Индустриальная цивилизация в ее либерально-прогрессивном изводе, порожденная секулярным антропоцентризмом и в не меньшей степени, чем социализм, приводящая к нивелированию и обесцениванию человека, постепенно уступает место постиндустриальному или информационному обществу.

Западный путь прогресса более мягкий, чем коммунистический, в большей мере основан на манипулировании и управлении массовым сознанием. Однако обоим характерно утилитарное отношение к человеку, сведение его до уровня «винтика» в социалистической системе или бездумного потребителя искусственно навязанных материальных благ в системе капиталистической.

Литература и источники

1. Лескин, Д. Ю. прот. Человек в постиндустриальную эпоху: новая парадигма или последний акт? / Д. Ю. Лескин // Наука и культура России: материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 26–27 мая 2011 г. – Самара, 2011. – С. 109–116.

2. Шафаревич, И. Р. Две дороги – к одному обрыву / И. Р. Шафаревич. – М., 2003. – 448 с.

3. Солоухин, В. А. При свете дня. Собр. соч. – М., 2006. – Т. 2.

4. Панарин, А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М., 2005.

5. Стратегическая нестабильность в XXI веке / Александр Панарин. – М., 2003. – 558 с.

6. Шафаревич, И. Р. Социализм как явление мировой истории. Собр. соч. в 2-х томах. – М., 1994. – Т. 1.

АРХИТЕКТОНИКА КРИЗИСА ПСИХОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

О. В. Щупленков

Идеологи нового мирового порядка, уже провозгласившие конец

истории и одновекторность развития мира, не нуждаются в его культурном и цивилизационном многообразии и склонны интерпретировать не западные формы общественно-экономической жизни, как тупиковые. Еще в меньшей степени для них является подлинной, а не мнимой ценностью человеческая природа, с которой также можно экспериментировать, если не в физическом (мораторий на клонирование и генетические эксперименты пока еще действует во многих странах), то в психологическом направлении.

Утилитарный функционализм стремится превратить в средство не только природу, но и самого человека. «Безудержная "прометеева воля" в сочетании с моралью успеха ведет к поразительной бесчувственности к правам жизни, неуважению высших тайн человека и космоса» [1, с. 273].

Под кризисом либеральной демократии Паин Э. А. понимает подъем антиэлитарных настроений, обозначаемых понятием «популизм», которые сопровождаются ростом недоверия граждан к основным политическим институтам (исполнительной и законодательной власти, партиям и др.) в крупнейших либерально-демократических государствах Запада [2]. Кризис доверия к политическому режиму вовсе не свидетельствуют о кризисе доверия к идее нации или об убывании ценности государства-нации. Напротив, национал-популистские движения (а это, пожалуй, самая представительная часть современного популизма) выступают за укрепление национально-государственного суверенитета, и их активность оказывает непосредственное влияние на изменение политического курса ряда государств (наиболее очевидный пример – решение Великобритании о выходе из ЕС). Массовый национал-популизм противостоит узким и все сжимающимся группам интеллектуалов в Западной Европе, выступающим с противоположными идеями и связывающими «европейское не только с вне – или наднациональным, но и с антинациональным как синонимом прогрессивного» [3].

Противостояние между национал-популизмом и той частью элиты, которая считает антинациональное прогрессивным и пытается «рвать знамена нации» проявляется в разных сферах, но прежде всего, в отношении к миграционной политике и политике мультикультурализма. Чаще всего причины подъема национал-популизма связывают с консерватизмом масс, сопротивляющихся прогрессу. Близкое этому объяснение – «бунт лузеров», не сумевших приспособиться к новым условиям глобализации. Не понимая этого, они одурманиваются ксенофобией, ища истоки своих бед в притоке мигрантов. О роли элит в развитии нынешнего кризиса либеральной демократии говорят реже. Паин Э. А. полагает, что нынешний подъем национал-популизма в значительной мере является ответом на предшествовавший ему разгул надменного и эгоистичного элитизма.

Медиасреда кардинальным образом меняет структуру познания

человеком окружающего мира. От находящихся в ней не требуется стадии обучения; не предъявляются серьезные требования к умственной деятельности. Информация в медиамире передается посредством визуальных образов, активно замещающих собой слово, текст. Принципиальная общедоступность телекультуры приводит к размыванию различительных культурных признаков, редуцированию понятий сакрального, сокровенного, скрытого от всеобщего обозрения. Формируется психологическое пространство вседозволенности и релятивизма.

«IT-революция» вне меньшей степени, чем революция сексуальная разрушает традиционные правила регуляции общественной и частной жизни, иерархическую систему знаний, приводит к обеднению форм поведения [4].

В соответствии с запросами нового мирового порядка реформируется и система образования. Уже в 1970-е годы крупный американский футуролог Э. Тоффлер характеризовал переживаемый период как канун совершенно новой нравственности, призванной учитывать «ускорение перемен» в современном мире [6, с. 15].

С огромным числом людей, которых человек видит ежедневно, он вряд ли встретится еще раз в своей жизни, тем более вступит в серьезные отношения. Человек постиндустриальной эпохи призван приспосабливаться к постоянно возрастающим изменениям в личной жизни, от него требуется принципиально иной, чем раньше, уровень адаптации.

Система образования и призвана обеспечить эту адаптацию, исходящую из краткосрочности и прагматичности человеческих контактов. Люди собираются вместе, чтобы решить конкретные задачи. После этого точно так же, как это бывает с мобильными спортивными площадками или площадками для игр, происходит «разборка» данных структур, в том числе и людей, которые в них входили.

Знание само по себе перестает быть ценностью. Оно все больше превращается в «скоропортящийся» продукт. Сегодняшний «факт» завтра оказывается дезинформацией. Важнейшим становится не сумма знаний, но умение ею оперировать и выбирать. Очевидно, что такой выбор (а информационная эпоха превращает его в сверхвыбор, т. е. чрезвычайно богатый выбор) нужно осуществлять на основаниях некой системы ценностей.

Однако толерантное общество не вправе навязывать молодому человеку единственную систему координат. Пережитком тоталитаризма считает Тоффлер понимание образования как формирования характера и мировоззрения, что является стремлением «заманить или загнать молодежь силой в систему ценностей стариков» [6, с. 453]. Новая система образования может требовать от человека только наличия четкого

представления о собственных ценностях, при этом не имеет значения, какими они будут.

Более того, ценности необязательно должны находиться в рамках одной взаимосвязанной структуры: таких структур у каждого человека может быть несколько, и он, в зависимости от жизненных условий, должен их последовательно применять.

Очевидно, что в данной концепции целостное мировоззрение и наличие идеалов не имеет никакого значения: требуются только адаптация, стилизация, встраивание в существующую динамичную систему с целью извлечения конкретной пользы.

Тогда такие психологические практики, как нейро-лингвистическое программирование, получившее широкое распространение, начиная с 1980-х годов, бесконечные управленческие тренинг-семинары, методики командообразования (team-building) в маркетинге, особенно активно использующиеся сетевыми компаниями, и т. д. становятся не только оправданными, но и ключевыми направлениями перестройки сознания и межличностных отношений.

Каким же видятся в целом перспективы нового мирового порядка? Его целостная прогностическая картина и тем более конкретно-детализированное описание сегодня, в условиях затянувшейся неопределенности во многих сферах глобальной политики, выглядели бы самонадеянным пророчеством. Не приходится сомневаться лишь в том, что рациональной и эффективной моделью нового миропорядка не может стать не что иное, как полицентричный мир с неизбежными элементами асимметрии при сохранении стержневой координирующей роли ООН. Базовые параметры этой модели будут определять, прежде всего, такие объективные факторы, как все большее рассредоточение новых центров силы, с совокупной мощностью которых США не смогут не считаться; увеличение по нарастающей экономического и военно-стратегического потенциала Китая и Индии; усиление роли ведущих стран Латинской Америки; более самостоятельная роль Евросоюза как влиятельного субъекта мировой политики при том понимании, что ситуацию в нем может усложнить трансформация традиционных партийно-политических форматов, их ослабление и даже размывание в пользу иных, альтернативных в той или иной степени общественно-политических сил и движений [7].

Укрепление в целом в последнее десятилетие международных позиций России, несопоставимых по значимости и весомости с тяжелейшим периодом 1990-х годов, подтверждает, что в новом мировом порядке у нее есть все шансы обрести геополитический статус, соответствующий ее мощному потенциалу и ресурсам.

Литература и источники

1. Панарин, А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М., 1998. – 391 с.

2. Паин, Э. А. Кризис либеральной демократии на Западе – расплата за элитизм и «рваные знамена» гражданской нации // Фонд «Либеральная миссия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://liberal.ru/ trends/ krizis-liberalnoj-demokratii-na-zapade–rasplata-za-elitizm-i-rvanye-znamena-grazhdanskoj-nacii. – Дата доступа: 13.02.2019.

3. Шимов, Я. Рваные знамена наций // Фонд «Либеральная миссия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://liberal.ru/ trends/ rvanye-znamena-nacij. – Дата доступа: 23.01.2019.

4. Лескин, Д. Ю. прот. Человек в постиндустриальную эпоху: новая парадигма или последний акт? // Наука и культура России: материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 26–27 мая 2011 г. – Самара, 2011. – С. 109–116.

5. Лескин, Д., прот. Медиамир и исчезновение детства. Предисловие к кн.: Дети в медиамире. Сборник статей. – Тольятти, 2010. – С. 4–9.

6. Тоффлер, Э. Шок будущего. – М., 2008.

7. Неймарк, М. Кризис либеральной модели миропорядка и будущее Евросоюза // Современная Европа. – 2018. – № 1. – С. 26–35.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Е. В. Юшкевич

Информационные технологии становятся частью развивающей среды ребенка, фактором обогащения его интеллектуального развития, создавая основу для формирования новых типов мышления. Компьютерные технологии – это составная часть информационных технологий, которые предполагают использование всего спектра современных средств коммуникаций, таких как компьютер, интернет, видео, мультимедиа, аудиовизуальное оборудование и многое другое. Преимуществом использования компьютерных технологий в системе дополнительного образования является переход от вербальных методов обучения к методам поисковой и творческой деятельности детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Работа в сфере дополнительного образования отличается личностной ориентацией, мобильностью, многоплановостью, вариативностью, что позволяет педагогу выбирать методы и формы обучения, которые больше соответствуют его методической грамотности, социальному запросу и условиям образовательного учреждения и тем самым наиболее полно

решают задачи, связанные с всесторонним развитием детей дошкольного и младшего школьного возраста. Использование нестандартных технологий в образовании, воспитании, обучении и развитии подрастающего поколения, в том числе информационных, становится мощным резервом для повышения эффективности работы педагога в системе дополнительного образования. Потому как «современная система дополнительного педагогического образования должна мобильно реагировать на изменения, происходящие в образовании, осуществлять опережающую подготовку педагогов, обеспечивать быстрое и эффективное внедрение образовательных инициатив в практику, учитывать требования и ожидания заказчиков образовательных услуг» [1]. Значит, основной целью системы дополнительного образования является развитие творческих способностей детей через создание продуктов творческой деятельности.

Информатизация во всем своем многообразии играет в жизни ребенка очень важную роль и влияет на формирование детского сознания. Педагогические критерии возрастного развития характеризуют возможности воспитания и образования в различные периоды жизни ребенка. С возрастом также связаны: характер, деятельность, особенности мышления, круг интересов и социальных проявлений. Каждый возрастной период имеет свои возможности и ограничения в развитии, а значит, в процессе воспитания и обучения необходимо учитывать присущие особенности и пределы развития ребенка. Актуализируя необходимость использования ИКТ (информационных компьютерных технологий) в системе дополнительного образования на занятиях с детьми, необходимо ориентироваться, с одной стороны, на реализацию психолого-педагогических задач, а с другой стороны – строить процесс образования с учетом и в соответствии с требованиями информационной безопасности, учитывая возможные риски. Зная психолого-педагогические характеристики детей дошкольного и младшего школьного возраста, можно заключить, что процесс обучения с использованием компьютерных средств развивает: теоретическое мышление, воображение, способность к прогнозированию результата действия, проектное мышление, ведущее к развитию творческих способностей детей дошкольного и младшего школьного возраста. По отношению к ребенку компьютер очень терпелив, не ругает за ошибки, а ждет, когда ребенок их исправит сам. В противовес этому, использование традиционных методов образования – эмоциональное одобрение педагога, так необходимое ребенку дошкольного и младшего школьного возраста, компьютер заменить не может. Из чего следует, что не всякая деятельность способствует развитию способностей, а только эмоционально благоприятная. Если выразиться тривиально, ребенок старается для любимого преподавателя и не старается для нелюбимого.

Занятия, связанные с использованием ИКТ, улучшают память и внимание детей дошкольного и младшего школьного возраста. Используя компьютерные игры, ребенок раньше развивает знаковые функции сознания, которые лежат в основе абстрактного мышления. Идет развитие функций моторики и зрительной координации, развитие интеллекта. Но наряду с неоспоримыми достоинствами есть и недостатки. И это – неумеренное использование средств ИКТ в процессе обучения детей дошкольного и младшего школьного возраста, которое может привести к ухудшению зрения ребенка, а также отразиться на его психическом здоровье. Способ индивидуального обучения посредством ИКТ также имеет недостатки, связанные с тотальной индивидуализацией. В процессе работы с ИКТ у ребенка пропадает живое диалогическое общение. Личное общение педагог – ученик, оказывающее системное влияние, теряется. А ведь носителем культурно-нравственных ценностей, идеалов, смыслов является педагог, именно он воздействует на ребенка в личном контакте, закладывая фундаментальные основы. И это сложно заменить текстовыми заданиями. Возникает необходимость разрешения противоречий между тенденциями в образовательном процессе, связанными с инновационными технологиями и с традиционными методами обучения и воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста в системе дополнительного образования. Современное общество перенасыщено противоречивыми ценностями, поэтому важен индивидуальный подход педагога, который будет как учитывать психологические составляющие: самочувствие, настроение ребенка в непредвиденных жизненных обстоятельствах, так и опираться на комплекс факторов развития личности: способности, прилежание, динамику обучения.

При интеграции информационных и образовательных технологий необходимо полагаться на выбор оптимальных и рациональных решений, основанных на анализе процесса обучения, с учетом безопасности и рисков, психолого-педагогических и возрастных особенностей детей дошкольного и младшего школьного возраста. «Необходимо четко понимать, что мышление ребенка, в период дошкольного и младшего школьного возраста, особенно подвержено влиянию "электронных продуктов"» [2, с. 160]. В этой связи хочется отметить, что «ценности, принятые в системе образования, задают параметры ее развития и отношений между ее субъектами, влияют на степень их инициативности в решении инновационных проблем, поиске новых смыслов обучения, обеспечивают их интеллектуальный и культурный рост при наличии выбора, учета разных подходов» [3, с. 39].

Задача дополнительного образования заключается в том, чтобы подготовить ребенка к жизни в информационном обществе, помочь овладеть информационной культурой, которая поможет реализовать творческие способности [4, с. 1559]. Информационная среда представляет

условия для развития творческого потенциала детей дошкольного и младшего школьного возраста, однако степень ее благоприятствования определяется исходя из психолого-педагогических и возрастных особенностей детей, дидактических средств, форм и методов обучения, при тесном взаимодействии непосредственных участников образовательного процесса: педагогов, воспитанников, родителей (законных представителей) несовершеннолетних детей. Дошкольный и младший школьный возраст – это период формирования и развития. Поэтому очень важно, чтобы ребенок научился общению с окружающими его сверстниками, живя в реальном мире, развивал свои творческие способности, а ИКТ в этом процессе стали эффективным инструментом развития.

Литература и источники

1. Монастырный, А. П. Современные тенденции трансформации дополнительного педагогического образования в Республике Беларусь / А. П. Монастырный, Л. Г. Тарусова, И. А. Дзюба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.apkpro.ru/ doc/Монастырный_2.pdf. – Дата доступа: 17.07.2020.

2. Юшкевич, Е. В. Безопасность и риски применения информационно-компьютерных технологий в системе дополнительного образования детей дошкольного и младшего школьного возраста / Е. В. Юшкевич // Современные векторы образования: теория и практика: статьи и материалы Всероссийской науч.-практ. конференции (с международным участием), Коломна, 24 декабря 2019 г. / Под ред. С. А. Ермолаевой; редкол.: Г. С. Вяликова, С. С. Савельева, Т. В. Яковлева. – М., 2020. – 240 с.

3. Асташова, Н. А. Развитие аксиосферы будущего педагога в диалоговом пространстве современного образования / Н. А. Асташова, С. К. Бондырева, А. П. Сманцер // Образование и наука. – 2018. – Т. 20, № 7. – С. 32–67.

4. Юшкевич, Е. В. Информационно-образовательная среда как фактор развития творческих способностей детей дошкольного и младшего школьного возраста / Е. В. Юшкевич // Семья и дети в современном мире: сб. материалов конференции «Семья и дети в современном мире» / Науч. ред. и сост. В. Л. Ситникова. – СПб., 2020. – Т. 6. – 1610 с.

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ И ПРИОРИТЕТАХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

С. Л. Яблочников, И. О. Яблочникова

В современных условиях, когда различного рода инновации интенсивно проникают во все сферы реализации социально-экономических процессов, возникает целый ряд серьезных проблем и

вызовов, в первую очередь, обусловленных формированием существенных противоречий в обществе, а также переоценки традиционных ценностей и смены приоритетов. Несомненно, нынешний этап развития социума, именуемый большинством отечественных и зарубежных исследователей информационным обществом, драйвером эволюции которого является так называемая всеобщая цифровизация, – фактически, абсолютно новая эпоха в истории человечества. Совокупность явлений и процессов, реализуемых сегодня, вполне заслуженно в научной литературе и средствах массовой информации именуют Промышленной революцией 4.0. Однако, объективно, для каждой из известного перечня великих революций были характерны не только лишь позитивные последствия и итоги, но и вполне ощутимые потери и недостатки.

В данном случае, авторы ни в коей мере не ставят перед собой цель, в некотором роде, нивелировать величие глобальных процессов и перемен, осуществляемых в современном социуме. Наоборот, мы реализуем таким образом попытку лишь обозначить некоторую возможность формирования негативных тенденций и, вероятно, минимизировать возникновение вполне прогнозируемых проблем.

Современные инфокоммуникации дали такой мощный толчок развитию социально-экономических отношений, что прирост их темпов эволюции вследствие этого невозможно сравнить с их же революционными изменениями, ни обусловленными любым ранее реализованным великим научным открытием, ни связанными с разработкой каких-либо инновационных технологий. Несомненно, в свое время, изобретение различных средств механизации, пороха, парового двигателя, радио, телевидения и «обуздание» атомной энергии предопределили магистральные повороты истории человечества. Но никогда ранее люди не имели возможность с такой огромной скоростью и эффективностью получать и передавать информацию, обрабатывать ее и отображать, способствуя формированию совершенно новых знаний, новых отраслей производства и бизнеса, способов и технологий взаимодействия, сотрудничества и кооперации, достижения глобальных целей. Позитивные аспекты Промышленной революции 4.0 можно перечислять бесконечно.

Что же мы, как социум в целом и каждый индивидуум в отдельности, при наличии всего перечисленного выше теряем или можем потерять, если своевременно не предпримем некоторые действия? По нашему мнению, данным проблемам вполне можно посвятить огромное количество научных исследований, статей, монографий, учебников и учебных пособий, которые будут коррелировать с различными сферами деятельности человечества.

К сожалению, сегодня, одновременно со стремительным перемещением из материального мира в виртуальное (информационное) пространство целых отраслей производства товаров и услуг, технологий,

экономики, бизнеса, финансов и прочего, в мир иллюзий постепенно уходят и человеческие взаимоотношения, а также такие вечные ценности, как искусство, литература, живопись, театр и т. д. И проблема даже не в том, что очень близкие люди и просто знакомые стали меньше общаться, так сказать, контактно, не получая друг от друга целый комплекс энергетическо-эмоциональных воздействий, постепенно деградируя при этом. Они предпочитают, а если быть точным, то вынуждены, ограничиваться общением по телефону, в многочисленных социальных сетях и мессенджерах, как правило, путем обмена короткими сообщениями, различными «смайликами», «стикерами» или «гифками». Тем самым ограничивая, лишая себя возможности продемонстрировать и выразить эмоции средствами, данными нам Природой или Господом Богом (жестами, телодвижениями, голосом, восклицаниями, блеском глаз, теплотой дыхания, запахами, в конце концов).

Сумасшедший ритм жизни просто не позволяет сегодня тратить уйму времени на трансфер за много километров, чтобы услышать голос друга, пожать ему руку, обнять близкого родственника, ощутив непосредственно его тепло, запах, проникнуться его энергией и биохимией. В нашем социуме потребителей большинство объектов и процессов характеризуются словом эрзац. Все больше в обществе фигурируют эрзац-отношения, эрзац-чувства, эрзац-эмоции и т. д. А начинается все с эрзац-объектов материального мира и различных эрзац-процессов. При этом, достаточно фальшивые и неаутентичные процессы и явления сегодня характерны для большинства отраслей: производства, технологий, экономики, а также политики, искусства, литературы, поэзии, музыки.

По нашему мнению, есть несколько главных причин для формирования упомянутых выше тенденций. Первая причина или стимулирующее воздействие имеет сугубо экономический характер (как всегда, экономика, бизнес, потенциальная выгода – основа основ для осуществления всех иных процессов). Даже без использования конспирологических теорий глобального заговора вполне возможно обосновать реально ощутимое влияние факторов формирования так называемого общества потребителей и его бурного развития на социальные отношения и процессы.

Капиталу весьма выгодно способствовать постоянному ускорению реализации спроса на рынке товаров и услуг, тем самым стимулируя соответствующий оборот огромных финансов и извлечение сверхприбылей (даже без учета функционирования всевозможных криминальных и полукриминальных сфер – наркотики, алкоголь, азартные игры и т. д.). Человека постепенно приучают к мысли, что ничто не вечно под луной, что приобретенный на рынке товар должен быть отправлен завтра в утиль, а вместо него приобретен новый, который через короткий

промежуток времени ждет аналогичная судьба. И самое страшное, что человеческие отношения, как и жизнь в целом, скоротечны, а общечеловеческие ценности давным-давно устарели, в общем-то не так важны и требуют пересмотра.

Совсем недавно в Интернете появился ролик, ставший уже вирусным, активно обсуждаемый в социальных сетях. В нем маленькая девочка, отвечая на вопрос о ее отношении к пребыванию в детском садике, в одном предложении формулирует формулу жизни современного человека: «садик-школа-институт-работа-смерть». То есть даже дети, с их непосредственностью, понимают простой алгоритм поведения человечества ныне так: «Мы рождаемся, чтобы потреблять на протяжении всей жизни товары и услуги, оплачивать их, зарабатывая в процессе трудовой деятельности денежные средства. А как только перестаем работать – должны сразу уходить в мир иной, так как на участие в обороте товаров и услуг мы не зарабатываем деньги». И на всякие сантименты (семью, детей, любовь, дружбу, доброту, сострадание, терпение) нет времени.

Вторая причина, достаточно плотно коррелирующая с первой, – низкое качество образования всех уровней и в большинстве стран мира. При этом, такое качество образования оказывается весьма выгодным в силу указанной выше первой причины. В обществе усиленно муссируется тезис о том, что фундаментальное классическое образование давно утратило свое значение и актуальность, что в современном обществе каждый должен более-менее хорошо выполнять лишь ограниченное количество социальных и производственных функций. А поэтому, отсутствует смысл в фундаментальном школьном образовании, формирующем основы глубоких и системных знаний в сфере естественных и гуманитарных наук. Нет необходимости постоянного контроля за ходом формирования знаний, умений и навыков, промежуточных и итоговых аттестаций, а в некоторых случаях и оценивания, стимулирования и мотивации. Пусть все идет своим чередом, лишь бы никоим образом не угнетать личность.

Человеку, у которого не сформировалось системное мышление и научное понимание мира в целом, а также сущности отдельных естественных и социально-экономических процессов, весьма просто внушить любую чушь, используя для этого средства массовой информации, социальные сети, рекламу, слухи и информационные потоки, содержащие ложь, полуправду и сплетни. Ему можно успешно продать товары низкого качества или навязать никчемные услуги, увлечь абсурдными идеями или направить его действия в нужное русло.

Аналогичная задача решается путем выхолащивания самой сущности образования, сформулированной классиками педагогической науки и философской мысли. Вместо решения двуединой задачи, а именно:

обучения и воспитания, предлагается эрзац-образование – формирование компетенций, абсолютно надуманных и искусственно сконструированных по принципу: «Компетенции для компетенций». В частности, о воспитании вообще не идет речь в сфере высшего образования. Преподаватель вуза обязан лишь формировать у студентов компетенции, конструировать бесконечные документы и отчеты, а на общение, в ходе которого и закладываются основы воспитания человека и гражданина, просто нет времени. В этом смысле, в свое время очень повезло Сократу, который имел возможность вести знаменитые беседы с учениками, многие из которых вошли в анналы истории.

КИБЕРПРОСТРАНСТВО И ЕГО УГРОЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Ю. А. Яроцкая

По данным 2017 года Республика Беларусь занимает 32 место среди 176 стран мира по уровню развития сектора информационно-коммуникативных технологий [1]. В стране активно развивается глобальная информационная компьютерная сеть и доступ пользователей к ней, ввиду чего увеличивается риск насилия в киберпространстве для детей. Проблема насилия над детьми в киберпространстве является острой для всех стран мира, включая и Республику Беларусь.

В соответствии с данными Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2017 год в стране почти 95% детей являются пользователями сети Интернет, около 70% используют мобильные устройства для доступа в сеть [2, с. 18].

Впервые термин «киберпространство» был употреблен канадским писателем У. Гибсоном в рассказе «Сожжение Хром» (1982 г.), а в романе «Нейромант» (1984 г.) был определен как среда чувственных галлюцинаций, испытываемых операторами [3, с. 56]. Практическое применение данный термин получил с распространением сети Интернет в начале 1990-х гг. В настоящее время под киберпространством понимается вся совокупность информационных и компьютерных сетей, предназначенных для производства и обмена информацией.

Сегодня для многих людей, в том числе и подростков, общение в киберпространстве стало неотъемлемой частью жизни. В нем подростки легко вступают в контакт с незнакомыми людьми, заводят друзей, общаются, приобретают новые знания и навыки, но при этом становятся очень уязвимыми для различных видов насилия. Социальное исследование, проведенное в 2018 году, показало, что 9,0% обучающихся 5–7 классов учреждений общего среднего образования и 18,2% обучающихся 8–11 классов учреждений общего среднего образования подвергались насилию со стороны других пользователей Интернета

[2, с. 18].

Специалисты выделяют четыре основных вида насилия в киберпространстве:

1. Груминг – вхождение взрослого человека в доверие к несовершеннолетнему с целью использования его для сексуального удовлетворения. Исследования, проведенные за рубежом, указывают на главные факторы уязвимости детей и подростков, среди которых подростковый возраст, низкая самооценка, ограниченные возможности здоровья, социальная изоляция, отсутствие контроля со стороны взрослых за доступом к информационным сетям [4, с. 124].

2. Буллинг – физическое / психологическое преследование несовершеннолетнего, вызывающее у него чувство страха с последующим подчинением преследователю.

Одной из разновидностей буллинга является кибербуллинг, осуществляемый через электронную почту, мессенджеры, социальные сети, мобильную связь и др. Кибербуллинг принимает различные формы: от шуток до психологического виртуального насилия, приводящего к суицидам и смерти (существует понятие «буллицид» – гибель ребенка вследствие буллинга). Буллинг включает в себя: преследователя (буллера), жертву, наблюдателя («нейтрального участника»), «помощника преследователя», и «защитника жертвы». Основной характеристикой буллера является отказ считать свое поведение деструктивным: преследователь уверен, что проблема заключается в поведении жертвы. Как только буллер заканчивает преследование одной жертвы, он начинает преследовать другую.

Специалисты выделяют три основных вида буллинга: «физический – агрессия с компонентом физического насилия; поведенческий – когда жертву ставят в оскорбительные и унижающие достоинство обстоятельства, используя сплетни, бойкот, вымогательство, шантаж; словесный – унижение с помощью непристойных слов, издевательских ярлыков, кличек и т. д.» [5, с. 33].

Интернет-опрос, проведенный в 2011 году, показал, что 6% детей в возрасте 9–16 лет подвергались кибербуллингу в сети Интернет, а 15% 11–16-летних получали сообщения с сексуальным контекстом от своих сверстников [2, с. 18].

Последствия буллинга для несовершеннолетнего крайне деструктивны: возникают трудности в межличностном общении со сверстниками; увеличивается социальная изоляция; жертвы буллинга сами начинают преследовать других и пр.

3. Демонстрация материалов, способных нанести физический / психологический вред несовершеннолетнему. Развитие информационных технологий увеличивает вероятность того, что несовершеннолетние могут получить доступ к материалам, не

соответствующим их возрасту. Подростки получают приглашения в клубы самоубийц, деструктивные секты и др [5, с. 34].

Наибольшее распространение в информационном сегменте имеет продукция сексуального характера: подростки либо сами наталкиваются на порнографические материалы либо получают их от потенциальных преступников. Независимо от способа получения данных материалов несовершеннолетнему все равно наносится психологический вред.

4. Производство и распространение детской порнографии. С помощью сети Интернет совершается до 80% преступлений, связанных с изготовлением и распространением детской порнографии [6, с. 91].

В 2001 году Республика Беларусь присоединилась к «Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся торговли детьми, детской проституцией и детской порнографией». В данном Факультативном протоколе содержится общее определение детской порнографии (ст. 2): «любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка главным образом в сексуальных целях» [7]. За производство и распространение детской порнографии во всех странах, в том числе и в Республике Беларусь (ст. 343, 343–1 УК Республики Беларусь) предусмотрена уголовная ответственность. Ответственность за изготовление, распространение, рекламирование и т. д. порнографических материалов несовершеннолетнему, в том числе с использованием сети Интернет, наступает с 16 лет.

Новейшие цифровые технологии делают производство порнографических материалов легче и дешевле, при этом снижается риск обнаружения, поскольку выявление подобных материалов и судебное преследование изготовителей в глобальном киберпространстве становится затрудненным. Сейчас становится возможным объединение двух изображений в одно, в результате чего непорнографические изображения детей могут быть превращены в порнографические, а также могут быть созданы подобные материалы с изображениями «виртуальных» детей.

Как и в реальном мире, в киберпространстве должна быть выработана система защиты несовершеннолетних от насилия. Эффективным средством борьбы с насилием в виртуальной среде должна стать информационная культура, которая будет просвещать несовершеннолетних, обучать их правилам безопасности в киберпространстве. Подростки должны осознавать существование сексуальной эксплуатации в виртуальной среде, пресекать нежелательное общение, не испытывать страха перед тем, чтобы рассказать взрослым о преследовании в киберпространстве. Подобные обучающие программы необходимо создавать и для взрослых: родители должны уметь оказывать позитивную поддержку ребенку, «мягко» контролировать активность

несовершеннолетних в киберпространстве.

Литература и источники

1. Рейтинги Беларуси 2015–2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nmo.basnet.by/ documents/ reitinghi.php. – Дата доступа: 24.08.2020.

2. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), краткий отчет по результатам исследования. Оценка ситуации с насилием в отношении детей в Республике Беларусь, март 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.refworld.org.ru/ docid/ 5b0d67b24.html. – Дата доступа: 26.08.2020.

3. Добринская, Д. Е. Киберпространство: территория современной жизни / Д. Е. Добринская // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2018. – Т. 24, № 1. – С. 52–70.

4. Медведева, А. С. Реакции детей и подростков на сексуальный онлайн груминг / А. С. Медведева // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 123–132.

5. Профилактика домашнего насилия: пособие для учителей учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / Н. Н. Яковлева [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2015. – 148 с.

6. Стальбовский, В. В. Профилактика преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет / В. В. Стальбовский // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2016. – № 2 (32). – С. 89–92.

7. Факультативный протокол к конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии / Вступил в силу для Республики Беларусь 23 февраля 2002 года // Документ предоставлен КонсультантПлюс / Зарегистрировано в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь 17 января 2003 г. N 3/567.

ОТ КРИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ СУЩЕГО К ВЫЯСНЕНИЮ ИСТОКОВ СОЦИАЛЬНОГО ЗЛА: ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВИДЕНИЯ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

Т. И. Адуло

В процессе изучения теоретического наследия и практической революционной деятельности Фридриха Энгельса одним из злободневных в мировоззренческом плане вопросов является вопрос о том, в силу каких причин выходец из сословия фабрикантов оказался на стороне наемных работников, создателем теории научного социализма, направленной на упразднение эксплуататорского строя. Действительно, выходцу из зажиточной купеческой семьи со сложившимися жизненными и религиозными устоями, казалось бы, не суждено было стать защитником наемного класса рабочих и уж тем более революционером. Но жизненный путь молодого, незаурядного человека сложился совершенно по-другому. Впрочем, во второй четверти XIX века многие молодые, интеллектуально подготовленные люди шли схожим путем – сама духовная атмосфера той исторической эпохи толкала их на путь критической рефлексии сущего и поиск альтернативных социальных проектов. В Западной Европе сформировались разнообразные политически-ориентированные течения и социально-философские доктрины, составляющие их теоретическую базу. Мощным философским импульсом к осмыслению социального бытия и поиску путей преодоления назревших социальных антагонизмов служила философия Гегеля с ее центральной идеей безграничной свободы духа и, в особенности, его диалектика, обосновывающая превращение с течением времени «разумной действительности» в свою противоположность. Но в отличие от других теоретиков-интеллектуалов, для которых отправной точкой критического мышления по отношению к существующей действительности служила диалектика Гегеля, юный Энгельс отталкивался от практики жизни – ужасающей картины положения наемных работников, с которой он непосредственно столкнулся, будучи служащим одной из производственных контор отца. Именно это послужило главным импульсом его революционно-практической деятельности. Еще совсем юный Энгельс отмечал: «Я искал большего, чем одно *абстрактное* знание

предмета, я хотел видеть вас [рабочих. – *Т. А.*] в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей. Так я и сделал» [1, с. 235].

Переход Энгельса на позицию рабочего класса оказался не столь простым и прямолинейным. По настоянию отца, он с юного возраста стал приобщаться к практической работе, начав свою карьеру в торговой конторе в городе Бремене. Однако сама работа и, тем более, карьера будущего промышленника молодого человека не особенно привлекала: данная сфера была чрезмерно ограниченной для пылкого, пытливого, критически настроенного ума. Поражает воображение широта мировоззренческих интересов юного Энгельса. Если судить по письмам к братьям Греберам, товарищам по учебе в Эльберфельдской гимназии, его в большей степени влекла интеллектуальная стезя: мозг был занят отвлеченной (спекулятивной) тематикой, как то: религиоведением, историей, философией. Самым серьезным увлечением стало литературное творчество – в девятнадцатилетнем возрасте Энгельс имел достаточное количество сочиненных стихотворений, причем, некоторые из них уже были опубликованы, заготовки нескольких поэм, опубликованные критические статьи. Стремясь с позиции рационализма подойти к оценке окружающей действительности, прочитанных книг, он нередко обнаруживал явные противоречия. Такая ситуация случилась при осмыслении истории христианства, а также «Библии», в процессе изучения которой он также обнаружил много противоречий. «Я не понимаю, – отмечал он, – как ортодоксальные священники могут быть столь ортодоксальны, когда в Библии встречаются такие явные противоречия» [2, с. 282]. Характерной особенностью переписки Энгельса с братьями Греберами было то, что в ней обсуждались не обыденные, житейские темы, а в основном сугубо теоретические вопросы. Уже здесь явно обнаружилось стремление Энгельса дойти до истины.

Но не только философско-теоретические вопросы волновали молодого Энгельса. Постепенно его мышление стали занимать все в большей степени вопросы политического характера, наряду с этим приходило осознание необходимости изменения положения существующих вещей в Германии. Работая в конторе, связанной с производством товаров, Энгельс не мог не интересоваться жизнью рабочих, занятых в производственной сфере, не мог обойти вниманием их жизненный уклад. В результате детального изучения положения рабочего класса он пришел к заключению о вопиющей социальной несправедливости – жестокой эксплуатации нанимателями своих подчиненных. Не останавливаясь на этом, Энгельс предпринял попытку раскрыть сущность механизма эксплуатации рабочих их нанимателями.

Свои идеи изложил в работе «Наброски к критике политической экономии», опубликованной в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» в 1844 году. В ней Энгельс показал, что существующая ныне «политическая экономия возникла как естественное следствие распространения торговли, и с ней на место простого ненаучного торгашества выступила развитая система дозволенного обмана, целая наука обогащения» [5, с. 544]. Исследователь дал негативную характеристику меркантилистской и смитовской систем, а также новейшей либеральной политической экономии, сделал вывод о назревшей необходимости новой политической экономии, фундирующейся на научной основе. Немецким мыслителем как раз и была предпринята попытка создания такой ее основы. Им проведен анализ фундаментальных категорий – таких, как «частная собственность», «стоимость», «меновая стоимость», «цена», «капитал», «труд», «прибыль», «заработная плата» и других, показано, что «*Труд,* главное в производстве, "источник богатства", свободная деятельность человека, оказывается у экономиста в невыгодном положении. Как уже капитал был отделен от труда, так теперь опять-таки труд расщепляется вторично; продукт труда противостоит труду в виде заработной платы, он отделен от труда и, по обыкновению, опять-таки определяется конкуренцией, ибо для определения доли труда в производстве, как мы видели, нет твердой меры. Стоит нам уничтожить частную собственность, как отпадет и это неестественное деление; труд станет своим собственным вознаграждением, и с полной ясностью обнаружится истинное значение прежде отчужденной заработной платы» [3, с. 558–559]. Работа получила высокую оценку со стороны Маркса, занявшегося в дальнейшем фундаментальным исследованием экономических основ капиталистического общества.

В 1844 году Энгельс и Маркс приходят к выводу о необходимости выработки научного понимания человеческой истории как теоретической основы практической революционной борьбы рабочего класса за свои права и организации политической партии, способной выполнять в отношении к нему консолидирующую и руководящую роль. В течение последующих двух лет теоретическая задача была фактически решена в совместных фундаментальных работах «Святое семейство» и «Немецкая идеология». К 1847 году Маркс и Энгельс уже создали материалистическое учение об историческом процессе, уяснили сущность капитализма как одной из пяти общественно-экономических формаций, раскрыли характерные для нее различные формы отчуждения, теоретически обосновали ее преходящий характер.

Была активизирована также деятельность по созданию политической партии рабочего класса и подготовке ее программы. Речь шла уже о практической реализации коммунистического проекта. Именно эту задачу должен был решать Союз коммунистов. Но работу политической партии важно было выстроить на научной основе. Такой основой не могли

служить ни идеи утопических социалистов, ни идеи французских коммунистов. Программным документом Союза коммунистов стал «Манифест Коммунистической партии», написанный Марксом и Энгельсом в 1848 году. Но еще до этого, по поручению Союза коммунистов, Энгельс подготовил его первый проект под названием «Принципы коммунизма», в котором определены цель и задачи Союза коммунистов, дано в общих чертах представление о коммунистическом обществе. Важно отметить то, что автор четко определил коммунизм как «учение об условиях освобождения пролетариата» [4, с. 322]. Акцент сделал на слове «учение». Это не случайно. В ту эпоху решалась задача создания именно *учения*, т. е. теории, с помощью которой пролетариат смог бы решить задачу общечеловеческой эмансипации – ликвидации всяких институтов и условий, допускающих эксплуатацию человека человеком. В этой работе дана четкая дефиниция пролетариата, которая не потеряла своего эвристического потенциала и в наши дни. «Пролетариатом, указывает Энгельс, – называется тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала» [4, с. 322]. Обратим внимание на то, что в XXI веке стало чуть ли не расхожим утверждение об «исчезновении» рабочего класса, «растворении» его в многочисленных социальных группах – предпринимателях, менеджерах, работниках сферы услуг и т. п. Несомненно, рабочий класс в нашу эпоху не тот, что был в XIX веке: он и по численности меньше, и по своей организованности слабее. Но наемный труд не исчез, а это главное. Поэтому сущность взаимоотношений нанимателя и наемного работника осталась той же.

Общеизвестны политические спекуляции относительно идеи «насильственного» захвата власти пролетариатом. Об истинном отношении Энгельса к данной идее свидетельствует его ответ на вопрос: «Возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем?». Суть ответа сводится к следующему: «Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать» [4, с. 331]. Помимо этого, Энгельс не считал нужным и возможным мгновенное уничтожение частной собственности. На вопрос: «Возможно ли уничтожить частную собственность сразу?» он отвечал: «Нет, невозможно, точно так же, как нельзя *сразу* увеличить имеющиеся производительные силы в таких пределах, какие необходимы для создания общественного хозяйства» [4, с. 332]. В этой же работе «политическое господство пролетариата» представлено как демократический строй, поскольку в Англии «пролетарии уже теперь составляют большинство народа» [4, с. 332].

Работу Энгельса «Принципы коммунизма» можно рассматривать как основу «Манифеста», как впервые в системном виде изложенное

коммунистическое учение. Ее центральная идея – раскрытие антигуманной сущности капиталистической общественно-политической системы и обоснование путей перехода человечества на новую, более совершенную и более гуманную ступень общественных отношений.

Выводы: 1. Изучение трудов Энгельса, написанных включительно по 1848 год, дает целостное представление о формировании и сущности учения классиков марксизма, поскольку многие идеи вырабатывались Энгельсом и Марксом совместными усилиями (речь идет о сочинениях «Святое семейство» и «Немецкая идеология»). Энгельс прошел путь идейного развития от просветительства к признанию социалистической революции как единственного способа реализации гуманного социального проекта в сложившихся в Европе социальных условиях.

2. Изучение трудов Энгельса отмеченного периода позволяет провести сравнительный анализ ранних и более поздних трудов классиков марксизма и на основании этого сделать вывод о преемственности, постоянном углублении и развитии их теоретических разработок с учетом реальной социальной динамики и конкретной революционно-практической деятельности рабочего класса. Нет пропасти между молодым и зрелым Марксом, как об этом утверждают западные марксологи.

3. Анализ ранних работ Энгельса свидетельствует о том, что не все его теоретические выводы подтвердились (например, вывод об исчезновении наций).

4. Работы Энгельса позволяют более глубоко осмыслить практику построения социализма в СССР, вскрыть трудности объективного характера (социалистический проект реализовывался впервые, причем страна, вступившая на этот путь, находилась в окружении враждебных по отношению к ней капиталистических государств, в силу чего ее руководству приходилось порой отходить от сформулированных Энгельсом принципов, например, провести быструю, повсеместную ликвидацию частной собственности) и ряд субъективных просчетов.

Литература и источники

1. Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 2. – С. 231–517.

2. Маркс, К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1956. – 689 с.

3. Энгельс, Ф. Наброски к критике политической экономии / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 1. – С. 544–571.

4. Энгельс, Ф. Принципы коммунизма / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 4. – С. 322–339.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС – ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ДИАЛЕКТИК (УРОКИ ИСТОРИИ)

Л. А. Зеленов, А. А. Владимиров

В ряде наших работ специально демонстрируется великое значение методологических уроков классиков марксизма-ленинизма для современной диалектической критики рыночного «виртуального мира» [1; 2]. Ф. Энгельс принципиально значим как борец с метафизической философией во всех формах ее проявления: догматизм, релятивизм, эклектика. Эту традицию Ф. Энгельса знаменательно продолжил В. И. Ленин в начале XX века, что принципиально важно для современного преодоления метафизических форм постмодернизма с его эклектикой, плюрализмом и апологией «виртуального мира» [3].

Во-первых, Ф. Энгельс в условиях середины XIX века, когда усиливались тенденции прорыва «брешей» в догматизме метафизического мышления во всех науках, вынужден был отстаивать диалектический принцип «единства движения и покоя», чтобы помочь преодолеть родившийся «релятивизм метафизического мышления». Этот релятивизм как метафизическая односторонность проявился в многочисленных формах отрицания покоя, устойчивости, стабильности, константности, объективных явлений и утверждения обывательского принципа «все течет, все изменяется». Эта релятивистская абсолютизация стала выдаваться за «сущность диалектики», что проявляется до сих пор.

Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» отстаивает концепцию понимания покоя как противоположности движения. Он пишет, что «движение находит свою меру в своей противоположности – в покое». На серии конкретных научных примеров Ф. Энгельс показывает и доказывает, что покой – это «состояние устойчивости» любых явлений в отличие от движения как «состояния изменчивости». Вот эта полярность устойчивости и изменчивости материальных объектов и характеризует диалектический способ бытия объектов, и эту объективную диалектику должна понять и усвоить субъективная диалектика человеческого мышления (принцип тождества «объективной и субъективной диалектики». В. И. Ленин в «Философских тетрадях» 1908 года аналогично, но более развернуто это выразил в принципе «тождества диалектики, логики и теории познания»: «не надо трех слов: это одно и то же».

Нельзя не сказать и о том, что Ф. Энгельс «поправил» апорию Зенона «летящая стрела покоится», заменив «мертвое» понятие «находится» в этой апории диалектически-динамическим понятием «проходит» при характеристике движения стрелы. Это понятие «проходит через точку А при движении» вполне точно схватывает диалектическое единство

полярностей: «находится в точке А» и «не находится в точке А». А Эта полярность находиться и не находиться одновременно в точке пространства, по словам Энгельса, и схватывает противоречивую сущность «единства движения и покоя». Этого не понимают многие.

Во-вторых, Энгельс диалектически тонко понимал одновременное существование причины и следствия в причинно-следственной связи явлений. Как известно, до сих пор большинство людей и философов разрывают одновременное бытие причины и следствия, считая, что причина существует до следствия, а следствие после причины. Эту метафизическую концепцию «разновременности» подверг критике единственный философ в СССР профессор А. И. Уемов в своей монографии «Об одновременности причины и действия» (1960). Ф. Энгельс еще в 70-х годах XIX века в «Диалектике природы» писал: «Причина, которая не действует, не есть причина» и «С прекращением действия причины прекращается и следствие».

Оба высказывания отрицают как существование причины до следствия, так и существование следствия после причины. Этой диалектике единства противоположностей у Ф. Энгельса необходимо поучиться и современным ученым и философам.

В-третьих, Энгельс в «Анти-Дюринге» диалектически тонко трактует единство ложного и истинного в любом человеческом знании. Он показывает, критикуя метафизика Е. Дюринга, используя принцип диалектической относительности, что знание одновременно, но в разных «отношениях» является и истинным, и ложным.

Все это говорит о глубоком понимании диалектики Ф. Энгельсом. Уроки эти мы учитываем в нашей новой монографии «Противоречия виртуального мира. Философские заметки», которая готовится к изданию.

Литература и источники

1. Зеленов, Л. А. 200 лет Карлу Марксу / Л. А. Зеленов, А. А. Владимиров. – Н. Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2018. – 107 с.

2. Зеленов, Л. А. 2020 год великих юбилеев: Ф. Энгельс и В. И. Ленин / Л. А. Зеленов, А. А. Владимиров. – Н. Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2019. – 134 с.

3. Зеленов, Л. А. Историческая логика становления постмодернизации / Л. А. Зеленов, А. А. Владимиров. – Н. Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2019. – 76 с.

МАРКСИЗМ О «ГРАЖДАНСКОМ» ОБЩЕСТВЕ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА)

Л. Е. Криштапович

Вначале определимся с терминами. О гражданском обществе говорится много, причем это понятие выдается за некое новое слово в

политической литературе, которое имеет важное значение в демократизации современного политического процесса. На самом деле ничего научного, то есть истинного, в концепции гражданского общества не заключается. Само понятие гражданского общества возникло в эпоху Нового времени и было обязано своим происхождением атомистическому учению, по которому мир состоит из атомов и пустоты. Это атомистическое воззрение из физики было перенесено в политические учения Нового времени, согласно которым воля отдельных людей образует принцип государства, силой притяжения отдельных людей являются их личные потребности и интересы, а государство как некое всеобщее есть лишь результат внешнего договорного отношения между ними. Таким образом, в концепции гражданского общества люди – это не зависимые друг от друга атомы, а государство – пустота, то есть ночной сторож, который охраняет сон и имущество своих атомов-индивидов, угомонившихся после дневного хаотичного движения.

Нетрудно понять, что так называемое гражданское общество в действительности никаким обществом не является, а представляет собой атомистическую конструкцию применительно к политической сфере. Разумеется, в свое время концепция гражданского общества, опиравшаяся на тогдашнюю методологию познания (атомистику) и отбрасывавшая религиозное объяснение происхождения человека и государства, носила прогрессивный характер, несмотря на свою ненаучность. В дальнейшем эта атомистическая конструкция в политике получила название политической робинзонады, как абстрактного, неистинного понимания происхождения человека, общества и государства. Использование же этой политической робинзонады для анализа современного общества, для оценки уровня развития свободы человека и демократии, когда атомистическое учение и философия Просвещения представляют собой пройденные ступени как в познании природы, так и общества, свидетельствует лишь о низкой культуре политического мышления.

Марксизм четко определил место философии Просвещения, а, следовательно, и концепции гражданского общества в социальном познании. В афористической форме этот завершающий этап в становлении научной социальной теории был сформулирован К. Марксом в его десятом тезисе о Фейербахе: «Точка зрения старого материализма есть *"гражданское"* общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество» [1, с. 4]. Глубокое разъяснение ненаучной сущности так называемого гражданского общества, как и всех домарксистских концепций социального развития, в том числе и религиозных, было дано в гениальной работе Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Кстати, в современной западной политической мысли гражданское общество представляет собой не столько реальность, сколько

теоретическую модель для анализа достижений в социальной сфере и их концептуализации на уровне эмпирических обобщений. К неотъемлемым чертам гражданского общества относятся: права и свободы человека, способность человека быть ответственным в свободе, наличие минимума социальных и природных благ, а также социального порядка.

Таким образом, за понятием «гражданское общество» скрывается обыкновенный феномен общественности, общественного мнения. Мнения правят миром – говорили философы-просветители. И это было правильное понимание природы общественной силы. Феномен общественности, или, другими словами, так называемого гражданского общества можно уточнить, конкретизировать, если прибегнуть к сопоставлению с понятиями «этнос», «нация». В отличие от этноса, нации, гражданское общество опирается и развивается исходя из крепнущего правосознания. Внутри этносов преобладает власть обычаев, нациями же движут либо стихийные, либо осознанные национальные интересы.

Конечно же, «крепнущее правосознание» – лишь одна из определяющих черт феномена общественности, поскольку другой его важнейшей чертой является именно «системность». Системность означает не только то, что общественное мнение формируется инициативными людьми, но и понимание того, что она, эта системность, может явиться целенаправленной деятельностью самого государства. Смысл последнего замечания состоит в том, что во многих государствах общественное мнение «вырастает» не только из инициативы граждан, но и вследствие той или иной (правовой, политической, социальной, культурной, научной) деятельности государства.

Поэтому всякое противопоставление государства и общественного мнения некорректно. Подобное противопоставление есть лишь маскировка той ситуации, когда под видом «гражданского общества» между государством и гражданами помещается чужое государство, стремящееся реализовать свои интересы в другой стране. Прикрываясь видимостью «гражданственности», чужое государство тем самым отстраняет национальное государство от системы управления, что объективно ведет к деградации всех сфер жизнедеятельности в той стране, где действуют подобные институты «гражданского общества». Вот наглядный пример навязывания США такого «гражданского» общества России. Небезызвестная Виктория Нуланд, один из организаторов государственного переворота на Украине в 2014 году, 25 января 2013 года заявляла: «Мы сформировали группу с целью оказания господдержки развитию гражданского общества. Мы озабочены тем, как правительство России занимает в вопросе развития гражданского общества неправильную позицию. Поэтому мы предпочли бы направить наши усилия другими путями и продолжать работать над нашей непосредственной поддержкой организаций гражданского общества, которые хотят работать с нами» [2,

с. 236]. Ну кто же может сомневаться в том, что правительство США лучше знает, какое гражданское общество необходимо России! Разумеется такое, которое бы разрушало Россию. Прав Владимир Большаков, что за таким «гражданским» обществом скрывается обыкновенная пятая колонна [1, с. 237]. Кстати, президент Владимир Путин на заседании Совета по правам человека при президенте Российской Федерации, характеризуя деятельность «правозащитника» Льва Пономарева, указал, что последний солидаризировался с США по Крыму и выступал за передачу Курильских островов Японии, то есть занимался не правозащитной деятельностью, а сугубо антироссийской политикой в интересах США. «Это что, правозащитная деятельность?» – задал риторический вопрос президент [3].

Печальный опыт деструктивной деятельности таких институтов «гражданского» общества характерен для тех постсоветских республик, где вместо реализации собственных национальных интересов занимались реформированием экономической и политической системы по указке западных центров, как правительственных, так и неправительственных, то есть «гражданского общества». Характерный пример Украина, где так называемое «гражданское общество» и «правозащитные организации» (различные фонды и НПО), финансируемые западной олигархией, военщиной и разведслужбами, приняли самое активное участие в государственном перевороте в 2014 году и при помощи бандеровцев развязали войну против украинского народа и России.

И эту разрушительную роль так называемое «гражданское общество» продолжает играть и ныне на Украине и в других постсоветских республиках. Особенно это рельефно проявляется в таких законодательных новациях, как законопроект о средствах массовой информации и закон о языках, которые разрабатывались именно в структурах «гражданского общества», то есть в структурах американских, немецких и польских НПО. Что из этой «гражданственности» получилось, красноречиво свидетельствуют выводы ОБСЕ и Венецианской комиссии.

Так 2 марта 2020 года представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ Арлем Дезир опубликовал разгромный для украинской власти юридический анализ законопроекта Украины о медиа. Этот законопроект, подготовленный «Слугой народа» (пятая колонна западного «гражданского общества». – *Л. К.*), политкорректные европейцы признали посягающим на основополагающие права граждан, включая право на свободу слова и право распространения информации, а также таким, который угрожает негативным воздействием на свободу украинских СМИ.

А 3 марта 2020 года Комитет гуманитарной политики Верховной Рады отказался признать еще одно разгромное для власти заключение экспертов. В этот раз Венецианская комиссия приговорила «мовный закон», указав украинской власти на неприкрытую дискриминацию русскоязычного населения и призвав отменить недемократические, мягко

говоря, нормы этого закона. Но «слугам народа», выдрессированных в антиукраинском «гражданском обществе», до этого нет никакого дела, они отказались реагировать на заключение Венецианской комиссии, назвав его «необязательными для исполнения рекомендациями», содержащими «возмутительные» выводы: выводы о системных, грубых и очевидных нарушениях прав 15 миллионов русскоязычных украинцев.

Вот и выходит, что Зеленский не просто продолжил прозападные традиции Порошенко, но по указке своей пятой колонны намеренно усилил их, превратив оголтелую русофобию и тотальное нарушение прав человека в инструмент государственной политики. Как делают вывод эксперты, 2 марта 2020 года «были окончательно развеяны все сомнения "Слуги народа" – это "Блок Петра Порошенко", только в новой блестящей упаковке конфетной фабрики "Рошен"» [4].

В этом бандеровском ряду и список памятных дат, которые Верховная Рада навязывает украинскому народу праздновать в год 75-летия победы СССР над фашизмом. Бандеровские моральные уроды предлагают украинцам праздновать 130-летие Ивана Полтовца-Остряницы, нациста, убийцы и палача, помощника Альфреда Розенберга; 110-летие Василия Сидора, нацистского коллаборанта дивизии «Нахтигаль», убийцы поляков и евреев; Владимира Кубийовича, нацистского коллаборанта, организатора СС «Галичина» [5].

И то, что в Беларуси так называемое «гражданское общество» (в лице якобы независимых СМИ и всевозможных прозападных «суполок», подвизающихся на «мове», русофобии, восхвалении польских националистов и клеветы на белорусских партизан) не заметило очевидного попрания прав украинского народа и героизации нацизма со стороны «слуг народа», лишний раз доказывает его антинациональную природу, идейное и политическое родство с бандеровским фашизмом.

Вот почему марксизм совершенно прав, что на смену буржуазному гражданскому обществу должно прийти обобществившееся человечество.

Литература и источники

1. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – С. 1–4.

2. Большаков, В. Пятая колонна на вражеском довольствии / В. Большаков // Молодая гвардия. – 2019. – № 10.

3. Путин указал на позицию Льва Пономарева по Крыму [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mk.ru/ social/ 2019/ 12/ 10. – Дата доступа: 12.10.2019.

4. ОБСЕ и Венецианская комиссия разгромила украинский законопроект о медиа и закон о языках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://112.ua. – Дата доступа: 04.03.2020.

5. «Вставай, страна огромная»: Рабинович ярко выступил в Раде против героизации нацизма на Украине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://3mv.ru/ 148313. – Дата доступа: 04.03.2020.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ Ф. ЭНГЕЛЬСОМ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

В. Т. Новиков, О. В. Новикова

Рассматривая понимание Ф. Энгельсом диалектики общественно-исторического процесса, конечно же, надо исходить из того, что оно самым тесным образом связано со взглядами К. Маркса и разработанным ими материалистическим пониманием истории, которое стало методологическим основанием для понимания объективной закономерности развития общества как смены общественно-экономических формаций в результате социальных революций. При этом сущность общества рассматривается как объективно-субъективная реальность, а его развитие – как естественно-исторический процесс в результате сознательной деятельности людей, что свидетельствует о диалектически противоречивом и вариативном характере социальной истории.

Такая трактовка сущности общества как системы общественных отношений и взаимосвязи объективного и субъективного факторов всемирно-истирического процесса лежит в основе понимания ими сущности социальной революции. Наиболее рельефно роль объективного фактора в революции отражена в словах К. Маркса: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [1, с. 7].

Очевидно, что в этих словах в соответствии с материалистическим пониманием истории акцент делается на объективном механизме революции, что может создать впечатление о возможной фаталистской интерпретации революции и абсолютизации влияния экономики на жизнь общества. О причине этого возможного впечатления говорил Ф. Энгельс в письме Й. Блоху, отмечая, что он и Маркс отчасти виноваты в том, что им приписывают эту трактовку, хотя они вели речь только о «главном принципе» их философии. Поэтому в ряде других работ мыслитель пдчеркивает, что в обществе объективные закономерности всегда проявляют себя именно через деятельность людей, осознающих свои жизненные интересы и ставящих определенные цели.

На активную роль субъективного фактора в истории Ф. Энгельс специально обращает внимание в письмах 90-х годов XIX в., в которых он писал, что «политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом

развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной, что только оно является активным, а все остальное – лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счете всегда прокладывающей себе путь» [2, с. 175].

Именно сложная диалектика объективного и субъективного факторов исторического развития общества объясняет наличие в нем элементов как сознательной, так и стихийной детерминации, определяющих вариативность и непредсказуемость его результатов, составляющих, по выражению Г. Гегеля, «иронию истории», которая нашла отражение в письме Ф. Энгельса Й. Блоху, в котором говорится: «…история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных воль, причем каждая из этих воль становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел» [3, с. 395–396].

Справедливость этого вывода стала очевидной после распада Советского Союза и последующих для подавляющего большинства населения постсоветских стран по существу революционных изменений. Отчетливо революционный характер этих изменений проявился в России 1990-х годов и был связан с разрушением единого хозяйственного комплекса страны и радикальным изменением форм собственности, деконструкцией системы государственного управления. Следствием революционных преобразований стало появление разительного различия в уровне доходов людей и существенном изменении образа их жизни, деформация системы ценностей и приоритетов, всплеск национализма и др. Эти события явились результатом действия объективных факторов, но было бы нелепо не учитывать также влияние субъективных факторов как внутреннего, так и внешнего характера.

Их роль рельефно проступила в радикальных движениях в некоторых постсоветских странах, а также в «цветных» революциях «арабской весны» 2011 года, которые не случайно называют также «сетевыми революциями». Активные политические сдвиги в них во многом были продиктованы недооценкой со стороны властей уровня недовольства молодого поколения качеством их жизни и использованием Интернет-ресурсов для сплочения и совместного осуществления

социальных действий.

Диалектика онтологических оснований связи и взаимопревращения субъективного и объективного факторов в социальной динамике в результате деятельности человека раскрыта в концепции превращенных форм сознания К. Маркса. Так к превращенным формам относится религия, что следует из следующего высказывания Ф. Энгельса: «Но ведь всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных» [4, с. 328]. Такой важной формой превращенного сознания является, согласно Марксу, идеология, продуцируемая интересами властвования и ориентированная на апологию и укрепление буржуазного государства как социально-классового института.

В современном обществе функцию идеологии часто начинает выполнять социальная мифология. Как отмечал Э. Кассирер, новое политическое мифотворчество преследует очевидную цель: «Наши современные политики прекрасно знают, что большими массами людей гораздо легче управлять силой воображения, нежели грубой физической силой» [5]. Поэтому, по его мнению, нельзя недооценивать влияние социального мифа на сознание человека. Действительно, надо понять миф, а значит раскрыть не только его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу, тем более, что она может быть связана с манипуляцией сознанием людей и формированием социальных симулякров, что в итоге, искажает реальную картину мира и дезориентирует их действия по реализации собственных интересов.

Важность учета влияния на социальную практику мифа и идеологии как форм общественного сознания можно проиллюстрировать известной цитатой К. Маркса: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [6, с. 422].

В заключение отметим, что идеи Ф. Энгельса о диалектике объективного и субъективного факторов в социальной революции сохраняют методологическое значение для понимания особенностей современного общественного развития, предостерегая от крайности как фатализма, мотивирующего пассивность поведения человека в обществе, так и волюнтаризма, способного обернуться его социальным нигилизмом.

Литература и источники

1. Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 13. – С. 5–9.

2. Энгельс, Ф. В. Боргиусу // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 39. – С. 174–176.

3. Энгельс, Ф. Йозефу Блоху // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1965. – Т. 37. – С. 394–396.

4. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – С. 5–338.

5. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://read.virmk.ru/ k/Kassirer.htm. – Дата доступа: 10.02.2016.

6. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 1. – С. 414–429.

ПОНЯТИЕ «СИЛА» В РАБОТЕ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА «ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ»

В. П. Пашков

В классической экономической теории производительные силы занимают важнейшее место. В ней сделан вывод: каждой исторической ступени развития производительных сил соответствуют определенные производственные отношения, выступающие в качестве общественной формы их движения. Уровень развития используемых орудий производства служит мерилом развития общественного производства. Однако в обществознании сложилось представление о содержании понятия «производительные силы» как средств и предметов труда, как их «системы», «совокупности» и даже «комплекса» различных элементов [1, с. 357]. Силы возникают в процессе движения частей и частиц материи. Но сами по себе эти части и частицы не являются силами. Чтобы возникли силы (любые: созидательные, разрушительные) части или частицы материи должны быть приведены в движение. Экономические силы (производительные и не производительные) возникают из использования рабочей силы и средств производства.

Теоретическое определение понятию производительные силы невозможно дать. Современная теоретическая физика отказалась от использования понятия «сила» и перешла к использованию понятия «взаимодействие частиц». И толчок к такому пониманию физических процессов сделал Ф. Энгельс в работе «Диалектика природы», где он исследовал формы движения материи и соответственно этим формам классифицировал возникающие понятия. В разделе «Общие формы движения» он излагал свое представление о силах так: «… термин "энергия" отнюдь не дает правильного выражения всему отношению движения, ибо он охватывает только одну сторону его – действие, но не противодействие. Кроме того, он допускает видимость того, будто "энергия" есть нечто внешнее для материи, нечто привнесенное в нее. Но, во всяком случае, этот термин заслуживает предпочтения перед

выражением "сила". Представление о силе заимствовано, как это признается всеми (начиная от Гегеля и кончая Гельмгольцем), из проявлений деятельности человеческого организма по отношению к окружающей его среде. Мы говорим о мускульной силе, о поднимающей силе рук, о прыгательной силе ног, о пищеварительной силе желудка и кишечного тракта, об ощущающей силе нервов, о секреторной силе желез и т. д. Иными словами, чтобы избавиться от необходимости указать *действительную причину изменения, вызванного какой-нибудь функцией нашего организма, мы подсовываем некоторую фиктивную причину, некоторую так называемую силу, соответствующую этому изменению* (Выделено нами. – *В. П.*). Мы переносим затем этот удобный метод также и на внешний мир и, таким образом, сочиняем столько же сил, сколько существует различных явлений» [2, с. 401–402]. И далее Ф. Энгельс развивает свою мысль. «Таким образом, – указывает он, – прибегая к понятию силы, мы этим выражаем не наше знание, а *недостаточность* нашего знания о природе закона и о способе его действия. В этом смысле, в виде краткого выражения еще не познанной причинной связи, в виде уловки языка, слово "сила" может допускаться в повседневном обиходе. Что сверх того, то от лукавого» [2, с. 403].

К. Маркс в «Капитале» писал, что производительные силы возникают из создания и использования и таких возможных общественных форм как разделение труда, разделение производства, кооперация, наука. Строго методологически неправомерно считать, что перечисленные формы сами по себе являются производительными силами. Производительные силы лишь возникают из создания и использования таких и других подобных общественных форм [3, с. 4–8].

В. И. Ленин о производительных силах говорил так: «... как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обусловливается развитием материальных производительных сил» [4, с. 8]. В апреле 1918 года он написал «Набросок плана научно-технических работ». В этом труде В. И. Ленин отвечает Академии наук России на ее предложение «развернуть работы по изучению естественных производительных сил страны» – говорит об Академии наук, «начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил России». В работах В. И. Ленина не найти теоретическое, т. е. качественное определение производительных сил. Его высказывание: «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся» [5, с. 359] спорно. «Нас отбросила назад, к варварству, империалистская война, и, если мы спасем трудящегося, спасем главную производительную силу человечества» [5, с. 359]. Но теоретически производительными силами являются не сами люди, не сами действительные индивиды как таковые, а именно определенные, существенные для их развития свойства, качества действительных

индивидов. Действительные индивиды являются лишь носителями многих различных сил, в том числе и производительных сил как способности и потребности производить и общаться, перемещать между людьми продукты производства. Приведенное высказывание В. И. Ленина, похоже, противоречит словам К. Маркса, который вскрывает классовые истоки точки зрения, бытующей в буржуазной политэкономии так: «Буржуа видит в пролетарии не человека, а силу, способную создавать богатства, такую силу, которую он к тому же еще может сравнивать с другими производительными силами – с животными, с машиной, если такое сравнение окажется не в пользу человека, то сила, носителями которой является человек, будет вынуждена уступить свое место силе, носителем которой является животное или машина» [6, с. 450]. Итак, теоретически следует различать носителя силы и саму силу.

Все существующие сегодня исследования по данной тематике во всех отраслях научной деятельности в конечном итоге сводятся к количественному определению действующих сил, но не к качественному определению содержания понятия «сила». Теоретическое определение производительных сил должно начинаться с определения того, что есть сила вообще. И только после определения сила можно переходить к определению производных сил, которые делятся на родовые, видовые и подвидовые. Лопата, плуг или топор не являются ни силами вообще, ни производительными силами в особенности. Это простейшие орудия труда, но при их целенаправленном надлежащем использовании могут возникнуть производительные силы. Но ненадлежащее использование орудий руками не профессионалов, дилетантов может привести к снижению производительной силы работника. Машина может быть использована либо для производства полезного предмета, блага, т. е. как производительная сила, либо для нанесения вреда, разрушения, т. е. как разрушительная сила. Отсюда можно сделать вывод о существовании в природе и обществе пары однопорядковых и противоположных друг другу явлений, и понятий о них: *производительные силы и разрушительные силы.*

Заключение. К. Маркс в Капитале и Ф. Энгельс в Диалектике природы не дали и, похоже, сознательно не стали давать определений понятиям «силы» и «производительные силы». Причину этого следует искать в вышеприведенных рассуждениях Ф. Энгельса о силах в его работе «Диалектика природы». Эта работа является одной из самых лучших работ в мировой истории естествознания, и в ней содержатся ключи к пониманию многих социальных процессов, в том числе и социальных сил.

Литература и источники

1. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия: в 4 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1979. – Т. 3. – 624 с.

2. Энгельс, Ф. Диалектика природы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 20. – С. 343–756.

3. Пашков, В. П. Производительные силы в учении Карла Маркса / В. П. Пашков // Философия. Психология. – 2018. – № 3.

4. Ленин, В. И. Фридрих Энгельс // В. И. Ленин. Полное собр. сочинений. Изд. 5-е. – М.: Госполитиздат, 1967. – Т. 2. – С. 1–14.

5. Ленин, В. И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6–19 мая 1919 г. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая // В. И. Ленин // Полное собр. сочинений. Изд. 5-е. – М.: Госполитиздат, 1969. – Т. 38. – С. 333–372.

6. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Кн. 2 Процесс обращения капитала // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 24. – 648 с.

4-Й РИМ: ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ В МИРЕ ДУХОВ И / ИЛИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА

Е. А. Толкачев

Энгельс, иллюстрируя практическую природу познания, в частности говорил: «От "природы" Германии, какой она была в эпоху переселения в нее германцев, осталось чертовски мало. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сами люди бесконечно изменились, и все это благодаря человеческой деятельности, между тем как изменения, происшедшие за это время в природе Германии без человеческого содействия, ничтожно малы» [1, с. 546]. Уместно заметить, что природа германского духа, похоже, при этом осталась прежней, судя по стремлению в третий раз объединенной Германии опровергнуть автора концепции «Москва – Третий Рим» монаха Филофея, утверждавшего (в переводе на современный язык): «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать».

Базой для воссоздания 4-го Рима должна стать 4-я научно-техническая революция (НТР). Весной 2014 года очередная Ганноверская промышленная ярмарка прошла под девизом: «Технологии будущего. Промышленность 4.0: "умный" светофор и производство без человека». Согласно Интерфаксу (https://interfax.by/ news/ nauka_i_tekhnologii/ obzory_i_issledovanija/ 1153307/), на церемонии ее открытия канцлер ФРГ Ангела Меркель заявила, что задачей современной промышленности является предельная автоматизация производства – вплоть до полного исключения непосредственного участия человека в производственном процессе. Данный план немецкого руководства осуществляется в рамках государственной программы «Промышленность 4.0»; под этим термином подразумевается так называемая «4-я промышленная революция», которая,

по мнению немецких исследователей, уже начинается, и в которой Германия планирует сыграть ведущую роль.

Напомним, что 1-я промышленная революция 19-го века была революцией тепловых машин, превращающих энергию пара в работу, 2-я, первой половины 20-го века, – электричества и конвейерных производств, 3-я, начиная с 1970-х – сопряжена с внедрением в промышленное производство компьютерных технологий и АСУ. Дело оставалось за наделением машин искусственным интеллектом, позволяющим им принимать самостоятельные решения, что и знаменует начало 4-й НТР.

Полное вытеснение человека из промышленного производства ставит массу проблем и вопросов, решение которых невозможно без должного научного анализа. Даже физик-теоретик Стивен Хокинг, много лет прикованный к инвалидной коляске, счел необходимым выразить свою озабоченность в интервью британской «Гардиан», выдержки из которого опубликованы на сайте https://lenta.ru/news/2016/ 12/ 02/hawking/: «Стивен Хокинг полагает, что наступило "самое опасное время для нашей планеты". Нарастает разрыв между элитами, в частности, политиками, и средним и рабочим классом. Роботизация производства, отсутствие необходимости получения высоких доходов в большом числе человеческих ресурсов приводят к непониманию между различными группами общества. Интернет и платформы, что делают это (ускорение экономического неравенства – прим. "Ленты.ру") возможным, позволяют очень небольшим группам людей извлекать огромную прибыль при приеме на работу очень малого числа людей.

Это неизбежно, это прогресс, но это также социально разрушительно».

Результатом того, что некоторые люди не принимают изменений современного общества, по словам Хокинга, стали итоги президентских выборов в США и голосование за Brexit в Великобритании. «Я чувствую, как будто моя башня из слоновой кости становится все выше», – пишет ученый.

Здесь надо заметить, что существенную часть среднего класса стран «золотого миллиарда» составляли квалифицированные рабочие, порожденные 3-й НТР. Именно по ним наносится основной удар, причем уже не первый год. Согласно ежегодно появляющимся поздней осенью аналитическим обзорам о распределении мирового богатства (см. напр. credit-suisse-global-wealth-report-2019), в 21-м веке все больше мировых богатств сосредотачивается в руках все меньшего числа людей, в первую очередь за счет сокращения среднего класса. Вторую вытесняемую вниз группу составляют мелкие и средние предприниматели, чей бизнес вряд ли переживет во многом искусственную истерию вокруг COVID-19.

Таким образом, 4-я НТР позволяет перейти к окончательной ликвидации пролетариата как класса, путем превращения в безликую

массу, подобную римлянам первых веков нашей эры, об идеалах которых с горечью писал Ювенал: «Этот народ … все заботы забыл, сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокойно мечтает: Хлеба и зрелищ!» («Сатиры», Книга IV. Сатира X, с. 78–82). Новые технологии 4-й НТР несколько разнообразят времяпровождение населения 4-го Рима с помощью его добровольно-принудительного погружения в виртуальную реальность. Достаточно присмотреться к положению афроамериканцев в США, достаточно долго прозябающих в подобных условиях, чтобы увидеть деградацию их образования, культуры и постоянную готовность к неуправляемому спорадическому бунту. Но пока это около 10% населения США. Но тотальная «технологическая безработица» увеличит эти проценты в разы. Тогда неизбежно возникнут традиционные вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Нет сомнений, что в числе ответов на первый вопрос будут естественные науки, ведь революция-то научно-техническая. В частности, это предвидел академик Степин в своем интервью редактору журнала «Вопросы философии»: «Я считаю, что важно в процессе анализа современного научно-технического развития выявить точки роста новых ценностей как условия перехода к новому типу цивилизации, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному. И если он возникнет, то возможно решение глобальных проблем, порожденных предшествующим техногенным развитием. Если же человечество пойдет по старому пути пролонгации существующей системы ценностей, тогда эти проблемы будут обостряться, технологический прогресс будет увеличивать риски и человечество ожидает глобальная гигантская катастрофа» [2, с. 54].

К сожалению, даже приблизительно не оценивалось время, необходимое для «выявления», не говоря уже времени развития «точек роста» в «новый тип цивилизации». Единственный практический совет академика, он же ответ на второй вопрос, сводился к требованию поставить естественные науки под контроль «масс» путем «социально-гуманитарной и экологической экспертизы крупных научно-технических программ» [3, с. 18], по здравому размышлению замененную на «социально-этическую экспертизу научных программ и проектов» [2, с. 54].

В одной из своих работ мы приводили примеры удивительного совпадения оценок проектов и достижений современной физики фундаментальных взаимодействий и космологии, данных независимо представителями секты *АЛЛАТРА* и Патриархом Московским и всея Руси Кириллом [4, с. 12].

Думается, что попытки внести в процесс научного поиска дополнительные регулятивы гуманитарно-этического толка контрпродуктивны. Ведь наука – это инструмент познания. Как

использовать этот инструмент в конкретно-исторических условиях решает не абстрактная техногенная цивилизация, а соответствующие органы управления конкретной страны, исходя из экономической целесообразности, политических целей и идеологических приоритетов. Достаточно сравнить процесс создания ядерного оружия в США и СССР. Формально, одни и другие создавали бомбу. Но США как оружие устрашения и нападения, СССР – как оружие сдерживания потенциальных агрессоров. Поэтому США бомбили Хиросиму и Нагасаки, а в СССР еще до пуска первого реактора в первом послевоенном номере журнала «Физика в школе» 1946 года была опубликована статья будущего академика АН БССР М. А. Ельяшевича, посвященная мирному использованию энергии атомного ядра. Как результат, через 10 лет был запущен атомный реактор Обнинской АЭС.

Разговоры о техногенной цивилизации вне контекста социального устройства общества малопригодны для каких-либо практических рекомендаций, включая стратегию развития науки и техники. Возьму на себя смелость утверждать, что угроза «технологической безработицы» не коснется Китая, не потому, что там традиционалистская цивилизация, а потому, что в КНР у власти КПК, наследующая и творчески развивающая труды классиков марксизма, в том числе и Фридриха Энгельса.

Литература и источники

1. Энгельс, Ф. Диалектика природы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – С. 343–756.

2. Философия науки: проблемы исследования и преподавания. Беседа главного редактора журнала «Вопросы философии» академика В. Л. Лекторского с академиком В. С. Степиным // Вопросы философии. – 2006. – № 10. – С. 45−55.

3. Степин, В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации: Наука как цивилизационный феномен / В. С. Степин // Вопросы философии. – 1989. – № 10. –С. 3−18.

4. Толкачев, Е. А. Постнеклассическая экспертиза «физики» «лириками и клириками»: К истории вопроса / Е. А. Толкачев // Фундаментальная наука и образовательная практика: материалы X Респ. науч.-методолог. семинара «Актуальные проблемы современного естествознания». – Минск: РИВШ, 2019. – С. 8–12.

ДЕНИАЛИЗМ И ГРАНИЦЫ АВТОНОМИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

А. В. Антипов

Условия пандемии ставят человека в ситуацию поиска ответов на вопросы, которые в обычной жизни могут полагаться как незначительные или не требующие ответа здесь и сейчас. В некоторых случаях попытка разобраться в происходящем принимает формы дениализма или «борьбы с определенной научной теорией или областью науки» [1]. С одной стороны, подобное намеренное противодействие может быть связано с нанесением вреда такому традиционному объекту биополитики как здоровье человека (например, в случае ВИЧ – и COVID-диссидентства). С другой – признание и уважение автономии личности предполагают возможность человека самостоятельно принимать решения относительно своего благополучия, что, например, играет особую роль при технологизации повседневности в контексте биокапитализма. Соотношение указанных сторон в условиях пандемии расширяет и дополняет традиционные проблемы биомедицины и биовласти.

P. Diethelm и M. McKee указывают, что в дениализме ассоциируются пять элементов (как все вместе, так и некоторые в отдельности): выявление заговоров; обращение к фальшивым экспертам; избирательность в выборе материалов для обращения и критики; создание невозможных ожиданий результатов исследования; использование искажений и логических заблуждений [2]. Однако актуализации дискуссии на рациональных основаниях может быть недостаточно, поэтому предполагается введение этических аргументов.

Автономия может пониматься как «актуализация личностной свободы по отношению к социуму» [3], однако в данном случае важен вопрос о пределах такой актуализации, потому что «персональная автономия – это и источник рисков, связанных с действиями, последствия которых могут быть крайне разрушительны и совершенно непредсказуемы» [4]. В случае дениализма подобное положение может стать как источником неопределенности, так и приводить к реальным жертвам. Поэтому распространение взглядов должно быть дополнено

этической составляющей, ограничивающей причинение вреда. Однако в рамках биокапиталистического контекста современности, для которого характерна коммодификация жизни, неопределенности и жертвы приобретают также экономическое измерение, что усложняет возникающие проблемы и противоречия.

В качестве одного из дополнений и способа проблематизации принципа автономии может выступать взгляд одного из представителей антипсихиатрии Т. Саса, для которого автономия связана с приложением сил по ее достижению и с ответственностью за собственное поведение [5]. Указанный принцип не может применяться в условиях физической неспособности человека принимать решения, но остается открытым вопрос, может ли он работать в случае дениализма в условиях пандемии и конкретизировать условия вмешательства? В данном случае усиленное внимание на ответственности смещает акцент в сторону этического регулирования, которое дополняет рациональную аргументацию противников дениализма.

Литература и источники

1. Science and Pseudo-Science // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. – Mode of access: https://plato.stanford.edu/ entries/ pseudo-science/#ScD. – Date of access: 09.09.2020.

2. Diethelm P., McKee M. Denialism: what is it and how should scientists respond? // European Journal of Public Health. – 2009. – Vol. 19, Iss. 1. – P. 2–4.

3. Майкова, Э. Ю. Автономия личности: вектор социального сопротивления // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». – 2013. – Вып. 4. – С. 39–48.

4. Белялетдинов, Р. Р. Моральное биоулучшение и автономия: риск визуализации блага // ПРАΞНМА. – 2019. – № 4 (22). – С. 254–267.

5. Szasz, T. The Medicalization of Everyday Life: Selected Essays. – Syracuse, New York: Syracuse University Press, 2007.

БИОКАПИТАЛИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

В. П. Веряскина

В обществе, основанном на знаниях, характеризуемом как «когнитивный капитализм» возрастает значимость наук о жизни, что дает основание называть новейшую мутацию капитализма биокапитализмом (К. Раджан) [1], который связывает сопряженность процессов производства научного и социального, наук о жизни и моделей экономической политики. Автор термина «биокапитализм» К. Раджан определяет его как переопределение жизни посредством процессов коммодификации. В этой связи возникает вопрос: в каких направлениях и

как происходит трансформация человеческой жизни в контексте биокапитализма, какие тренды он формирует. Обратимся к следующим тезисам, которые на наш взгляд, выражают эти тенденции.

1. Экономический тренд новейшего капитализма: жизнь как самый дорогой капитал. На современном этапе происходят глубинные процессы, означающие выход капитализма из индустриальной фазы – фордистской, тейлористской и переход в качественно иную фазу. Понятия, с помощью которых описывается этот этап, таковы: «тело – машина», «самосозидание», «самопродажа», «самопредпринимательство», «жизнь как бизнес», «человеческий капитал» и т. д. Промышленный капитализм базируется на использовании доминирующего объема овеществленного труда. Новый этап эволюции капитализма связан с использованием нематериального капитала: человеческого, интеллектуального, капитала знаний. Носителем этих видов капитала и других компетенций, приносящих доход, является человек, его уникальные способности, его индивидуальная человеческая жизнь. Формируется и поощряется установка, что человек должен вкладывать в свой труд не просто профессионализм, а всего себя, трудящийся сам должен стать предприятием. Возникает «человек – предприятие», конкурентная борьба заставляет его заботиться о внутренней мотивации, об образовании, повышении квалификации, медицинском страховании и т. д. Труд все более и более выступает как работа над собой, что обозначается как персональная модернизация, то есть выступает как самосозидание, а жизнь рассматривается в данном ключе как бизнес. Французский социолог А. Горц метко обратил внимание на сущностный момент биокапитализма, в поле воздействия которого оказывается вся жизнь целиком. «Такое самопредпринимательство ведет к тому, что человек целиком и вся его жизнь превращается в труд, сбывается на рынке. Жизнь становится "самым дорогим капиталом". Граница между частной жизнью и работой размывается, причем не потому, что рабочая и нерабочая деятельность требует одних и тех же умений, а потому, что вся жизнь оказывается в плену экономического расчета и стоимости» [2, с. 18]. Стирание границ между индивидом и предприятием приводит к тому, что личность должна стать для себя самой предприятием, должна сама рассматривать себя как рабочую силу, как постоянный капитал, требующий непрерывного воспроизводства и модернизации. Такой рыночный фундаментализм как превращение человека и всей его жизни в «капитал», с которым каждый себя полностью идентифицирует, показывает важнейшую тенденцию усиления господства капитала над трудящимися на стадии биокапитализма, подчиняющего индивидуальную человеческую жизнь главной цели – производству прибыли.

2. Модель антропогенного типа производства как тренд на эффективность. В условиях изменений, вызванных мутациями

современного капитализма, остро стоит вопрос об источниках экономического роста, способствующих прибыли. В этом случае человеческая жизнь должна постоянно воспроизводиться в своем качестве, отвечающем потребностям экономики. Итальянский исследователь К. Марацци пишет: «В экономически развитых странах складывается модель антропогенного типа, то есть модель "производства человека человеком", в которой возможности эндогенного и глобального роста обеспечиваются прежде всего развитием сектора образования (вложения в человеческий капитал), сектора здравоохранения (демографическая эволюция, биотехнология) и культуры (инновации, коммуникации, креативность). В этой модели рост непосредственно обусловлен деятельностью человека, его способностью к общению, к выстраиванию отношений, новаторству и творчеству» [3, с. 114]. Текущую картину и глобальную панораму, отражающую процесс «производства человека человеком» дают, на наш взгляд, Доклады о человеческом развитии в рамках Программы развития ООН по странам и в глобальном мире. На основе статистики фиксируются, прежде всего, базовые параметры – продолжительность жизни, в том числе и здоровой, уровень образования и внутренний валовой продукт на душу населения, выстраивается рейтинг стран и фиксируются проблемы. Особенностью антропогенной модели является то, что живой труд содержит в себе одновременно функции и основного, и переменного капиталов. Поэтому живой труд (рабочая сила) нуждается в амортизации – восстановлении биологического и культурного потенциала. В этом отношении активно дискутируется вопрос о безусловном базовом доходе [4].

Значительный вклад в трансформацию человеческой жизни сегодня вносит феномен биотехнонауки. «На когнитивной фазе капитализм преобразует отношение капитал – труд в отношение капитал – жизнь» [5, с. 124]. В этой связи обращается внимание на то, что знания относятся не столько к орудиям производства, сколько к воспроизводству биологической и социальной жизни. Сфера услуг распространяется настолько, что производятся не столько товары, сколько услуги, приносящие прибыль. Речь идет не только об эксплуатации труда в индустриальном смысле, но и об эксплуатации знания, жизни, здоровья, свободного времени, культуры, межличностных отношений, образования, среды обитания. В основе нового капитализма лежат генетические, коммуникативные и информационные технологии, биотехнологии, образующие гибридные формы. В такой ситуации, когда биотехнонаука реально подчиняется капиталу, сфера персональных услуг, «индустрии» здоровья, телесная «индустрия», коммуникации и производство в целом сдвигаются в сторону воспроизводства биологического и социального, и тем самым – управления жизнью. Это становится важнейшим трендом развития. Ориентации биотехнонауки особенно выявляются в реализации

жизненной политики как эффективной социальной технологии.

3. *Жизненная политика как социальная технология, ее возможности и риски.* Жизненная политика предполагает выбор, это политика выбора стиля жизни (Э. Гидденс) [6]. Она связана с самореализацией человека в обществе позднего модерна, опирающейся на научный потенциал предлагаемых к использованию технологий. Жизненная политика затрагивает самоидентичность человека, которая становится сегодня рефлексивным проектом. Этот выбор касается гендерной идентичности, проблем репродукции и аборта, а тело может быть подвергнуто рефлексивной реструктуризации с помощью абстрактных систем (экспертное знание). Путеводители и практические руководства советуют как заниматься здоровьем, внешним видом, упражнениями, любовью и т. д. Таким образом, самосовершенствование реализуется не столько на духовном уровне, сколько доминантой становятся телесные практики, в том числе и распоряжения телесными продуктами и частями тела. Особенно заметны эти явления в репродуктивных технологиях на основе генной инженерии, в связи со сменой пола, видоизменением возрастных оппозиций между фертильностью и стерильностью. Искусственное оплодотворение и зачатие в пробирке отделяет репродукцию от традиционных категорий гетеросексуального опыта. Становится возможным суррогатное отцовство, материнство, в том числе и для использования в гомосексуальных браках. Какие выводы можно сделать из жизненной политики, основанной на индивидуальном выборе и научных технологиях? Эти практики амбивалентны, так как наряду с лечебными эффектами они несут в себе значительные риски. Возможно мы, по мнению Ю. Хабермаса, «на пути к либеральной евгенике» [7], и речь идет о самоинструментализации человеческого вида, а индивидуальный выбор может привести к непредсказуемым последствиям – гендерному дисбалансу по половому признаку. Поэтому моральные и экзистенциальные вопросы становятся настолько важными, что связаны с выживанием человеческого рода.

В заключении мы приходим к выводу, что трансформация человеческой жизни в контексте новой фазы развития капитализма носит системный характер в экономической, социальной и индивидуальной сферах, обусловленной ростом знания и основанной на нем технологиях. Эта трансформация амбивалентна, так как открыта новым возможностям и новым рискам. Поэтому вопрос об ответственном развитии биокапитализма становится основополагающим.

Литература и источники

1. Kaushik Sunder Rajan. Biocapital. The Constitution of Postgenomic Life. – Duke, U. P., 2006.

2. Горц, А. Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // Логос. – 2007. – № 4 (61). – С. 18.

3. Марацци, К. Тело – машина и его амортизации // Логос. – 2007. – № 4 (61). – С. 114.

4. Ван Парайс, Ф. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики / Ф. Ван Парайс, Я. Вандерборхт // Пер.с англ. А. Гусева; под науч.ред. С. Моисеева. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 440 с.

5. Корсани, А. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос. – 2007. – № 4 (61). – С. 124.

6. Giddens, A. Modernity and Self-Identity. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 256 p.

7. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? – М.: Весь мир, 2002. – 144 с.

СООБЩЕСТВО ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО В УСЛОВИЯХ БИОКАПИТАЛИЗМА

О. И. Давыдик

Актуальная повестка, связанная с пандемией коронавируса, стала акселератором существующих внутрисистемных проблем в обществах, продемонстрировав необходимость социально-политических трансформаций, изменения властных диспозиций, перераспределения социальных благ и преференций с точки зрения гуманитарной составляющей, а не рыночной стоимости.

Пандемия показала слабость фармакологической отрасли, где продвижение технологий связано с маркетингом, а не с гуманитарной миссией. Все большее сращение наукоемких технологий с бизнесом обеспечивает их служение частным интересам, а не увеличению комплексности и возникновению множества иных горизонтов, исследовательских моделей, гуманитарной перспективы (Н. Луман). Потенциал научного знания заключен также в его инкорпорировании в социальное тело и производимые социальные отношения с целью концентрации социальных навыков и для того, чтобы не утратить перспективы инновационного будущего и общества (Х. Новотны).

На сегодняшний день социальные ожидания от новейших технологий были значительны, но самым эффективным инструментом в противостоянии распространению вируса стало социальное дистанцирование, изоляция людей и жесткие карантины с введением чрезвычайного положения. Общественные ожидания все более возрастают и должны коррелировать с усложняющимся знанием и

исследовательскими моделями. Распространение COVID-19 показало, что этот тезис еще далек от совершенства, а зародившееся недоверие к государственным институтам и ко всей социальной системе в целом спровоцировало кризисы и волны протестов, которые требуют справедливого перераспределения общественных благ и ресурсов, политизации жизненных циклов, ревизии оснований, которые породили социальное неравенство и асинхронию, капитализацию сфер развлечения и новейших технологий, оставив у обочины такую сферу, как экономика заботы, которая оказалась наиболее востребованной и наиболее уязвимой. Среди гетерогенных агентов, которые контролируют развитие технологий (индустрии, лаборатории, академии, силовые структуры, органы управления) сообществам отведена роль пассивных объектов в цепи производства (Х. Новотны).

Сообщества пандемии (О. Шпарага) обнаружили еще более глубинное неравенство и разобщенность в условиях биокапиталистической модели, при которой социальные ресурсы, такие как рабочее время, удаленная работа, доступ к интернету и диджитал-услугам, возможность релокации, оказались недоступными в силу множества причин. Специфика экономики заботы проявилась как в невозможности коммодифицировать свои услуги, так и в малой продуктивности в условиях рынка, тогда как затраты, риски, социальное значение несоизмеримо выше, чем во многих других сферах. Этот пример и ряд других оснований ведут к необходимости переосмысления социальных отношений, перераспределения рабочего времени и социальных преференций, переход к более гибким формам организации труда, установление горизонтальных форм взаимодействия и принятия решений, упрощение властной вертикали как неэффективной и слабо маневренной в процессе принятия кризисных решений (или узурпирующей право на принятие таких решений), принятие ориентации на производство свободы и заботы о сообществах с целью перехода от объекта политики (коими сейчас они являются) в субъект взаимодействия и участия (коими они себя проявили в условиях текущего кризиса).

Изменения затронули наше представление о существовании в сообществах, публичности и соприсутствии, политическом участии и активизме. В условиях кризиса также вновь возник вопрос об определении прав и свобод, возможности осуществлять самостоятельно свой выбор, делегировании указанных компетенций государственным институтам. Публичность в качестве пространства коммуникаций, формируемое медиа и сообществами (Ю. Хабермас), а также в качестве конвенционального соприсутствия, регламентируемого процедурами и правилами (Э. Гидденс, И. Гофман) одновременно представилась как форма, необходимость физического, телесного собрания, образования стихийных сообществ (начиная от похорон и заканчивая забастовками), что является чаще всего

более значительным действием, чем любое письменное заявление (Дж. Батлер).

Изобретение будущего – это и моделирование новых перспектив социальности, ее механики и институтов, и гуманизация общественных отношений, пересмотр ценностных шкал и приоритетов в соответствии с общественными запросами, с учетом солидаризации, горизонтальности, осознания общей уязвимости, и преодоление политики силы и устоявшихся вертикалей власти в сторону «силы слабости», осознания общей уязвимости, преодоление производства этой уязвимости в политическом в качестве пассивности и виктимизации (Дж. Батлер) в пользу производства солидарности на этой почве.

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН В СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ

Н. С. Ильюшенко

Специфика темпоральности современных биокапиталистических обществ все чаще становится объектом пристального изучения философии и социологии. Такой интерес обусловлен сложностью и неоднозначностью процессов, протекающих в данном типе социумов. Не в последнюю очередь актуализация проблемы темпоральности связана с осознанием времени биологической жизни человека как наиболее ценного экономического ресурса, служащего обеспечению исправного и предсказуемого функционирования экономических и социальных процессов в эпоху биокапитализма.

Особенность темпоральности биокапиталистических обществ заключается в особой синхронизации биологического и экономического временных потоков, которая достигается благодаря развитию биотехнологий. Среди средств, позволяющих существенно повысить экономическую эффективность человека за счет манипуляций с его биологической составляющей, можно выделить: расширение возможностей управления репродуктивным временем индивида (создание банков половых клеток, развитие вспомогательных репродуктивных технологий); нормализация практик мониторинга показателей здоровья и страхования жизни; организация хранилищ биоматериалов, способных понадобиться в случае возникновения той или иной болезни для минимизации времени на поиск подходящего донорского материала; трекинг режимов питания, сна, физических нагрузок для сообщения телу максимальной эффективности и др. Все эти инструменты, организующие человеческую витальность, задают и особые режимы функционирования общества в целом, в том числе, на повседневном уровне. В итоге вся

общественная структура оказывается обусловленной работой фаз, циклов и ритмов «экономически мотивированной» человеческой телесности. Поскольку биотехнологии «включаются в работу» именно там, где человек более всего ощущает нехватку времени, они приобретают статус средства синхронизации различных временных потоков. Именно этим технологиям биокапиталистические общества, в конечном итоге, оказываются обязанными поддержанию относительной устойчивости и предсказуемости разворачивающихся в них социальных процессов. Такие социумы стимулируют более интенсивное развитие биотехнологий, все в большей мере подчиняя биологические ритмы людей экономическим процессам вплоть до их полной неразличимости.

Однако ситуация пандемии коронавируса SARS-CoV–2, развернувшаяся в конце 2019 года, привела к сбоям в ставшей привычной синхронности ритмов биологического и экономического порядков. Появление нового заболевания запустило условия, при которых биологическое время, будучи относительно самостоятельным, «вышло из-под контроля» биотехнологий и перестало соответствовать размеренности, направленности и иным параметрам, «навязываемым» экономическим временем. Пандемия фактически подтвердила фундаментальное значение биологического времени для обществ биокапитализма. Она также дала основания говорить об уязвимости биокапиталистических обществ с их ориентацией на рассмотрение живого как ресурса для извлечения прибыли и со свойственным им игнорированием аспектов существования, не привлекательных для монетизации и не подвластных ей.

В ситуации «сбоя» функционирования самих биологических тел людей, когда в игру вступили новые, еще не изученные и «не подчиненные биотехнологическому контролю» биологические агенты (вирусы), когда стала очевидной невозможность быстро справиться с болезнью у значительного количества людей, оказалась необходима радикальная перегрузка всей системы здравоохранения – ключевого элемента механизма поддержания стабильного ритма социальной жизни биокапиталистических обществ. Разрыв многих привычных временных последовательностей (сложности в совершении повседневных рутинных действий, например, покупок, запланированных бизнес-встреч и др.), либо, напротив, необходимость ежедневно делать нечто непривычное (носить маску, не забывая менять ее каждые 2 часа), привел к постепенной разбалансировке других временных циклов. В результате произошла масштабная рассинхронизация социальных ритмов, что спровоцировало кризис всех социальных областей. Такое положение вещей можно считать свидетельством высокой уязвимости биокапиталистических обществ перед лицом социальных кризисов, затрагивающих биологические основы жизни.

Вопрос, требующий своего более подробного освещения в этой

связи, касается того, как описанная разбалансировка влияет на специфику организации повседневных и профессиональных ритмов отдельных людей. Не имея возможности описать все многообразие «поломок» темпоральных структур в ситуации пандемии, сконцентрируем внимание на описании следствий разворачивающегося социального кризиса в отношении женщин.

Для женщин переживание периода пандемии оказалось сопряженным с рядом противоречий, что сделало видимой особую уязвимость данной части населения. Прежде всего, перевод на дистанционную форму работы нарушил привычное чередование ритмов рабочего времени и времени, связанного с выполнением домашних дел, таких как приготовление еды, необходимость поддержания чистоты в доме, общения с родственниками и детьми, обеспечение контроля различных параметров «домашней» жизни. В силу того, что на женщинах и так лежит фактически двойная нагрузка, ее распределение оказалось для многих из них особенно затруднительным. Даже в ситуации появления большого количества свободного времени (традиционно дефицитный ресурс в эпоху биокапитализма), например, в случае потери работы, женщины при наличии детей и, например, работающего дистанционно супруга, испытывали затруднения с организацией эффективного поиска новой работы, приобретением новых навыков, а также поддержанием привычных бытовых ритмов.

Распределение времени на решение рутинных повседневных задач тоже претерпело трансформации. Поход в магазин, приобретение непродовольственных товаров и др. приобрели статус проблемы, требующей во многих случаях поиска способов наиболее эффективного тайм-менеджмента. Женщинам стало требоваться больше времени не только на то, чтобы найти нужный товар в ситуации массового закрытия магазинов (оформить заказ, дождаться его доставки, возможно, на другой день или в течение нескольких дней), но также не допустить сбоя в жизнедеятельности семьи при отсутствии нужных товаров. Обычный поход в магазин также стал требовать б*о*льших временных ресурсов, если, например, в магазин допускалось ограниченное количество покупателей. В целом, уязвимость женщин проявилась в том, что именно женщины зачастую осуществляют менеджмент времени в семейной сфере, на которую во многом замкнулась жизнь в ситуации пандемии.

Пандемия также стала причиной сбоев в привычных ритмах контроля здоровья, планирования различных поддерживающих или иных процедур. Например, ряд клиник приостановил осуществление плановых хирургических вмешательств, массовая переквалификация врачей на работу с больными коронавирусом сделала проблематичным получение услуг у многих узких специалистов. Многие женщины столкнулись с трудностями при планировании беременности, в силу того, что они начали

больше опасаться за свое здоровье и благополучие ребенка, ведь медицинские учреждения (в том числе роддома) стали, местами, в которых высок риск распространения инфекции. В этих условиях женщины вынуждены либо идти на риск, либо откладывать беременность до изобретения вакцины.

Одновременно пандемия обусловила сбои ритмов в сфере оказания бьюти-услуг, что также негативно сказалось на привычных ритмах организации жизни женщин. Это может показаться не очень значимой проблемой, но уход за собой в обычной жизни и так занимал много времени (иногда исследователи говорят даже о «третьей смене» в графике женщины, когда она после выполнения профессиональных обязанностей и работы по дому, должна уделять внимание себе, чтобы соответствовать общественным ожиданиям и представлениям о норме привлекательности). При пандемии эти требования никуда не делись, женщины должны продолжать изыскивать время и возможности, чтобы сохранять имидж продолжающейся нормальной жизни.

Подводя итоги представленному краткому анализу вызовов, с которыми столкнулись женщины в период пандемии коронавируса SARS-CoV–2, отметим, что данная угроза выявила уязвимость биокапиталистических обществ в целом, однако, наиболее подверженными ей оказались женщины, поскольку традиционно именно они чаще теряют работу в случае социальных кризисов, зачастую на них лежит основная ответственность за менеджмент времени внутри семьи, они чаще испытывают бремя множественной нагрузки. То, что требует решения в этом контексте, – это разработка средств поддержки женщин, и одним из направлений может быть переосмысление распределения временных ресурсов в обществе биокапитализма в целом.

Тезисы подготовлены при финансовой поддержке БРФФИ в рамках выполнения научного проекта «Социальные ожидания от развития технологий в эпоху биокапитализма» (договор с БРФФИ № Г19РМ-051 от 02 мая 2019 г.).

БИОЭТИЧЕСКАЯ КОНФИГУРАЦИЯ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ БИОМЕДИЦИНЫ

Т. В. Мишаткина

Бурное развитие теории и практики биомедицины в конце XX – начале XXI веков, внедрение инновационных технологий в сферу биомедицины, возможность появления экстремальных ситуаций в системе здравоохранения активизировали потребность в философско-теоретическом осмыслении онтологических, гносеологических, этико-аксиологических оснований этих сложных процессов, что, в свою очередь,

позволяет (и заставляет) выявлять актуальные направления развития и применения глобальной биоэтики в социальном контексте.

1. В дальнейшей разработке нуждаются такие теоретические проблемы глобальной и социальной биоэтики, как:

– проблемы биоэтизации социума и социализации биоэтики;

– социокультурологическое измерение глобальной биоэтики;

– этическое измерение «мира» биотехнологий;

– аксиологические аспекты биомедицины и биотехнологий;

– биоэтический и биополитический контекст медико-генетических исследований;

– анализ биоэтических причин и последствий угрозы биотерроризма.

2. Предметом дальнейшего гуманитарного анализа должны быть такие «открытые» ситуативные проблемы социальной биоэтики, как:

– право человечества на «улучшение» и самосовершенствование (в связи с достижениями генетики и опасностью неоевгеники);

– проблема конфиденциальности генетической информации;

– этическая полемика по вопросу эмбриональной и фетальной генной терапии;

– этические проблемы репродуктивных технологий;

– исследование ресурсов улучшения развития детей с задержками психического развития;

– этические проблемы реаниматологии и трансплантологии;

– этические проблемы вакцинации;

– этические принципы паллиативной медицинской помощи и проблемы эвтаназии.

3. Необходимость фундаментального этического обеспечения системы биомедицинского образования предполагает:

– обязательное биоэтическое образование в медицинских вузах и постоянную гуманизацию учебного процесса;

– разработку методологии и методики изучения биомедицинской этики на основе международных документов о биоэтике и правах человека;

– внедрение альтернативных методов проведения экспериментов на животных;

– учебно-методическое обеспечение изучения глобальной и социальной биоэтики.

4. В области генетических исследований и проведения генетической диагностики населения решение следующих биоэтических проблем:

– проблемы допустимости генетического управления / манипулирования человеком и чертами его личности в интересах социума;

– возможности и опасности «улучшения» генетической природы или, напротив, генетической деградации человека (постоянно растущий

генетический груз);

– проблемы использования генетики в целях направленной селекции людей в контексте неоевгеники.

5. При внедрении в область биомедицины новейших био – и нанобиотехнологий социальная биоэтика должна акцентировать внимание на проблемах, чреватых рисками и опасностями для человечества и требующих поэтому разработки особых стратегий безопасности. К их числу относятся:

– моральные проблемы, связанные с клонированием и созданием генетически модифицированного человека;

– выявление особенностей репродуктивного и терапевтического клонирования, их перспектив и рисков;

– этические проблемы реаниматологии, необходимости и сроков продления жизни пациента в «вегетативном состоянии»;

– социально-этические проблемы трансплантологии, в частности, проблемы донорства: презумпция согласия и презумпция несогласия;

– проблемы биоэтики и биобезопасности производства и потребления генно-модифицированных продуктов;

– возможности и риски использования нанотехнологий и нанопрепаратов в биомедицине и генетике.

6. В целях обеспечения репродуктивного, гендерного и гериатрического здоровья социума целесообразно активизировать исследования по выявлению:

– моральных плюсов и минусов развития ВРТ, а также отдаленных последствий их внедрения;

– моральных проблем, связанных с судьбой «лишних» эмбрионов, полученных в процессе искусственного оплодотворения;

– этических аспектов использования в исследовательских и терапевтических целях эмбриональных стволовых клеток;

– различных аспектов дискриминации по половым, возрастным и иным признакам.

7. В борьбе с «социальными заболеваниями» (алкоголизм, наркомания и др.) требуют углубленного анализа следующие проблемы:

– моральная оценка в социуме и профессиональном медицинском сообществе злоупотребления алкоголем и психоактивными веществами – от неприятия и презрения до терпимости и понимания;

– этические проблемы, возникающие при лечении людей, страдающих алкогольной или наркотической зависимостью;

– отношение к гомосексуализму, трансвестизму, гендерной деконструкции: как психическим заболеваниям, отклонениям от нормы или аморальности;

– отношение к принудительному тестированию и насильственной изоляции носителей ВИЧ-инфекции (рассмотрение их в качестве

необходимых мер борьбы со СПИДом или как нарушения прав человека).

8. При определении статуса пациента в системе здравоохранения возникают следующие проблемы биоэтики:

– моральная дилемма соблюдения права человека на жизнь и на смерть;

– решение проблемы эвтаназии в контексте прав человека и концепции «качества жизни»; правовое решение данной проблемы: необходимость / недопустимость закона об эвтаназии;

– этические вопросы паллиативной медицины и хосписного движения: возможности и роль хосписов – для жизни или для умирания;

– моральные проблемы самоубийства как право человека распоряжаться собственной жизнью.

9. Проблема использования животных в биомедицине:

– применение гуманных принципов 3R в биомедицинских экспериментах с использованием животных;

– гуманизация обучения специалистов медико-биологического профиля и использования животных в учебном процессе;

– разработка альтернативных методов в биомедицинских исследованиях и образовании;

– защита прав животных и нормативно-правовая регламентация отношения к животным в биомедицинских исследованиях, образовании, хозяйственной деятельности, рекреации.

Сегодня проблемы социальной биоэтики активно обсуждаются в гражданском обществе в соответствии с ее дискуссионным – «открытым» – характером. Это особенно важно для разработки и реализации стратегии выживания человечества и эффективной деятельности адекватной системы общественного здравоохранения.

ЭТО СТРАННОЕ СЛОВО «БЕЗОПАСНОСТЬ»: БИОКАПИТАЛИЗМ, ПАНДЕМИЯ И ДЕНИАЛИЗМ

С. Ю. Шевченко

1. Начиная с 2000-х годов, некоторые философы, относящиеся к «Стэнфордской школе», высказывали опасения, связанные с применением методов доказательной медицины при принятии политических, экономических и судебных решений [1]. Обозначая это явление как «научный империализм», они критиковали методологическую колонизацию (натурализацию) политики.

С другой стороны, многие авторы, развивающие фукианский концепт «биополитика», видят биологизацию политики по-другому. Агамбен тяготеет к точке зрения, согласно которой биополитика изначально направлена на то, что признает биологическим по своей

природе [2]. Несмотря на то, что сам Фуко счел бы это проявлением более ранних форм политического (анатомо-политики), считается, что в эпоху распространения COVID-19 биополитика стала напрямую управлять телами. «Врачи, дающие советы правительству, пытаются установить "пандемийную диктатуру"» [3]. То есть, политика была вытеснена эпидемиологией не по методу, а по предмету – по тому, что стало объектом контроля и управления.

Две эти линии рассуждения о натурализации говорят о взаимоотношениях биомедицины и политики по-разному, что, разумеется, способствует разнообразию критических подходов. Однако такое расхождения языков не позволяет схватить явление COVID-диссидентства (как проявление наиболее острой формы дениализма, произвольного отрицания научного консенсуса в эпоху пандемии).

2. С фукианских позиций такой дениализм можно истолковать как раз через непонятность «внутреннего» языка биополитического контроля и управления, который стал публичным в контексте пандемии. Биополитический термин «безопасность» не может быть интерпретирован людьми, чьи социальные и политические концепты были сформированы в эпоху «неявной» биополитики.

С другой стороны, в терминах социальной эпистемологии или философии науки можно охарактеризовать дениализм как добровольное невежество [4], провал индивидуальной стратегии получения знания о способах избежать заражения. В таком ключе безопасность видится просто наилучшей стратегией избегания вполне валидируемых рисков. Но именно это значение слова «безопасность» и оказывается непонятным в условиях пандемии – в том числе потому, что медийно использовался для стимулирования биокапиталистического инвестирования (формирования добровольно био-ответствтенного субъекта). То есть понятие было инфлировано, став лишь риторической характеристикой «стиля жизни».

3. Концепт «безопасность» (включая и «биобезопасность») расширял свое значение в связи с развитием биотехнологий и глобализацией мировой торговли. Он всегда предполагал формирование у конкретных обществ «иммунитета» перед внешними угрозами: от интродукции чужеродных видов или патогенов до внедрения ГМО в естественную среду [5]. Однако художественные репрезентация такого рода рисков всегда оказывалась ярче, чем научные оценки ущерба от их реализации.

В итоге, рассматривая COVID-диссидентство в любой из двух из названных выше оптик, неясно, что и как отрицают дениалисты: навязываемую им биополитику вместе с характерными для нее образами угроз или научное знание, включенное в ее функционирование, но способное существовать и вне биополитического контекста? Ни в одном из двух языков невозможно одновременно и понять дениализм (реконструировать его причины), и предложить стратегию его

преодоления.

Выработка такого языка кажется одной из содержательных задач как исследования биокапитализма и биополитики, так и изучения социальной динамики знания в эпоху пандемии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 19–511–04003.

Литература и источники

1. Cartwright N., Hardie J. Evidence-Based Policy: A Practical Guide to Doing It Better. – Oxford University Press, 2013. – 196 p.

2. Agamben, J. Homo Sacer: Sovereign power and bare life. – Stanford University Press, 1998. – 228 p.

3. Sarasin, P. Understanding the Coronavirus Pandemic with Foucault? FoucaultBlog. March 31, 2020 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.fsw.uzh.ch/ foucaultblog/ essays/ 254/ understanding-corona-with-foucault. – Date of access: 09.09.2020.

4. Mason, S. E. Climate Science Denial as Willful Hermeneutical Ignorance // Social Epistemology. – 2020. – № 34:5. – P. 469–477.

5. Koblentz, G. D. Biosecurity reconsidered: Calibrating biological threats and responses // International Security. – 2010. – № 34 (4). – P. 96–132.

ПОСТГЕРОИЗМ И ВОЙНЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Н. А. Балаклеец

Современное общество получило в работах философов и ученых различные обозначения, среди которых обращает на себя внимание ряд терминов, констатирующих утрату им четких и устойчивых ориентиров развития. Речь, прежде всего, идет о появлении многочисленных терминологических конструктов с приставкой «пост». Современное общество характеризуется как *пост*модернистское, *пост*индустриальное, *пост*гуманистическое, *пост*героическое. Тем самым обозначается переход к принципиально новому состоянию общества, которое, отказавшись от прежних ценностей, еще не обрело новые.

Сегодня происходят радикальные преобразования разнообразных сфер социальной жизни. Для современности характерно не только возникновение новых масштабных социальных рисков и угроз, но и проникновение их в сферу повседневного бытия человека. Угроза войны, которая некогда нарушала относительно стабильные периоды мирного развития и затрагивала ограниченные регионы Земного шара, в современном мире в связи с появлением высокотехнологичного оружия и возрастанием взаимозависимости отдельных стран и регионов, приобретает вселенский масштаб, а военные события, транслируемые с помощью электронных СМИ, становятся элементом, конституирующим человеческую повседневность. Источники военных угроз сегодня могут быть замаскированы под вполне мирные объекты: военная техника становится все более миниатюрной и даже зооморфной. К примеру, в боевых действиях уже участвуют так называемые «кремниевые насекомые» – летающие микродроны, способные выполнять боевые задачи (прослушивание, ведение съемки и, при необходимости, уничтожение людей). Многотысячные или многомиллионные стаи «кремниевых насекомых», управляемых с помощью специальных алгоритмов, способны обезвредить и боевую технику противника [1, с. 26]. Воплощаются в жизнь фантастические идеи о микроармии, состоящей из миниатюрных роботов-насекомых (керамических микрорачков, титановых червячков, смертоносных псевдоос), высказанные еще Станиславом Лемом [2].

Происходит деантропологизация войн, их переход в транс – и постгуманистическую стадию: человек, не желающий ставить на кон свою жизнь ради интересов государства, делегирует свои функции «умному» оружию: автоматизированным боевым системам, беспилотным летательным аппаратам, кибероружию, используемому для ведения войн. Причины подобного вектора в сторону деантропологизации войн могут быть объяснены переходом ряда современных обществ на стадию постгероизма, для которой характерна утрата идеалов мужества, жертвенности, борьбы во имя интересов социального целого. Следует отметить, что девальвация указанных ценностей отнюдь не является сиюминутным процессом. Так, еще в 1915 году Вернером Зомбартом была выявлена мировоззренческая оппозиция торгаша (Händler) и героя (Held). Подчеркнем, что у немецкого автора речь идет именно о мировоззренческом и даже метафизическом понимании «торгашества» и «героизма», согласно которому данные понятия не ограничиваются конкретными сферами профессиональной деятельности, но представляют собой воплощение некоего «народного духа» – соответственно, английского и немецкого.

«Торгашеский дух» в своей основе беден, несамодостаточен, ибо он движим желанием приобретения; жизнь для него представляет череду выгодных сделок. «Герой», напротив, духовно богат: он готов растратить себя и принести свою жизнь в дар отечеству. Соответственно, если идеалом «торговца» является вечный мир, то добродетели «героя» проявляются исключительно на войне [3, с. 15–16, 52–53]. Война, согласно Зомбарту, – это не торговая сделка и не должна быть таковой. Соответственно, такие «торгашеские» методы ведения войны, как подкуп, каперство, бойкот, кража патентов и т. п., подвергаются автором критике. Распространение в современном мире таких специфических видов войны, как «финансовые» или «экономические» войны, исходя из размышлений немецкого теоретика, можно объяснить распространением коммерческих ценностей в масштабах всего человечества, для которого стремление к неуклонному повышению благосостояния, объема и качества потребляемых благ стало жизненным кредо.

Если милитаристская установка Зомбарта может быть рассмотрена как попытка реставрации ценности героизма, имеющего для автора национально-культурные корни, в ситуации угрозы экспансии меркантильных ценностей комфорта и безопасности, то в работах современных исследователей войны констатируется переход целого ряда обществ на стадию постгероизма [4; 5].

По свидетельству британского автора Мэри Калдор, трансформация наукоемкой войны, которая происходит на наших глазах, привела к моральному оправданию поведения, которое прежде считалось недопустимым для военных и служило предметом общественного

порицания. В наши дни разрушены традиционные представления о войне как исключительно мужской деятельности, участие в военной деятельности женщин (причем, на самых разных уровнях, вплоть до высшего военного командования) перестало восприниматься в качестве аномалии. Современные высокотехнологичные Голиафы стремятся избежать непосредственной физической схватки с врагом, закрепляя за собой задачу дистанционного управления военной техникой. Преимущества постгероических дистанционных войн, ведущихся с помощью дронов, для их инициаторов очевидны: они не требуют гигантских финансовых вливаний, многочисленных армий, укомплектованных призывниками, позволяют снизить налоговое бремя граждан воюющего государства. «Все, о чем просят американскую публику, это просто смотреть телевизор и аплодировать», – резюмирует Калдор [6, с. 343].

По мнению Эдварда Люттвака, причины постгероического сценария современных высокотехнологичных войн кроются в низком уровне рождаемости в экономически развитых государствах: «Данные новой семейной демографии свидетельствуют, что ни одна из развитых стран с низким уровнем рождаемости больше не может играть роль классической великой державы <…> Иные из них еще обладают атрибутами военной силы или экономической базой для развития военного потенциала, но их общество настолько не переносит жертв, что в действительности демилитаризовано или близко к этому» [4, с. 101]. Не умаляя роли демографического фактора в дегероизации современных обществ, Герфрид Мюнклер предлагает альтернативное объяснение причин вступления ряда стран западного мира в эпоху постгероизма. Исследователь помещает основную причину разделения обществ на героические и постгероические в ценностно-символическую и религиозную плоскость: «Постгероизм отличает те общества, которые утратили идеалы жертвоприношения и чести, а точнее, те общества, где под жертвоприношением подразумевается не подвиг, а мученичество <…> их девиз – как можно меньше потерь» [5, с. 189]. Таким образом, для постгероических обществ характерны десимволизация и десакрализация смерти, а, кроме того, отсутствие литературной традиции чествования героизма [5, с. 159].

Вместе с тем, тенденция дегероизации западных обществ, которая отчетливо проявляется в войнах настоящего, отнюдь не является всеохватной. Современный мир по-прежнему является ареной насилия, проявляющегося в крайних формах жестокости. Для ряда участников вооруженных конфликтов продолжают сохранять свою значимость ценности жертвенности и героизма. Однако эта жертвенность зачастую исходит от негосударственных участников вооруженных конфликтов – партизан или террористов, которые оправдывают свои действия метафизическими смыслами. Таким образом, асимметричный характер

современных войн заключается в столкновении постгероизма, подкрепленного высокими военными технологиями, и жертвенности, которая сегодня приобретает устойчивую связь с террористическим насилием.

Литература и источники

1. Иванов, В. Наука и войны будущего (доклад Изборскому клубу) / В. Иванов, Г. Малинецкий // Изборский клуб. Русские стратегии. – 2015. – № 5 (29). – С. 6–36.

2. Лем, С. Системы оружия двадцать первого века, или Эволюция вверх ногами / С. Лем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://alternathistory.com/stanislav-lem-sistemy-oruzhiya-xxi-veka/. – Дата доступа: 05.09.2020.

3. Зомбарт, В. Торгаши и герои. Раздумья патриота / В. Зомбарт // Собрание сочинений в 3 т. – СПб., 2005. – Т. 2. – С. 8–104.

4. Люттвак, Э. Стратегия: Логика войны и мира / Э. Люттвак. – М., 2012.

5. Мюнклер, Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках / Г. Мюнклер. – М., 2018.

6. Калдор, М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор. – М., 2015.

RUSSIAN ETHICS OF WAR: VIOLENCE AND “COUNTER-VIOLENCE”

Petar Bojanić

Let us start with the title as there might be problems with the words ‘counter’ and ‘reject’ (oppose, rebuff, resistance). Some words in the title, ‘violence’, ‘counter-violence’, as well as non-violence are used only very rarely in the texts of Russian philosophers. There are a few reasons for this. The most basic is probably the attempt to circumvent a tradition heavily marked by the presence of L. Tolstoy and his theory of non-violence, which is not doing coercion. L. Tolstoy defines coercion as an action or gesture directed at one who does not wish it or does not choose to accept it. Both I. Ilyin and S. Frank accept Tolstoy’s understanding of violence as aggressive brute force, making it by definition unjustified. Thus, opposition to violence (attack) should exclusively bear the name of force, but be distinct from violence. If the aggressor attacks, occupies, defaces, then the force standing in its way (deployed by the righteous) is really preventing, cutting them off, pacifying. Thus, such force would, paradoxically, be non-violent, contain no coercion.

Tolstoy’s attempt is to rid life of violence, or to uncover the force of life that is not or does not have to be grounded in violence. He puts forward two entirely original insights regarding state power and its connection with violence: first, “the basis of authority is bodily violence” [5, p. 167], and second, “but

ruling means using force, and using force means doing to him to whom force is used, what he does not like and what he who uses the force would certainly not like done to himself. Consequently, ruling means doing to others what we would not they should do unto us, that is, doing wrong" [5, p. 242]. Finally, Tolstoy's final operation, which reverberates across subsequent views of "non-violence", refers to the displacement of force (life force) from the outside world into the inner life of every individual: "(...) he whom he possesses sufficient power …will not resort to violence" [3, p. 207].

What then is this counter-violent force, force against violence? In "Search for war's meaning" (1914), Semen Frank has the "daunting task" (as he calls it) to produce a conceptual justification of war, in an objective and moral way: "To justify war means showing that it is led for the right reason, that it is conditioned by the necessity of defense of human life or reaching objective principles of human virtue. Objective virtues imply that these are values held by all. In this way, justifying war means finding the foundation that would be binding for all (…). Justifying war is possible only by citing those reasons with which the enemy has to agree" [4, p. 408].

The protocol of counter-violence, as "justified force" necessarily possesses some immutable characteristics: first, violence is often if not always counter-violence, which is to say that violence is necessarily always already a response to violence. Anyone using force actually claims to be responding to violence that has already taken place, is taking place or is immanent. Second, the basic idea or characteristic of counter-violence is the force of interruption of all potential violence (making counter-violence the last violence) and achievement of something entirely new (in breaking with the old, the unjust, previous injustices, which allow and then often justify the use of the last injustice). Third, the protocol of justifying counter-violence necessarily contains a verification, debate, that is, an address to those who are a priori against (opposes to violence but also to counter-violent force), who stand against any response to violence (which usually refers to various forms of "Tolstoyism").

How then is war or violence interrupted? To better determine this kind of action or coercion, this minimal response to violence, as counter-violence, which comes from the Russian language and tradition of thinking about war, then it has to be urgent and swift. Ivan Ilyin uses several verbs, such as presechenie (stopping), zastavlenie (urging), ponuzhdenie (compelling), prinuzhdenie (enforcing) to define the forms of this "placement of (myself or us) across the way", "against" the other's attack. A minimal response to violence as counter-violence would include several protocols. The first would be the differentiation of force and violence. In The Essence of Legal Knowledge, speaking of axioms of state power, Ilyin writes about spiritual rectitude as a mysterious force, since state power is a (military or legal) force: "Moreover, legal consciousness demands that the power itself is perceived as having influence (force) inasmuch as it is authoritative and just rather than as the force

instituting the law. The law is not born of force, but exclusively of the law and ultimately the natural law. This means that brute force that usurps power will institute positive law inasmuch as popular legal consciousness agrees (under whatever were its considerations) to recognize its authority" [2, p. 123].

State power as force does not produce (give birth to) law, but only that state power which has a "living influence", which is force "in its correct measure". The one who stands in opposition actually represents this living influence, which, being right (as state power), makes law or gives order to social life. Further, neither violence nor "brute force" (a synonym for violence really) nor force create right. This is the innovation in the histories of justification of force or violence, absent in the West. Aggressive violence can necessarily be opposed only in a way that implies the possibility of constituting law and order. If we read Ilyin's 1924 O soprotivlenii zlu siloyu in concert with Ilyin's early and late texts on law, then it becomes clear that law is the basic regulative idea of the use of force. One opposes violence to the extent that the creation of right is thereby made possible. In that sense, force becomes but an "impulse of the development of law".

The third protocol that gives rise to law in force and continuously reiterates the limit of "counter-violence" refers to the work of metaphors and metonymy (which I still think cannot be subsumed under 'religious phraseology'). Sentences such as "his very sword will become a flaming prayer" or "may your sword be your prayer and your prayer be your sword" [1, 219], can certainly further impact the regulation of rejecting violence and a swift cessation of force. This protocol is certainly in harmony with Tolstoy's approach of ultimate abnegation of a response to violence.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00240).

References

1. Ильин, И. А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин. – Берлин: "Presse", 1925. – 221 с.

2. Ильин, И. А. О сущности правосознания. – Мюнхен: Тип. Обители преп. Иова Почаевского, 1956. – 223 с.

3. Толстой, Л. Н. Полный сборник сочинений / Л. Н. Толстой. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1956. – Т. 45.

4. Франк, С. Л. О поисках смысла войны // Русские философы о войне. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. – С. 402–412.

5. Tolstoy, graf Leo "The Kingdom of God is Within You": Christianity Not as a Mystic Religion But as a New Theory of Life. – Cassell Publishing Company, 1894. – 368 p.

МОРАЛЬНЫЙ ОПЫТ ОПЕРАТОРОВ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Г. А. Ведерников

Развитие техники достигло момента, когда армии разных стран все чаще применяют роботизированные беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Изначально данные устройства были призваны гуманизировать военные действия, поскольку они значительно снижают потери среди мирного населения региона боевых действий. Однако в ходе использования БПЛА окончательное решение об атаке всегда остается за оператором, который сталкивается с этической проблемой непричинения зла другому.

Актуальность проблемы морального опыта операторов БПЛА подчеркивается множеством исследований и публикаций [1], а также открытым реформированием военных доктрин США, Великобритании, Российской Федерации в сторону увеличения числа БПЛА в составе вооруженных сил [2].

Целью данного исследования было выявление спектра морально-этических проблем, с которыми сталкиваются операторы в ходе военной службы. В ходе исследования было выявлено несколько проблем, ключевой из которых является моральная проблема применения летального оружия по отношению к другим людям. Несмотря на то, что операторы снабжены большим количеством разведывательных данных и находятся за тысячи километром от места военных действий, в ходе интервью они подчеркивают, что их работа отличается от простой видеоигры [3]. Возможность ошибки, неверная трактовка данных, нечеткость и размытость изображения, запаздывания видео – все эти факторы рождают сомнение в верности принятого решения. Операторы вынуждены полностью принимать на себя ответственность за убийство и переосмыслять этот факт во внеслужебное время.

Рабочая смена операторов не похожа на день рядовых военнослужащих. Множество часов подряд операторы следят за объектами на экране монитора: оценивая ситуацию на поле боя, собирая разведывательные данные, оказывая поддержку наземным силам, а после смены они отправляются домой и проводят время с близкими. Каждый день операторы обязаны производить трансформацию сознания обывателя в сознание военнослужащего, основная задача которого максимально быстро оценивать ситуацию и уничтожать силы противника. Дихотомия мирной и военной жизни, умещающейся в одном пространстве, в одних сутках, приводит к психическим расстройствам среди операторов [4]. Операторы с большим сроком пилотирования чаще становились участниками инцидентов с употреблением алкоголя и наркотиков [5].

Видео с носовой камеры беспилотника основной источник данных для оператора. Многочасовые облеты территории неизбежно сближают оператора с жизнью противника, с его близкими, семьей и домом. В отличие от пилотов истребителей, которые сразу покидают сражение после нанесение ракетного удара, операторы БПЛА обязаны несколько часов с помощью дрона оценивать нанесенный ущерб, наблюдая останки тел и изменения на температурной карте местности. Неоднозначность ощущения близости определяется удаленностью оператора от места боевых действий, а также отсутствием прямого телесного контакта, борьбы с противником [6]. В своих интервью операторы утверждают, что даже незначительная сенсорика в ходе боевого задания: дрожь камеры, вспышки света на экране или вибрация контроллера, ощущаются острее, чем те же процессы в повседневной жизни.

Еще одной проблемой морального опыта операторов беспилотников является недоверие и насмешки со стороны сообщества военных. Изъятие из социума, лишение маркера профессиональной и личной идентификации, отчужденность со стороны коллег часто испытывают на себе операторы БПЛА. Изначально операторами в США становились бывшие пилоты ВВС, которых переводили с престижной и социально одобряемой роли в позицию рядового «chair force» («диванные войска»). Весьма показателен случай учреждения и последующей отмены медали «За особые боевые заслуги», предназначавшейся для операторов БПЛА и специалистов кибервойн. После учреждения медали в 2013 г. военная общественность раскритиковала награду, что привело к отставке министра обороны США и отмене вручения данных наград [1].

В ходе исследования нам удалось выделить основные морально-этические проблемы, с которыми сталкиваются операторы БПЛА. Среди них – возможности ошибочного применения насилия, сложность совмещения гражданской и военной жизни, сочувствие к противнику, а также осуждение со стороны сообщества военных. Положительные стороны применения беспилотных летательных аппаратов теряют свою однозначность на фоне выявленных проблем. Требуется выработка нового философского дискурса, в котором будут сформулированы ответы на морально-этические вопросы современных войн с применением БПЛА.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00240).

Литература и источники

1. Першин, Ю. Ю. Психоэмоциональные расстройства операторов БПЛА (по материалам иностранных источников): презентация проблемы / Ю. Ю. Першин // Вопросы безопасности. – 2017. – № 3. – С. 17–30.

2. Joint Doctrine Note 2/11. The UK approach to unmanned aircraft systems / The Development, Concepts and Doctrine Centre Ministry of Defence. – 2011. – 102 p.

3. Макаров, О. Летчики? Солдаты? Геймеры? / О. Макаров, О. Титков // Популярная механика. – 2014. – № 12.

4. Chappelle, W. L. An analysis of post-traumatic stress symptoms in United States Air Force drone operators / W. L. Chappelle, T. Goodman, L. Reardon, W. Thompson // Journal of Anxiety Disorders. – 2014. – № 28. – P. 480–487.

5. Confessions of a drone veteran: Why using them is more dangerous than the government is telling you // Salon. 2014 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.salon.com/ 2014/ 09/ 16/ confessions _of_a_drone _veteran_why _using_them _is_more _dangerous _than_the _government _is_telling_you/. – Date of access: 01.09.2020.

6. Bumiller, E. A Day Job Waiting for a Kill Shot a World Away // The New York Times. 30.07.2012 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.nytimes.com/ 2012/ 07/ 30/ us/ drone-pilots-waiting-for-a-kill-shot-7000-miles-away.html ?_r=1&ref =todayspaper &page wanted =print. – Date of access: 01.09.2020.

7. Walker, L. Death From Above: Confessions of a Killer Drone Operator // Newsweek. 11.20.2015 [Electronic resource]. – Mode of access: http://europe.newsweek.com/ confessions-lethal-drone-operator-396541?rm=eu. – Date of access: 01.09.2020.

8. Мартынов, К. Этика автономных машин: деонтология и военные роботы / К. Мартынов // Логос. – 2019. – № 3. – С. 231–246.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ОПЫТЕ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. М. Давлетшина

Первая мировой война стала одной из величайших катастроф, когда-либо переживаемых человечеством, не только из-за своей масштабности по вовлеченности стран в конфликт или появлению новых видов вооружения, но и по влиянию, которое она оказала на человека. Пережитые испытания тяжело сказались на всех, мир перевернулся и буквально рушился на глазах, подвергая переоценке нравственные и моральные нормы общества. В итоге это привело к тому, что практически каждый столкнулся с необходимостью осмысления происходящего.

Вынужденные покинуть свою Родину в период революционных изменений эмигранты попадали в новую для себя среду. Испытывая вину перед оставшимися в советской России, они искали путь отдать свой «долг» Родине в ситуации невозможности вернуться. В философских сочинениях, автобиографиях и письмах русских эмигрантов, которые стали своего рода «полями сражений», написанных в период войн и революций, мы читаем их личные переживания ужасов войны и рассуждения о том, как не допустить ее в будущем или почему война неизбежна, и как оставаться человеком в нечеловеческой ситуации.

Неудивительно, что война рассматривалась ими неотрывно от этики: «Моральный компонент дискуссии о войне представляется определяющим, поскольку, принимая во внимание все опасности и пороки войны, начало войны и ее ход всегда подлежат рассмотрению с точки зрения этики. При этом моральное обоснование дается не войне как таковой (она остается злом), но необходимости участия в ней и способу ее ведения» [2, с. 112].

Русская эмиграция предложила свое понимание войны и модели поведения человека на войне. Среди них можно отдельно назвать таких русских религиозных философов, как Н. А. Бердяев, В. Н. Соловьев, Н. С. Трубецкой, которые предложили идею мессианства России. Ряд мыслителей, например, В. В. Винавер и И. И. Петрункевич, видели свою задачу, как русских эмигрантов, в сохранении истинной русской культуры и создании общей политической партии за пределами России. Особый интерес представляет русская военная эмиграция, которая имея реальный военный опыт, пыталась не только его осознать, но и объяснить с точки зрения христианской морали.

В этом плане интерес представляет работа «Философия войны» А. А. Керсновского (1907–1944), написанная им в эмиграции. Рассуждая в своей работе о природе войны с точки зрения христианства, он отмечает: «Ошибка "непротивленцев злу" состоит в том, что личным поучениям Христа они стремятся придать характер общественный. Христос учил: "Ударившему тебя по щеке подставь другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку" (Матф. V, 39–40; Лука VI, 29). Этим Он определил отношение человека к человеку. Сын Человеческий снес издевательства книжников и озверелой толпы. Ему стоило лишь захотеть, лишь подумать, огонь небесный испепелил бы судий и палачей. Он этого не сделал, явив миру неизреченный подвиг кротости и милосердия» [1, с. 18]. Для него Христос совсем не говорил, что взявшие меч погибнут от проказы, или от землетрясения, или от огня небесного. Единственное, от чего они могут погибнуть – это от меча. Но для того, чтобы они погибли от меча, надо сразить мечом, прибегнуть к справедливой войне [1, с. 19].

Автор делит все войны на три категории, применяя к ним критерий духовной ценности, таким образом есть войны, которые не противоречат христианской морали и могут быть праведными. Войны, которые ведутся в защиту высших духовных ценностей, являются справедливыми. С его точки зрения, гражданская война 1917–1922 гг. с белой стороны относится к этой категории. Второй тип войн более распространен – это войны, веденные во имя интересов государства и нации. Именно в этом случае каждую из них нужно рассматривать отдельно на признак духовной ценности. Третий вид войн – войны, не отвечающие интересам и потребностям государства и нации, то, что он называет «бескорыстными

авантюрами».

С точки зрения А. А. Керсновского, война не является злом самим по себе, скорее она средство: «Войну ведут не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы побеждать. Немедленной целью войны является победа, конечной – мир, восстановление гармонии, являющейся естественным состоянием человеческого общества» [1, с. 22]. Несомненно, война является бесспорным и большим злом. И решаться на это зло следует лишь в положениях безвыходных. Но пацифизм является отравляющей идеей: «Если мы хотим предохранить государственный организм от патологического явления, именуемого войною, мы не станем заражать его пацифистскими идеями. Если мы желаем, чтобы наш организм сопротивлялся болезненным возбудителям, нам надо не ослаблять его в надежде, что микробы, растроганные нашей беззащитностью, посовестятся напасть на ослабленный организм, а, наоборот, сколь можно более укреплять его» [1, с. 28]. Вследствие этого встает вопрос не только об ином понимании войны в христианском аспекте, но и необходимость новой этики и духовного воспитания, которые могут предупредить будущие войны.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00240).

Литература и источники

1. Керсновский, А. О природе войны / А. Кресновский // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. – М.: Военный университет. Русский путь, 1999. – С. 16–30.

2. Куманьков, А. Философия войны: краткий очерк истории / А. Куманьков // Логос. – 2019. – Т. 29, № 3. – С. 99–116.

3. Куманьков, А. Д. Русская эмиграция – последствия гражданской войны: спасение, сохранение культуры, осмысление / А. Д. Куманьков, Д. А. Морозов, А. В. Насырова, Т. С. Алексанова // Философические письма. Русско-европейский диалог. – 2020. – Т. 3, № 1 – С. 47–64.

ЭСКИЗ «ЭТИКИ ВОЙНЫ» В БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

А. Ю. Дудчик

Тематика войны является весьма важной для современной белорусской культуры, идентичности и идеологии. Это, в первую очередь, связано с осмыслением событий Великой Отечественной войны как центрального периода новейшей белорусской истории, конститутивного для последующего развития страны, становления национальной идентичности и государственного суверенитета. События войны нашли

свое отражение в мемуарной и художественной литературе, они широко представлены в научных исследованиях и научно-популярной литературе, обязательном учебном курсе «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». В последнее время тема войны также становится предметом теоретического анализа, представленного в философских работах И. Н. Сидоренко, тематических номерах журнала «Топос»: «№ 1–2 (2016): Война и власть», «№ 2 (2018): Логос и патос. Гуманитарная рефлексия в условиях войны». Таким образом, возможно говорить о своеобразной «этике войны» как комплексе ценностно-нормативных идей и представлений о специфике войны, сложившихся в белорусской интеллектуальной культуре на протяжении XX в.

Если говорить о периодизации становления «этики войны» в рамках белорусской советской культуры, то, с известной долей условности, можно выделить два масштабных периода, связанных с осмыслением событий, во-первых, Первой мировой войны, Гражданской войны и военной интервенции (период 1920–1930 гг.) и, во-вторых, Второй мировой войны и Великой Отечественной войны (1940–1980 гг.). Для каждого из этих периодов характерны свои ключевые проблемы и идеи, а также формы их представления.

Так, в 1920–1930 гг. в рамках становления канона марксистской философии и социальных наук дается анализ морально-этических проблем войны с марксистско-материалистических позиций, для которых характерны историзация и социологизация этических явлений («дефетишизация» морали), детерминизм и приоритет сущего над должным, отказ от представления об абсолютных целях, диалектический подход к проблемам нравственности, «земное» понимание этики и т. д. Подобный подход к осмыслению войны представлен в работах по марксистской генеономии (учение о браке и семье), социологии религии, статьях по теории военной деятельности (ежегодник «Революция и война»). Отдельно стоит отметить ряд произведений на военную тематику классика белорусской литературы Максима Ивановича Горецкого (1893–1938), имевшего непосредственный военный опыт и чье творчество характеризуется исследователями в том числе и в категориях экзистенциализма.

Тема войны является центральной для белорусской советской культуры в 1940–1980 гг., если обратиться к интересующей нас проблематике этического осмысления войны, то она по преимуществу представлена: в мемуарной литературе, в художественных произведениях; частично – в философских работах по этике и исследованиях, посвященных критическому анализу международных отношений, капитализма и империалистической идеологии. При этом между мемуарной и художественной литературой существовало большое

количество точек соприкосновения: воспоминания очевидцев проходили литературную обработку, многие из писателей, писавших на военные темы, имели опыт боевых действий: Алесь Михайлович Адамович (1927–1994), Василь Владимирович Быков (1924–2003), Иван Петрович Шамякин (1921–2004) и др.), наконец, документально-художественные сборники «Никогда не забудем», «Я из огненной деревни», работы о войне Светланы Александровны Алексиевич, лауреатки Нобелевской премии по литературе 2015 г., основанные на воспоминаниях очевидцев.

Конечно, многие особенности идей и представлений, характерных для белорусской «этики войны», присущи не только белорусской культуре и были вписаны в общесоветский канон этического отношения к войне. Например, значимым объектом этической рефлексии являются не только сами события войны, но и память о них (в этом отношении показательно название документально-художественного сборника воспоминаний о войне белорусских детей «Никогда не забудем», вышедшего в первые послевоенные годы). Вполне вероятно, можно вести речь об «этике памяти о войне». Отдельно можно отметить и устойчивую связь темы войны с темой детства: размышления о специфике военного детства, «утрате» детства и семейных связей из-за военных событий, взросление на фоне войны и т. д. Вместе с тем, специфика белорусского опыта переживания войны в XX в. позволяет выделить ряд специфических черт и особенностей в белорусском варианте «этики войны».

Как уже отмечалось, существенную часть белорусского литературного военного канона составляет литература, часто относимая критиками к работам экзистенциалистской направленности, в центре внимания которой находится описание и анализ индивидуального опыта переживания и осознания войны, постановка сложных и неоднозначных морально-этических проблем при помощи художественных средств, демонстрация тяжести индивидуального выбора в условиях войны и т. п. Для описания данного комплекса идей можно использовать разные достаточно устоявшиеся понятия («моральный выбор», «этика индивидуальной ответственности», «ситуация антропологической неопределенности»), но я бы обратил внимание на полисемантичный термин «пограничье». Данный термин отсылает нас сразу к нескольким интеллектуальным традициям. Во-первых, к экзистенциальной философии, и. в частности, понятию «пограничной ситуации», используемому Карлом Ясперсом для обозначения целого ряда тяжелых жизненных ситуаций, стрессовых обстоятельств и т. д., которые ставят под вопрос само привычное существование человека, но вместе с тем могут дать ему и важный новый опыт. Во-вторых, к термину «культурное пограничье», который достаточно устойчиво используется современными исследователями для обозначения белорусской культурной ситуации. При этом некоторые из них (С. И. Санько, В. В. Акудович) пишут о «войнах

культур» в ситуации пограничья, а сам термин вполне может приобретать «военный» характер в значении границы между воюющими сторонами или по отношению к линии фронта. Новый эвристический потенциал в связи с разработкой тематики войны может приобрести понятие «этика пограничья», используемое белорусским философом И. М. Бобковым для характеристики белорусской культурной ситуации как постколониальной. Использование понятия пограничья позволяет анализировать «этику войны» как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, а также характеризовать ее как важный элемент динамики культуры в целом.

Ситуация войны и трансформирующегося военного пограничья демонстрирует разнообразие опыта переживания войны, который будет специфическим для разных групп населения в зависимости от возрастных, гендерных, этнических, религиозных характеристик. Если же рассматривать ситуацию в более общем виде, то можно выделить как минимум три группы, чей опыт наиболее явно представлен в белорусской советской культуре (помимо описания коллаборантов, сотрудничающих с неприятелем, что заслуживает отдельного рассмотрения): это военные, участвующие в боевых действиях на фронтах; мирное население; партизаны и подпольщики, ведущие скрытую борьбу. На последнюю группу следует обратить особое внимание, в силу развития партизанского движения на белорусской территории в военные годы, участия бывших партизан в послевоенной политической и хозяйственной жизни, представленности партизанской тематики в культуре после войны, использование «партизанской» самоидентификации («республика-партизанка», «народ-партизан»). При этом важно отметить специфическую семантику понятия «партизан» в белорусской культуре, которая может быть выявлена при сравнительных исследованиях с аналогичными понятиями в других языковых традициях (включая философско-правовые интерпретации, например, «теорию партизана» К. Шмитта). Сама фигура партизана как значимого представителя военного пограничья предполагает специфическую «этику войны»: нормы поведения, ценностные представления, способы взаимодействия с противником и мирным населением, что требует подробного изучения.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00240).

ОБРАЗ ПОЛКОВОГО СВЯЩЕННИКА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ» 1924 ГОДА

Д. М. Латышев

В отечественной историографии наблюдается рост интереса исследователей к периоду Первой мировой войны. Актуализация интереса

вызвана существованием новых форм конфликтов и угроз. Для исследователей является важным не только нравственная обоснованность вступления в войну, но и этические нормы ведения войны в истории российской армии.

Данные этические нормы особенны тем, что они являются своего рода основаниями для такой формы тотального насилия, как война [1]. В Первую мировую войну военное духовенство транслировало и санкционировало те идеи, нормы и представления о войне, которые были необходимы для идеологической поддержки боевых единиц российской армии.

Как показывает историография, образ полкового священника главным образом складывается из эмоционального восприятия и практик, в которых он участвует [2]. Под эмоциональным восприятием, согласно В. Аксенову, подразумеваются различные фобии, оценки, умонастроения и отношение к войне. В практиках раскрываются культовые действия, взаимодействия внутри самого института боевого духовенства и взаимодействия с боевыми частями.

Как указывает историк Л. В. Мельникова, институт боевого духовенства возникает в российской армии посредством принятия таких законодательных актов, как Воинский (1716) и Морской (1720) устав. Боевому священнослужителю предписывалось отправлять культ, проводить беседы и оказывать поддержку раненым. Во время войны для надзора за боевыми священнослужителями назначался полевой обер-священник. Численность священников в боевых единицах Российской армии была небольшой, по одному священнослужителю на боевую единицу армии.

Накануне Первой мировой войны с 1 по 11 июля 1914 г. прошел I Всероссийский съезд военного и морского духовенства, на котором была разработана и принята памятка-инструкция военному священнику [3, с. 3–4]. По данным Н. П. Карцевой, в 1915 г., штаб Верховного главнокомандования издал брошюру «Руководственные указания Духовенству действующей армии», в которой воинскому духовенству предписывалось «проповедовать на современные, затрагиваемые обстоятельствами времени темы, освещая с патриотической и религиозной точек зрения события общественной, государственной и военной жизни» [4].

Выпуск в газете «Уральский рабочий», посвященный десятилетию с начала Первой мировой войны особенен тем, что в нем собраны записи с митингов и собраны свидетельства очевидцев тех событий. Воспоминания о Первой мировой войне моделировались с учетом распространенных акцентов на антимилитаристскую деятельность Коминтерна.

Как указывает О. С. Поршнева, в 1924 г. Коминтерн инициировал главную юбилейную коммеморативную акцию – массовую кампанию

«Неделя борьбы против империалистических войн», проводившуюся с 27 июля по 4 августа 1924 г. в ознаменование десятилетия начала войны и «краха Второго Интернационала». Данная «неделя борьбы против войны», по официальной версии, была инициирована Коммунистической партией Германии. При публикации материалов в печати регламентировалось, чтобы «статьи и иные материалы, проводящие лозунги борьбы против войны, были решительно освобождены от уклона в сторону голого пацифизма и толстовства, проводили революционно-классовую идею борьбы за мир на основе развития международной революции» [5].

На фоне цензуры были закономерными высказывания, которые озвучивались на митингах в годовщину десятилетия с начала Первой мировой войны: «Россия потеряла несколько миллионов убитыми. Самодержавие гнало на поля сражения миллионы рабочих, крестьян, говоря им, что это последняя священная война за религию, царя и отечество! Да будет проклято это отечество вместе с церковью и долгогривыми попами, где лишь одна ложь, обман и "фарисейское лицемерие"!» [6].

Из публикаций «Уральского рабочего» по случаю десятилетия с начала Первой мировой войны представляет интерес мемуарная заметка А. Кузнецова «Как одурачивали попы солдат». Заметка повествует о дезертирстве полкового священника с поля боя. В ней полковой священник показан как «обманщик», который своими проповедями «одурачивает» солдат идти на бессмысленную смерть на «поле битвы» [7]. В заметке сатирически высмеивается образ полкового священника, «тылового пропагандиста». Особенно это актуализируется после случая дезертирства полкового священника, который испугался разрывавшихся поблизости снарядов и побежал с поля боя: «Он только нам небесный рай обещал, а сам предпочитал устроиться получше на земле» [7]. В конце заметки находят отражение эсхатологические чаяния солдат российской армии, которые хотят построить самостоятельно «рай на земле», без участия священнослужителей.

Таким образом, эмоциональное восприятие воинского духовенства было отрицательным, как и в целом отношение к Первой мировой войне. Военное духовенство воспринималось как носитель милитаристской идеологии Российской Империи, которая «обманом» вела на «бессмысленную бойню» огромное количество людей. Такое эмоциональное восприятие войны подкреплялось и серией мероприятий, которые были направлены на сохранение антимилитаристских умонастроений [8].

В упомянутых практиках прослеживается образ полкового священника как тылового идеолога, который не оказывает реальной поддержки солдатам. Как показывают источники, такой священнослужитель не способен поддерживать боевой дух на поле боя в

тяжелый час, он оторван от армейской повседневной жизни. Выявленный негативный образ полкового священника вписан в антимилитаристский контекст, заданный периодической печатью, и направлен на конструирование восприятия бессмысленности войны с участием полковых священнослужителей.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00240).

Литература и источники

1. Sommier, I. Terrorism as total violence? / I. Sommier // International Social Science Journal. – 2002. – Vol. 54. – Pp. 473–481.

2. Аксенов, В. Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции / В. Аксенов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1–2. – С. 272–303.

3. Кандидов, Б. Сектантство и мировая война / Б. Кандидов // Атеист. – 1930. – Вып. 51. – С. 1–44.

4. Карцева, Н. П. Военное духовенство в национальных формированиях русской армии в 1914–1917 годах / Н. П. Карцева // Вестник Пермского университета. – 2014. – Вып. 3 (26). – С. 143–148.

5. Поршнева, О. С. «Империалистическая война» в большевистской политике памяти / О. С. Поршнева // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10, Вып. 1. – С. 153–167.

6. Хитров, В. Как златоустовский рабочий откликнулся на годовщину империалистической бойни. На заводском собрании / В. Хитров // Уральский рабочий. – 1924. – Вып. 178. – С. 4.

7. Кузнецов, А. Как попы одурачивали солдат / А. Кузнецов // Уральский рабочий. – 1924. – Вып. 178. – С. 4.

8. В дни протеста против войны // Уральский рабочий. – 1924. – Вып. 171. – С. 4.

ЭТИКА ВОЗМЕЗДИЯ В ДИСКУРСЕ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГОДОВ

А. С. Луньков

Излагать повседневный опыт войны можно по-разному. По сути, только сейчас, когда стали массово распространены технологии, позволяющие транслировать практически любую информацию широкой аудитории, до мирного населения может дойти ничем не прикрытая правда войны. Вся кровь, грязь, насилие и смерть может быть обрушена на потребителя информации, которому именно это и нужно – почувствовать себя на войне, не будучи на войне. Есть в этом и понятное желание ветеранов боевых действий поделиться своей ношей и сделать остальных

сопричастными пережитому на войне. Однако эти мотивы возникают отнюдь не с изобретением электронных масс-медиа.

Во второй половине XIX века военная журналистика бурно развивается. Схожие процессы происходили в Российской империи. И пусть русские военные репортеры в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. отмечали на то, что в европейских газетах военная журналистика высокого уровня, отечественные газеты исправно транслировали повседневный опыт войны.

Безусловно, все русские военные журналисты руководствовались в своей деятельности определенными мотивами, которые могут быть рационально объяснены. Патриотизм и карьеризм, авантюризм и чувство долга в различных пропорциях присутствовали у всех, кто освещал войну в печати. Но не все тексты укладываются в эти рамки. В репортажах с полей Русско-турецкой, Русско-японской, Первой мировой войн часто прорываются попытки этической рационализации происходящего. Попытки придать войне некий высший, этический смысл, который не очевиден для первого взгляда, от чего сознание обывателя отказывается воспринимать и принимать происходящий вокруг ужас. Попробуем выделить некоторые аспекты этой этической рационализации.

Один из наиболее часто встречающихся мотивов – оправдание жестокости жестокостью. Здесь мы сталкиваемся с возрождением «ветхозаветного» этического принципа «око за око», принципа понятного в своей буквальности и обладающего большой силой в объяснении жестокости войны. У военной журналистики для этого есть особые возможности. Довоенная газетная публикация может сформировать у массового читателя своего рода пластичность сознания, чтобы в перспективе оно более легко воспринимало оправдание жестокости в ходе войны. Приведем показательный пример. Один из русских военных журналистов в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Василий Иванович Немирович-Данченко (старший брат известного театрального деятеля) передает свой разговор с одним из раненых русских солдат. Тот говорит следующее: «Наш солдат, батюшка, не тот, что прежде. Он и газеты читает и кой, о чем маракует… Почему они так беспощадны? Потому что все зверства турок им оказываются известными. В прошлом году они отлично узнавали все, что сообщалось по этому предмету в наших газетах…» [1, с. 8]. После такой предварительной обработки солдаты были готовы на ответную жестокость в отношении тех, кого считали виновными в несправедливом применении насилия. При этом оправдание жестокости жестокостью лежит глубже религиозного чувства, которое, казалось бы, должно было быть этическим фундаментом русского православного воина. «И несколько штыков прикалывают христианина, ратующего за торжество варварства и ислама» [1, с. 8].

Объяснительная сила данного принципа действует не только в

«глубину», апеллируя к самым древним этическим представлениям, но и в «ширину». Для европейской армии, а именно таковой считают русскую армию отечественные военачальники и, вслед за ними, военные журналисты, вполне допустимо в качестве мести за реальные или выдуманные преступления распространить военные действия на мирное население. Более того, спланировать и организовать это еще до начала боевых действий. Встречаем показательный фрагмент у другого известного военного журналиста XIX века – Всеволода Владимировича Крестовского: «"Гулевые" (отдельная кавалерийская дивизия из казаков и кавказских горцев – *прим. А. Лунькова*) между прочим должны являться грозными мстителями за каждое новое зверство над христианами и быть надежною опорою этих последних. В этом отношении назначение их будет исполнено блистательным образом, если они достигнут того, что противник – и при том не тот лишь, что входит в состав регулярной армии, а и тот, который составляет местное мусульманское население – проникнется полным убеждением, что ни одно его зверство, ни один возмутительный поступок над безоружною райей (преимущественно немусульманское население Османской империи с низким социальным статусом – *прим. А. Лунькова*) не пройдет ему впредь безнаказанно» [2, с. 26].

Есть все основания полагать, что подобный дискурс возмездия является своего рода защитным механизмом для общественного и индивидуального сознания во время войны. Человеку очень важно быть уверенным, что он творит не зло само по себе, а зло в качестве справедливого ответа, воздаяния врагу за ранее совершенное зло. Тем самым в обществе формируется представление о вынужденном вступлении в войну. При этом подобный мотив настолько распространен, что мы можем встретить практически одинаково сформулированные оправдания того, почему той или иной стране «пришлось» вступить в войну (даже если сам автор оправданий является агрессором).

Однако дискурс возмездия очень опасен как инструмент формирования общественного мнения. Особенно это было характерно для XIX – начала XX вв., когда средства массовой коммуникации только начали обретать свою силу. Участники Первой мировой войны со всех сторон конфликта заметили одну особенность – своего рода психологический эффект, когда по мере движения информации о военных событиях от фронта в тыл, как положительные, так и отрицательные факты, начинают преувеличиваться. Французский генерал Bernard Serrigny в книге «Réflexion sur l’art de la guerre» (1921) писал следующее: «Под влиянием как бы оптического недостатка все преувеличивается: и успех, и неудача. Вместо того чтобы видеть реальное положение вещей, тыл живет впечатлениями рассказов раненых и уклонившихся, которые излагают события в зависимости от состояния своего духа. Преувеличение

становится, таким образом, правилом. Можно утверждать, что происходящие в действительности события никогда не бывают столь хороши или плохи, как они кажутся сразу вдали от фронта» [цит. по 3, с. 861]. Эти слова могут быть отнесены и к информации, которая транслируется в тыл, на общество военной журналистикой. На читателя обрушивается описание ужасных преступлений, совершенных противником (потенциальным или уже реальным). Эти описания почти всегда записаны с чьих-то слов и с каждым новым этапом передачи обрастают новыми подробностями и изменяются до неузнаваемости. Как раз сочетание эффектов преувеличения и искажения информации замыкает положительную обратную связь в системе «фронт–тыл–общество». Теперь уже солдаты на театре военных действий оказываются объектами трансляции информации из тыла и приобщаются к дискурсу возмездия. Тем самым маховик военного насилия раскручивается с новой силой.

В дальнейшем, уже после войны, старательно собранная военными журналистами «правда о войне» становится составной частью мифа о прошедшей войне. Этот миф может использоваться по-разному: для подпитывания реваншизма, для апологетики военных деятелей, для воспитания националистических чувств и т. д. В любом случае однажды появившись, дискурс возмездия уже никуда не пропадает из нарратива конкретной войны.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00240).

Литература и источники

1. Немирович-Данченко, В. И. Год войны (Дневник русского корреспондента) 1877–1878 гг. / В. И. Немирович-Данченко // В 2-х тт. – СПб.: Типография В. Лихачева и А. Суворина, 1878. – Т. 1.

2. Крестовский, В. В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878) / В. В. Крестовский // Изд. 2-е. В 2-х тт. – СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1879. – Т. 1.

3. Головин, Н. Н. Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы. Общие основания / Н. Н. Головин // Головин, Н. Н. Наука о войне: избранные сочинения. – М.: Астрель, 2008.

ТОТАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ: ЭТИКА ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНОСТИ

А. С. Меньшиков

Несмотря на все возрастающий интерес в исследовательской литературе к проблематике насилия – новым формам (символическое, психологическое), уровням (микроуровни), сферам (домашнее, на рабочем

месте и пр.), – особое внимание продолжает уделяться изучению наиболее очевидной и ужасающей форме насилия – войне [5]. В силу возникновения новых форм военных конфликтов [1] представляют интерес попытки сформулировать этические рамки, которые позволяли бы давать моральную и правовую оценку действий в современных военных конфликтах [2; 4; 5]. Вместе с тем, война остается фундаментальной философской и этической проблемой. Речь идет прежде всего о том, что современные моральные теории не могут преодолеть «дилемму насилия»: исходя из современных представлений о ценности личности, насилие не может быть оправдано на основании принципов, оно всегда аморально, но может быть обосновано из соображений неизбежности его применения в реальной жизни [8]. Как отмечает М. Крепон, «насилие не подлежит моральному оправданию, но признается необходимым», тем самым идея «легитимного насилия» оказывается внутренне противоречивой. Для обоснования насилия возникает необходимость в казуистике, калькуляции «меньших зол», но, вновь прибегая к формулировке М. Крепона, какие бы причины с целью обоснования насилия нам ни предлагались, насилие по своим последствиям ведет только к «разрушению доверия» и «низведению другого до объекта насилия», что подрывает основные принципы современной морали.

В контексте «дилеммы насилия» война оказывается еще более аморальным явлением. Во-первых, война не является спонтанной реакцией, но рациональной политикой, то есть результатом сознательных, намеренных действий по применению масштабного насилия, включая технологии разрушения, по отношению к другим людям. Война, таким образом, есть организованное коллективное насилие, намеренное зло. Во-вторых, в отличие от обычных ситуаций насилия, войны создают для индивида необходимость насилия не только в отношении противника («врага» или «жертвы»), но в отношении себя и «своих». Ведь приходится заставлять людей делать то, что они не хотят, принуждать их следовать приказам, но также, очевидно, не только принуждать их совершать насилие над другими, но и самим подвергаться насилию, идти на смерть. Таким образом, «объектом насилия» в войне выступают, повторим, не только противники, но и «свои», то есть организованное коллективное насилие оказывается «машиной тотального насилия», а причиной такого насилия является сознательное намерение принимающих решение индивидов.

Очевидно, что такая постановка вопроса делает моральное обоснование войны в рамках современных представлений о ценности индивида, о правах человека еще менее возможной. Парадокс легитимности насилия отмечается П. Бояничем. Только такое насилие, если и не оправдываемо, то приемлемо, которое ведет к выходу из ситуации возможности насилия, к последующему преодолению самих

условий возможности насилия [7]. Имеющиеся стратегии морального отношения к войне – увеличение правовых и моральных барьеров для входа в войну, укрепление глобальных институтов предотвращения военных конфликтов, переброска ресурсов с поддержания инфраструктуры войны на практики миротворчества и миростроительства [2] – лишь подчеркивают лежащее в их основе осознание принципиальной моральной неоправдываемости войны. Тотальное насилие войны становится, таким образом, абсолютным злом, антиподом морали современного общества.

Оставляя в стороне метафизические рассуждения о диалектической связи разрушения и созидания, о роли конфликта («войны» от Гераклита до «триады» Гегеля) в развитии, необходимо отметить, во-первых, генетическую связь модерна и его ценностного ядра с насилием. Истоками политического модерна являются революции (прежде всего Великая французская революция), которые и задают новое пространство политики с «правами человека и гражданина». Наряду с нарративами рационализации, демократизации, свободной экономики (капитализма), нарратив революции является ключевым в самопонимании модерна [9]. Во-вторых, модернизация неизбежно включала практики насилия, как внутри модернизирующихся стран (революционные гражданские войны, классовые конфликты), так и вовне (колониальные войны). Реалии насилия могли ужасать, но находили оправдание в рамках дискурса модерна: будь то разного рода социальный эволюционизм или же социальный функционализм. Насилие признавалось необходимым для движения вперед. Насилие, таким образом, не только было репрессивной силой, но открывало будущее. Наконец, дискуссии о возможности принципиального ненасилия (толстовство и пацифизм) способствовали концептуальному различению насилия и силы (И. А. Ильин), а также осознанию того, что позитивные ценности, какие бы они ни были, требуют защиты и неизбежно ведут к борьбе с тем, что им противоположно. Так, по логике М. Шелера, любовь неотделима от ненависти, ведь противоположное тому, что любимо, будет вызывать вражду.

Отрицая всякую моральную значимость за насилием (или силой), помещая его в некий «черный ящик» противоположного современным ценностям, сегодняшняя моральная философия, во-первых, создает некое «слепое пятно», которое препятствует действительно необходимому принятию практических нравственных решений, связанных с ситуациями насилия. Более того, эти решения принимаются, в частности, в связи с все большим развитием технологий искусственного интеллекта в военной сфере, но тогда рациональность и моральная обоснованность этих решений отдается на откуп программистам и военным. Во-вторых, если в классических теориях модернизации насилие открывало будущее, отказ насилию в какой-либо позитивной роли в общественных процессах, роли в преодолении отжившего и прорыве к новому, свидетельствует о закрытии

будущего, об исчерпании возможностей вообразить существенно иное будущее. Такое представление насилия абсолютным злом, полной противоположностью модерна сегодня свидетельствует о некой новой стадии современного общества, самого модерна, которая требует генеалогического анализа (в терминологии М. Фуко).

Тем не менее, очевидно, что ни насилие, ни война не уходят из современной жизни. Более того, их присутствие не разрушает нравственности. Индивиды продолжают принимать решения в ситуациях, связанных с насилием, продолжают искать морально оправдываемые решения в войнах и конфликтах, хотят оставаться нравственными личностями даже в ситуациях «тотального насилия». Поэтому рассмотрение проблематики насилия должно быть перенесено с абстрактного концептуального анализа и с «законодательной» позиции философа на изучение практического морального опыта и его функционирования, на анализ принятия моральных решений индивидами в действительных ситуациях насилия, что позволит не столько подтвердить в очередной раз психологическую склонность «человеческой природы» к агрессии, сколько раскрыть в каких условиях, как и почему насилие может стать результатом морального выбора.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00240).

Литература и источники

1. Калдор, М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор. – М., 2015.

2. Куманьков, А. Д. Война в XXI веке / А. Д. Куманьков. – М.: 2020.

3. Мюнклер, Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках / Г. Мюнклер. – М., 2018.

4. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / Под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушика, Р. Апресяна. – М., 2002.

5. Проблематика войны в гуманитарных науках / Под ред. А. Куманькова. – СПб., 2019.

6. Сидоренко, И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту / И. Н. Сидоренко. – Минск, 2017.

7. Философия войны и мира, насилия и ненасилия / Под ред. В. П. Римского. – М., 2019.

8. Crépon, M. Philosophie face à la violence / M. Crépon, F. Worms. – Paris, 2015.

9. Wagner, P. Modernity as Experience and Interpretation / P. Wagner. – London, 2008.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ВОССТАНИЯХ ГОТСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ IV–V ВЕКОВ

А. Д. Назаров

В современной исследовательской литературе воинские мятежи называются среди важнейших факторов, поспособствовавших распаду и гибели Западной Римской империи в V в. Отдельные командиры, в том числе лидеры переселившихся германских объединений, отказывались повиноваться власти Равенны. Они к тому же получили поддержку провинциальных элит, разочаровавшихся в способности центральной власти обеспечить им защиту [1; 2]. В позднеантичную эпоху бунты поднимались и германскими иммигрантами в Восточной Римской империи (Византии), которая в свою очередь сумела справиться с угрозами, исходившими от групп, возглавляемых представителями варварской аристократии.

Упомянутые в источниках мятежи готских переселенцев, помимо прочего, указывают на статусные различия групп этих иммигрантов в Восточной Римской империи. Восстание тервингов-вестготов в 377 г. произошло из-за злоупотреблений восточноримской администрации, приведших к голоду среди переселенцев. Бунтовщиков возглавил представитель тервингской знати Фритигерн. Первоначально им сопутствовал успех, который они, однако, развить не сумели. В 382 г. последние группы восставших готов, оказывавшие сопротивление, были приведены к повиновению [3, p. 22–26].

В 399 г. в Малой Азии мятеж во главе с Трибигильдом подняли регулярные подразделения, состоявшие из готов-гревтунгов, которые проживали в империи с 386 г. Поводом стал отказ восточноримских властей выдать германцам награды за успешные боевые действия против гуннов. Это было воспринято воинами как игнорирование заслуг и, кроме того, подрывало авторитет Трибигильда. Связаны такие настроения были с обычаем распределения лидером боевой добычи среди подчинявшихся ему соратников. Важно оговориться, что в самой римской армии жалование бойцам выплачивалось на постоянной основе, независимо от их участия в военных кампаниях.

Представляет интерес и мятеж Гайны, так же поднятый в 399 г. Он долгое время служил в восточноримской армии и достиг крупной командной должности. По всей видимости, Гайна испытывал неудовлетворенность своим положением в военно-политической системе государства и решил силой заставить императора признать свои притязания. Что примечательно, под его началом находились части, состоявшие в основном из уроженцев империи, а также примкнувшие к

нему отряды взбунтовавшихся гревтунгов, упомянутые ранее. В 400 г. мятеж Гайны был подавлен [4, с. 67–68].

В источниках, освещающих византийскую историю первой половины V в., о восстаниях иммигрантов не сообщается. С такой проблемой восточноримским властям вновь пришлось иметь дело после распада державы гуннов в Подунавье в 454 г. Спустя некоторое время в Византии обосновалось объединение остготов. По сути, оно являлось автономным политическим образованием, лишь формально признавшим верховенство императора. Эти варвары практиковали рейды на балканские провинции. Угрожая возобновлением набегов, остготы добивались все новых выплат от империи. Лишь в 488 г. императору Зенону удалось избавиться от этого источника постоянной нестабильности, убедив германцев переселиться в Италию, где они создали свое королевство [5, S. 28–30].

По словам О. Зеека, «варваризированная» позднеримская армия стремилась «низвести императора до положения германских королей и взять на себя роль подчиненного ему народного собрания, которое могло судить и свергать его по своему желанию» [6, S. 10]. Сами римляне, как считал немецкий антиковед, не были способны на такие действия, поскольку лучшие из них либо погибли в гражданских войнах, либо пострадали от репрессий, инициированных императорами. Как следствие, все большую роль в политической системе империи стали играть «приспособленцы», передавшие свои «дурные» качества следующим поколениям [6, S. 458–459].

Эта концепция О. Зеека уже критиковалась как за ее социал-дарвинистскую сущность, так и за логические несоответствия [7, S. 229–232]. Тем не менее важно отметить, что упомянутый немецкий историк указал на различие политических культур, на несоответствие представлений о власти в *barbaricum* и империи. Сами античные авторы обвиняли варваров в безрассудстве, считая, что решения они принимали исключительно под влиянием эмоций [8, p. 28–30]. Однако германские предводители рассматривали насильственные акты как средство достижения своих целей, которое позволяло навязывать побежденному свою волю. Слабость империи они стремились обратить в собственную пользу, добиваясь экономических выгод и укрепления престижа [3, p. 20].

Восточноримское государство располагало достаточными ресурсами, позволившими не допустить распространения влияния мятежных варварских вождей. Необходима вместе с тем постановка вопроса: был ли возможен выход из такого положения, помимо ответного или превентивного насилия со стороны самой империи? Важность его заключается и в том, что готы-иммигранты на протяжении IV–VI вв. активно привлекались в императорскую армию. Следовательно, существовала жизненно важная необходимость обеспечения контроля над

этими бойцами.

В этой связи стоит отметить, что служба в регулярных подразделениях сопровождалась социализацией их личного состава. Воинам внушалось чувство ответственности за судьбу государства, неразрывность их чаяний с интересами императора [9, с. 28–31]. Это касается и варваров, числившихся в ранневизантийских вооруженных силах. По сути, институт армейской службы в Римской империи являлся мощным ассимиляционным механизмом, инкорпорировавшим иммигрантов-военных в позднеантичное общество [10, p. 192–195].

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00240).

Литература и источники

1. MacGeorge, P. Late Roman Warlords / P. MacGeorge. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 364 p.

2. Wijnendaele, J. W. P. Generalissimos and Warlords in the Late Roman West // War, Warlords, and Interstate Relations in the Ancient Mediterranean / ed. by T. Ñaco del Hoyo, F. López Sánchez. – Leiden; Boston: Brill, 2018. – P. 427–451.

3. Berndt, G. M. «The Goths Drew their Swords Together». Individual and Collective Acts of Violence by Gothic Warlords and their War Bands // Killing and Being Killed: Bodies in Battle. Perspectives on Fighters in the Middle Ages / ed. by J. Rogge. – Bielefeld: Transcript, 2017. – P. 15–41.

4. Назаров, А. Д. Проблема ассимиляции варваров в Ранней Византии: готы на службе Феодосия I и Аркадия / А. Д. Назаров // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы IV Междунар. науч. конференции, посвященной 75-летию победы в Сталинградской битве, Волгоград, 20–21 окт. 2017 г. // В 2 ч. – Волгоград, 2017. – Ч. 2. – С. 62–71.

5. Berndt, G. M. Aktionsradien gotischer Kriegergruppen / G. M. Berndt // Frühmittelalterliche Studien. – 2013. – Bd. 47. – S. 28–30.

6. Seeck, O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt / O. Seeck. – Stuttgart: J. B. Metzler, 1921. – 460 S.

7. Lorenz, S. Otto Seeck und die Spätantike / S. Lorenz // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. – 2006. – Bd. 55, Hf. 2. – S. 228–243.

8. Mathisen, R. W. Violent Behavior and the Construction of Barbarian Identity in Late Antiquity / R. W. Mathisen // Violence in Late Antiquity: Perceptions and Practices / ed. by H. A. Drake. – Aldershot; Burlington: Ashgate Publishing, 2006. – P. 27–36.

9. Глушанин, Е. П. Ранневизантийский военный мятеж и узурпация в IV в. / Е. П. Глушанин // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений: сб. науч. ст. / Отв. ред. В. А. Моисеев. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – С. 24–36.

10. Brennan, P. M. The Last of Romans: Roman Identity and the Roman Army in the Late Roman Near East / P. M. Brennan // Mediterranean Archaeology. – 1998. – Vol. 11. – P. 191–203.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ВОЙНЫ

И. Н. Сидоренко

Распад биполярного мира в конце XX в. стал планетарным сдвигом, изменившим не только геополитическую архитектуру мира, но и качество, характер осуществления такого социального феномена, как война и военное насилие. Сегодня происходят стремительные изменения: стираются границы между миром и войной; разрозненные проявления терроризма трансформируются в глобальный терроризм; образуются новые «центры силы»; наступает кризис национальной безопасности; национальный суверенитет из права превращается в привилегию и т. д.

Немецкий военный теоретик и философ К. Клаузевиц раскрыл связь политики и вооруженной борьбы и оказал огромное влияние на становление и развитие современных концепций войны. Исход войны, согласно его мысли, зависит от трех компонентов: вооруженные силы, территория и воля противника [1]. Изменение роли этих компонентов в ведении современной войны дает нам право говорить о трансформации войны и ее рациональности.

На основании концепции К. Клаузевица и определения исторических типов научной рациональности В. С. Степина считаем правомерным представить эволюцию войны следующим образом: классическая война (значимы все три компонента: сила, территория и воля); неклассическая война (Первая и Вторая мировые войны, холодная война), в которой превалируют воля и дух, а техника, в частности, ядерное оружие, выступает основанием невозможности развязать полномасштабную войну и, тем самым, специфическим основанием конвенциональности мира; постнеклассическая война (современные военные конфликты низкой интенсивности, иррегулярная война, гибридная война и т. п.) определяется как культурно обусловленный вид деятельности и в меньшей степени зависит от производственно-экономической сферы.

В контексте анализа постнеклассической войны целесообразно отметить неспособность традиционных армий, следующих рациональности классической войны, вести борьбу с иррегулярными формированиями в локальных конфликтах, их заведомый проигрыш, оборачивающийся дезинтеграцией современного государства. В отличие от позиции К. Клаузевица, немецкий философ Х. Хофмайстер отстаивал мысль о том, что современная война – это уже не средство политики, а ее отрицание, так как бессилие политики порождает войну. Под бессилием здесь понимается не безвластие, а неспособность элиты использовать власть как политическое средство. Учитывая, что политику Х. Хофмайстер ограничивал возможностями слова, правомерно рассматривать войну как насилие, пришедшее на смену словесным аргументам [2]. В силу этого, и

саму современность можно рассматривать как сдвиг в социокультурных особенностях вооруженных конфликтов.

Война функциональна в современном мире, однако она выступает не как инструмент достижения мира, а как средство установления новых правил, новых властных субъектов глобализирующегося мира. Поэтому война имеет новый, генерализированный характер, выражающийся в подавлении всех проявлений общественной жизни и в навязывании собственного политического порядка.

Если традиционная война была инструментом политики, то войны конца XX – начала XXI вв. превращаются в саму политику, начинают выступать ее определяющей основой. В качестве врага становятся уже не определенные национальные государства, политические сообщества, а «абстрактные понятия» или даже «некие ситуации», т. е. враг – это образ, который конструируется. Вместе с тем становятся неопределенными границы военных действий. Так, современные войны, перенимая свойства гражданской, подавляют проявления общественной жизни, пронизывая ее угрозами военного конфликта.

Войны конца XX – начала XXI вв. осуществляются за счет специфической военной экономики, которая децентрализована, зависит как от внешних источников (гуманитарная помощь, участие диаспор, торговля нефтью и т. д.), так и от криминальных доходов.

Специфика военной экономики напрямую связана с гибридностью дискурсивных практик, которые обеспечивают режим легитимной власти. Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст, моделируя эволюцию политического господства, выделили два типа организации контроля над насилием, и, соответственно, два режима дискурсивной легитимации: порядок ограниченного доступа и порядок открытого, или свободного доступа [3]. Исторически первый, естественное государство, или ограниченный доступ, предполагает концентрацию ресурсов насилия и богатства вооруженными элитами, стремящимися к максимальной эксклюзивности при создании организаций в защиту своих интересов. Естественное государство развивается, формируя и совершенствуя изощренную систему предоставления рент. С началом эпохи модерна начинается экспансия открытого доступа, допускающего все большее число акторов к участию во власти и созданию организаций в защиту своих интересов. Этот переход к открытому доступу сопровождается «закатом» безальтернативных мирорепрезентаций, что вызывает не только конкуренцию идеологий как сценариев будущего, но и разрушает легитимные режимы контроля над насилием. В итоге, ренты и различного типа возможности уже не раздаются, а завоевываются в конкурентной борьбе.

Проблемы возникают тогда, когда государство, вставая на путь модернизации, стремиться реализовать принципы порядка открытого доступа, оставаясь, по сути, обществом с ограниченным доступом. Как

результат, происходит «наложение» этих двух порядков друг на друга, что, например, иллюстрируется в современных военных конфликтах, порожденных бархатными революциями, а также в деятельности террористических организаций. Пространство свободной конкурентной борьбы не формируется, однако и ренты уже не распределяются в обмен на лояльность и подконтрольность. Ренты теперь завоевываются по принципу «кто взял, тот и прав». В ситуации кризиса политического акторы, насильственно завладевшие рентами, рассматривают себя как новых субъектов господства, от которых зависит как выбор сценария будущего, так и то, как и между кем будут распределяться эксклюзивные возможности, другими словами, как будет и будет ли контролироваться и ограничиваться насилие. Поэтому современные войны, будучи гибридными, становятся лучшим способом осуществления захвата рент в ситуации исчезновения свободной политической и экономической конкуренции.

Современные гибридные войны проявляется в том, что в начале XXI в. государства сталкиваются с таким явлением как смешение внутренней и внешней угроз. Эти войны являются эффективным средством осуществления революций, свержения политических элит, трансформации политических режимов. Осуществление гибридной войны в формате гражданской приводит к нивелированию различий между военными действиями и организованной преступностью, вооруженным восстанием и протестным движением и т. п. Такая особенность гибридной войны позволяет ее определить как «мягкую силу». Если использовать словарь синергетики, то, полагаем правомерным отождествить эту войну со слабым воздействием на социальную систему, находящуюся в точке бифуркации. Так, подчас достаточно только угрозы, например, выброса информации о возможном теракте, чтобы вывести систему из равновесия и создать желаемое отклонение, переход в иное качество. Однако вопрос о том, в какое именно качество, гибридная война не решает, но зато она его жестко ставит.

Таким образом, в начале XXI в. война стала своеобразной формой политической жизни, приводящей к единству те разнородные элементы, которые и организуются ради войны. При этом она является не борьбой народов, а уникальным обоюдным предприятием. Ее внутреннюю тенденцию правомерно определить не как отсутствие пределов, а как невозможность достижения логического конца.

Литература и источники

1. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М.: Логос, 1997. – 448 с.

2. Hofmeister, H. Der wille zum krieg oder die ohnmacht der politik: ein philosophisch-politischer traktat / H. Hofmeister. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2001. – 278 S.

3. Норт, Д. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст // Пер. с англ. Д. Узланера [и др.]. – М.: Изд. Ин-та Гайдара, 2011. – 480 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РЯДОВЫХ СОЛДАТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПОДХОДА А. ЛЮДТКЕ

Д. М. Султанов

В повседневном существовании человек осуществляет самые простые операции, включающее передвижения его тела и ориентацию в пространстве. Окружающая действительность напоминает о себе через физическое столкновение с человеком. Поэтому, с точки зрения исследователей повседневности, человек может ставить вопрос о собственных ценностях, выполняя даже рутинную работу. Сталкиваясь с явлениями действительного мира, человек актуализирует собственные личностные установки относительно этих явлений, чем объясняет для себя их смысл. Следовательно, исследования повседневности позволяют выявить, каким образом ценности и смыслы являют себя в обыденном существовании человека и каким образом они рутинизируются.

Одной из проблем анализа повседневности является рутинизация войны, которая представляет собой сложную экзистенциальную ситуацию в жизни человека. Каковы возможности повседневности для рутинизации экстремальных ситуаций? Первая мировая война представляет интерес как военный конфликт, потребовавший военной мобилизации человека массы. К настоящему времени достаточно исследованным является вопрос о том, какой смысл видели в войне гражданские интеллектуалы и действующие армейские офицеры. При этом без внимания остаются другие, не менее важные свидетели этих драматических событий – рядовые участники войны. Они не могли продемонстрировать рефлексию на уровне профессиональных интеллектуалов, но это отнюдь не значит, что они в принципе не могли никак не оценивать происходящее. Имеющиеся в наличии эго-документы рядовых участников войны содержат простую фиксацию происходящего, однако их можно интерпретировать более глубоко, если сконцентрировать внимание на определенных аспектах повседневности.

Представляет интерес методология анализа структур повседневности А. Людтке – немецкого историка, имя которого чаще всего называют в связи со становлением исторических исследований повседневности в российской науке. Пафос работ А. Людтке заключался в смещении оптики от обезличенных акторов истории, вроде «наций», «классов», к

конкретным людям, и их повседневным практикам.

Понятие своеволия, как его понимает А. Людтке, выступает стержнем включенности в повседневные практики и характеризует особое поведение членов строго дисциплинируемых сообществ, будь то рабочий коллектив трудящихся заводов либо армия. Посредством своевольного поведения немецкий рабочий производит символическое перераспределение властных отношений или, другими словами, заставляет вышестоящих мириться с собой. По мысли А. Людтке, проявляя своеволие, немецкий рабочий выстраивал неформальные горизонтальные связи, которые уравновешивали властную вертикаль управления. Эти связи поддерживали его в рабочей (или фронтовой – если речь идет об армейских структурах) повседневности [1, с. 96]. Сила этих связей была достаточно велика, чтобы переносить самые сложные обстоятельства.

Своеволие немецкого рабочего противостоит омассовлению, воплощенному в обезличивании рабочих путем сведения их статуса до чистых трудовых функций на заводском производстве. Ситуация эксплуатации рабочих владельцами заводов путем однозначного навязывания им условий труда приводит к тому, что, проявляя своеволие, рабочий производит символическое переприсвоение действительности своего каждодневного труда. Проще говоря, он этим демонстрирует готовность принять тяжелые рабочие будни как часть своего существования, но на своих условиях.

Из этого вытекает другое, часто встречающееся у немецких рабочих, представление о «качественной немецкой работе» – том, что делает в качестве итогового продукта немецкий рабочий, рутинизировав эксплуатацию как свою. А. Людтке указывал, что восприятие повседневных реалий военного конфликта как процесса, существенно неотличимого от заводского производства, оказалось в высокой степени характерной для непосредственных участников войны.

Стоит также уточнить, что Первая мировая война отличалась от конфликтов предыдущих поколений тем, что она впервые актуализировала тотальность столкновения: страны мобилизовывали население как для военных действий, так и для тылового обеспечения военных действий. Мобилизация предполагает некоторое сведение людей к однородным функциям. Мобилизованные взаимозаменимы, а значит, конкретное действие, которое надлежит исполнить, и место, в которое мобилизуемый назначается для функционирования, назначаются сверху, не по воле мобилизованных. Так А. Людтке характеризует некоторые особенности цехов как рабочих коллективов.

Поскольку в условиях мировой войны на обеспечение фронта работают экономики целых государств, грань между «мирной» деятельностью по тыловому обеспечению и непосредственным ведением боевых действий постепенно стирается. По мысли, А. Людтке большую

часть рядовых солдат составляли заводские рабочие, что способствовало переносу практик рутинизации в военную повседневность. Также война воспринимается как труд, поскольку становится в значительной степени зависима от логистики и тылового обеспечения.

Актуально выявление методологического ресурса подхода А. Людтке для исследования повседневности русских солдат и Первой мировой войны (сохранившихся в военной корреспонденции и личных дневниках). Военный дневник артиллериста М. Анисимова, содержащий фронтовые записи с 1914 по 1916 гг. идеально подходит для иллюстрации утверждения А. Людтке о восприятии войны как трудовой рутины. Анисимов довольно скуп на подробности: запись от 19 января 1915 г. гласит: «Неприятеля стали обстреливать в 2-х батарейном составе, к нам пришла 6-я батарея. Открыли очень сильный огонь. Сегодня неприятель обстреливал слабо, из окопов неприятеля выбили и подался в бегство» [2].

Такого рода рутинность военного действия отмечает и Е. С. Сенявская, приводя дневниковые свидетельства Ф. Степуна, в которых война становится повседневной работой, где нет места даже ненависти. Противник выступает как нечто обезличенное [3, с. 34]. Это же и подчеркивает А. Людтке, говоря о том, что, помимо прочего, отношение к военным действиям как к работе затушевывает тяжесть осознания лишения жизни, когда убийство становится «пробелом» в рассказе [1, с. 228].

Анализ записей дневника артиллериста Анисимова позволяет сделать вывод, что военная повседневность второго года Первой мировой войны актуализирует ценностные установки, которые объединяются представлениями о Родине и Боге. Однако сам участник войны не может установить их связь с происходящим на войне. Родина ассоциируется с домом и деревней, в большей степени, чем со страной в целом [2].

Согласно А. Людтке, своевольный немецкий рабочий мог потенциально сойтись в ценностных установках с другим рабочим (а солдат с другим солдатом), осуществляя символическое переприсвоение власти в условиях обезличивающего массового труда. Русская же армия состояла преимущественно из крестьян, ценностная установки которых теснейшим образом связывали их со своей землей. Они не могли иметь опыта рутинизации в условиях массового общества, поэтому схожее в своей сущности с массовым производством освоение военной действительности по примеру немецких рабочих не могло иметь места для русских солдат.

Таким образом, метод А. Людтке может быть продуктивно использован в исследованиях рутинных практик крестьянского производства, следы которых могут содержаться в свидетельствах о военной повседневности. Особенности ментальности крестьян могут скрывать в себе причины, объясняющие, почему официально заявляемые и

транслируемые цели войны находили все меньшую поддержку у простого солдата, почему, несмотря на идеологическую работу, происходило постепенное падение боевого духа бойцов русской армии.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20–18–00240).

Литература и источники

1. Людтке, А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. – Российская политическая энциклопедия; Германский исторический институт в Москве, 2010. – 271 с.

2. Центр изучения эго-документов «Прожито» АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prozhito.org. – Дата доступа: 10.09.2020.

3. Сенявская, Е. С. Отношение к жизни и смерти участников Первой Мировой войны: очерк фронтовой повседневности / Е. С. Сенявская. – Сочи: Соч. гос. ун-т, 2012. – 108 с.

ПЕРЕЖИВАНИЕ СМЕРТИ НА ВОЙНЕ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТРАКТОВКА СВЯЗИ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. С. Черепанова

Осознание собственной конечности является ключевым смыслообразующим фактором в том случае, если человек переживает страх. Страх смерти при этом не означает только лишь страх боли, болезни, но в первую очередь – это страх порожденный ясным пониманием, что смерть как небытие, как прекращение жизни, может наступить в любой момент. «"Я перестану быть – умру, умрет все то, в чем я полагаю свою жизнь", говорит человеку один голос; "Я есмь", говорит другой голос, "и не могу и не должен умереть. Я не должен умереть, и я умираю". Не в смерти, а в этом противоречии причина того ужаса, который охватывает человека при мысли о плотской смерти: страх смерти не в том, что человек боится прекращения существования своего животного, но в том, что ему представляется, что умирает то, что не может и не должно умереть» [1, с. 97]. Очевидность того, что событие собственной смерти неотвратимо, конституирует бытие таким образом, что проявляются подлинные ценности и подлинные цели. Страх смерти в данном случае является экзистенциалом. Желая реализовать себя как свободное существо, человек хотел бы управлять событием смерти, и он может быть озабочен смертью, или даже полагать, что самоубийство – пример подвластности смерти волевым устремлениям индивида. Однако истоком такого отношения к смерти все равно остается страх, переживание

которого приводит к осознанию экзистенциального кризиса.

Война делает убийство содержанием деятельности, а смерть противника целью боевых действий, и в этом сложность понимания значения этого события для воюющего. В классической экзистенциальной парадигме осознание собственной конечности происходит, когда смерть непосредственно угрожает человеку – несчастный случай, болезнь, мистическое переживание близости смерти, либо, когда смерть касается близкого человека. В биографиях известных мыслителей можно найти также факты, подтверждающие концептуализацию экзистенциальных переживаний смерти в теоретических построениях. Экзистенциальную направленность методологии М. де Унамуно является следствием переживания гибели его сына, борьба с болезнью привносит аналогичное мироощущение в философию Б. Паскаля. В числе трудов И. Брянчанинова есть также текст «Голос из вечности (Дума на могиле)» (1848) [2, с. 185–188] в котором точно воссозданы вопрошания человека, который сталкивается со смертью близких, и экзистенциальный настрой рефлексирования по поводу случившегося: тишина, вслушивание в тишину, одухотворенное молчание: «Вещаю одним молчанием… Прахи мертвецов говорят без звуков, в которых нуждается слово земное: тлением осуществленным они возглашают громкую проповедь, убедительное увещание к мятущимся, шумящим на земной поверхности искателям тления» [2, с. 186].

Как должна произойти рефлексия по поводу смерти у человека, отправляющегося на войну? В этом случае человек идет навстречу смерти, но не для того, чтобы умереть, но для того, чтобы выжить и победить. Когда происходит вслушивание в тишину вечности у участника военных действий, ведь смерть собственная и товарищей по оружию может произойти в любой момент, где поле боя становится также и местом погребения? Как быстро происходит примирение с обыденностью смерти и с обыденностью страха погибнуть? Война меняет естественный порядок осмысления смерти, что влияет и на результат этого процесса. Г. Марсель подчеркивает, насколько сильно меняется характер его философствования под влиянием войны, трансформируясь от «логического аскетизма» к необходимости осмыслить «ощущения, единство души и тела, паранормальные психологические факты, в реальности которых мой личный опыт времен войны не позволял сомневаться» [3, с. 6].

Экзистенциальный кризис, пограничная ситуация являют человеку очевидную потребность в отыскании смысла жизни, в построении ценностных стратегий, в совершении нравственного выбора. Требуется рефлексия об имеющихся уже ценностных порядках и определении собственной позиции. Эта потребность осознается как жизненно важная, насущно важная, требующая безотлагательного решения, которое осуществляется легче именно в силу остроты переживаемого. Именно

поэтому необходимость участвовать в военных действиях описывается интеллектуалами, как способ найти Бога, отыскать самого себя или открыть смысл жизни. По-другому говоря, возможность посмотреть в глаза смерти, испытать подлинный ужас, понимается как условие возвращения к вере, к Богу.

Так как встает вопрос о ценностях, то для решения персонально значимой задачи человек актуализирует имеющиеся в культуре ценности и практики осмысления. Таким образом, проявляются схемы мышления, которые фундированы религиозной культурой, в рамках которой аккумулирован опыт отношения к событию смерти. При этом если даже человек не вовлечен в активную религиозную практику определенной конфессии и не является верующим, опыт его осмысления вопроса и собственной конечности будет дискурсивно связан с религиозной культурой страны. Пока не распался контекст «мировоззренчески-религиозного встраивания моральных оснований» [4, с. 85], позволяющих оценивать свое поведение, влияние религиозной культуры будет особенно очевидным. Но и далее, практика морального спора в пределах сложившейся в данной культуре аргументации будет вынуждать осуществлять диалог с моральным сообществом в рамках сложившихся дискурсов.

Религиозная культура является также и основанием поведенческих стереотипов отношения к событию смерти. Собственно, эти нормативные стратегии поведения являются следствием институциализации события смерти в социальной реальности. Если война является профессией, то отношение к убийству врага и к собственной смерти также нормативно структурировано в идеологии института армии. Однако это не отменяет экзистенциального смысла события смерти в персональном опыте, где принятые в армии нормы могут прийти в конфликт с переживаниями страха смерти и ужаса убийства. «Человек там совершенно одинок... поскольку подходит очередь то одного, то другого быть в этом одиночестве... и каждому, кто пребывает в одиночестве приходится убивать других...» [5, с. 213]. В этом случае смерть, оставаясь экзистенциально значимым событием в антропологическом горизонте человека, также вынуждает принять ее как факт повседневной жизни, ежедневной реальности, что нарушает моральную тождественность индивида той культуре, к которой он себя относит. Поэтому обращение к религии может носить критический или даже атеистический характер, потому что прежние моральные аргументы демонстрируют свою неубедительность. Возможно и религиозное отношение, которое в большей мере позволяет отказаться от рефлексии и полностью отдаться безоглядной вере. Размышление о смерти и поиск новых смыслов требует критического мышления, решимости и личного мужества, что безусловно является очень сложной задачей. Поэтому догматическое следование

религиозным нормам облегчает состояние выбора и снимает вопрос об ответственности.

Таким образом, вопрос о нормативных стратегиях поведения, их связи с религиозной культурой в аспекте личного опыта смерти человека, переживающего войну, остается проблемой и требует проведения дальнейших исследований.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00240).

Литература и источники

1. Толстой, Л. Н. О жизни / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. Публицистические произведения, 1886–1908. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 17. – 294 с.

2. Брянчанинов, И. Голос из вечности (Дума на могиле) / И. Брянчанинов // Брянчанинов, И. Сочинения Епископа Игнатия Брянчанинова. – СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1886. – Т. 1. Аскетические опыты. – С. 185–188.

3. Марсель, Г. Метафизический дневник / Г. Марсель // Пер. с фр. В. Ю. Быстрова. – СПб.: Наука, 2005. – 586 с.

4. Хабермас, Ю. К архитектонике дифференциации дискурсов / Ю. Хабермас // Хабермас, Ю. Между натурализмом и религией. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. – С. 76–96.

5. Брох, Г. Лунатики: Роман-трилогия: в 2 т. / Г. Брох // Пер. с нем. Н. Л. Кушнира. – СПб.: Алетейя, 1996. – Т. 2. – 410 с.

Сведения об авторах

Адамов Александр Андреевич, аспирант Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск).

Адуло Тадеуш Иванович, заведующий Центром социально-философских и антропологических исследований Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Аксютина Зульфия Абдулловна, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы Омского государственного педагогического университета; кандидат педагогических наук, доцент.

Антипов Алексей Владимирович, младший научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва).

Анципович Николай Васильевич; кандидат философских наук, доцент (г. Минск).

Афанасьева Светлана Анатольевна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Школы права Института права и управления Московского городского педагогического университета; кандидат юридических наук, доцент.

Балаклеец Наталья Александровна, доцент кафедры философии Ульяновского государственного технического университета; кандидат философских наук, доцент.

Балан Мариана, профессор-исследователь Института экономического прогнозирования Румынской Академии (г. Бухарест); доктор математики, доктор экономики, профессор-исследователь.

Балановский Валентин Валентинович, ведущий научный сотрудник Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калиниград); кандидат философских наук.

Баньковская Юлия Леонидовна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Бейлин Михаил Валерьевич, профессор кафедры гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры; доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор.

Бирич Инна Алексеевна, профессор кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета; доктор философских наук, доцент.

Богатова Лариса Михайловна, профессор кафедры общей философии Казанского федерального университета; доктор философских наук, доцент.

Боянич Петар, главный научный сотрудник Института философии и социальной теории Белградского университета, директор Центра фундаментальных исследований юго-восточной Европы Университета Рийеки; доктор философских наук, профессор.

Булярка Мариус, старший научный сотрудник Отдела экономики добывающей промышленности Центра экономики промышленности и услуг Национального института экономических исследований «Costin C. Kiritescu» Румынской Академии (г. Бухарест); доктор экономики.

Бурак Ольга Владимировна, младший научный сотрудник лаборатории проблем воспитания личности Национального института образования (г. Минск).

Бурак Петр Михайлович, заведующий кафедрой философии и права Белорусского государственного технологического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Бурьянов Сергей Анатольевич, доцент кафедры международного права и прав человека института права и управления Московского городского педагогического университета; кандидат юридических наук, доцент.

Буслова Марина Казимировна, доцент кафедры философии и социологии Белорусского государственного университета физической культуры (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Валейтенок Валерий Владимирович, доцент кафедры истории белорусской государственности Белорусского национального технического университета (г. Минск); кандидат философских наук.

Ваныкина Галина Владиславовна, доцент кафедры информатики и информационных технологий Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого; кандидат педагогических наук, доцент.

Ватыль Виктор Николаевич, заведующий кафедрой политологии юридического факультета Гродненского государственного университета имени Я. Купалы; доктор политических наук, профессор.

Вашко Ирина Михайловна, доцент кафедры экономики организации Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); кандидат экономических наук, доцент.

Вашко Оксана Александровна, доцент кафедры философии и политологии Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Ведерников Георгий Андреевич, ассистент кафедры Института по переподготовке и повышению квалификации Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Венидиктов Сергей Викторович, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института Министерства

внутренних дел Республики Беларусь; кандидат филологических наук, доцент.

Веряскина Валентина Петровна, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН (г. Москва); кандидат философских наук, доцент.

Висмет Ханс, президент Саксонской академии наук (г. Лейпциг); доктор экономики, профессор.

Владимиров Александр Анатольевич, заведующий кафедрой философии и социально-правовых наук Волжского государственного университета водного транспорта (г. Нижний Новгород); доктор философских наук, профессор.

Георгеску Луминица-Изабель, научный сотрудник отдела «Экономика энергетики» Центра экономики промышленности и услуг Национального института экономических исследований «Costin C. Kiritescu» Румынской Академии (г. Бухарест).

Гребень Наталия Федоровна, старший преподаватель кафедры андрагогики Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск).

Давлетшина Анна Маратовна, ассистент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Департамента философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Давыдик Ольга Игоревна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Даниленко Алла Виленовна, доцент кафедры психологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина; кандидат психологических наук, доцент.

Демина Анна Ивановна, специалист по учебно-методической работе кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.

Джуманова Гульнар Жакановна, главный эксперт Общественного фонда Казахстанского института развития человеческих ресурсов, член городской информационно-разъяснительной группы по профилактике религиозного экстремизма Управления по делам религий города Алматы; доктор философских наук, доцент.

Доморацкая Татьяна Леонидовна, ассистент кафедры судебной медицины Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск).

Дудчик Андрей Юрьевич, заместитель директора по научной работе Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Елсукова Наталья Альбертовна, доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук Белорусского

государственного университета (г. Минск); кандидат социологических наук, доцент.

Жабров Александр Владимирович, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва); кандидат политических наук.

Жмакина Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры социальной политики и идеологии Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск).

Завадский Михаил Борисович, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Зеленов Лев Александрович, профессор кафедры истории и философии, психологии и педагогики Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета; доктор философских наук, профессор.

Згировская Елена Вячеславовна, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Злотникова Лидия Михайловна, доцент кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (г. Гомель); кандидат экономических наук, доцент.

Иваницкая Алина Григорьевна, соискатель ученой степени кандидата философских наук.

Ивлева Марина Левенбертовна, заведующий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов (г. Москва); доктор философских наук, профессор.

Изветова Эмине Мустафаевна, профессор кафедры восточной философии и культуры Ташкентского государственного университета; доктор философских наук, доцент.

Ильюшенко Надежда Сергеевна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Иноземцев Владимир Александрович, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (г. Москва); доктор философских наук, профессор.

Кавецкий Святослав Тихонович, доцент кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина; кандидат философских наук, доцент.

Кадиров Бархаётжон Собиржонович, преподаватель Кокандского государственного педагогического института.

Калинин Эдуард Юрьевич, старший преподаватель кафедры философии, политологии, социологии Национального исследовательского университета «МЭИ» (г. Москва).

Кархова Ирина Юрьевна, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, декан факультета внешнеторгового менеджмента

Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (г. Москва); кандидат экономических наук, доцент.

Кирпич Сергей Васильевич, доцент Института парламентаризма и предпринимательства (г. Минск); кандидат технических наук, доцент.

Киселевская Галина Казимировна, старший научный сотрудник отдела исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (г. Минск).

Климович Анна Игоревна, доцент кафедры судебной медицины Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск); кандидат философских наук.

Кожич Наталья Михайловна, доцент кафедры философии и права Белорусского государственного технологического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Колдыбаев Сафар Абдугалиевич, профессор кафедры истории Казахстана и философии Костанайского регионального университета имени А. Байтурсынова; доктор философских наук, профессор.

Колин Константин Константинович, главный научный сотрудник Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (г. Москва); доктор технических наук, профессор.

Косиченко Анатолий Григорьевич, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы); доктор философских наук, профессор.

Кравцов Олег Юрьевич, аспирант Национального института образования (г. Минск).

Криштапович Лев Евстафьевич, профессор кафедры межкультурных коммуникаций Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Крусь Павел Павлович, доцент кафедры философии и экономики Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина; кандидат философских наук, доцент.

Куксачёв Николай Николаевич, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Купчинова Татьяна Владимировна, доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат социологических наук, доцент.

Кутузова Наталия Александровна, заведующий Центром исследований глобализации, интеграции и социокультурного

сотрудничества Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Лаво Роза Сулеймановна, профессор кафедры педагогики, психологии и философии Краснодарского государственного института культуры; доктор философских наук, доцент.

Латышев Дмитрий Михайлович, аспирант кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Луньков Александр Сергеевич, старший научный сотрудник Сектора истории и философии науки Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург); кандидат исторических наук.

Мацевич Мария Янушевна, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств (г. Минск); доктор философских наук, доцент.

Меньшиков Андрей Сергеевич, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург); кандидат философских наук, доцент.

Мирзазаде Лилия Фридуновна, заведующая Отделом «Северный Кавказ» Института Кавказоведения НАН Азербайджана (г. Баку); доктор философии по экономическим наукам, доцент.

Мишаткина Татьяна Викторовна, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и устойчивого развития Международного государственного экологического института имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Морару Виктор Степанович, координатор отделения социальных и экономических наук Академии наук Молдовы (г. Кишинёв); доктор политических наук, профессор.

Назаров Андрей Дмитриевич, инженер-исследователь лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, (г. Екатеринбург).

Новиков Владимир Тимофеевич, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Новикова Ольга Владимировна, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Ночвина Белла Анатольевна, доцент кафедры истории и зарубежного регионоведения Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова; кандидат исторических наук.

Нягу Корнелия, старший научный сотрудник Отдела экономики добывающей промышленности Центра экономики промышленности и услуг Национального института экономических исследований «Costin C. Kiritescu» Румынской Академии (г. Бухарест); доктор менеджмента, старший научный сотрудник.

Орлова Елена Евгеньевна, заместитель начальника Главного управления международного научно-технического сотрудничества аппарата НАН Беларуси (г. Минск); кандидат биологических наук.

Павлова Людмила Владимировна, ведущий научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (г. Минск); кандидат юридических наук.

Пашков Владимир Петрович, ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем РАН (г. Саратов); кандидат экономических наук.

Подкопаев Владимир Викторович, начальник Главного управления международного научно-технического сотрудничества аппарата НАН Беларуси (г. Минск); кандидат политических наук, профессор.

Полежаева Анна Дмитриевна, магистрант факультета внешнеторгового менеджмента Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, менеджер отдела внешнеторговой логистики ООО «Yamazaki Mazak» (г. Москва).

Рожков Александр Олегович, студент Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета (г. Минск).

Рудковская Елена Эдвардовна, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; кандидат педагогических наук, доцент.

Рудковский Эдвард Иосифович, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; кандидат философских наук, доцент.

Русанду Иван Константинович, ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (г. Кишинёв); доктор философии, профессор.

Рыбаков Михаил Леонидович, директор Государственного музея истории белорусской литературы (г. Минск).

Сабирзянова Инна Викторовна, заведующий кафедрой философии и психологии Донецкой академии управления и государственной службы; кандидат философских наук, доцент.

Сарна Александр Янисович, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Сидоренко Ирина Николаевна, профессор кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск); доктор философских наук, доцент.

Сима Кристиан, старший научный сотрудник Отдела экономики добывающей промышленности Центра экономики промышленности и услуг Национального института экономических исследований «Costin C. Kiritescu» Румынской Академии (г. Бухарест); доктор экономики, старший научный сотрудник.

Смолик Александр Иванович, профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск); доктор культурологии, профессор.

Смоликова Татьяна Михайловна, доцент кафедры межкультурных коммуникаций Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск); кандидат культурологии.

Смоляков Дмитрий Анатольевич, докторант Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Станеску Симона-Мария, профессор-исследователь Института исследований качества жизни Румынской Академии (г. Бухарест); доктор социологии, профессор-исследователь.

Старостенко Виктор Владимирович, профессор кафедры философии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова; кандидат философских наук, доцент.

Степанюк Валентина Кузьминична, заведующий кафедрой философии Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины; кандидат философских наук, доцент.

Стерпу Владимир, Институт юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (г. Кишинёв); доктор политологии.

Субетто Александр Иванович, директор Центра ноосферного развития Научно-исследовательской лаборатории россиеведения, евразийства и устойчивого развития Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург); доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор.

Султанов Данис Марсович, магистрант Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Сундукова Татьяна Олеговна, доцент кафедры информатики и информационных технологий Тульского государственного

педагогического университета имени Л. Н. Толстого; кандидат педагогических наук, доцент.

Терехова Александра Ивановна, заведующий кафедрой управления и социальной работы Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске; кандидат экономических наук, доцент.

Тимощук Алексей Станиславович, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний; доктор философских наук, доцент.

Толкачев Евгений Аркадьевич, главный научный сотрудник Института физики НАН Беларуси, профессор кафедры современного естествознания Республиканского института высшей школы (г. Минск); доктор физико-математических наук, профессор.

Урсул Аркадий Дмитриевич, директор Центра глобальных исследований и профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва); доктор философских наук, профессор, академик НАН Молдовы.

Урсул Татьяна Альбертовна, заведующий кафедрой социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (г. Москва); доктор философских наук, профессор.

Уткевич Ольга Ивановна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Витебского государственного технологического университета; кандидат филологических наук, доцент.

Хамутовская Светлана Викторовна, старший научный сотрудник отдела социологии государственного управления Института социологии НАН Беларуси» (г. Минск); кандидат социологических наук, доцент.

Храмцова Флюра Ибрагимовна, профессор кафедры управления и социальной работы Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске; доктор политических наук, профессор.

Червинская Ирина Александровна, научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси (г. Минск).

Черепанова Екатерина Сергеевна, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Департамента философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; доктор философских наук, профессор.

Чернышова Вероника Михайловна, младший научный сотрудник отдела исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Чуешов Виктор Иванович, заведующий кафедрой социальной политики и идеологии Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Чумак Светлана Петровна, ведущий научный сотрудник, координатор Центра политических исследований и международных отношений Института правовых, политических и социологических исследований Министерства образования, культуры и исследований Республики Молдова (г. Кишинёв); доктор экономики, доцент.

Шаповал Владимир Николаевич, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел; доктор философских наук, профессор.

Шевченко Сергей Юрьевич, научный сотрудник Института философии РАН, доцент кафедры биоэтики Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н. И. Пирогова (г. Москва); кандидат философских наук.

Щупленков Николай Олегович, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института (г. Ессентуки); кандидат исторических наук.

Щупленков Олег Викторович, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института (г. Ессентуки); кандидат исторических наук.

Юшкевич Елена Васильевна, методист факультета профессионального развития специалистов образования Академии последипломного образования (г. Минск).

Яблочников Сергей Леонтьевич, заведующий кафедрой экологии, безопасности жизнедеятельности и электропитания Московского технического университета связи и информатики; доктор педагогических наук, профессор.

Яблочникова Ирина Остаповна, доцент Российского нового университета (г. Москва); кандидат педагогических наук, доцент.

Яроцкая Юлия Александровна, заведующий лабораторией психолого-лингвистических исследований научного отдела речеведческих и экономических исследований Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (г. Минск); кандидат культурологии.

Научное издание

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития

Материалы Пятой международной научной конференции
(19–20 ноября 2020 г., г. Минск)

В трех томах

Том 3

На русском, белорусском, английском языках

Статьи публикуются
в авторской редакции

Ответственный за выпуск
С. И. Санько

Подписано в печать 12.11.2020.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 20,58. Уч.-изд. л. 22,52.
Тираж 70 экз. Заказ 792.

Издатель и полиграфическое исполнение:
ОДО «Издательство “Четыре четверти”».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий
№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.
Тел./факс: (+375 17) 331 25 42. E-mail: info@4-4.by